

В. Г. Тюкавкин

**ВЕЛИКОРУССКОЕ
КРЕСТЬЯНСТВО
И
СТОЛЫПИНСКАЯ
АГРАРНАЯ РЕФОРМА**

В. Г. Тюкавкин

ВЕЛИКОРУССКОЕ
КРЕСТЬЯНСТВО
И
СТОЛЫПИНСКАЯ
АГРАРНАЯ РЕФОРМА

МОСКВА
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»
2001

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 00-01-16092д*

Т98 Тюкавкин В.Г.

Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с., 8 с. илл.

ISBN 5-88451-103-5

В книге на основе большого фактического материала, собранного автором на протяжении нескольких десятилетий, в том числе в центральных и местных архивах, рассмотрены проблемы расселения великорусского крестьянства, особенности его землевладения, изменение русской общины в конце XIX – начале XX в., исследована история разработки законопроектов будущей аграрной реформы. Основное внимание уделено предпосылкам и этапам проведения столыпинской аграрной реформы, ее влиянию на судьбы великорусского крестьянства Центра и окраин.

Впервые отмечено, что столыпинское реформирование положения крестьянства было попыткой решения срочной проблемы укрепления российской государственности. Показано положительное влияние реформы на землеустройство крестьян, ликвидацию многополосицы и дальнеземелья, экономическое и стратегическое значение переселения на окраины; впервые установлено, что деревенский образ жизни (“менталитет”) лишь частично определялся общиной и что правительство не ставило задач разгрома всех общин: реформа не затрагивала те общины, в которых прочно устроены крестьянские хозяйства.

Автор делает вывод, что реформа была прогрессивной. Она не “потерпела крах”, как это трактовалось в советской историографии, а была прервана мировой войной и поэтому осталась незавершенной.

Книга представляет интерес для историков, экономистов и для широкого круга читателей.

ББК63.3(2)52

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 30.03.2001. Формат 70×100 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 22,4. Печ. л. 19,5
Тираж 1000 экз. Заказ № 1538

Электронный вывод и печать
в ППП «Типография «Наука».
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-88451-103-5

© В.Г. Тюкавкин, 2001
© В.Ю. Яковлев,
оформление 2001

РОССИЯ. Никаких следов эксплуатации национальных меньшинств в пользу русского народа... Один из результатов: Рим и Лондон богатели за счет ограбления своих империй, центр русской государственности оказался *беднее* всех своих “колоний”. Но оказался и *крепче*.

Иван Солоневич. Народная монархия

Изменение рыночной мировой конъюнктуры в сторону, благоприятную для сельского хозяйства, образование в России, благодаря развитию индустрии, внутреннего рынка для продуктов сельского хозяйства, быстрое развитие рыночных отношений и товарности крестьянского хозяйства, быстрый рост торгового капитализма, неудержимый рост кооперативного движения, неуклонное нарастание всяких организаций, содействующих сельскому хозяйству, и в особенности организаций агрономической помощи населению – все это... с каждым годом нарастало все более и более *количественно*, превращалось в массовое явление, и к началу войны наша деревня уже *качественно была* мало похожа на деревню прошлого столетия.

*Александр Чаянов. Организация
крестьянского хозяйства*

ОТ АВТОРА

Историей русского крестьянства я занимаюсь с 1952 г., сразу после окончания Иркутского университета, т.е. без малого 50 лет. Интерес к этой теме возник под влиянием близкого знакомства с сибирской деревней. Я был и родом из забайкальского села, потом родители переехали в город, но в военные и послевоенные годы каждое лето я ездил на сельхозработы, сначала как школьник, потом как студент, затем как руководитель студенческих отрядов.

Там я освоил весь цикл работ и познакомился с дореволюционной сельхозтехникой: работал на американских конных сенокосилках и граблях Мак-Кормика и Диринга, крутил веялки Кейтона (в селах их называли “клеветнами”). При совместной работе и жизни в крестьянских избах близко познакомился с крестьянами, многое увидел и еще больше услышал. Кое-что из услышанного противоречило тому, о чем писали в учебниках. В некоторых селах беседовал с переселенцами из европейской части страны, переехавшими в Сибирь в начале XX в. Они сравнивали свое житье-бытье на родине и на новых местах. Жаль, что их интересные рассказы я стал записывать только позднее, при работе над кандидатской диссертацией о переселении крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы. Часть записей была проведена моими студентами.

Затем была опубликована монография на более широкую тему о социально-экономическом развитии сибирской деревни в конце XIX – начале XX в., а после переезда в Москву с 1974 г. стал заниматься исследованием русского крестьянства всей России. Много времени собирал материалы в центральных и местных архивах, в книгохранилищах. Последние два десятилетия занимался исследованием жизни крестьянства и развития их хозяйства накануне и в период столыпинской аграрной реформы, для чего пришлось привлечь новые источники.

По данной тематике был опубликован ряд книг и статей, но в них лишь частично затрагивались отдельные аспекты истории русского крестьянства в период проведения столыпинской аграрной реформы и влияния реформы на положение крестьянства, чему посвящена эта монография. Тема эта слишком обширна, в одной монографии невозможно раскрыть подробно все стороны жизни крестьянства, и некоторые аспекты темы станут объектом следующей монографии.

Отдельные проблемы темы обсуждались на конференциях Аграрного симпозиума и Советско-американского коллоквиума по применению количественных методов в аграрных исследованиях. В оргкомитете Аграрного симпозиума и на его многочисленных конференциях я работал совместно с известными историками-аграрниками: академиком И.Д. Ковальченко, академиком Л.В. Миловым, докторами исторических наук В.К. Яцунским, А.В. Фадеевым, А.М. Анфимовым, Э.М. Шагиным, Н.Б. Селунской, старшим научным сотрудником М.С. Симоновой и другими. Их замечания по моим докладам, беседы и споры с ними, особенно горячие дискуссии с моим вечным оппонентом А.М. Анфимовым, помогли мне заметить недостаточную аргументацию некоторых положений, выявили необходимость дополнительного сбора фактического материала по отдельным аспектам темы. Я им глубоко благодарен за это.

Мне пришлось много лично спорить и вести беседы по теме с автором крупнейшего труда о столыпинской реформе С.М. Дубровским (вместе с А.М. Анфимовым он был официальным оппонентом на защите моей докторской диссертации в 1966 г.), и он обратил мое внимание на необходимость дальнейшей разработки проблем реформирования деревни в начале XX в.

На заседаниях Советско-американского коллоквиума по аграрной истории России и США в XIX – начале XX в. в Москве, Санкт-Петербурге, Новом Орлеане, Таллине мне оказали помощь в работе своими замечаниями крупные американские историки и экономисты: Уильям Паркер [William Parker] из университета Северной Каролины, Кэрол Леонард [Carol Leonard] из Оксфордского университета, Барбара Андерсон [Barbara Anderson] из Мичиганского университета, Алан Олмстед [Alan Olmstead] и Ричард Сатч [Richard Sutch] из Калифорнийского университета и Гэвин Райт [Gavin Wright] из Станфордского университета, которым я также искренне благодарен.

На основе имеющихся материалов мною был разработан и прочтен в Московском педагогическом государственном университете цикл специальных курсов лекций для докторантов, аспирантов и студентов. В процессе их подготовки удалось ознакомиться с более широким кругом основных и смежных проблем, выйти за рамки историографии только аграрной тематики. Приношу благодарность коллегам по кафедре истории России и историческому факультету МПГУ, где мои доклады часто обсуждались на конференциях, и особенно доценту Г.В. Аксеновой за помощь в сборе материалов и подготовке текста работы.

В.Г. Тюкавкин

ВВЕДЕНИЕ

История крестьянства России начала XX в., и в том числе периода проведения столыпинской аграрной реформы, привлекала и до сих пор привлекает внимание многих историков, экономистов, этнографов, публицистов, агрономов, политиков, писателей. Это не удивительно: Россия была тогда преимущественно крестьянской страной. По данным переписи 1897 г., крестьяне составляли 76% населения (хотя некоторые авторы до сих пор пишут: “более 90%” – это неверно). Крестьянские хозяйства производили 92% всей сельскохозяйственной продукции России, и только 8% давали помещики. И в хозяйствах помещиков наряду с профессиональными наемными работниками работало в период страды много крестьян соседних сел. Именно крестьянству Россия (население которой составляло лишь 8% от населения мира) была обязана тем, что она производила 25% всех зерновых хлебов и давала четверть мирового экспорта сельскохозяйственных продуктов.

О положении крестьянства России, о крестьянском хозяйстве и о столыпинской аграрной реформе написаны тысячи научных статей и диссертаций, много крупных трудов, но до сих пор очень мало обобщающих монографических исследований. Многие работы даже дореволюционных авторов, а особенно советских ученых, были слишком политизированы и идеологизированы, от чего мы стали избавляться только в последнее время. Это мешало показать верную картину русской деревни и дать правильную оценку аграрной политики, что делает действительно необходимым создание новых исследований.

В данной монографии история крестьянства начала XX в. раскрывается в тесной связи со столыпинской аграрной реформой. Одной из главных является проблема соотношения крестьянства и власти, способов реформирования деревни, влияния реформы на положение крестьянства и крестьянское хозяйство.

Проведение перестройки в 90-е годы XX столетия сделало эту проблему весьма актуальной. Обсуждение реформ в аграрной сфере в начале перестройки сопровождалось появлением большого числа статей о столыпинской реформе. Этот интерес к реформе вызвал необходимость исследования всего комплекса столыпинского реформирования на профессиональном уровне с привлечением и тщательным анализом широкой базы источников, в том числе и архивных материалов, еще не введенных в научный оборот, так как в злободневных статьях многих журналистов, пуб-

лицистов и историков высказано много противоречивых оценок столыпинской реформы и ее итогов.

Всплеск интереса особенно проявился в узкой сфере форм землевладения, весьма злободневной в наш период. Накал страстей вызвал публикации не только поверхностных суждений, но и многих не проверенных данных и ошибочных сведений. В то же время некоторые стороны столыпинской реформы даже не обсуждались и не упоминались.

Недостаточно изучено и положение крестьянства России начала XX в. в связи с проблемами реформирования деревни. Многие вопросы рассматривались с партийных позиций. Постоянно подчеркивалось, что крестьянство до 1917 г. разорялось, жило все хуже и хуже. Положительные сдвиги в сельской жизни, в развитии крестьянских хозяйств не исследовались или по ним давались такие “пояснения”, которые все перечеркивали. Отмеченные А.В. Чаяновым качественные изменения русской деревни перед первой мировой войной не раскрыты в должной мере в советской историографии.

В данной монографии выделена проблема влияния столыпинской аграрной реформы на великорусское¹ крестьянство. Именно его тяжелое положение в конце XIX в. заставило царя и правительство начать разработку мероприятий по ликвидации “оскудения Центра”, и именно в великорусских регионах преобладала община. Эта проблема в исторической литературе почти не затрагивалась. В трудах по истории деревни исследовалось, как правило, все российское крестьянство или по отдельным регионам. В работах А.М. Анфимова освещена история всего крестьянства Европейской России до 1904 г. И.Д. Ковальченко с группой своих учеников исследовал крестьянское хозяйство Европейской России. Последняя работа С.М. Дубровского посвящена сельскому хозяйству и крестьянству всей России². В этих работах значительная часть материала касается русских крестьян, но данные в основном приводятся в целом по сельскому населению. Жизнь и хозяйство русского крестьянства исследовались в работах по центральным районам европейской части страны, на Юге и в Сибири, где оно составляло большинство сельского населения³. Фактический

¹ В советский период после образования РСФСР, Украинской и Белорусской социалистических республик, великорусов стали называть русскими, а до этого русскими называли великорусов, малорусов и белорусов.

² См.: *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980; *Он же.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России эпоху капитализма. М., 1988; *Дубровский С.М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; и др.

³ См.: *Симонова М.С.* Экономические итоги столыпинской аграрной политики в центрально-черноземных губерниях // *Исторические записки.* Т. 63. М., 1958. С. 31–81; *Карпачев М.Д.* Воронежская деревня в годы столыпинской земельной реформы // *Русская провинция.* Вып. 2. Воронеж, 1995. С. 5–24; *Есиков С.А.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921). Тамбов: ТГТУ, 1998; *Иванов А.А.* Крестьянское хозяйство черноземного центра России накануне и в годы первой мировой войны: Автореф. канд. дис. М., 1998; *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск,

материал этих и других локальных исследований сохраняет свое научное значение и использован в этой книге, но в целом влияние реформы на русскую деревню, на положение русского крестьянства не изучалось. Такое специальное исследование необходимо прежде всего с научной целью. Но оно также весьма актуально в наши дни.

Сейчас справедливо ставится вопрос о пересмотре ленинского положения о том, что великорусская нация угнетала до 1917 г. все другие народы России, высказанного в работе “Социализм и война” в 1916 г. Это положение было официально утверждено на VIII съезде правящей в стране партии в 1919 г., который внес в программу ВКП(б) для великорусской нации новое в истории понятие “*бывшая угнетающая нация*”, что имело тяжелые последствия для русского населения и особенно крестьянства. Этой теме посвящено несколько работ, вышедших в последнее время⁴. В них правильно отмечено, что нужно специально исследовать проблемы роли русской нации во всех областях жизни государства, в том числе и в развитии экономики, в которой важнейшее место в начале XX в. принадлежало крестьянству. Этой проблеме уделено большое внимание в данной книге. Ее нельзя решить, не выделив специально производственную деятельность и сравнительное социально-экономическое положение великорусского крестьянства, составлявшего три четверти нации.

Большинство работ по отдельным аспектам темы относится к различным проблемам, и поэтому проблемный историографический обзор дан мной в соответствующих главах и разделах работы. Здесь же уместно сделать несколько методологических обобщений и выделить главные направления изучения темы о великорусском крестьянстве и столыпинской реформе в целом.

В конце XIX – начале XX в. аграрный вопрос являлся одним из самых злободневных. Поэтому в тот период было написано много работ о крестьянстве, о реформе П.А. Столыпина, о способах решения аграрного вопроса. Уже тогда сложилось несколько политико-экономических направлений, которые разделили авторов на ряд партийных группировок, привели к различной политизации большинства работ. После введения политических свобод в октябре 1905 г. эти направления оформились в аграрные программы партий.

В каждой политической партии, а до этого и в политических направлениях (народничестве, легальном марксизме, неонародничестве и других), были свои специалисты-аграрники, которые написали многочисленные статьи и несколько крупных трудов, стали авторами и соавторами аграрных программ. У большевиков это был В.И. Ленин (дореволюционные

1966; *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма. (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976; *Козлов А.И.* На историческом повороте: Ростов-на-Дону, 1977; *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века. Ростов-на-Дону, 1989; и др.

⁴ Об этом подробнее см.: *Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения.* / Сост. Е.С. Троицкий. М., 1995. С. 56 и далее; *Русский народ: историческая судьба в XX веке* / Ред. Ю.С. Кукушкин. М., 1993; *Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В.* Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998. С. 59; и др.

издания его работ выходили под псевдонимами Вл. Ильин и Н. Ленин). Ввиду большого влияния его работ на советскую историографию остановлюсь на них подробнее ниже и в отдельных главах. Из рядов меньшевиков вышел известный ученый-аграрник, впоследствии (с 1929 г.) академик П.П. Маслов, автор двухтомного труда «Аграрный вопрос в России» (СПб., 1905–1908) и ряда других работ, где он отстаивал программу муниципализации земли. Он привлек большой статистический материал для анализа аграрных отношений начала XX в.

У эсеров аграрную программу разрабатывали В.М. Чернов, С.Л. Маслов и Н.Н. Суханов-Гиммер (последний перешел в 1917 г. к меньшевикам); у кадетов – А.А. Кауфман и большая группа публицистов; у народников – В.П. Воронцов, А.И. Чупров и другие; у энесов – А.В. Пешехонов; взгляды правых выражали работы А.Г. Щербатова, С.Ф. Шарапова, К.Н. Пасхалова и других⁵.

Аграрные программы партий, работы партийных лидеров оказали большое влияние на историко-экономическую и политико-экономическую литературу большинства авторов начала XX века. Во многих из этих работ приведен большой фактический материал, но почти всегда заметен его тенденциозный отбор. Наиболее острые споры вызывали вопросы об общине, о формах собственности и владения землей, о характере крестьянского хозяйства (капиталистическом, мелкобуржуазном, трудовом, товарном, полунатуральном и т.п.) и путях его развития. По выводам авторов довольно легко определить, к какой партии или направлению они относились по своим взглядам. Приверженцы общины больше приводили фактов о ее положительных сторонах, ее противники оперировали примерами противоположного плана. И те, и другие приводили иногда и обобщенные данные, но только те, которые подтверждали их точку зрения, а чаще оперировали отдельными примерами – расцветал иллюстративный метод. Поэтому эти работы можно использовать с определенным критическим отношением.

В некоторых из «партийных» работ есть и ценный материал, и постановка ряда важных научных проблем (об организации крестьянского хозяйства, политэкономической сущности общины, степени расслоения и др.). В первую очередь это относится к работам А.И. Чупрова, П.П. Мас-

⁵ См.: *Маслов С.Л.* Крестьянское хозяйство: Очерки экономики мелкого земледелия. 2 изд. М., 1915; *Чернов В.М.* Марксизм аграрный вопрос. СПб., 1906; *Он же.* Аграрный вопрос и современный момент. М., 1917; *Суханов Н.Н.* К вопросу об эволюции сельского хозяйства. Социальные отношения в крестьянском хозяйстве России. М., 1909; *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос России. Т. 1–2. М., 1908; *Он же.* Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910; *Он же.* Община. Переселение. Статистика. М., 1915; *Он же.* Вопросы экономики крестьянского хозяйства. М., 1918; Аграрный вопрос: Сб. ст. / Под ред. М.Я. Герценштейна. Т. 1–2. М., 1905–1907; *В.В. (Воронцов В.П.)* Очерки крестьянского хозяйства. СПб., 1911; *Чупров А.И.* Речи и статьи. Т. 2: Аграрный вопрос. М., 1909; *Он же.* Мелкое земледелие в России и его основные нужды. СПб., 1907; *Пешехонов А.В.* Программные вопросы. Вып. 1–2. СПб., 1907; *Он же.* Право на землю: (Национализация или социализация). Пг., 1917; *Он же.* Земельные нужды деревни и основные задачи аграрной реформы. СПб., 1905; *Щербатов А.Г.* Обновленная Россия. М., 1908; *Шарапов С.Ф.* По поводу закона 9 ноября 1906 года. М., 1909; *Паскалов И.Н., Шарапов С.Ф.* Землеустройство или землеразорение. М., 1909; и др.

лова, А.А. Кауфмана, В.И. Ленина, а также многим другим. Некоторые из них стали профессиональными учеными. Таким образом, политизированность и идеологизированность была свойственна в той или иной мере не только большевикам, но и всем партийным авторам еще до 1917 г. Однако существование многопартийности позволяло высказывать различные мнения, вызывало споры. Их с большой натяжкой можно назвать научными или творческими, часто они носили схоластический характер без серьезных аргументов. Впрочем, в спорах прояснились многие вопросы, да и внутри партий существовали разные мнения. Например, названные выше авторы правого направления по-разному относились и к общине, и к Столыпинской реформе. Даже при жесткой дисциплине у большевиков также были существенные расхождения. На IV Объединительном съезде РСДРП В.И. Ленину пришлось проголосовать не за свою программу национализации земли, а за предложение группы большевиков о разделе земли (“разделистов”). Это существенно отличалось от того почти полного единообразия, которое установилось в советский период.

Менее политизированными были труды профессиональных ученых, но и их увлекал накал научных споров и страстей в обостренной политической обстановке. Однако среди этих беспартийных или околопартийных авторов было гораздо больше свободы мнений, больше попыток выяснить истинные причины трудностей развития крестьянских хозяйств и дать более широкую, более разностороннюю картину жизни крестьянства. Это характерно для работ С.Н. Прокоповича, Н.П. Огановского, И.В. Чернышева, А.Е. Лосицкого, Б.Д. Бруцкуса, П.И. Лященко (ранние работы) и других авторов⁶. Профессиональные ученые широко использовали статистические источники, материалы различных обследований, официальные документы, и многие из них отмечали ряд положительных сторон в развитии крестьянских хозяйств, в проведении землеустройства, переселения.

В то же время тысячи статей в журналах, сборниках и газетах преподносили многие факты как в кривом зеркале. В них выражена явная враждебность к царизму, к правительственным чиновникам. Ненависть и отрицательное отношение к самодержавию распространялись на всю российскую государственность. Абсолютное большинство газет, особенно в 1906–1917 гг., когда была снята цензура, имело антиправительственное направление и помещало только критические материалы и заметки.

⁶ См.: *Прокопович С.Н.* Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912; *Он же.* Опыт исчисления народного дохода в 50 губерниях Европейской России: 1900–1913 гг. М., 1918; *Огановский Н.П.* Индивидуализация землевладения в России и ее последствия. М., 1914; *Он же.* Закономерность аграрной эволюции Саратов, 1909–1914. Ч. 1–3; *Чернышев И.В.* Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г.: К вопросу об общине. СПб., 1911; *Он же.* Община после 9 ноября 1906 г.: (По анкетам ВЭО). Пг., 1917; *Он же.* Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918; *Лосицкий А.Е.* Распадение общины. СПб., 1912; *Он же.* К вопросу об изучении степени и форм распада общины. М., 1916; *Бруцкус Б.Д.* К современному положению аграрного вопроса. Аграрный вопрос в России. Пг., 1917; *Он же.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. О работах Б.Д. Бруцкуса см.: *Роголина Н.Л.* Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России. М., 1998; *Лященко П.И.* Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика. Томск, 1915; *Он же.* Очерки аграрной эволюции России. СПб., 1908.

В делах различных архивных фондов РГИА, ГАРФ, местных архивов подшиты кипы газетных вырезок с заметками о недостатках при организации выходов из общины, в деле землеустройства, переселения. По многим фактам давались опровержения, но они тонули в массе новых обличающих заметок. О некоторых искажениях будет сказано далее.

Эти позиции газет и журналов определялись антиправительственным и антигосударственным настроением большинства политически активной интеллигенции. В начале XX в. под интеллигенцией понимали только ту часть образованного общества, которая выступала против правительства. В статье “Интеллигенция и революция” П.Б. Струве специально остановился на определении понятия интеллигенции. “Интеллигенция, как политическая категория, – писал он, – объявилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ и окончательно обнаружила себя в революцию 1905–1907 гг.” Она выделяется из всего образованного класса, который играет большую роль в любом государстве, своим отношением к государству. “Идейной формой русской интеллигенции”, по мнению П. Струве и самих “интеллигентов” (в том узком значении этого слова, как оно понималось в России), было “ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему”. В этом смысле, отмечал Струве, “великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика”, а Чернышевский и Михайловский были интеллигентами⁷. Н.А. Бердяев также писал после 1917 г., что “вся русская интеллигенция не любила государства и не считала его своим”⁸.

П.Н. Милюков, возражая по некоторым вопросам авторам сборника “Вехи”, дал примерно такое же определение интеллигенции. В сборнике “Интеллигенция в России” он назвал ее “ядром образованного класса” и особо отметил, что “русская интеллигенция почти с самого возникновения была антиправительственна”, что у нее сложился “свой патриотизм государства в государстве”, особого лагеря, окруженного врагами⁹. В начале XX в. русское либеральное движение заметно радикализировалось.

Связь либерализма в России с крестьянским и земельным вопросами в начале XX в. подробно раскрыл В.В. Леонтович в работе “История либерализма в России. 1762–1914”¹⁰. В заключение он подчеркнул следующее: “...либерализм – идеология не сугубо национальная, в том смысле, что она не ограничена одной какой-либо нацией. Но в каждой стране либерализму выпадает на долю особое задание. В России этим главным заданием было превзойти старомосковский принцип верховной собственности государства на землю. Либерализм в России потерпел поражение именно потому, что не удалось во время это осуществить”¹¹.

⁷ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 152–154, 157–158.

⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 50.

⁹ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. СПб., 1910. С. 11.

¹⁰ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 234–302.

¹¹ Там же.

Широкий круг российской радикально-либеральной интеллигенции, в значительной степени определил отрицательное отношение к столыпинским преобразованиям, выразившееся в основной массе работ по аграрному вопросу в русской историографии начала XX в. В предисловии к книге В. Леонтовича А.И. Солженицын написал: “Русская история стала искажаться задолго до коммунистической власти: страстная радикальная мысль в нашей стране перекашивала русское прошлое соответственно целям своей борьбы”¹².

Отдельное направление составляли работы ученых и специалистов-чиновников правительственного лагеря. Нужно решительно отказаться от того пренебрежительно-нигилистического отношения к ним, которое господствовало в советской историографии. Это направление называли “консервативно-охранительным”, приписывали ему “реакционные охранительные тенденции”, писали о том, что в трудах правительственного (с неизбежным прибавлением – помещичьего) лагеря обязательно содержалась якобы “черносотенная помещичья пропаганда”¹³. Определенная политическая заданность у большинства авторов этого лагеря просматривается, но разного плана и далеко не в такой яркой степени, как у партийных лидеров. Многие чиновники были настоящими профессионалами, специалистами своего дела, знакомыми с ним на практике. Некоторые авторы этого направления написали ценные исследовательские работы, основанные на большом фактическом материале, хотя преобладали работы справочного характера.

В правительственных кругах до XX в господствовало покровительственное отношение к общине, но были и резкие ее критики: министр внутренних дел (позднее – государственных имуществ, затем председатель Комитета министров) П.А. Валуев в 70-е годы, министр финансов и председатель Комитета министров Н.Х. Бунге с министром двора И.И. Воронцовым-Дашковым в 80-х – начале 90-х годов XIX в. отрицательно высказывались об общине и официально вносили предложения в Государственный Совет о разрешении свободного выхода крестьян из общины. В начале XX в. это мнение стало преобладающим.

Крупное исследование по аграрному вопросу написал А.С. Ермолов – министр земледелия и государственных имуществ в 1894–1905 гг. и одновременно выдающийся ученый, агроном, академик Петербургской академии наук.

Он закончил Петербургский земледельческий институт и, работая чиновником, написал много специальных исследований о методах улучшения сельского хозяйства, о необходимости совершенствования сельскохозяйственного образования. Его работа “Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севооборота”, опубликованная в 1879 г., была удостоена премии Петербургской академии наук, выдержала до 1917 г. пять изданий и была переведена на многие языки.

¹² См.: Там же. С. 1.

¹³ См.: Дубровский С.М. Указ соч. С. 13–14.

А.В. Чаянов высоко оценивал этот труд, называл его “одним из китов” русской аграрной литературы. Он отмечал также, что его значение “выходит далеко за пределы русской науки и недаром Эребо в предисловии к своей основной книге по организации сельского хозяйства указывает на Ермолова как на одного из своих главных учителей”¹⁴.

Основной историко-экономической работой А.С. Ермолова был труд “Наш земельный вопрос”, опубликованный в 1906 г. Автор не относился ни к какой партии, а по своим взглядам был либералом. Он неоднократно советовал Николаю II сделать существенные уступки “обществу”, а в январе 1905 г. предложил ему ввести выборную Земскую Думу.

Ермолов очень ценил крестьянский опыт в земледелии, всю жизнь собирал и изучал народные приметы и пословицы о сельском хозяйстве, о природе и опубликовал их в четырехтомном труде под символическим названием “Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах”¹⁵, не потерявшем значения и в наше время. Он занимался и практической работой: в 1904 г. организовал в своем имении Большая Алешня Рязанской губернии опытное поле, где проверял прогрессивные методы ведения хозяйства. Он обобщил опыт международных сельскохозяйственных выставок, содействовал проведению таких выставок в России, учреждению государственных опытных станций.

В работе “Наш земельный вопрос” А. Ермолов показал положительные стороны общины, но дал в целом отрицательную оценку ее вмешательства в систему хозяйственных отношений и влияния на уровень всей агрокультуры. Он отметил, что при изменении “стародавних форм экстенсивного хозяйства” и переходе к улучшенным системам земледелия, повышению агротехники отпадет вопрос о крестьянском малоземелье, так как значительно повысится урожайность полей¹⁶. Позднее он написал ряд работ в поддержку столыпинской реформы¹⁷. Он писал о положительном опыте реформы, о необходимости ликвидации многополосицы, дальноземелья и принудительного севооборота в общинах.

Ценные материалы содержат труды А.А. Кофода (1855–1948) – датчанина, приехавшего в Россию в 1878 г. в 23-летнем возрасте сразу после окончания высшей Королевской сельскохозяйственной школы в Копенгагене. С 1889 г. он стал чиновником, с 1906 г. перешел на службу в Главное управление землеустройства и земледелия чиновником особых поручений, а затем был назначен членом Комитета по землеустроительным делам (1912 г.), получил чин статского советника (1914 г.). С 1900 по 1905 г. он занимался изучением самовольных разверстаний на хутора крестьян западных русских губерний и влияния разверстаний на состояние хозяйства.

¹⁴ Цит. по: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 462. Комментарий А.И. Глаголева и Л.А. Овчинцева. Ф. Эребо (Аэребоз) – крупный экономист-аграрник, один из основателей немецкой школы учения предприятия. Там же. С. 456.

¹⁵ Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1902–1905.

¹⁶ Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 1–5.

¹⁷ Ермолов А.С. Слово о земле. СПб., 1907; Он же. Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб., 1909; и др.

Всего им было обнаружено 947 деревень с 22,2 тыс. дворов, перешедших на хуторское землевладение. Положительный опыт и отдельные недостатки организации хуторов он описал в двухтомном труде¹⁸.

В 1906–1914 гг. А.А. Кофод много ездил по тем губерниям, в которых проводилась столыпинская реформа. Только в 1907–1910 гг., когда он занимал должность заведующего инструкторской частью, он побывал в 26 губерниях и посетил в каждой от 4 до 6 уездов. Многие губернии он посещал по несколько раз. Итоги знакомства и ревизии проводимых работ он опубликовал в нескольких книгах и статьях¹⁹.

В период перестройки на русский язык были переведены и изданы его воспоминания “50 лет в России”, впервые изданные в 1945 г. на датском языке, а в 1985 г. – на английском²⁰. Отмечая некоторые недостатки в работе землеустроительных органов, он в целом дал им весьма высокую оценку, указав, что они были выполнены лучше, чем в Дании и других западных странах²¹. Книга А. Кофода о хуторском расселении была написана для крестьян и напечатана огромным для того времени тиражом в полмиллиона экземпляров. Как и в других его книгах, в ней были приведены примеры, карты и схемы разверстаний.

В советской историографии труды А.С. Ермолова и А.А. Кофода в лучшем случае просто упоминались, а их мнение игнорировалось. В советский период А. Кофод работал в 1924–1930 гг. в датском посольстве в Москве и был выслан, затем в 1937 г. следователи “добились” от А.В. Чаянова признания А. Кофода “английским шпионом”, хотя из протокола допроса Чаянова этого не следует²². Уже в период перестройки П.Н. Зырянов написал, что А. Кофод якобы не знал деревенской жизни в центральной России²³. На самом деле А. Кофод не только изучил опыт землеустройства в Западной Европе (он был туда командирован и написал об этом книгу²⁴) и в западных русских губерниях, но и очень много ездил по центральным губерниям. П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин называли его наиболее выдающимся работником по землеустройству²⁵.

¹⁸ Кофод А.А. Крестьянские хутора на недельной земле. СПб., 1905. Т. I–II.

¹⁹ См.: Кофод А.А. Хуторское расселение. СПб., 1907; *Он же*. Внутринадельное землеустройство. М., 1909; *Он же*. К вопросу о практическом обучении крестьян сельскому хозяйству. СПб., 1912; *Он же*. Русское землеустройство. СПб., 1914; и др.

²⁰ См.: Кофод К.А. 50 лет в России. 1878–1920. М., 1997. В книге приведен список его работ. С. 347.

²¹ Там же. С. 214.

²² См. об этом: выступление экономиста чл.-корр. РАН Г.И. Шмелева на заседании Международного “круглого стола” в октябре 1997 г., посвященного деятельности А. Кофода в 1904–1917 гг. // Научные труды Международного союза экономистов и Вольного Экономического Общества России. Т. 5. М.; СПб., 1998. С. 304–305.

²³ См.: Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. С. 61.

²⁴ См.: Кофод А.А. Борьба с чересполосицей в России и за границей. СПб., 1906.

²⁵ Там же. С. 301–319; См. также: Обухова О. Датский землеустроитель и реформа Столыпина // Международная жизнь. 1995. № 8. С. 102–108; Енсен С.П., Поульсен-Хансен Л.П. Роль государственного советника К.А. Кофода в столыпинских аграрных реформах // Дания и Россия – 500 лет. М., 1996. С. 262–286.

Ценные труды были опубликованы чиновниками В.В. Морачевским и В.В. Святловским, работавшими в департаменте земледелия²⁶. Усилиями чиновников Переселенческого управления были изданы большой обобщающий труд “Азиатская Россия”²⁷ и сборники “Вопросы колонизации”²⁸, в которых помещены научные статьи не только чиновников (Г.Ф. Чиркина, И.А. Успенского, И. Введенского и других), но и многих крупных ученых и специалистов. Немалое число чиновников было настроено либерально, что нашло отражение в их трудах. В целом в работах авторов этого направления правильно отмечались конкретные недостатки в развитии мелких и средних крестьянских хозяйств, наличие в общинах многопосолисы, дальнотемелья и других тормозящих факторов. В них содержалось много предложений по развитию реформирования деревни.

После 1905 г. мировоззрение всего высшего чиновничества и его идеологов изменилось в сторону признания неизбежности более быстрого проведения реформы. Сильной стороной этого направления было накопление большого фактического материала, знание опыта западных стран, куда были специально командированы чиновники, владение профессиональными навыками административной работы, что помогало уяснить трудности проведения реформы и определить более практичные формы преобразований. На работах этих авторов воспиталась значительная часть нового поколения чиновников, на которых смог опереться П.А. Столыпин.

Нужно также отметить значительное число исследований и работ по истории кооперации в России, вышедших в начале XX в. Больше всего о ней писали сами активные деятели кооперации, получившие в то время наименование “кооператоры”, а также известные ученые экономисты и историки – А.Н. Анциферов, С.В. Бородаевский, А.Е. Кульжный, А.В. Меркулов, М.Л. Хейсин, В.Ф. Тотомианц, А.И. Чупров, С.Н. Прокопович, Д. Илимский (Д.И. Голенищев-Кутузов) и другие²⁹.

Большой комплекс изданий по истории и теории кооперации, специальных кооперативных журналов (“Кооперативная жизнь” и “Вестник кооперативных союзов” – в Москве, “Вестник кооперации” – в Петербурге, “Известия Московского Народного банка” и другие) содержит ценный

²⁶ Морачевский В.В. Успехи крестьянского хозяйства в России. СПб., 1910; Он же. Агрономическая помощь в России. СПб., 1914; Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России. СПб., 1911.

²⁷ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1–3.

²⁸ Вопросы колонизации. СПб., 1906–1916. Т. 1–19.

²⁹ См.: Анциферов А.Н. Очерки по кооперации: Сб. лекций и статей. 1908–1918 гг. Полтава, 1918; Он же. Кооперативный кредит и кооперативные банки. Харьков, 1919; Бородаевский С.В. Сборник по мелкому кредиту. Пг., 1915; Кульжный А.Е. Деревенская кооперация. М., 1911; Он же. Очерки по сельскохозяйственной и кредитной кооперации. (1900–1918 гг.). Пг., 1918; Меркулов А.В. Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918; Он же. Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1919; Хейсин М.Л. Кредитная кооперация в России. Пг., 1919; Тотомианц В.Ф. Кооперация в русской деревне. М., 1912; Он же. Сельскохозяйственная кооперация. М., 1918; Чупров А.И. Мелкий кредит и кооперация. М., 1909; Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., 1913; 2-е изд.: М., 1918; Илимский Д. Кооперативные союзы в Сибири (1908–1918). М., 1919.

фактический материал³⁰. Многие авторы пытались обобщить опыт российских кооперативов, развить теорию кооперативного движения. Их материалы имеют обобщенный практическо-теоретический характер.

Развитие крестьянских хозяйств в начале XX в., изменения организации производства в них в период столыпинской реформы вызвали к жизни, как правильно отметил В.В. Кабанов³¹, новое течение экономической мысли – так называемое *организационно-производственное направление*, основателями которого были А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников и другие³²

В советской историографии их труды не использовались и были в основном в спецхране. Только в период перестройки эти авторы были реабилитированы и их работы переизданы. Критика самого направления и теории трудового хозяйства заключалась лишь в наклеивании ярлыков – “антинаучной”, “антимарксистской”, “мелкобуржуазной” и других. Между тем организационно-производственное направление изучало практические нужды крестьянского хозяйства и той сферы, в которой оно развивалось, в широком социально-экономическом, техническом, природном и историко-культурном плане.

Соединение практической и теоретической работы сделало это направление еще до 1917 г. одним из ведущих в аграрной экономической науке, весьма привлекательным для практиков-агрономов, кооператоров, статистиков и других специалистов, число которых стремительно увеличивалось в период столыпинской реформы. Для исторической науки работы авторов этого направления ценны именно исследованием связи крестьянских хозяйств со всеми элементами указанной среды. Это направление привлекло ученых-аграрников разных политических взглядов, объединившихся вокруг многих издательских печатных органов – московского “Вестника сельского хозяйства”, петербургской “Земледельческой газеты”, харьковского “Агрономического журнала” и других. Только в последние годы у нас в стране стали отдавать должное трудам основателей российского организационно-производственного направления, хотя во многих государствах с развитым мелким крестьянским хозяйством их ра-

³⁰ См.: Гриценко И.Ф., Меркулов А.В. Систематический указатель русской литературы по кооперации. 1856–1924. М., 1925.

³¹ См.: Кабанов В.В. Пути и бездорожья аграрного развития России в XX веке // История СССР. 1990. № 6. С. 35.

³² Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства. Вып. 1–2. М., 1912, 1913; *Он же*. Что такое аграрный вопрос? М., 1917; *Он же*. Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства и др. // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989; Челинцев А.Н. Очерки по сельскохозяйственной экономике (Сельскохозяйственные работы России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них). СПб., 1910; *Он же*. Районы избытков и недостатков сельскохозяйственных продуктов. Киев, 1914; *Он же*. Состояние и развитие русского сельского хозяйства. Харьков, 1919; и др.; Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство его интересы. М., 1917; *Он же*. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920; Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913; *Он же*. Мелкая промышленность России. Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923. См. также: Кондратьев Н.Д., Макаров Н.П., Чаянов А.В., Челинцев А.Н. Указатель литературы. М., 1988.

боты изданы давно массовыми тиражами³³. В целом нужно отметить большой вклад ученых экономистов, агрономов, историков дореволюционного периода. Наука развивалась в России в начале XX в. очень бурно, о чем свидетельствует огромное количество изданных книг, статей, специальных журналов, сборников по отмеченным выше проблемам.

Знакомство с дореволюционной историографией подтверждает мнение, высказанное современным исследователем Н.Л. Роголиной. “Правомернее, на наш взгляд, – пишет она, – и приобретает все больше сторонников вывод о том, что период конца XIX – начала XX века был отмечен в истории отечественной историографии интенсивными поисками новых исторических идей и подходов, предвосхитивших многие методологические изыскания в Западной Европе”³⁴. Большое количество исследований по аграрно-крестьянскому вопросу, разнообразие поднятых проблем, разработка новых методологических подходов и выводов, которые будут раскрыты подробно в главах, доказывают, что в начале XX в. не было кризиса русской историографии, не было и “загнивания” исторической науки, о чем с конца 1930-х годов писали в официальных учебниках.

Советская историография аграрных проблем конца XIX – начала XX в. определялась ленинской концепцией и сталинскими “установками”, которые часто оформлялись в виде партийных решений. Историки, экономисты, юристы и другие специалисты не могли отступить от ленинских оценок, так как это было чревато репрессиями или административными наказаниями. Политизация исторической науки с 1918 г. до конца 1920-х годов постоянно усиливалась, затем была подчинена прямым административным и партийным решениям.

После смерти И.В. Сталина и разоблачения культа его личности оставалось влияние ленинских положений и оценок. Но эти оценки учитывали сложность аграрных проблем, противоречивость некоторых экономических процессов, поэтому многие из них были не однозначными.

В.И. Ленин рассматривал все эти процессы главным образом не по фактическому материалу, а по их отношению к капитализму в марксистском его понимании. Кроме того, Ленин был прежде всего политик, и для него самым важным являлся вопрос о взятии власти в ходе революции. Поэтому он обосновывал выводы об объективной необходимости революции экономическими причинами. Он считал, что в России одновременно созрели предпосылки для социалистической революции, но еще оставались предпосылки для буржуазно-демократической революции. Первая предполагала довольно высокий уровень капитализма, а вторая революция при таком уровне с точки зрения марксизма уже не нужна.

³³ См.: *Фигуровская Н.К., Глаголев А.И.* А.В. Чаянов и его теория семейного крестьянского хозяйства // *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 26–51; *Роголина Н.Л., Громова Н.Н.* Концепция крестьянского хозяйства А.В. Чаянова // *Вестник МГУ. Серия 8. История.* 1993. № 4; *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы аграрная наука и политика в России. М., 1995; *А.В. Чаянов.* А.В. Чаянов – человек, ученый, гражданин. М., 1998.

³⁴ *Роголина Н.Л.* Указ соч. С. 4.

В 1895–1904 гг. Ленин довольно легко обошел эти сложности. Он сделал вывод, который тщательно постарался обосновать фактическим материалом, о сравнительно быстром и высоком развитии капитализма в промышленности, значительном его развитии в земледелии, но при наличии в последнем пережитков феодализма, особенно в землевладении и в помещичьем хозяйстве. Ленин поднял вопрос о пережитках феодализма на небывалую для марксизма высоту. Уже в конце XIX в. он отметил, что само существование крупного помещичьего землевладения и особенно наличие в помещичьих хозяйствах отработочной системы были пережитками феодализма. Поэтому в работах Ленина как бы две оценки. С одной стороны, он писал о крупных пережитках феодализма и, как человек горячий и фанатичный, не стеснялся в эпитетах: средневековые, крепостнические, “самая дикая деревня”, кабала, варварство, “бесконечные формы татарщины” и т.п.³⁵ Особенно ему пришлось усилить эти эпитеты в 1906 г., чтобы представить крестьянские разгромы усадеб прогрессивным явлением с марксистской точки зрения: он объявил, что он и партия ранее переоценивали уровень капитализма в помещичьих хозяйствах³⁶. “Вместо очистки помещичьего хозяйства, – писал он, – поставили уничтожение его”³⁷. Ленин вместе с тем считал, что ранее он переоценил развитие капитализма и в крестьянском хозяйстве, которое “казалось выделившим крепкую крестьянскую буржуазию” и неспособным поэтому к “крестьянской аграрной революции”³⁸.

С другой стороны, Ленин и до 1905 г., и после многократно писал о высоком развитии капитализма в земледелии, о наличии предпосылок социализма в городе и в деревне, что предполагает “известную высоту капитализма”, без которой, как он отмечал на полях книги Н.М. Бухарина, “у нас бы ничего не вышло”. Таких высказываний очень много (часть из них я приведу ниже), и почти все они содержатся в работах советских историков. В данном случае я не доказываю, что это так и было, лишь констатирую, что такой взгляд у Ленина был и он определил двойственность оценок аграрного вопроса в советской историографии в конце 1920-х – начале 1930-х годов и еще более четко после 1953 г. Сошдусь лишь на несколько ленинских высказываний об этой второй оценке. В декабре 1909 г. он писал в известном письме И.И. Скворцову-Степанову: “Что доказывал и доказал Ильин? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически и в помещичьем хозяйстве и в крестьянском хозяйстве, и вне и внутри “общины”. Это раз. Что это развитие уже *бесповоротно* определило не иной путь развития, как капиталистический, не иную группировку классов, как капиталистическую. Это два. Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным”³⁹.

³⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. (ПСС). Т. 17. С. 80 и др.

³⁶ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 239–270.

³⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 16. С. 269.

³⁸ Там же. С. 268–269.

³⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 227.

Подчеркну, что в конце 1909 г., после нескольких высказываний в 1906 и в 1908 г. о пересмотре оценки уровня капитализма, он пишет, что развитие *бесповоротно* идет по капиталистически и в помещицьем, и в крестьянских хозяйствах, что *“это остается доказанным”*. Еще одно высказывание приведу из работы 1918 г.: “Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана “незрелость” России для социалистической революции...”⁴⁰ Здесь речь также идет о “зрелости” деревни “для социалистической революции”. Повторяю, что я не ставлю задачу доказать, что Ленин был полностью прав, а отмечаю, что эти две концепции в его работах были и они оказали влияние на позиции советских историков-аграрников, разделив их в основном на два лагеря. В рамках ленинской концепции сложилось два направления в оценке аграрного вопроса в России периода конца XIX – начала XX в.

Одна часть историков старалась наполнить фактическим материалом ленинские положения о значительном развитии аграрного капитализма, но с обязательным указанием на огромные пережитки крепостничества. Другая часть историков больше подчеркивала крепостнические черты, пережитки феодализма, не отрицая полностью, что в России был капитализм. Те и другие историки старались больше писать не о крестьянстве и сельском хозяйстве, а о чертах капитализма и крепостничества. В некоторой мере эти два направления можно сравнить с направлениями “оптимистов” и “пессимистов” в западной историографии, так как историки первой группы все же давали материал о положительных сдвигах в крестьянском хозяйстве, в аграрных отношениях, положительных чертах аграрной реформы “в экономическом смысле” – по Ленину и т.п., тогда как защитники теории “пережитков” все описывали в темных красках. Советские “пессимисты” более яростно обличали весь старый строй России, чем западные, а советские “оптимисты” были ближе к западным “пессимистам”, ибо тоже давали больше критические оценки.

Подробное изложение всех споров дано в историографических трудах К.Н. Тарновского, что позволяет нам отметить лишь общие направления⁴¹. В них содержится анализ большого количества работ и статей почти всех более-менее заметных авторов. К.Н. Тарновскому удалось показать изучение основных аграрных проблем на протяжении полувека.

⁴⁰ Ленин В.И. ПСС. Т 28. С. 258.

⁴¹ См.: Тарновский К.Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 – начало 1930-х годов) // Исторические записки. 1968. Т. 78. С. 31–62; Он же. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (конец 1930-х – первая половина 1950-х годов) // Исторические записки. 1969. Т. 83. С. 196–221; Он же. Проблемы аграрно-капиталистической эволюции России. (К дискуссии о путях развития капитализма в сельском хозяйстве) // История СССР. 1970. № 3. С. 60–78; Он же. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии: (Дискуссия начала 60-х годов) // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 264–311.

Общее развитие историографии проблем истории дореволюционного сельского хозяйства и крестьянства было подчинено политической борьбе в партии. В первой половине 1920-х годов еще можно было писать об успехах России в аграрном секторе, высказывать положения не совсем совпадающие с ленинскими. В некоторых работах начала 20-х годов названные проблемы исследовались по существу, т.е. прежде всего на основе фактического объективного материала и статистических данных. Вышли ценные работы Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова, Л.Н. Литошенко, А.Н. Челинцева, в которых дан большой фактический материал⁴². В этих работах было показано, что крестьянское хозяйство в России претерпело в начале века очень существенные положительные сдвиги и, как писал А.В. Чаянов к 1914 г., «наша деревня уже *качественно* была мало похожа на деревню прошлого столетия»⁴³. Н.Д. Кондратьев показал значительное увеличение сборов хлебов в 1900–1913 гг. и сокращение их в военные годы. Однако вследствие прекращения экспорта баланс хлебов в 1914–1915 гг., по его подсчетам, сводился с огромными избытками, а в 1916–1918 гг. – со значительными недостатками. Но в целом в России к 1918 г. были еще запасы хлеба за счет многих губерний и регионов, особенно на окраинах. На основе этого был сделан такой вывод: «Говорить о недостатке хлебов в России за рассматриваемое время (1914–1918 гг. – *В.Т.*) не приходится и нельзя: их более чем достаточно»⁴⁴. В 1930 г. все названные авторы и многие другие аграрники были арестованы, ошельмованы и расстреляны, а их работы и их имена на 60 лет были преданы анафеме.

Затем стали появляться работы авторов новой формации. Некоторые из них точно следовали ленинским указаниям о сравнительно развитом аграрном капитализме, заимствуя фактический материал, за небольшими исключениями, из дореволюционных работ. К ним относились С.М. Дубровский, А.В. Шестаков, Н.И. Карпов, П.И. Лященко, П.Н. Першин, Д.А. Батурицкий и другие⁴⁵. Но важно подчеркнуть, что это направление, отмечавшее определенное развитие капитализма, а значит и всего земледелия, было и в 20-х годах.

Одновременно с середины 20-х годов возникла и теория крайней отсталости России, ее полной зависимости от Запада. Крайним выражением этой отсталости было провозглашение России полуколонией Запада⁴⁶. От-

⁴² См.: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922; Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М., 1928; Литошенко Л.Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923.

⁴³ Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 197.

⁴⁴ Кондратьев Н.Д. Указ соч. С. 127.

⁴⁵ См.: Дубровский С.М. Столыпинская реформа, капитализация сельского хозяйства в XX веке. М., 1925; Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства России. М., 1924; Карпов Н. Аграрная политика Столыпина Л., 1925; Лященко П.И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927; Першин П.Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьбы во время революции (1917–1920 гг.). М., 1927; Батурицкий Д.А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925; и др.

⁴⁶ См.: История исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4.

стаивавшая теорию отсталости группа Н.Н. Ванага была разгромлена не потому, что И.В. Сталин был против этого (в 1927 г. он не считал Россию полуколонией⁴⁷), а потому, что такая теория проповедовалась и Н.И. Бухариным. Разгромив бухаринцев, Сталин поддержал в 1934–1938 гг. теорию крайней отсталости России. Это было закреплено в 1938 г. в книге “История ВКП(б). Краткий курс”, где Россия была названа “полуколонией Франции и Англии” с отсталым сельским хозяйством⁴⁸. С 1938 по 1953 г. этот учебник был переиздан 301 раз общим тиражом 42 млн экземпляров. Его положения считались незыблемыми. Во всех работах и во всех учебниках подчеркивалась отсталость России, ее полуколониальное положение⁴⁹.

После смерти И.В. Сталина оба названных выше направления возродились на новой основе. Вопрос о полуколониальном положении России был сразу же отброшен как совершенно нелепый. Сделано это было и на основе ленинских высказываний, ибо Ленин никогда не называл Россию полуколонией, и на основе появившихся работ о гигантском росте русской промышленности, о крупных монополиях и др. В аграрной истории в 1959 г. А.М. Анфимов выдвинул положение о полном господстве отработок и о том, что “в земледельческом строе Европейской России полукрепостнические порядки превалировали над капиталистическими”⁵⁰. Его главным оппонентом выступил реабилитированный и вернувшийся из лагерей С.М. Дубровский. Дискуссия между ними развернулась на всесоюзной конференции в мае 1960 г. в Институте истории АН СССР.

В докладах С.М. Дубровского и А.М. Анфимова были высказаны взаимоисключающие точки зрения. С.М. Дубровский привел несколько десятков высказываний В.И. Ленина и сделал вывод о значительном уровне капитализма в России, а А.М. Анфимов тоже на основе ленинских работ отметил господство пережитков крепостничества, господство отработок в аграрном строе страны. Фактический материал в обоих докладах носил иллюстративный характер⁵¹. Подводя итоги работы конференции, ее руководитель А.Л. Сидоров поддержал выводы С.М. Дубровского⁵².

В дальнейшем в дискуссию включились другие историки. Выводы А.М. Анфимова поддержали А.Я. Аврех и М.С. Симонова, которые изучали аграрную политику, исследователь помещичьих латифундий Л.П. Минарик. Историки крестьянского хозяйства, наоборот, выступили против, так как в крестьянском секторе, дававшем более 90% всего сель-

⁴⁷ См.: *Сталин И.В.* Соч Т. 10. М., 1949. С. 12.

⁴⁸ См.: *История ВКП(б). Краткий курс.* М., 1938. Гл. 1.

⁴⁹ См.: *Маслов Н.Н.* Об утверждении идеологии сталинизма. // *История и сталинизм.* М., 1991. С. 76–78.

⁵⁰ *Анфимов А.М.* К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // *Исторические записки.* 1959. Т. 65. С. 119–121.

⁵¹ См.: *Дубровский С.М.* К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовых войн в деревне в период империализма: (Две классовые войны) // *Особенности аграрного строя России в период империализма.* М., 1962. С. 5–44; *Анфимов А.М.* В.И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX века // Там же. С. 64–85.

⁵² См.: *Особенности аграрного строя России в период империализма.* М., 1962. С. 344, 347.

скохозяйственного производства и в том числе 80% его товарной продукции, ни о каком господстве отработочной системы не могло быть и речи, хотя пережитки крепостничества были в сфере надельного землевладения. Эти вопросы исследовались А.В. Фадеевым, И.Д. Ковальченко, М.А. Рубач, Л.М. Горюшкиным, другими авторами, работы которых подробно будут рассмотрены далее. Дискуссия развернулась по двум линиям. Во-первых, нужно было выявить подлинную концепцию В.И. Ленина по аграрному вопросу, поскольку тогда ленинские положения принимались за аксиомы. Сейчас этот вопрос не так актуален, и о нем и так написано довольно много. Гораздо важнее была вторая сторона дискуссии, поэтому стали подробно анализироваться конкретные процессы развития капитализма в деревне: рост производства, организация помещичьего и крестьянского хозяйств, бюджеты крестьянских дворов, социальные группы, развитие зажиточных крестьянских хозяйств и многие другие.

Большая плодотворная работа в этом направлении была проделана И.Д. Ковальченко, который стал основателем применения математических методов для обработки источников. Это значительно расширило возможности исследования. Особенно ценным является исследование И.Д. Ковальченко степени развития рынка в России, что позволило ему сделать ряд важных выводов о характере аграрного строя России, о роли рыночных отношений⁵³. В соавторстве со своими учениками И.Д. Ковальченко на протяжении двух десятилетий исследовал социально-экономический строй помещичьего и крестьянского хозяйств, охватив большой комплекс проблем развития их хозяйств: производственно-технический уровень, наемный труд, отработку, рабочий скот и многие другие⁵⁴.

В 1973 г. партийные органы применили административные репрессии по отношению к отдельным историкам, в число которых был включен и А.М. Анфимов, так как его выводы, по мнению этих органов, противоречили ленинскому учению о предпосылках социалистической революции. Это недопустимое в правовом государстве административное вмешательство в научный процесс было справедливо осуждено лишь в период перестройки. А.М. Анфимов перешел к исследованию крестьянских хозяйств и опубликовал о них две монографии⁵⁵. Итоги его дискуссии с И.Д. Ковальченко будут рассмотрены в главе о крестьянском хозяйстве.

Следует отметить, что ленинская концепция аграрного капитализма не была такой эклектической, какой ее можно представить по многим статьям о его взглядах, где авторы сделали противоречивые заключения.

⁵³ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 352–364, 365–379.

⁵⁴ См.: Ковальченко И.Д., Литваков Б.М., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1984; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Указ. соч.; а также докторские и кандидатские диссертации и опубликованные работы Н.Б. Селунской, Л.И. Бородкина, К.Б. Литвака, Т.Л. Моисеенко и др.

⁵⁵ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980; *Он же*. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М., 1984.

По моему мнению, ленинская концепция (он ее дополнил учением о двух типах капиталистической аграрной эволюции) была политизированной, но она была цельной и весьма определенной. Когда-то я проанализировал все ленинские работы по вопросу о развитии аграрного капитализма в хронологическом порядке и написал об этом в книге⁵⁶, где пришел к заключению, близкому к выводам И.Д. Ковальченко. Поэтому здесь я не останавливаюсь на обосновании ленинской концепции.

В период перестройки, уже после кончины в 1995 г. А.М. Анфимова, а затем и И.Д. Ковальченко, журнал “Вопросы истории” опубликовал в 1997 г. обширную серию статей А.М. Анфимова под названием “Неоконченные споры”⁵⁷. Многие положения этих статей вызывают необходимость продолжить споры на основе новых исследований.

Отдельного рассмотрения заслуживает обобщающая монография С.М. Дубровского “Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века”⁵⁸. Это самая обширная книга по названной теме. По сравнению с первыми двумя изданиями (1925 и 1930 гг.) она значительно дополнена архивными материалами. Я считаю неверной в целом “разгромную” рецензию А.Я. Авреха на эту книгу⁵⁹. В рецензии главное внимание уделено недостаткам книги, в ней утверждается, что методы и приемы исследования автора рецензенту “представляются несостоятельными”, а способы доказательства – “абсолютно неубедительными и неприемлемыми”⁶⁰. Общий вывод сформулирован так: “Вывод из изложенного ясен. Книга, по существу, осталась на уровне того времени, когда наша историческая наука делала свои первые шаги. Ни по своим методам исследования, ни по обращению с источниками она не отвечает нынешнему состоянию советской историографии”⁶¹. Этот вывод, на мой взгляд, является в целом неверным и продиктованным методологическими разногласиями. В то же время А.Я. Аврех отметил в книге С.М. Дубровского так много неточностей, неверных расчетов, искажений при использовании таблиц дореволюционных авторов, неправильных сносок на архивы и т.п., что при использовании данных Дубровского нужно это обязательно учитывать.

С.М. Дубровский проделал большую полезную работу по использованию источников, ввел в научный оборот много новых данных, но монография его крайне политизирована и тенденциозна и по отбору материала, и по выводам. Даже приведенный автором статистический материал нередко противоречит его собственным выводам и комментариям.

⁵⁶ См.: Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. В.И. Ленин о трех российских революциях. Социально-экономические проблемы. М., 1984. С. 5–105.

⁵⁷ См.: Вопросы истории. 1997. № 5, 6, 7, 9.

⁵⁸ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века М., 1963.

⁵⁹ См.: Аврех А.Я. К вопросу о методах исторического исследования: (По поводу книги С.М. Дубровского) // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 110–120.

⁶⁰ Там же. С. 111.

⁶¹ Там же. С. 120.

Это обстоятельство привело одного из исследователей аграрного вопроса – Н.Г. Обушенкова, проведшего много времени в лагерях, – к предположению, что С.М. Дубровский как бы “зашифровал” в своей книге противоположную, положительную оценку аграрной реформы. “Между замыслом этой книги и ее исполнением, – пишет он, – пролегли 18 лет лагерного срока ее автора. Саму книгу С.М. Дубровского можно рассматривать как своеобразный памятник эпохи и стиля бывалого зека, который умеет доносить свои мысли под прикрытием ортодоксальнейших цитат. Каждый из параграфов этой книги начинается и заканчивается ленинскими цитатами о реакционности реформы, а в рамку из цитат вставлены тексты, которые бесспорными фактами и цифрами формируют прямо противоположное отношение к реформе”⁶². С такой трактовкой нельзя согласиться. Все, кто хорошо знал С.М. Дубровского, помнят его пламенные выступления в защиту ленинских положений. Мне приходилось вести с ним личные беседы по этим проблемам, и я могу свидетельствовать, что это были его убеждения. Они были высказаны им еще в первом издании книги “Столыпинская аграрная реформа” в 1925 г. и во втором – в 1930 г.

Многолетнее лагерное заключение не изменило взглядов автора. Конечно, если бы С.М. Дубровский, вопреки ленинским оценкам, положительно оценил столыпинскую реформу, то книга не была бы опубликована в 1963 г. Это совершенно бесспорно. Однако в тот период вполне возможно было больше отметить положительные стороны реформы в экономической области, ссылаясь на другие ленинские оценки, в частности, на то, что она была прогрессивной в экономическом смысле⁶³. Дубровский основной упор сделал на недостатки в проведении реформы, нередко не подтверждая их фактическим материалом. Работа написана более 30 лет назад, и многие положения и выводы ее требуют пересмотра. Более детальный анализ их будет проведен в соответствующих главах.

В целом в советской историографии истории крестьянства были сделаны определенные успехи в исследовании социального расслоения и классовой борьбы в деревне, в анализе названных выше экономических процессов. Политизация исторической науки привела к преувеличению негативных сторон, к выпячиванию отсталости сельского хозяйства России, к описанию бесконечных “кризисов”, “крахов”, “кризисных явлений”, которые А.М. Анфимов назвал “феодально-крепостническими депрессорами” в крестьянском хозяйстве⁶⁴.

Можно полностью согласиться с М.М. Громыко, которая отметила, что в научных работах по истории деревни была определенная “заданность”, “стремление непременно показать лишь темные стороны и отрицательные явления”. Она правильно объяснила причины такого нажима: “Чем

⁶² См. выступление Н.Г. Обушенкова: Международный “круглый стол”, посвященный деятельности К.А. Кофода в Комитете по землеустроительным делам в 1906–1917 гг. // Научные труды Международного союза экономистов и Вольного экономического общества России. М., СПб., 1998. С. 317.

⁶³ Ленин В.И. ПСС.Т. 16. С. 215.

⁶⁴ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904.М., 1980. С. 7.

больше было сложностей в жизни современной деревни, тем важнее, по-видимому, было доказать, как плохо все было в старину”⁶⁵. Об этом же написал Б.Н. Миронов в фундаментальном обобщающем двухтомном труде “Социальная история России”. Используя огромное число исследований по истории России и других стран, он отметил: “Советская историография, на мой взгляд, отличалась негативизмом в отношении отечественной истории дооктябрьского периода... Господствовали парадигмы, которые поддерживали минорную или черную тональность в трактовке прошлого... Пожалуй, нигде в мире историки не изображают столь негативно историю своей страны”⁶⁶.

В **зарубежной историографии** тональность работ по данной теме гораздо светлее. Хотя именно в россиеведении были выделены направления “оптимистов” и “пессимистов”⁶⁷, даже зарубежные “пессимисты” выделяли гораздо больше положительных сторон, чем советские “оптимисты”. Начало такому делению положили еще эмигранты первой волны. Часть из них видела причину краха своих идей и своей тактики в отсталости России, в политике негодного царя и реакционного правительства. Другие, как В.А. Маклаков, С.С. Ольденбург, И.Л. Солоневич, считали Россию достаточно высокоразвитой страной. “Несмотря на все препятствия, – писал В. Маклаков в 1939 г., – дело конституции одерживало победу в России. Дума пустила глубокие корни в стране, а это приносило свои плоды. Органические реформы, такие, как земельное урегулирование или расширение местного самоуправления, шли полным ходом. Экономический прогресс России был прямо-таки чудотворным”⁶⁸.

В первые десятилетия после 1917 г. в западной историографии преобладала концепция отсталости России. В начале 60-х годов один из ведущих специалистов по истории России Дж. Кеннан отметил, что под влиянием российских эмигрантов и советской историографии на Западе преобладало “искаженное представление о дореволюционной действительности” России. Кеннан объяснил это искажение тем, что “американское мнение” долгое время “питалось главным образом взглядами антирусских, антицаристских и антикапиталистических элементов”. Это он написал в предисловии к воспоминаниям русского инженера Г. Чеботарева “Россия. Моя родная страна”, в которых дана картина русской жизни начала XX в.⁶⁹ Эту позицию Дж. Кеннан развил в 1967 г. в своем докладе на конференции “Русская революция – пятьдесят лет спустя”. Он призывал историков показать позитивные черты и достижения царского самодержавия в начале XX века, к которым советские историки стараются не привлекать внимания”⁷⁰.

⁶⁵ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 5.

⁶⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 15.

⁶⁷ См.: Шашина Е.Б. Основные направления развития россиеведения в США. 1960 – начало 1990-х годов: Автореф. канд. дис. М., 1993. С. 19–20.

⁶⁸ Цит. по: Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970. С. 58.

⁶⁹ Tschebotarieff G. Russia. My Native Land. N.Y., Toronto. 1964. P. IX–X. См. там же. С. 57.

⁷⁰ Revolutionery Russia. Ed. by R.Pipes Catbridge. Mass., 1968. P. 6–9.

Западные историки, несмотря на внешнее тяготение многих из них к различным модным схемам (“модернизации”, “вестернизации”, “стадий роста”, “догоняющей модернизации” и др.), часто затемняющим суть реальных процессов, создали много ценных трудов по истории российской деревни, столыпинской реформе на основе привлечения материалов официальных и земских источников, прессы, многочисленных воспоминаний и переписки эмигрантов (значительная часть последних была недоступна отечественным историкам). Их долгое время не допускали до материалов российских центральных и местных архивов, без которых нельзя достаточно полно исследовать отдельные темы (например, подготовки и обсуждения законопроектов в “недрах” департаментов и министерств, Совета министров и др.). Но в последние годы и этот пробел они в некоторой мере восполняют.

По истории крестьянства и столыпинской аграрной реформе написано довольно много статей в разных странах, но крупных монографических исследований немного. Среди американских историков наиболее известным знатоком аграрной истории России является Лазарь Волин – автор солидной монографии и ряда статей. Он в целом положительно оценил цели реформы, ее влияние на развитие сельскохозяйственного производства, улучшение землепользования, рост переселения, отметив недостатки в ее проведении – замедление темпов выхода из общин и другие. Общий вывод состоял в том, что реформа не потерпела провал, а была прекращена в связи с войной, которая помешала ее успеху⁷¹.

В статье “Аграрная ситуация улучшалась” Л. Волин отмечал, что при проведении аграрной реформы ставка делалась на зажиточное меньшинство в противовес большинству, что было рискованно. Но аграрная ситуация с 1906 г. стала быстро улучшаться, и, если бы не война 1914–1918 гг., мог бы быть создан “задуманный барьер против аграрной революции”⁷². Немало места характеристике русского крестьянства и оценке столыпинской реформы содержится в работах английского историка Теодора Шанина, который последние годы живет и работает в Москве. Еще в 1972 г. он издал книгу “Неудобный класс” – о крестьянстве России⁷³. Эта работа неоднократно подвергалась критике в советской историографии за утверждение о своеобразии процесса расслоения крестьянства в общине, отличного, по его мнению, от городской “урбанистской модели”⁷⁴.

В дальнейшем Т. Шанин посчитал, что книга имела два недостатка. Первый состоял в том, что “книга была сконцентрирована” на аналитических проблемах дифференциации крестьянства, а второй касался периода 1910–1925 гг. Поэтому в следующей работе “Россия как «развивающееся

⁷¹ Volin L. A Century of Russian Agriculture from Alexander II to Khrushchev. Harvard Univ. Press. Cambridge. 1970.

⁷² Volin L. Agrarian Situation was Improving. // Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization of Revolution? Boston, 1965. P. 73–74. См. также: Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 61. Автор называет еще ряд работ, в которых содержится такая же оценка реформы.

⁷³ Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Development Society. Russia 1910–1925. Oxford, 1972.

⁷⁴ См.: Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Д. Указ. соч. С. 5–6.

общество»” он расширил тематику, включив проблемы российского государства, крестьянства, капитализма, и хронологические рамки, охватив рубеж XIX–XX вв. Он рассматривает крестьянство в этой книге и как “образ жизни большинства россиян” и с точки зрения “особенностей крестьянской экономики”⁷⁵.

В третьей книге “Революция как момент истины” (1986 г.) Т. Шанин дал оценку столыпинской аграрной политике и его более широкому плану реформ на фоне крестьянской войны. Эта работа переведена на русский язык⁷⁶. В этой книге основное внимание уделено революционному движению в России, в том числе и крестьянства, но затрагиваются и проблемы оценки столыпинской аграрной политики. Т. Шанин предложил новый глобальный подход к оценке стратегии развития России в последние десятилетия XIX в. и первые десятилетия XX в. “На исходе XIX в., – пишет он, – Россия стала первой страной, в которой материализовался социальный синдром того, что мы сегодня называем “развивающимся обществом” или “третьим миром”... Россия того времени стала местом, где была впервые в полной мере поставлена под сомнение универсальность западноевропейского опыта для остального человечества. России суждено было выработать две основные программы радикальной трансформации того типа общества, которое мы сегодня называем “развивающимся”. Эти диаметрально противоположные, однако теоретически взаимодополняющие стратегии получили там имена Столыпина и Ленина, но они были представлены целым спектром целей и взглядов, аналитических достижений или имен”⁷⁷.

Сопоставление стратегий Ленина и Столыпина как “взаимодополняющих”, хотя и “диаметрально противоположных”, вызывает много раздумий и сомнений, но их разбор выходит за рамки данной работы. Важно признание наличия особенностей России по сравнению с западноевропейским опытом, который нельзя признать универсальным. Требуется большая работа по исследованию фактического развития страны с последующим осмыслением опыта его в сравнительно-историческом плане. В этом направлении работа Т. Шанина ставит много интересных и важных проблем.

Столыпинский план реформ Т. Шанин считает “революцией сверху”, но его “генеральный план”, по мнению автора, “был в основных его звеньях загублен российским консервативным лобби”. Соглашаясь с В.С. Дякиным по вопросу о существовании целого “пакета реформ”, составлявших “новый политический курс”, Т. Шанин отметил, что только принятые законы о землевладении и землеустройстве проводились в жизнь, а остальные “звенья” Столыпину осуществить не удалось. По мнению Т. Шанина, программа Столыпина была прогрессивной “и до сих пор” привлекает

⁷⁵ *Shanin T. Russia as a “Developing Society”*. L., 1985. P. 82–98; *Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907→1917–1922 гг.* М., 1997. С. 12, 14–15.

⁷⁶ *Shanin T. Russia, 1905–1907. Revolution as a Moment of Truth*. New Haven. 1986; *Шанин Т. Указ соч.*

⁷⁷ *Шанин Т. Революция как момент истины...* С. 9–10.

“внимание экономистов и политиков”⁷⁸. Итоги реформы и ее влияние на крестьянское хозяйство автор не рассматривает, так как это не входило в план работы.

Многие зарубежные историки исследовали конкретные вопросы развития крестьянских хозяйств, общин, аграрной политики. Их число очень велико, о содержании и выводах наиболее значительных работ зарубежных авторов можно судить по обзорам советских историков и нескольким постсоветским трудам, хотя эта тема заслуживает отдельного большого монографического исследования, пока еще не написанного⁷⁹.

В обзорах доперестроечного периода дана весьма политизированная критика с ленинских позиций взглядов иностранных историков, но содержание работ передано в основном верно.

Представление о концепции большинства иностранных авторов о столыпинской реформе, о крестьянском хозяйстве и об уровне сельскохозяйственного производства России дают публикации переводов некоторых работ в последние годы⁸⁰.

Профессор Д. Мэйси различие в оценках столыпинской реформы со стороны советских и либеральных, западных историков видит в том, что первые пишут о провале реформы, а вторые оценивают ее “в благоприятном свете”, отмечая, что для развития реформы не хватило времени. Первые, по его мнению, главным доказательством считали незначительное число выходов на хутора – около 10% (на деле доказательством называлась и малая доля выходов из общины – 26%), а вторые отмечали, что 3,4 млн дворов подали заявления о выходе из общин (37% общинников) и 6,2 млн дворов подали прошения о землеустройстве (50% всех крестьянских дворов)⁸¹.

Разный подход советских и зарубежных историков к оценке аграрной реформы очень четко показал Кирилл Кривошеин, сын царского министра А.В. Кривошеина, в книге “Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора”, впервые изданной в Париже в 1973 г. и пере-

⁷⁸ Там же. С. 367–368. 385.

⁷⁹ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б. Американские историки о русском крестьянстве XIX в. // История СССР. 1971. № 5. С. 195–213; Зырянов П.Н. Современная англо-американская историография столыпинской аграрной реформы // История СССР. 1973. № 6. С. 186–195; См. также: Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970. Гл. II. С. 55–84; Марушкин Б.И., Иоффе Г.З., Романовский Н.В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977, С. 90–105; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России эпоху капитализма. М., 1988. С. 3–6; Ананьич Б.В. Кризис власти и реформы в России на рубеже XIX–XX веков в исследованиях американских историков // Вопросы истории. 1992. № 2. С. 208; Селунская Н.Б. Россия на рубеже XIX–XX веков (в трудах западных историков). М., 1995; Шашина Е.Б. Страницы аграрной истории России в прочтении западных историков // Отечественная история. М., 1992. № 4; Россия XIX–XX веков: Взгляд зарубежных историков / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 1996; и др.

⁸⁰ Мэйси Д. Земельная реформа и политические перемены феномен Столыпина // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 3–18; Кимитака М. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 194–200; Пайнс Р. Русская революция. В 2 т. М., 1994. Т. 1. Гл. 3. С. 104–135.

⁸¹ Мэйси Д. Указ. соч. С. 14.

изданной у нас в 1993 г. Автор справедливо отметил, что результаты реформы лучше всего выражают цифры не выходов из общины (2478 тыс. дворов), а данные о землеустройстве, которое после 1911 г. сделало не нужным выход из общин (это разъясняли циркуляры Министерства внутренних дел). Факт выдачи акта о землеустройстве по закону 29 мая 1911 г. делал домохозяина личным собственником отведенного ему землеустроительной комиссией участка. Поэтому заявлений о выходе из общин было подано в 1911–1915 гг. 712 тыс., а о землеустройстве – 4220 тыс. что почти в 6 раз больше. Уже к 1915 г. было землеустроено фактически (в натуре) 3,5 млн дворов на площади, превышающей территорию такого государства, как Италия. Число землеустроенных дворов увеличивалось до августа 1914 г. все нарастающими темпами, и только война помешала землеустроить всех подавших заявления – более 6 млн дворов⁸².

Советские историки не учитывали громадного значения землеустройства. С.М. Дубровский призывал не доверять итогам проверки землеустройства, проводимого правительственными комиссиями и царскими чиновниками⁸³. Между тем по предложению Кривошеина в комиссии включили не “царских чиновников”, а студентов землеустроительных учебных заведений, чтобы не отрывать профессиональных землемеров от землеустройства. Если соединить итоги землеустроительных работ и итоги выходов из общины (тех, кто до 1911 г. не прошел землеустройство), то результаты будут гораздо значительнее, и они свидетельствуют, что после 1910 г. не было спада в проведении реформы. Предположение о том, что землеустройство якобы не являлось частью столыпинской реформы, не выдерживает никакой критики⁸⁴.

Итоги историографического обзора показывают, что пока даже многие важные аспекты реформы либо не изучены (землеустройство, перестройка агрономической помощи крестьянам, или, по словам японского историка М. Кимитака, “агротехнологическая революция”, влияние реформы на крестьянское хозяйство и др.), либо изучены недостаточно. Это касается и отечественной и зарубежной историографии. Например, Ричард Пайпс в работе “Русская революция”, правильно отметив намерение Столыпина воздействовать на общину не насильем, а “наглядным примером, дав возможность развиваться, наряду с общиной, и параллельной системе индивидуальных хозяйств”, ограничился одним итогом: “Чуть более одного общинного хозяйства из пяти воспользовались преимуществами, предоставленными законом 9 ноября”. Не обратив внимания на вторую сторону реформы – землеустройство, Р. Пайпс отметил, что реформа якобы не устранила чересполосицы у вышедших из общины дворов, и сослался на данные С.М. Дубровского в главе о разрушении общины. Между тем в от-

⁸² *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 93–99.

⁸³ *Дубровский С.М.* Указ соч. С. 270.

⁸⁴ Об этом см. подробнее: *Тюкавкин В.Г.* Землеустройство – главное направление второго этапа столыпинской аграрной реформы // *Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* М., 1995. С. 116–129; см. также далее о столыпинском землеустройстве.

дельной главе Дубровский привел сведения, что чересполосица была ликвидирована у 90,2% проверенных землеустроенных дворов⁸⁵.

В работах отечественных историков и экономистов в 90-е годы XX в. отмечено гораздо больше положительных сторон столыпинской аграрной реформы, доказано ее влияние на сельское хозяйство, на ускорение темпов кооперирования деревни. Подробнее это будет показано в соответствующих главах. Историки стали больше уделять внимания тем сторонам крестьянской жизни, которые свидетельствуют о серьезных положительных сдвигах в деревне в начале XX в.: росту сельских коопераций, развитию духовной культуры, агротехники и др.⁸⁶

⁸⁵ *Пайтс Р.* Указ. соч. С. 195,197–198; *Дубровский С.М.* Указ соч. С. 206 и 279.

⁸⁶ См.: *Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997; *Лубков А.В.* Война. Революция. Кооперация. М., 1997; *Громыко М.М.* Указ соч.; и др.

Глава I

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ ВЕЛИКОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Сколько было крестьян в России?

Этот вопрос не так прост, как кажется. В текущей статистике выделялось две категории: население городов и население уездов. Второе относят к сельским жителям и часто отождествляют с крестьянством. Но, во-первых, в уездах было много поселков фабрично-заводского типа, где крестьян почти не было. Во-вторых, даже в селах было много лиц, не занимающихся сельскохозяйственным трудом: лавочники, торговцы, ремесленники и пр. При этом отмечу, что к крестьянам я отношу не всех сельских жителей, а именно самостоятельных работников, которые жили доходами от земледелия или скотоводства, и членов их семей.

Такие сведения содержала Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. По ней можно вычислить долю крестьян среди сельских жителей и ориентировочно пользоваться этими цифрами. В переписи был пункт о принадлежности к сословию (п. 5). Оказалось, что сословие крестьян включало 93 млн человек (74%), но из них 7 млн (7,5%) жили в городах, где они составляли 43% горожан¹. Часть из них временно находилась там на заработках, но большинство уже давно порвали с деревней. Об этом мы узнаем из разных источников: данных этой же переписи о месте постоянного проживания (п. 8) и о временном отсутствии (п. 9), а также данных переписей, проводившихся время от времени в отдельных городах; сведений текущей статистики и двух сельскохозяйственных переписей в стране (1916 и 1917 гг.)².

Наиболее важны для нас сведения всероссийской переписи 1897 г. о занятиях (п. 13 – ремесло, промысел, должность или служба), где отдельно отмечалось главное занятие, дающее средство к существованию, и побочное или вспомогательное. Всего в 1897 г. в Империи на доходы от земледелия как главного занятия жили 88 294 тыс. человек, или 70,2% всего населения, от животноводства – 4516 тыс., или 3,6%. Всего, таким образом, крестьян было 92,8 млн человек, или 73,8%. Между тем в литературе часто при характеристике крестьянства приводятся только данные о сельском

¹ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. (Далее: Общий свод переписи 1897 г.)

² Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1916–1917. Вып. 1–2; Труды ЦСУ. М., 1921. Т. V. Вып. 1.

населении³, что сильно завышает долю крестьянства, так как в селах в 1897 г. жило 87,1%, а в 1914 г. – около 85% населения⁴.

В Европейской России проживало большинство всех русских (официальная статистика зачисляла в число русских три народа: великороссов, малороссов и белорусов) – 91% в 1897 г. и 88,3% в 1917 г. В сельской местности здесь жило в 1897 г. 81,4 млн человек, или 81% всего населения, в том числе доходами от сельского хозяйства жили 69,4 млн селян – 85% сельского и 74% всего населения. Остальные 12 млн показали основным занятием промыслы, ремесла, торговлю и иную деятельность.

Следовательно, и в России в целом, и в европейской ее части сельское население было на 11% больше сельскохозяйственного. По данным МВД, в 1905 г., когда проходила перепись землевладения, уже 17 млн сельских жителей в Европейской России не называли сельское хозяйство главным занятием⁵. В число сельскохозяйственных тружеников (92,8 млн) вошли и те, кто получал основной доход не со своей земли, а нанимался в батраки к богатым крестьянам или помещикам. В.И. Ленин относил их к сельскому пролетариату (3,5 млн человек)⁶. Эта категория, действительно, лишь с некоторой натяжкой может быть включена в крестьянство, так как сильно отличалась всем образом жизни от остальной части. В то же время в число батраков чаще всего входили члены крестьянских семей – младшие дети, зятья и другие (постоянно участвовавшие в работе двора). Большинство из них стремились, и некоторым удавалось, обзавестись собственным хозяйством. Это была, конечно, особая социальная группа, требующая отдельного рассмотрения.

Известный историк-аграрник А.М. Анфимов предлагал исключить из числа крестьян тех хозяев, у которых площадь купленной земли превышала 50 десятин (1 дес. = 1,1 га или 110 соткам). Однако это спорный вопрос, так как большинство из этих хозяев сами работали “от зари до зари”, вели чисто крестьянский образ жизни. Они составляли, на наш взгляд, отдельную социальную группу, но относились к крестьянству, за исключением сравнительно небольшого числа из них, купивших в личное пользование свыше 100 дес. (около 21 тыс. владений), которые невозможно было обработать трудом одного даже многосемейного двора⁷.

Изменение численности крестьянства в 1897–1917 гг.

В конце XIX в. всех иностранцев изумлял быстрый рост населения России и особенно высокая рождаемость в деревне. Ко времени отмены крепостного права в 1861 г. значительно ускорился рост численности сельско-

³ Рашин А.Г. Население России за 100 лет... М., 1956. С. 98.

⁴ См.: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет. М., 1973. С. 104.

⁵ Общий свод переписи 1897 г.; РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 687. Л. 265об.

⁶ Ленин В.И. ПСС Т. 3. С. 122, 505, 582.

⁷ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 65–66.

го населения. В 1850–1860 гг. его среднегодовой естественный прирост в Империи составлял 11,5 человека на 1 тыс. жителей (11,5‰, или 1,15%), в 1901–1910 гг. – 16‰ (в 1913 – 16,8%), а в пределах современной России увеличился с 11,8 до 17,9‰⁸. Для сравнения укажем, что в Англии в 1900–1910 гг. среднегодовой прирост составлял 11,7%, в Германии – 13,9‰, во Франции – 0,7%, а в Европе – в среднем 12,3‰⁹.

Если в первой половине XIX в. прирост русского населения шел главным образом за счет увеличения рождаемости, то после 1861 г. положение изменилось: рождаемость снизилась в среднем по стране с 52 до 50‰, но оставалась самой высокой в Европе. Увеличение же прироста произошло за счет уменьшения смертности, которое шло более быстрыми темпами – с 39‰ в 1850–1860 гг. до 34‰ в 1901–1910 гг., хотя смертность оставалась также выше, чем в Западной Европе (21‰). В остальных странах в начале XX в. рождаемость была ниже, чем в России (41%), а смертность выше (37%) и средний прирост там составлял 7‰.

Уменьшение смертности после 1861 г., по мнению видного демографа В.М. Кабузана, было вызвано улучшением условий жизни крестьянства, развитием торговых связей между регионами, что уменьшало или сводило на нет влияние местных недородов, успехами земской медицины и сокращением сроков военной службы¹⁰. В начале XX в. к этим условиям прибавилось неуклонное повышение цен на хлеб и другие продукты сельского хозяйства, отмена в 1906 г. выкупных платежей. С 1914 г. показатели смертности стали увеличиваться из-за первой мировой войны.

Рост сельского населения шел быстрее, чем в городах. В аграрных губерниях с более высоким удельным весом крестьянства рождаемость была значительно выше средней: от 53,6‰ (в Орловской) до 58,1‰ (в Рязанской). В целом по Центрально-Земледельческому району она равнялась 52‰, а в Центрально-Промышленном – 47,8‰. Но смертность в промышленном районе была также меньше – 32,4‰ против 39‰. Наиболее показательна была разница с промышленными районами на примере Петербургской губернии, где преобладало городское население. В ней рождаемость в 90-е годы XIX в. была 26‰, или в 2 раза меньше, чем в Орловской губернии, а смертность – 21,5‰, или меньше в 1,8 раза¹¹.

По отдельным регионам темпы прироста в начале XX в. также значительно различались. Быстрее всего росло население колонизируемых районов: на Северном Кавказе и в Западной Сибири (22,3‰), в Южном Приуралье (21,3‰), Новороссии (20,3‰), Центрально-Земледельческом (18,0‰), Поволжье (17,9‰). Самым низким был прирост в Центрально-Промышленном районе – 12,5‰. Из национальных районов только на Украине он был выше среднего – 17%, хотя из Восточной ее части огромное число крестьян переселялось в Сибирь, а из Западной была значительной эмиграция в Канаду и США. В Белоруссии прирост был ниже среднего

⁸ Кабузан В.М. Русские в мире СПб., 1996. С. 122.

⁹ Там же. С. 306. Табл. 16.

¹⁰ Там же. С. 122.

¹¹ Россия // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1898. С. 97–99.

(15,1%) за счет широкой миграции на Урал в период столыпинской реформы. Самым низким был прирост в Эстонии и Латвии – 6,9%. Это было связано с развитием здесь хуторского хозяйства, передаваемого только старшему сыну¹².

Общие итоги роста народонаселения России за период с 1858 г. (год X ревизии) до 1897 г. (Первая Всероссийская перепись населения) и до 1913 г. (данные Центрального статистического комитета) выглядели следующим образом (табл. 1):

**Таблица 1. Рост населения России в 1858–1913 гг.
(без Польши и Финляндии), млн человек**

Год	Всего населения		В том числе сельского		% ко всему населению	
	абс.	% к 1858 г.	абс.	% к 1858 г.	сельского	городского
1858	68	100	63	100	92,6	7,4
1897	116	170	102	162	87,9	12,1
1913	163	240	140	222	85,8	14,8

(Источники: *Водарский Я.Д.* Население России за 400 лет. М., 1973. С. 103, 133, 140, 141, 144–146, 149–150. (Подсчет мой. – *В.Т.*); *Брук С.И., Кабузан В.М.* Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3)

Все население росло быстрее сельского и во второй половине XIX в., и в начале XX в., что видно из процентов прироста и по уменьшению удельного веса сельского населения. Это было следствием значительного переселения крестьян в города. По данным переписи 1897 г., городское население на 43% состояло из крестьян, а перепись населения Петербурга в 1910 г. показала, что даже 69% его составляли крестьяне, в Москве в 1902 г. их было 67%¹³.

В действительности доля горожан в 1897 и в 1913 гг. была несколько выше, поскольку многие поселения городского типа и особенно фабрично-заводские поселки не имели статуса города, даже такие крупные, как Азов (27,5 тыс. жителей в конце XIX в.), Сергиев Посад (25 тыс.), Юзовка (29 тыс.), Кривой Рог (18 тыс.) и др. В переписи 1897 г. было указано 865 городов, а, по данным МВД, числилось 947. Кроме того, насчитывалось 1600 поселков городского типа¹⁴.

¹² *Водарский Я.Е.* Указ соч. С. 143.

¹³ *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1911). М., 1956. С. 125–129, 324–327.

¹⁴ *Россия // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1898. С. 81–83.

Основные особенности размещения сельского населения и его изменение в 1897–1917 гг.

Движение сельского населения по регионам и изменения в его размещении в начале XX в. свидетельствуют о большом различии в темпах его роста в Центре и на окраинах (табл. 2).

**Таблица 2. Размещение сельского населения России
по районам в 1897 и 1914 гг.**

Районы	Сельское население		К итогу		Население района в 1914 г., % к 1897 г.
	тыс. человек		%	%	
	1897 г.	1914 г.	1897 г.	1914 г.	
Центрально-Промышленный	13 359	18 247	13,2	13,1	136,6
Центрально-Земледельческий	11 638	16 292	11,7	11,7	140,0
Поволжье	10 296	13 666	10,1	9,8	132,8
Урал, Северное и Южное Приуралье	9 287	12 431	9,2	9,0	133,8
Север	1 930	2 513	1,9	1,8	130,2
Предкавказье	3 340	5 091	3,3	3,6	152,4
Новороссия	7 221	10 612	7,1	7,6	147,0
Левобережная Украина	6 717	9 064	6,6	6,5	134,9
Правобережная Украина	8 652	11 466	8,5	8,2	132,5
Белоруссия	6 084	8 243	6,0	5,9	135,4
Прибалтика	4 568	5 489	4,5	3,9	120,2
Бессарабия	1 642	2 246	1,6	1,6	136,8
Кавказ	4 750	5 953	4,7	4,3	125,3
Сибирь	5 273	8 807	5,2	6,3	167,0
Степной край (Северный Казахстан)	2 262	3 553	2,2	2,9	157,1
Туркестан (Средняя Азия)	4 551	5 943	4,5	4,2	130,6
Всего по России	101 570	9 616	100,0	100,0	137,4

Примечание: Приводится районирование, принятое демографами. В Центрально-промышленный район включены губернии: Петербургская, Московская, Калужская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Тверская, Новгородская, Псковская. В Центрально-Земледельческий – Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Орловская, Курская, Тульская. К Северу отнесены Архангельская, Вологодская, Олонецкая. К Поволжью – Казанская, Пензенская, Симбирская, Самарская, Астраханская, Саратовская. К Уралу – Вятская, Пермская, Оренбургская, Уфимская. В Предкавказье входили Ставропольская и Черноморская губернии и области Кубанская и Терская. В Новороссию – Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии и область войска Донского. К Кавказу отнесены губернии Бакинская, Елизаветпольская, Дагестанская, Карская, Кутаисская, Тифлисская, Батумская область, Сухумский и Закатальский округа. К Степному краю, центр г. Омск, области Уральская, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская. К Сибири относили и Дальний Восток. К Туркестану, центр г. Верный – Южный Казахстан и Среднюю Азию.

(Источники: Водарский Я.Е. Указ соч. С. 103, 133, 140, 141, 144–146, 149, 150. Подсчет мой. – В.Т.)

В этом легко убедиться, сравнив проценты прироста по регионам. В среднем сельское население увеличилось за 1897–1914 гг. на 137%. Ниже этого уровень прироста был в 11 регионах из 16. При этом самым низким был прирост в Прибалтике (ниже среднего на 27,4%) и на Кавказе (на 12,1%), где была ниже рождаемость и откуда был сравнительно небольшой отток населения. Понизился и удельный вес сельского населения этих районов: на 0,6 и 0,4%. За ними шли (по степени наименьшего увеличения) Север, Туркестан, Правобережная Украина, Поволжье, Урал и Приуралье. Их объединяет почти полное отсутствие в них переселения. На Север и на Урал не было желающих переезжать из-за суровых условий и отсутствия пригодных для земледелия земель. Западная часть Украины имела большую плотность заселения, и из нее был большой отток селян за Урал и частично в Канаду и США.

Из Поволжья и с Урала выезд переселенцев превышал рождаемость. То же можно сказать и о Левобережной Украине и Белоруссии, откуда в 1906–1914 гг. переселялось за Урал огромное количество крестьян (см. далее раздел о столыпинской реформе). В Центрально-Промышленном районе, как уже отмечалось, была ниже рождаемость. Особые причины были в Центрально-Земледельческом районе. Отсюда было самое большое число переселенцев за Урал, но здесь уровень рождаемости и прироста превышал намного общероссийские показатели. В результате даже при громадном переселении уровень прироста сельского населения оказался даже чуть выше среднего.

Наибольший прирост сельского населения произошел в Сибири, затем шли Степной край, Предкавказье и Новороссия, что было результатом миграций.

В итоге изменился и удельный вес сельского населения регионов. По данным табл. 2 видно, что в наибольшей степени он увеличился на окраинах. В 1897 г. в Сибири, Степном крае, Предкавказье, Новороссии проживало 17,8% сельского населения страны, а в 1914 г. – 20,4%. Если прибавить Нижнее Поволжье и Южное Приуралье, где сельское население интенсивно увеличивалось в 80–90-е годы XIX в., то общая доля окраин в 1914 г. составила (без Туркестана, где русского крестьянства было очень мало) 27,3%. При сравнении с данными за 1858 г. (источник тот же, что для табл. 2) еще заметнее проявляются более высокие темпы прироста сельского населения окраин. В 1858 г. в Сибири его доля составляла только 4,9%, в Степном крае – 1,9%, в Предкавказье – 1,2%, в Новороссии – 4,9%, в Нижнем Поволжье – 3,0% и в Южном Приуралье – 3,0%, т.е. на этих окраинах с преобладанием великорусского населения проживало тогда 18,9%. За 1858–1897 гг. доля крестьянства окраин выросла в 1,5 раза, а в остальных районах снизилась с 81,1 до 72,7%. В двух центральных районах в 1858 г. проживало 31,3% сельского населения страны, в 1914 г. – 24,8%, т.е. роль Центра в сельском хозяйстве постоянно уменьшалась.

При исследовании истории русского крестьянства, как уже отмечалось, в источниках приходится сталкиваться с разными оценками его отношения с другими народами. В конце XIX и начале XX в. официально русскими

назывались три народа: великорусы, малороссы и белорусы. Наименование Черная Русь, которое сохраняется в энциклопедиях до сих пор, уже тогда перестали употреблять, так как ее жители были давно окатоличены и ассимилированы литовцами, либо бежали в русские губернии. Во всех справочниках и в официальных законах употреблялось слово “русские” для всех трех народов. В таком же значении слово “русские” употреблялось в постановлениях Государственной Думы. Например, при решении выделения Холмской губернии депутаты правого лагеря горячо защищали права русского населения, хотя речь шла об украинцах, как позднее стали называть малороссов.

По существу наименование всех трех родственных народов единым словом “русские” вполне оправдано. Это не означало отрицания их различий по языку, культуре, обычаям, нравам, быту. Но эти различия между ними были гораздо меньше, чем, например, между саксонцами, пруссаками, баварцами, которые все называют себя германцами. Эти и другие народы Германии имели гораздо больше опыта и традиций отдельной государственности, особенностей экономического, политического, культурного развития. Нередко они между собою воевали. Но тем не менее они считаются единой немецкой нацией, хотя довольно поздно, по сравнению с русскими, объединились в единое государство под эгидой Пруссии.

Три ветви русского народа после воссоединения в 1648 г., а затем присоединения западной части Малой и Белой Руси при разделах Польши получили в составе единого российского государства широкие возможности развития, особенно для крестьянства. В XVI – первой половине XVII в. колонизация слабозаселенных окраин (Предкавказья, Нижнего Поволжья, Сибири) проводилась великорусскими крестьянами и казаками. В XVIII–XIX вв. в равной мере право участия в колонизации окраин, к которым присоединились малозаселенные Новороссия и Степной край (Северный Казахстан и Южная Сибирь), получили малороссийские и белорусские крестьяне и запорожские казаки. Конечно, и после этого главная роль в развитии российской государственности, в освоении новых незаселенных земель принадлежала великорусским крестьянам. Они свободно селились на окраинных землях, сеяли хлеб, разводили скот, строили дома, церкви, школы, дороги. Благодаря присущим им чертам характера, прежде всего человеколюбию и уживчивости, а также трудолюбию, доброте, терпимости, они дружно жили с местными народностями, поддерживая с ними добрососедские отношения, обучая их приемам земледелия, перенимая у них многие навыки скотоводства.

Великорусский народ, и прежде всего крестьянство, нес основную нагрузку создания единого экономического и культурного пространства на территории огромной страны. Но великорусское крестьянство не имело никаких особых прав на переселение и освоение новых земель. Его главенствующая роль определялась тем, что он был наиболее многочисленным из трех родственных народов и ранее стал участвовать в этом процессе. В 1897 г. в России было 55,4 млн великороссов, 22 млн малороссов и 5,9 млн белорусов, т.е. великороссов было в 2,5 раза больше, чем малорос-

сов, и в 9 раз больше, чем белорусов. Вместе они составляли 72% населения страны.

Малороссы и белорусы наравне с великороссами воспользовались правом расселения по всей России и особенно в слабозаселенных окраинах. В частности, малороссийское крестьянство из густонаселенных местностей более активно, чем великороссы, переселялось в Новороссию, которая была завоевана русскими войсками в конце XVIII в. В результате, если в городах (Екатеринослав, Одесса, Херсон, Николаев, Севастополь, Симферополь) преобладали в начале XX в. великороссы, то среди сельского населения многих уездов больше было малороссов. То же произошло со Слободской Украиной (от слова “окраина”). В XVI–XVII вв. в этот край из Речи Посполитой бежало много малороссийских крестьян, а официальное разрешение на их переселение дал царь Алексей Михайлович после вхождения Малороссии в состав Российского государства. Здесь как и в Новороссии попеременно жили великорусские и малороссийские крестьяне.

Такое же смешение народов произошло при массовом заселении Сибири с конца XIX в. и особенно в 1906–1914 гг. В это время в Сибирь переезжали многие народы: татары, чуваша, латыши, мордовцы и другие, но преобладали великороссы, малороссы и белорусы. В 1905–1914 гг. наибольшее число переселенцев дали Орловская (104 тыс. крестьян), Воронежская (168 тыс.), Курская (165 тыс.), Тамбовская (106 тыс.), Самарская (104 тыс.), Полтавская (249 тыс.), Киевская (171 тыс.), Подольская (75 тыс., Могилевская (166 тыс.), Витебская (90 тыс.), Минская (66 тыс.) губернии. Таким образом, широко были представлены все три русских народа. В том числе большое число переселенцев шло из тех губерний, где попеременно жили крестьяне великороссы и малороссы – из Харьковской (226 тыс.), Екатеринославской (187 тыс.), Херсонской (137 тыс.), Таврической (112 тыс.). Всего из 3139 тыс. переселенцев было 1123 тыс. из Украины и 357 из Белоруссии, т.е. почти половина¹⁵.

Процессы смешения трех родственных народов, происходившие в течение веков, в конце XIX и начале XX в. приняли массовый характер. Не только на колонизируемых окраинах, но и в центральных, малороссийских и белорусских губерниях бок о бок жили представители трех русских народов, исповадовавших в основном одну религию, имевшие родственные языки. Произошло широкое территориальное их смешение, заключались многочисленные межэтнические браки. Создался сложный организм, который нельзя было разделить, не нарушая прав отдельных народов.

Но в это же время развиваются националистические течения, часть которых выдвигала лозунги культурной автономии, а часть выступала за отделение Украины от России. Все чаще в литературе, в прессе малороссов стали называть украинцами. Идеологами и организаторами этого процесса

¹⁵ Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб., 1910. С. 2–45; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. Пг., 1916. С. 2–45.

выступали отнюдь не крестьяне, которые жили бок о бок с великороссами-селянами, а местная элита: буржуазия, униатские священники и интеллигенция, особенно в Галиции (центр – г. Львов), которая входила в состав Австро-Венгрии, и в Холмской церковной епархии в составе России (входила ранее в Царство Польское).

Чтобы выделиться из России, националисты стали все чаще заменять название Малая Русь вторым названием этого края – Украина. Ранее и на великорусском и на малороссийском языках называли “украиной” окраины страны. В старых документах фигурировали смоленская, псковская и другие “украины”. По мере усиления централизации это название оставалось за территорией России на левобережье Днепра – Слободская Украина, где на свободных землях возникло много слобод (слобода – “большое село с некрепостным населением”¹⁶). В.И. Даль в своем словаре дал такое определение: “Украина – область с краю государства” и привел примеры из русской истории о северной украине, молдавской и др.¹⁷ Это относилось к 60-м годам XIX в.

Слово “украина” для определения территории употребляется и в других языках, например “Сербская крайна”. Но названия “украинец”, “украинцы” возникли в России довольно поздно. В одном из самых полных словарей Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (86 томов, последние выходили в начале XX в.) еще не было этого слова.

Кроме появления и развития местной украинской элиты, весьма немногочисленной, второй причиной роста национализма было наличие разных религиозных конфессий. Большинство малороссов были православными еще со времен Киевской Руси. Немалую долю (10%) составляли в городах и местечках евреи, исповедовавшие иудаизм. Сильные позиции имела католическая Церковь. Все крупные помещики в западной части были поляки-католики, от которых зависело окрестное население – так называемые униаты, а центрами униатства были г. Львов (Галиция) и г. Ужгород (Закарпатье) в составе Австро-Венгрии. Австрийское правительство считало, что ее будущие приобретения лежат на востоке, на что имела согласие Германии. Оно поощряло украинский национализм и предоставляло украинцам некоторые свободы в области культуры и образования. Австрийский и немецкий генеральные штабы выделяли немалые субсидии националистическим организациям на территории Австро-Венгрии. В то же время в начале XX в. на территории России в украинских губерниях создается ряд украинских революционных, демократических и либеральных партий, выдвигавших лозунги автономии Украины в составе России¹⁸.

¹⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 672.

¹⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1882. Т. IV. С. 484.

¹⁸ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996. С. 634–647.

Так называемая униатская Церковь была создана на территории Речи Посполитой в 1596 г. согласно Брестской церковной унии, заключенной между руководством православных епархий западной части Малой и Белой Руси (шесть епископов) и католической Церкви. В 1649 г. такая же уния была заключена в Ужгороде с православной Церковью Закарпатья. По этим соглашениям православные Церкви подчинялись римскому папе и его епископам, а обряды в них оставались православными и богослужение проводилось на древнерусском языке. Православная Церковь была объявлена вне закона, а ее имущество переходило униатской Церкви. С помощью новых священников, которых специально готовили в Риме, а также иезуитов и созданного в XVII в. на этой территории ордена базилианов, католическая Церковь заменила постепенно все обряды униатской Церкви (богослужение на польском языке, игра на органе, скамьи для сидения). Жители и часть священников сначала боролись против нововведений, потом привыкли и стали считать эту религию исконной верой своих предков, крестили детей и хоронили по католическим обрядам.

После польского восстания 1830 г., поддержанного многими униатскими священниками и униатской шляхтой, в 1831–1839 гг. была проведена ликвидация униатских церквей и базилианских монастырей в российских губерниях. В Холмской епархии “обратная уния”, постепенно подготовленная властями, была проведена только в 1875 г. Были организованы прошения ряда униатских приходов о воссоединении с православной Церковью и проведено соответствующее решение Синода. Но верующие униаты реагировали на эти действия властей так же, как их предки после Брестской унии: и те, и другие яростно сопротивлялись нововведениям в области религии, у тех и у других кроме религиозной идеологии были и организаторы борьбы в лице священников старой веры. Из этой массы недовольных часть крестьян эмигрировала в Австро-Венгрию (в Галицию), но основной поток эмигрантов в конце XIX – начале XX в. шел в Канаду и США. Из 3 млн российских эмигрантов в 1890–1914 гг. 41% составляли евреи, 29% – поляки, 9% – литовцы и латыши, 7% – финны и эстонцы, 6% – немцы. Всех русских (великороссов, малороссов и белорусов) было зарегистрировано 7%, т.е. 210 тыс. Большинство их составили украинцы¹⁹. (В настоящее время более 5 млн украинцев проживает в Америке, Австралии и странах Европы.)

В 1905 г. в России была введена свобода вероисповедания. После этого 168 тыс. бывших униатов перешли в католичество, а около 300 тыс. осталось в православии. По существу, была восстановлена униатская Церковь в западных губерниях²⁰. Ее стали называть греко-католической или като-

¹⁹ Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 23–25; Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев, 1986. С. 166–185.

²⁰ Подробнее об этом см.: Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 114–120.

личеством восточного образца. Это лишь усилило националистическое движение за отделение Украины. Центром этого движения стал г. Львов. Введению в обиход названий “Украина”, “украинцы” способствовал выход в свет работы профессора Львовского университета М. Грушевского “История Украины-Руси” (в 1898–1913 гг. вышло семь томов), а также издание журналов и газет националистического содержания.

Большую роль в противопоставлении великорусского народа всем остальным сыграла в начале XX в. большевистская партия, выдвинувшая лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения, проведя потом на практике разделение территории между народами России. Особое негативное значение имело выдвинутое В.И. Лениным положение о том, что великороссы “угнетали” другие народы, которое он подробнее “обосновал” в работе “Социализм и война”. На этом необходимо остановиться по двум причинам. Во-первых, потому, что это “обвинение” касалось не в последнюю очередь русского крестьянства, представлявшего большинство населения; во-вторых, потому, что сейчас делаются попытки отнести это положение только к великорусской “элите”, как стали называть привилегированную часть общества.

В работе “Социализм и война”, написанной в июле – августе 1915 г., В.И. Ленин назвал Россию “тюрьмой народов”²¹ и пояснил: “Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны, как в России: великороссы составляют только 43% населения, т.е. менее половины, а все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 млн населения России *около 100 миллионов* угнетены и бесправны”²². Из этого совершенно ясно, что угнетены “все остальные” народы, кроме великороссов. Чтобы в этом не было сомнения Ленин четко указывает, что угнетены 100 млн, а значит, 70 млн, только 43%, не угнетены. Более того, он употребляет название “великороссы”, а не “русские”, чтобы и малороссов и белорусов, т.е. православных в большинстве, отнести к “инородцам”, что было совершенно новым открытием, ибо никто, нигде и никогда не относил в России малороссов и белорусов к инородцам. Как уже отмечалось, они в документах причислялись к русским. Материалы, приведенные в этой книге, доказывают, что положение крестьян великороссов в центральных губерниях было даже хуже, чем тех, кого Ленин называл угнетенными.

Ленин обвинял русский народ, а следовательно, в первую очередь крестьянство: “Никто так не угнетал поляков, как русский народ”, “Великороссы, угнетающие больше число наций, чем какой-либо другой народ”²³. В дальнейшем руководители большевиков внесли в 1919 г. на VIII съезде РКП(б) в новую программу партии понятие “бывшая угнета-

²¹ Ленин В.И. ПСС Т. 26. С. 315.

²² Там же. С. 317.

²³ Ленин В.И. ПСС Т. 31. С. 432, 433; Т. 32. С. 342.

ющая нация”, признав верными высказывания Ленина о том, что вся нация великороссов “угнетала” другие народы, не выделяя царизм или эксплуататорские классы²⁴.

Ложность этих утверждений доказывает действительное положение в России великорусского крестьянства, составлявшего три четверти всех великороссов. Поэтому нужно не только исследовать все крестьянство России, как это сделано в работах С.М. Дубровского, А.М. Анфимова, И.Д. Ковальченко и некоторых других авторов²⁵, но и выделить отдельно великороссов. Более половины (56%) территорий, заселенных преимущественно русскими, было отведено вновь созданным республикам и национальным округам.

В связи с указанным состоянием многих источников, где до 1917 г. русскими назывались не только великороссы, а также малороссы (украинцы) и белорусы, по некоторым вопросам не всегда можно выделить великороссов. Иногда же очень важно приводить и сравнительные данные о других народах. Для получения более четкого представления о положении великорусского и других народов России при анализе некоторых общих материалов важно привести данные об их численности и распределении по районам и губерниям.

Великорусское население Европейской России

Всего великорусского населения в стране в 1897 г. было 55 млн 755 тыс., что составляло 44,2% жителей, а в 1917 г. его численность увеличилось до 76 млн 676 тыс., а его доля возросла до 45,9%. Последнее свидетельствует о том, что естественный прирост русских был выше среднего по стране. Распределение их по территории империи было неравномерным, хотя они расселились по всей площади, включая и Центр, и самые удаленные окраины (табл. 3).

Данные об удельном весе русских по крупным районам свидетельствуют о том, что они абсолютно преобладали в центральной части Европейской России. Они составили **первую группу районов**, в которых русских было более 50%. В табл. 3 это восемь первых регионов, а также Смоленская губерния (которую по непонятным причинам относили к Белоруссии с Литвой) и область войска Донского. При этом больше всего русских (в 1897 г. – 20,1% их общего числа) проживало в Центрально-Земледельческом районе. Здесь наибольший процент русских в 1897 г. был в Тульской губернии – 99,5% (в 1917 г. – 99,6%), затем в Рязанской – 99,4%

²⁴ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1960.

²⁵ Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Анфимов А.Н. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980; Он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М., 1984; Ковальченко И.Д., Моисеенко Г.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России эпоху капитализма. М., 1988.

(99,8%), в Орловской – 99,0% (99,1%) и в Тамбовской – 95,5% (95,0%), наименьший – в Воронежской – 63,3% (63,6%). Последняя губерния и дала понижение среднего процента русских в районе (до 87%) вместе с Курской губерний – 72,3% (77,8%). В этих губерниях проживало довольно много малороссов.

Таблица 3. Удельный вес и размещение русского населения в районах России, %

Районы	Удельный вес русских по районам		Размещение русских по районам к общему числу русских империи	
	1897 г.	1917 г.	1897 г.	1917 г.
Европейская Россия	46,4	48,0	91,0	88,3
Азиатская Россия	39,5	50,5	9,0	11,7
1. Центрально-Земледельческий	87,3	86,8	20,1	18,8
2. Центрально-Промышленный	97,1	97,8	19,0	18,1
3. Озерный	88,7	90,6	7,9	7,3
4. Северный	90,1	90,8	2,7	2,6
5. Среднее Поволжье	59,8	60,8	5,5	5,1
6. Нижнее Поволжье	65,4	65,9	7,2	7,2
7. Северное Приуралье	83,9	83,1	9,2	8,0
8. Южное Приуралье	51,8	54,0	3,5	3,9
9. Белоруссия и Литва, в том числе	16,9	23,7	3,5	3,6
Смоленская губерния	91,6	97,0		
10. Прибалтика	4,8	6,3	0,2	0,2
11. Левобережная Малороссия	13,3	15,7	1,8	1,6
12. Правобережная Малороссия	4,3	3,4	0,7	0,6
13. Новороссия	29,8	30,7	5,8	5,9
14. Войска Донского область	66,8	69,0		
15. Предкавказье	42,5	46,8	2,9	3,6
16. Бессарабия	8,1	5,9		
17. Закавказье	4,7	6,2	0,5	0,6
18. Сибирь и Дальний Восток	76,9	78,2	7,9	9,7
19. Степной край и Туркестан	7,6	13,6	1,1	2,0
20. Царство Польское	3,2	1,3	0,5	0,2
21. Финляндия	0,8	1,0	0,1	
Итого по империи	43,5	45,9	100,0	100,0

(Источники: Кабузан В.М. Русские в мире. С. 283–286. Табл. 5, 6; Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 82–85. Таблицы. Автор раздела Н.В. Турчанинов)

В Центрально-Промышленном районе в четырех губерниях удельный вес русских в 1897 г. превышал 99%: во Владимирской – 99,7%; в Калужской – 99,4%; Костромской – 99,6% и Ярославской – 99,4%. В Московской губернии этот показатель был равен 97,6%, в Нижегородской – 93,2% и в Тверской – 92,8%. К 1917 г. в обоих Центральных районах этот процент русских увеличился во всех губерниях. В этих районах относительная чис-

ленность русских уменьшилась за счет переселения на окраины: с 1858 по 1897 г.: с 48,2 до 39,1% (на 9,1%), а с 1897 г. до 1917 г. – еще на 2,2%²⁶.

К Северному району относились Вологодская губерния, насчитывавшая в 1897 г. 91,4% русских, и Архангельская – 86,0%. В обеих губерниях процент русских к 1917 г. понизился (на 0,2 и 1,0% соответственно). Приток сюда русского населения не увеличился с проведением железной дороги, а отток превышал естественный прирост.

Из губерний Озерного района в 1897 г. наибольшая доля русских была в Новгородской (96,8%), затем шли Псковская (94,7%), Петербургская (82,1%) и Олонецкая (78,5%). К 1917 г. процент русских в них увеличился (соответственно на 2,1; 1,3; 3,2 и 3,4%), что объяснялось незначительной миграцией из региона.

Таким образом, в четырех районах, включавших 19 губерний Европейской России (из 52) население было почти сплошь русским, за исключением некоторых западных уездов Воронежской и Курской губерний, куда переселилось много украинцев.

Далее шли два района Поволжья и два – Приуралья. Доля русских в них была преобладающей и колебалась в среднем от 54% в Южном Приуралье до 83,1% в его северной части. По губерниям колебания были еще больше. Всего в эти районы входило 10 губерний. Из них наивысшим процент русских был в 1892 г. в двух губерниях Северного Приуралья: в Пермской – 90,3% и в Вятской – 77,4%, а также в Поволжье: в Пензенской (83%), Саратовской (76,8%), Симбирской (68%), Самарской (64,5%). Самым низким был удельный вес русских в Уфимской (38,2%), Астраханской (40,8%) и Казанской (38,3%) губерниях, где был велик процент башкир, татар, чувашей и других народов, а русские оставались в меньшинстве.

Поволжье во второй половине XIX в. было, наряду с Новороссией и Предкавказьем, главным районом переселений. В переселенческом потоке было много украинцев, и это привело к понижению доли русских с 1858 по 1897 г. в обоих поволжских районах, в том числе в Казанской губернии – на 4,0%, Симбирской – на 3,4%, Самарской – на 2,3%, Саратовской – на 0,4%. Только в двух губерниях Поволжья процент русского населения увеличился – в Пензенской (на 1,7%) и Астраханской (на 3,8%), так как туда больше переселилось русских и меньше украинцев. В период же 1897–1917 гг. доля русских в Поволжье возросла.

В Приуральских районах в двух северных губерниях доля русских несколько снижалась: в Вятской в 1858 г. было 79,4% русских, в 1897 г. процент уменьшился на 2,3% и к 1917 г. еще на 1,1%, а в Пермской в 1858 г. было 90,7% русских, в 1917 г. – 89,9%. К этому можно добавить, что полтора столетиями раньше – в 1719 г. – доля русских здесь была еще выше:

²⁶ Анализ великорусского населения по губерниям здесь и далее проведен по следующим источникам: Кабузан В.М. Указ. соч. Табл. 5; Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России эпоху империализма (конец XIX – 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3; Общий свод по империи разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. Приведены данные за 1911 г. Они включают все три русских народа. См.: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 82–85. Таблицы. Автор раздела Н.В. Турчанинов.

в Вятской – 85%, а в Пермской – 95,7%, т.е. снижение доли русских шло на протяжении длительного времени. Это объяснялось значительным переселением русских крестьян из северных губерний в районы с более благоприятными условиями для сельского хозяйства, где имелись свободные земли. Только в 1895 – 1914 гг. в Сибирь переселилось из Вятской губернии 133 тыс. крестьян, а из Пермской – 71 тыс., что составляло 4,5% сельского населения в первой и 2,5% во второй²⁷.

В рассмотренных восьми районах, включавших 29 губерний Европейской России (из 50), в 1897 г. проживало 75,1% русского населения страны, а в 1917 г. – 71%. В 1858 г. в этих губерниях было 86,8% русских. За неполных 70 лет доля русских в 29 губерниях Центра, где они составляли преобладающее большинство населения, уменьшилась на 15,8%, или на одну шестую часть, но по-прежнему они концентрировали большинство – почти три четверти русских.

Рассмотрим теперь долю русских в других регионах. Как уже было сказано, русское население преобладало еще в Смоленской губернии (в 1897 г. – 91,6% населения, в 1917 г. – 97,0%) и в области Войска Донского (66,8% и 69,0%). В Предкавказье русских было больше в Ставропольской губернии (55,3% и 56,5%). Таким образом, в пределах Европейской России в 32 губерниях из 50 преобладало русское население, в том числе в восьми крупных регионах из 19.

Ко второй группе районов отнесем те, в которых русские составляли значительную часть – от 20 до 50%. В первую очередь к ним относились губернии Предкавказья. В 1897 г. русские составляли здесь в среднем 42,5%, а в 1917 г. – 46,8%, т.е. рост равен 4,3%. Самый высокий процент прироста в регионе дала Терская область – с 29 до 42,5%, или на 13,5%. Даже без Ставропольской губернии во всех остальных доля русских составляла свыше 40%: в Кубанской – 43,2 и 44,9%, в Черноморской – 42,5 и 47,3%.

На большей части территории Предкавказья к 1917 г. сформировалась русская этническая территория, которая охватывала всю Ставропольскую губернию, большую часть Терской области (в Пятигорском уезде – 77,5% населения, в Сунженском – 90,8%, в Кизлярском – 66,0%) и около половины Кубанской области. На оставшейся части Терской области преобладали коренные народности Кавказа (чеченцы, ингуши, осетины), а Кубанской области – украинцы²⁸.

Еще один быстро колонизируемый русскими и украинцами район представляла Новороссия. Как видно из табл. 3, в рассматриваемый период доля русских здесь составляла 29,8 и 30,7%, почти равномерно распределяемых в Екатеринославской и Херсонской губерниях (по 18–20%) и значительно превышающей их Таврической (27,9% – в 1897 г. и 30,1% – 1917 г.). При этом в Южной части Херсонской губернии процент русских повысился с 36,8 до 43,4%. В Таврической губернии в материковой части преобла-

²⁷ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 490–491.

²⁸ Кабузан В.М. Указ соч. С. 209–210.

дали украинцы, а в Крыму – русские: в 1897 г. здесь было почти поровну русских и татар (34 и 35%), а в 1917 г. русские составили 44,1%, татары – 25,9% и украинцы – 7,4%, т.е. русские превратились в преобладающий этнос. Как пишет демограф В.М. Кабузан, “в начале XX в. Крым уже являлся великороссийской этнической территорией и передачу его в состав других государственных преобразований без учета воли проживающего здесь населения вряд ли можно считать обоснованной”²⁹.

Значительно повысилась доля русских также на территории Белорусско-Литовского региона – с 16,9 до 23,7%. Особенно быстро это происходит в восточной Белоруссии. В Могилевской губернии в 1917 – 1920 гг. – 32,9% (785 тыс.), в том числе в Могилевском уезде русские составили абсолютное большинство – 74,9%. На территории нынешней Белоруссии доля русских за тот период увеличилась с 6,2 до 14,5%, а в Литве – с 5,1 до 5,9%. В Белоруссии их стало в 1917 г. – 1461 тыс. человек, в Литве – 175 тыс.³⁰ В западных частях Белоруссии и Литвы доля русских понизилась, хотя это в значительной мере объяснялось тем, что многие русские покинули эти места, оккупированные к 1916 г. немцами.

Наблюдалось также увеличение доли русских в Левобережной Малороссии. В Черниговской губернии их удельный вес повысился в 1897 – 1917 гг. с 21,6% до 29,5%. Северные уезды этой губернии в 1897 г. были заселены, главным образом, белорусами и русскими и лишь отчасти украинцами. Так, в Сурожском уезде было 69,4% белорусов и 24,9% русских. В 1917–1920 гг. русских здесь стало 98,8%, а белорусов – всего 0,4%. В Мглинском уезде русские уже в 1897 г. составляли абсолютное большинство – 78,2% и в 1917–1920 гг. их стало 94,4%. Также было в Новозыбковском и Стародубском уездах. Впоследствии эти четыре уезда отошли к Брянской области РСФСР. В.М. Кабузан объясняет этнические процессы здесь обрусением белорусов³¹. Кроме этого нужно отметить большое переселение белорусов именно из названных уездов в Сибирь³². “Обрусение” заключалось главным образом в том, что в 1917–1920 гг., к которым относятся приведенные данные и когда решался вопрос об административной границе между вновь создаваемыми республиками Украины и России, опрос велся не о национальности, а о языке. Белорусам русский язык, который являлся государственным, был более знаком, чем украинский, и они назвали родным языком русский. Поэтому доля русских в Черниговской губернии составила в 1917–1920 гг. (по языку) около 30%, а по переписи 1926 г., где отмечалась также и национальность, этот процент снизился в

²⁹ Там же. С. 208.

³⁰ Там же. С. 207–208.

³¹ Там же.

³² *Верещак П.Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии. Минск, 1978. С. 91–98; *Скляров Л.Ф.* Переселение и земледельчество в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 152–157. Табл. 2; *Дядиченко А.* Ликвидация землевладения у переселяющихся в Сибирь черниговских крестьян и казаков в 1902 г. // Известия южнорусской областной земской переселенческой организации. 1911. № 45.

четыре раза (до 7,5%), хотя все же 25% назвали родным русский язык, т.е. ассимиляция была далеко не полной³³.

Таким образом, в группу регионов со средними процентами русского населения входили окраины Европейской России, куда переселялись в основном крестьяне, так как там либо были свободные земли (Предкавказье, Новороссия), либо шли обоюдные миграции и процессы ассимиляции (северо-восточная Белоруссия, Левобережная Украина). Во всех этих районах процент русских в начале XX в. возрастал. Всего в европейской части было 11 губерний и областей с удельным весом русских от 17,3 до 43,2% (Витебская, Могилевская, Харьковская, Черниговская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Кубанская, Терская, Ставропольская, Черноморская), в том числе в девяти доля русских была выше 21%. В 1897–1917 гг. процент русского населения понизился только в одной из 11 губерний (в Харьковской). В общей сложности в этой группе районов в 1897 г. проживало 14% всех русских, а в 1917 г. – 15,9%.

К **третьей группе районов** отнесем те, где доля русских была от 5 до 15%. К ним относились Прибалтика и Закавказье. В Закавказье процент русских повысился с 4,7 до 6,2. Однако это было за счет переселения в основном в города. Более значительно увеличился процент русских в Азербайджане (с 5,3 до 8,4%) и в Грузии (с 5,7 до 7,5%), а в Армении снизился (с 4,8 до 2,2%). В Прибалтике увеличение численности русского населения произошло за счет лишь одной губернии – Лифляндской (территории южной Эстонии и северной Латвии), где возрастание было выше среднего – с 5,2 до 8,2%; в Эстляндской этот процент сократился (с 5,0 до 4,9%), а в Курляндской остался на одном уровне (3,8%). Русское крестьянство и в Прибалтике, и в Закавказье было представлено небольшими, компактными группами, часть которых составляли староверы.

Среди отдельных губерний этих регионов доля русских более 5% была в Киевской (5,9 и 5,8%), Минской (3,9 и 7,6%), Ковенской (4,5 и 5,9%), Бессарабской (8,1 и 5,9%), Бакинской (9,4 и 14,2%), Тифлисской (8,8 и 9,8%) губерниях, в Сухумском округе (5,7 и 11,4%) и в Батумской области (6,9%). Всего насчитывалось 10 губерний и областей с процентом русских от 5 до 14%. Это были окраинные губернии, где был высок процент русских в городах с развивающейся промышленностью – Киеве, Минске, Баку, Тифлисе, Батуми, Ковно и других. Всего в Прибалтике и Закавказье проживало в 1897 г. 0,2 и 0,5% русского населения страны, а в 1917 г. 0,2 и 0,6%, что составляло в 1917 г. около 153 тыс. в первой и 460 тыс. человек во второй.

Поэтому в данной книге крестьянство этих регионов специально не рассматривается, так же как и крестьянство польских губерний и Финляндии, где доля русских была еще меньше (в 1917 г. соответственно 1,3% и 1,2%). Абсолютное большинство их жили в городах.

³³ Статистический ежегодник 1918–1920 гг. М., 1921. С. 8–22. Табл. 2. Население России по переписи 1920 г.; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XVII. СССР. Народность. Русский язык. М., 1929.

В целом по Европейской России можно отметить *уменьшение* доли русских в Центре и *увеличение* ее на тех окраинах, которые мы отнесли ко второй группе регионов. Главной причиной относительного сокращения в 1897 – 1917 гг. русского населения в Центре (абсолютно оно тем не менее возросло здесь на 13 млн человек) было массовое переселение крестьянства на окраины, и в первую очередь за Урал. Демографы не исключают также и такую причину, как более высокий естественный прирост населения у нерусских народов – татар, мордвы, башкир, а также у украинцев.

Повышение доли русских в отдельных центральных губерниях объяснялось внутренними миграциями, в основном в города, и отчасти ассимиляционными процессами. Так в Центрально-Промышленный и Озерный районы переселилось много крестьян из черноземной зоны в Петербург, Москву, Тверь, Ярославль и в более мелкие города. В то же время в результате миграций из района и ассимиляции снизилась доля финнов, карел, вепсов почти повсеместно. В Петербургской губернии исчезли карелы и вепсы, в Псковской – финны. А в Нижегородской увеличилась доля мордвы и татар.

Средняя плотность населения в Европейской России в 1897 г. составляла 22,2 жителей на 1 кв. версту. Но по отдельным губерниям она колебалась от 0,5 человека (Архангельская) до 83,2 человека (Московская). В центральных регионах, где преобладали великороссы, приходилось в среднем более 40 человек на 1 кв. версту. Наибольшая плотность (свыше 40 человек) была в 10 губерниях: Московской (83,2), Курской (58,7), Петербургской (53,7), Тульской (52,7), Орловской (50,1), Рязанской (49,6), Тамбовской (46,4), Воронежской (43,9), Пензенской (43,7) и Калужской (43,6). Еще в девяти губерниях с преобладанием великороссов плотность была от 30 до 40 человек на 1 кв. версту, т.е. гораздо выше, чем в среднем по европейской части страны³⁴. Между тем в стране с такими климатическими условиями, как в Европейской России, по мнению зарубежных экономистов, оптимальным соотношением для земледелия является плотность менее 23 жителей на 1 кв. км³⁵. В европейской части страны такие условия имелись лишь в северном регионе, а также в губерниях Самарской (20,2), Уфимской (20,7), Костромской (19,4), Новгородской (13,4), Пермской (10,4) и в области Войска Донского (13,4 человека на 1 кв. версту). В остальных губерниях эта норма была в начале XX в. уже превышена³⁶.

Таким образом, русское население жило довольно компактно, в основном в центральной части страны. Здесь в 13 губерниях русские составляли более 95% населения: в Московской – 98,0%; во Владимирской – 99,7%; в Орловской – 99,1%; в Калужской – 89,6%; в Ярославской – 99,7%; в Костромской – 99,8%; Тверской – 96,8%; Рязанской – 99,8%; Тульской – 99,6%; Тамбовской – 95,0%; Новгородской – 98,9%; Псковской – 96,0%; Смоленской – 97,0%. То есть другие народности в них занимали в среднем не бо-

³⁴ См.: Россия... С. 76–77.

³⁵ Приводится по: *Пайнс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 115. Сноска.

³⁶ Россия... С. 6–78.

лее 2%. В трех губерниях русских было от 90 до 95%: в Нижегородской, Вологодской и Пермской.

Проблема аграрного перенаселения в Центре России

Вопрос о размерах аграрного перенаселения был поставлен еще в конце XIX в. известным земским статистиком С.А. Короленко на основе материалов, полученных от хозяев³⁷. Его подсчеты основывались на реальных данных и очень ценны, к ним еще вернемся. Но их впоследствии затмили данные Комиссии 1901 г., которые в дореволюционный период считались явно преувеличенными, а в советской историографии их стали приводить как яркое доказательство отсталости русского сельского хозяйства, и эти данные даже попали в некоторые учебники.

Между тем Комиссия 1901 г. (Комиссия Центра) совсем не ставила своей задачей провести точный подсчет перенаселения в деревне, а сделала лишь примерную “прикидку”. Она не проводила исследования этого вопроса, хотя именно у нее была возможность собрать сведения через сельских старост и земских начальников. Вместо этого чиновники, которым это было поручено, произвели весьма странный чисто “теоретический” подсчет, обнаружив полное незнание и этой проблемы, и вообще сельскохозяйственного производства России начала XX в.

Они условно предположили, что для подсчетов можно взять главную отрасль – зерновое производство и высчитать максимальную занятость в нем в период самой высокой занятости, а именно уборки хлебов. Уже на этом этапе выбора заложены значительные ошибки, о которых скажем далее. Затем они примерно определили среднюю норму за сезон уборки хлебов одним работником в 4,5 дес., исходя из средней производительности труда и средней продолжительности уборки. Дальнейшее исследование может внести в этом пункте лишь уточнения, связанные с тем, что у разных категорий работников (мужчин, женщин, подростков, стариков) были разные нормы, которые также зависели от урожая и погоды.

Далее бралась площадь посева хлебов – 67 457,9 тыс. дес., делилась на 4,5 дес. И получалось, что для уборки всех хлебов требовалось 15 076,8 тыс. работников. Затем приводились данные обо всех сельских жителях 86 129,8 тыс. человек и по ним определялось число работников на селе – 44 724,8 тыс. (это составляет 51,6%). Из последней цифры вычиталось 6609,2 тыс. человек, занятых в местной неземледельческой промышленности (фабрики, кустарные промыслы и пр.), и 15 076,8 тыс., нужных для уборки хлебов, и получался “излишек” рабочей силы в 23 038,8 тыс. работников³⁸.

³⁷ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V: Вольнонаемный труд / Сост. С.А. Короленко. СПб., 1892. С. 74–78.

³⁸ Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземле-

Из этих “теоретических” расчетов получалось, что из 44,7 млн работников только треть участвовала в сельскохозяйственном производстве, и то только осенью, в период уборки (в остальное время – еще меньше), еще 14,8% занимались промыслами или работали на фабриках, а 23 млн, или 51%, были лишними и бездельничали. Современники знали, что в деревне все, кто мог, в период уборки были заняты работой. Даже часть беременных на последних месяцах женщин, даже часть имеющих грудных младенцев, выезжали в поле. Было понятно, что сделаны не научные подсчеты, что это только рабочая прикидка по вопросу о количестве излишка рабочих рук в целом.

Но в советский период эта цифра стала важнейшим аргументом в доказательстве отсталости сельского хозяйства России и приводилась уже как аксиома. Особенно отстаивал эти данные А.М. Анфимов, даже экстраполировал приведенные расчеты на 1913 г. и получил уже 32 млн “лишних” рабочих рук в деревне из 57 млн, т.е. 55,9%³⁹.

Этот вопрос был уже предметом споров, и цифры Комиссии 1901 г. и А.М. Анфимова подвергались критике, с чем он не согласился⁴⁰.

Остановимся на недостатках расчетов чиновников Комиссии 1901 г. Они взяли цифру всего сельского населения Р 86 млн человек, хотя сельским хозяйством занималось в Европейской России 69,4 млн. Из них трудоспособного населения, если исходить из той же “методики”, т.е. брать 51,6%, будет всего 35,8 млн, а не 44,7 млн, как в данных Комиссии 16 ноября 1901 г. Из 35,8 млн необходимо вычесть число тех, кто не занимался земледелием, а из последних вычесть тех, кто не занимался зерновым производством. По подсчетам С.А. Короленко, на селе было 35,7 млн трудоспособных, что почти совпадает с приведенными выше данными. Из них он вычитал нижних чинов армии (1,3 млн) и занятых на мирской службе (1,5 млн). Авторы подсчетов Комиссии 1901 г. также исключали эти две категории (не вносили в число работоспособных). Затем Короленко определил число лиц, также не занимающихся земледелием: лесными промыслами было занято 2 млн человек; охотой и рыболовством – более 1 млн; скотоводством – 1 млн. По поводу последней цифры уточнения внесла перепись 1897 г. Согласно ее данным, приведенным выше, 3,6% всех сельских жителей, или 5% сельскохозяйственного населения деревни жили доходами от животноводства. От 35,7 млн это составляло 1,8 млн человек, т.е. цифра Короленко занижена, но он брал сведения начала 1890-х годов, а Комиссия 1901 г. уже могла воспользоваться данными переписи. Всего

дельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России (далее: Материалы Комиссии 16 ноября 1901 г.). Спб., 1903. Ч. 1. С. 16, 249.

³⁹ См.: *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX – начало XX века). М., 1969. С. 370–371; *Он же.* Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 92–93; *Он же.* Методика изучения социальной структуры деревни // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов-на-Дону, 1980. С. 226–227.

⁴⁰ См.: *Тюкавкин В.Г.* Аграрноперенаселение в России в эпоху империализма // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX вв.). Таллин, 1986. С. 214–225.

по подсчетам С.А. Короленко в земледелии было занято 27,4 млн человек, т.е. 76,5% сельскохозяйственного населения⁴¹.

Комиссия 1901 г. должна была высчитать трудоспособное земледельческое население, а она этого не сделала. Кроме того, нужно было вычестить и тех земледельцев, которые не занимались зерновым производством. К ним относились, по данным Короленко, 1 млн человек, занимавшихся только культурой специальных растений (льноводством, сахарной свеклой, подсолнечником и т.д.). В.И. Ленин резко критиковал Короленко за то, что тот не учел многих категорий нетрудоспособного населения (занятых домашней работой, бродяг, нищих и др.), а вычел лишь 1,4 млн взрослых евреев, которые не занимались сельским хозяйством, за что Ленин обозвал его “юдофобом”⁴².

Комиссия 1901 г. могла более точно подсчитать всех работников, занимавшихся культурой специальных растений. Конечно, в льноводческих или свеклосахарных губерниях тоже были посевы зерновых. А.М. Анфимов считал, что эти работы одновременные и в период уборки хлебов крестьяне не занимались совсем уборкой льна, конопли, сахарной свеклы, картофеля и других культур⁴³. Но в России период уборки был очень коротким из-за позднего созревания всех культур, ранних заморозков и осенних дождей. Поэтому “пересечение” этих работ было неизбежным. Кроме того, были села, волости и даже целые уезды, специализирующиеся на льноводстве, луководстве, выращивании сахарной свеклы, подсолнечника и других культур, намного более трудоемких, чем производство хлеба, но более прибыльных. С.А. Короленко знал, конечно, что в уборке перечисленных и других специальных культур был занят не 1 млн человек, а много миллионов крестьян (Россия давала до 80%, а в 1913 г. более 90% мирового сбора льна – 51 млн пудов)⁴⁴.

Комиссия 1901 г. не учитывала домашнюю работу, которой занималась часть сельскохозяйственного населения. Прежде всего, это был уход за скотом. Короленко считал 1 млн человек в чисто скотоводческих хозяйствах, но и в земледельческих дворах были лошади, коровы, свиньи, овцы, домашняя птица и прочая живность. Об объеме этой работы можно судить по следующим данным: в Европейской России в начале XX в. было 20,5 млн лошадей; 31,8 млн голов крупного рогатого скота, в том числе более 20 млн коров, 45,7 млн овец, более 11 млн свиней. По сведениям сельскохозяйственной переписи 1916 г., в хозяйствах крестьянского типа было 94,4% всего этого скота (коров – 95,7%) и за всем скотом нужен был уход: всех кормить, доить коров и коз, пасти крупный скот и т.п.⁴⁵. Конечно, труда стоило и накормить 69 млн человек, особенно с учетом того, что еду “всухомятку” крестьяне считали вредной, вызывающей болезни и еже-

⁴¹ Короленко С.А. Указ соч. С. 74–78.

⁴² Ленин В.И. ПСС.Т. 1. С. 327–328 (примечание); Там же. Т. 3. С. 284.

⁴³ См.: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 93

⁴⁴ Россия. 1913 год. СПб., 1999. С. 82. Табл. 8 (Сост. А.М. Анфимов).

⁴⁵ Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 249. Табл. 98 и 99.

дневно употребляли горячую пищу, которую надо было готовить, в том числе и в поле, на жатве.

Подсчет лиц, занятых в домашнем хозяйстве, очень затруднителен, часть работ выполнялась детьми (до 14 лет) и стариками (более 60 лет), но основная тяжесть падала на взрослых женщин и частично на мужчин. И эти работы не могли прерываться даже в период жатвы. Участие в жатве стариков и старух, детей, беременных женщин (в том числе на последних месяцах) и матерей грудных детей говорит о том, что в этот горячий период крестьянству приходилось напрягать и перенапрягать свои силы. Ведь при нормальных условиях жизни эти категории населения не должны были работать. Так что, если говорить о периоде уборки и сенокоса, “лишних” людей в деревне было в несколько раз меньше, чем 23 или 32 млн человек, высчитанных “теоретически”. В периоды уборки урожая всех культур – зерновых, специальных, технических, огородных – в деревне не только не гуляли миллионы лишних людей, но и приезжали на помощь родным рабочие, “не потерявшие связи с землей” (выражение В.И. Ленина), возвращались многие отходники из городов, резко сокращали работу фабрики в сельской местности.

Более правильная методика подсчетов размеров перенаселения была предложена тем же С.А. Короленко при определении максимальной занятости взрослого мужского населения в деревне. Он взял работников в зерновом производстве с поправкой на другие отрасли сельского хозяйства, с учетом средней производительности труда одного работника-мужчины. Его подсчеты показали избыток работников в центральных губерниях в 6360 тыс. Зато в ряде губерний, по его расчетам, оказался недостаток в 2173 тыс. Из мест излишков шел отход в места постоянного прихода батраков. Оставался избыток в 4187 тыс. взрослых мужчин (старше 14 лет)⁴⁶.

Естественно, Короленко учел солдат, мирскую службу и названные выше занятия. Я считаю правильным следующий отзыв В.И. Ленина о приведенных расчетах: “Несмотря на то что приемы расчетов г-на С.А. Короленко далеко не всегда удовлетворительны, его общие выводы (как увидим неоднократно ниже) следует считать приблизительно верными, а число бродящих рабочих не только не преувеличенным, а, скорее, даже отстающим от действительности”⁴⁷.

Этот избыток мужского сельскохозяйственного населения в 4,2 млн человек с конца XIX в. постоянно увеличивался. И он как раз составлял неземледельческий отход мужчин. Женский избыток лишь частично поглощался неземледельческим отходом. Оставаясь в деревне, этот избыточное население позволяло делать тот “рывок” в периоды страды, о котором говорилось выше. Подсчет избытка женщин более затруднителен из-за совершенно необъятных размеров домашнего хозяйства, которое приходилось даже частично бросать на больных стариков и малых детей в периоды страды.

⁴⁶ Короленко С.А. Там же.

⁴⁷ Ленин В.И. ПСС. Т 3. С. 234.

Подсчет избытка рабочих рук в начале XX в. в деревне, если исходить не из теоретических прикидок, а из реальных фактов действительности, нужно связывать с отходничеством. В отход шли работники, без которых в семье могли обойтись. Для всей Европейской России подсчет земледельческого отхода должен учитывать одно обстоятельство, которое отметил еще С.А. Короленко: из одних мест шел отход в другие места. Но из центральных великорусских губерний, где и наблюдалось в основном аграрное перенаселение, шел только отход. Приход работников сюда все же был, но незначительный (данные о нем есть в названных выше кандидатских диссертациях). Весь же неземледельческий отход можно считать избытком работников в крестьянских семьях, но это не касалось имений – экономий помещиков. В последних иногда оставался спрос на рабочие руки, но отход шел туда, где можно было заработать больше. В.И. Ленин писал, основываясь на земских данных: “Из многих мест выхода рабочие уходят в таком большом количестве, что в этих местах получается большой недостаток рабочих”⁴⁸. Калужские помещики, например, в Комитете Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности обсуждали вопрос о необходимости ввоза работников из западных губерний, так как из их губернии был большой отход крестьян⁴⁹. Отход оказывал самое прямое влияние на размеры перенаселения. Из 100 человек сельского населения паспорта в 1896 г., по данным переписи 1897 г., были выданы: в Тульской губернии – 14,4%, Рязанской – 17,9%; Московской – 16,6%; Калужской – 20,5%; в большинстве остальных центральных губерний – от 7 до 15%. Всего было выдано 7 млн паспортов. Из всех отходников, по данным проф. П.А. Вихляева, неземледельческий отход составлял в черноземной Воронежской губернии 24,4%, а в нечерноземной Тверской губернии 92,1%⁵⁰. По данным Л.В. Милова, в 1900–1910 гг. отход ежегодно был равен 8,8 млн человек, а в 1906–1910 гг. в среднем выдавалось даже 9,4 млн паспортов и “неземледельческий отход составлял более половины общего числа крестьян-отходников”⁵¹. Это соответствует данным П.А. Вихляева.

Большое количество отходников было доказательством наличия перенаселения в деревне. Размеры перенаселения примерно и совпадали с числом отходников. Учитывая, что часть отходников не брала паспортов по разным причинам (нежелание платить за паспорт, участие в отходе несовершеннолетних – до 21 года – и т.п.), на основе земских данных можно предположить, что реальный отход был на одну треть больше официального или примерно 12–13 млн человек в год в 1906–1910 гг. и до 13–14 млн в последующие три года. Паспорта выдавались сроком на 3 или 6 месяцев и на год. Преобладали первые два вида, так как отход на 70% был с ноября

⁴⁸ Ленин В.И. Там же. Т. 3. С. 233.

⁴⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственного промысла. Калуга; М., 1904. Т. 14. С. 61.

⁵⁰ Вихляев П.А. Очерки из русской сельскохозяйственной действительности. СПб., 1901. С. 10–14.

⁵¹ Милов Л.В. Отходничество // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 696.

до апреля. Большое число городских отходников в период сенокоса и уборки возвращались в деревню. Для центральных губерний было характерно увеличение в летние месяцы сельскохозяйственного отхода на юг и в Поволжье, где средние цены на рабочие руки были в период уборки в 1,5 раза выше. Отход сокращал рынок наемной рабочей силы в Центре.

Зимой занятость крестьян уменьшалась, но одолевало много других работ. Одно их перечисление заняло бы много страниц. Оставались в полном объеме и даже возрастали работы в домашнем хозяйстве, в животноводстве, по продаже части сельхозпродуктов. Последние требовали поездки в поселки и города, где торговали не только на рынках, но и во дворах и прямо в домах. Знаменитые “молочницы” с раннего утра привозили по заказу молоко, сливки, сметану, творог, яйца, овощи зажиточным горожанам. Многие крестьяне и особенно крестьянки зимой занимались ремеслами и промыслами не только для себя, но и на продажу (шитье обуви, одежды, прядение, ткачество, вязание и пр. и пр.). Хозяева должны были подготовиться к летним работам, отремонтировать или изготовить новые сохи, бороны, телеги, колеса, упряжь. Зимнее время – основное время для заработков: в городах, на лесных промыслах, на строительстве. Артели мужиков могли построить не только крестьянский дом, но и кирпичные многоэтажные дома в городах.

Большинство фабрик в России было расположено не в городах, а в селах. Еще В.И. Ленин опубликовал данные об этом и отметил: “Если мужик не идет на фабрику, то фабрика идет к мужику”⁵². Сельские фабрики приспособлялись к циклу сельскохозяйственных работ, сокращали производство осенью и резко увеличивали его зимой.

Конечно, интенсивность работ в зимний период была меньше. Крестьяне должны были несколько отдохнуть от огромного трудового напряжения летом. Молодые шумно отмечали праздники, гуляли, играли свадьбы. Для пожилых это был период своеобразного лечения: можно было прогреть ноющие кости на печи долгими ночами, отоспаться, отлежаться. Однако для большинства крестьян это был трудовой период. Во время крепостного права их заставляли работать помещики, их старосты и управляющие, а в новое время гнала на заработки нужда, приходилось готовиться к летним трудам. Поэтому называть сельских тружеников “крестьянами-лежебоками” совершенно несправедливо. Это обидное прозвище некоторые современные историки, а за ними и авторы многих учебников относят и к крестьянам России начала XX в.⁵³, что противоречит историческим фактам, свидетельствующим об огромном изнурительном труде основной массы крестьянства, кормившего все несельскохозяйственное население России (более 30 млн человек) и значительную часть населения Западной Европы. Крестьяне России, составляя менее 8% населения мира, производили 25% всех хлебов, поставляли четверть мирового экспорта хлебов, много льна, леса, мяса, масла, сахара, яиц и других продуктов. Это

⁵² См.: Ленин В.И. ПСС.Т. 3. С. 518–525.

⁵³ См.: Анфимов А.М. Новые собственники (Из итогов столыпинской реформы) // Крестьяноведение. Теория, история, современность: Ежегодник. М., 1996. С. 60–92.

главное доказательство того, что крестьяне были тружениками, а не “лежебоками”. Есть еще много других доказательств этого (промыслы, мелкая промышленность, работа на сельских фабриках, торговля, сельская кооперация и др.).

Хотя на селе, как и везде, были лентяи и пьяницы, но это были единицы, а называть поколение русских крестьян конца XIX – начала XX в. “лежебоками” должно быть стыдно.

Русское население Сибири, Степного края и Туркестана

Сибирью в конце XIX в. называли всю территорию от Урала до Тихого океана. Лишь позднее стали выделять Дальний Восток. Уже в XVII в. крестьянская колонизация Сибири стала занимать главное место в освоении края. Русские крестьяне мирно уживались с местными народностями. В начале XVII в., в 1622 г., по данным администрации, в Сибири было 173 тыс. местных и 23 тыс. пришлых жителей. По данным первой ревизии (1719 г.), население всей Сибири уже насчитывало 241 тыс. душ мужского пола (м.п.), в том числе аборигенов – 72 тыс. душ (или 29,9%) и пришлых 169 тыс. душ м.п. (70,1%). Местные народы не вымирали, вопреки утверждениям народнических авторов (А.П. Щапова и других), а имели высокие темпы прироста. Об этом говорят сведения последующих обследований: по II ревизии (1745 г.) коренных жителей было уже 108 тыс. душ м.п., по V (1796 г.) – 183 тыс., по X (1858 г.) – 324 тыс. душ м.п., т.е. за 140 лет население увеличилось на 252 тыс. ревизских душ (в 3,5 раза) или по 1,8 тыс. душ м.п. в год⁵⁴.

Одновременно увеличивалось и русское население. По данным тех же ревизий (II, V, X), оно насчитывало соответственно: 198; 412 и 1144 тыс. душ м.п., или 64,7; 69,2 и 77,9%. Несмотря на значительное переселение из России, удельный вес русских увеличился за 140 лет (от I до X ревизий) всего на 8%, что свидетельствовало о высоком приросте населения у местных народностей. Нужно отметить, что в данных всех ревизий и отчетов местных властей под “русскими” имелись в виду все три народа. Демограф В.М. Кабузан сделал попытку вычленив великороссов и получил следующие цифры их удельного веса в Сибири: в 1795 г. – 68,9%, в 1858 г. – 74,1%. Таким образом, до XX в. доля малороссов и белорусов была небольшой. Среди русского населения крестьяне составляли в XVII – начале XVIII в. около 60%, а с середины XVIII в. до конца XIX в. – свыше 80%⁵⁵. Перепись 1897 г. выделила в Сибири все народы, в том числе впервые были точно названы великороссы, малороссы и белорусы.

Данные табл. 3, где выделены великороссы, показывают, что их удельный вес в Сибири с 1897 по 1917 г. вырос незначительно: с 76,9 до 78,2%,

⁵⁴ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 146, 153. Табл. 4, 5; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.М., 1960. С. 616–617.

⁵⁵ См.: История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 183. Табл. 1; Кабузан В.М. Русские в мире.. С. 287. Табл. 5.

или всего на 1,3%, хотя известно о миллионах переселенцев из исконно русских губерний за Урал. Это произошло в результате резкого увеличения переселения в Сибирь малороссов и белорусов. Если в 1897 г. малороссы составляли здесь 4% населения, то в 1917 г. – более 9%. Стремясь уменьшить переселение малороссов за границу, правительство организовывало их переезд морем на Дальний Восток. Именно здесь осела их большая часть: их процент увеличивается на Дальнем Востоке с 1897 по 1917 г. с 6% (61,5 тыс.) почти до 23% (430 тыс.).

Доля русских повысилась более значительно в тех районах Сибири, где мало селилось представителей других народов, а именно в Иркутской губернии (с 73 до 78%), в Забайкальской области (с 65,5 до 70,3%) и на Сахалине (с 54 до 62%). В Амурской и Приморской областях удельный вес русских снизился, и в последней стали преобладать украинцы (48% против 31% русских)⁵⁶. Между тем данные официальной статистики свидетельствовали о значительном увеличении процента русского населения за 1897–1911 гг.: с 4 651 313 до 7 995 620 человек, что увеличивало долю русских с 80,7% до 85,5%⁵⁷.

В Сибири все три русские народы жили рядом, иногда в одних селах, так как при заселении переселенческих участков не делалось различий по этническому признаку. Поэтому межэтнических браков между русскими и украинцами или белорусами было гораздо больше, чем на их этнической родине. К моменту переписей 1926 и 1939 гг. значительное число украинцев назвали родным языком русский. В 1939 г. в Приморской области было уже не 48% украинцев, а 18,6%⁵⁸.

Русское крестьянство жило в Сибири главным образом вдоль полосы Сибирской железной дороги, по обеим ее сторонам (ранее это была полоса Московского тракта). В этой полосе, ширина которой в Западной Сибири достигала 350–750 км (большое отклонение на юг, особенно на Алтае), а в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – 200–300 км, проживали более 80% русского населения, хотя она занимала менее 10–15% всей территории губерний и областей. В северных уездах русские этнические территории сформировались по долинам рек. В Западной Сибири (Тобольская и Томская губернии, Акмолинская область) проживало две трети русского крестьянства региона. При очень низкой средней плотности населения (менее 1 человека на 1 кв. версту) некоторые уезды были гораздо более заселенными. В Тобольской губернии в Курганском уезде плотность была 13 человек, в Ялуторовском – 10, в Тюменском и Ишимском – по семь с лишним человек на 1 кв. версту, в Тюменской губернии в Барнаульском уезде – 5,5 человека на 1 кв. версту, в Забайкальской области в Верхнеудинском уезде – 5,6 человека, в Иркутской губернии Балаганском уезде – 3,9 человека, в Енисейской губернии Красноярском уезде 5,2 чел на

⁵⁶ Кабузан В.М. Указ соч. С. 219, 287.

⁵⁷ Азиатская Россия. Т. I. С. 82–85. Табл.

⁵⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Краткие итоги. М., 1992. С. 60–61.

1 кв. версту. Но лишь отдельные волости этих уездов имели плотность населения, сравнимую с центральными российскими губерниями⁵⁹.

Сельскохозяйственное население было зафиксировано в переписи 1897 г. по графе главных доходов. Земледелием, как основным занятием, жили в Сибири 783 тыс. самостоятельных работников (с семьями 3904 тыс. человек или 64% населения), скотоводством – 184 тыс. (с семьями 867 тыс. – 14%), охотой и рыболовством – 1,5%, всего же около 80% населения занимались сельскохозяйственным трудом. В Сибири была выше доля скотоводства, но это относилось почти целиком к нерусским народам. Среди русского населения земледелием занималось около 80%, в том числе в Тобольской губернии – 88% сельского населения, в Томской – 82%, в Енисейской – 72%, Иркутской – 69%, в Забайкальской области – 61%, на Дальнем Востоке – до 70%⁶⁰.

Перепись 1897 г. зарегистрировала в Сибири 1400 тыс. человек уроженцев Европейской России, в том числе родившихся в Пермской губернии – 116 тыс., в Курской – 95 тыс., в Тамбовской – 93 тыс., в Воронежской – 92 тыс., в Самарской – 80 тыс., в Вятской – 75 тыс., в Пензенской – 56 тыс., в Рязанской – 47 тыс., в Орловской – 43 тыс., в Саратовской – 43 тыс., в Казанской – 36 тыс. человек. Остальные были представлены меньшим количеством. Следовательно, контингент русских крестьян-сибиряков формировался во второй половине XIX в. из уроженцев главным образом центральных губерний России, тогда как в первые века освоения края в него шли в основном жители северных регионов, где не было крепостного права. В последующий период к 1911 г. из великорусских районов наибольшее число переселенцев дали губернии черноземной полосы: Курская 185 тыс. человек, Воронежская – 137 тыс., Орловская – 115 тыс., Тамбовская – 95 тыс. Таким образом, уменьшение доли русских в Центрально-Земледельческом регионе сопровождалось увеличением их доли в Сибири. Из малороссийских губерний широко были представлены уроженцы Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний.

Одновременно в Сибири, как и во всей Азиатской России, значительно увеличилось число жителей национальных районов. За период с 1897 г. по 1911 г., за который имеются более точные данные, в Сибири все население увеличилось с 5760 тыс. до 9 366 тыс. человек (на 163%), в том числе нерусские народы увеличили численность с 1209 до 1370 тыс. человек (на 113%). Наибольший рост дали буряты – с 289 до 333 тыс., якуты – с 226 до 245 тыс., сибирские татары – с 176 до 208. Из 30 народностей, включенных в официальный обзор, 27 увеличили численность и три несколько сократили: вогулы (манси) – с 7426 до 6814, юкагиры – 754 до 723 и гиляки с 4649 до 4298 человек. В начале XX в. в Сибири сохранились и дали прирост многие мелкие национальности, насчитывающие всего несколько сот (алеуты, карагасы, тофалары, енисейские остяки, чуванцы) или несколько тысяч человек (чукчи, коряки, камчадалы, айны, эскимосы, остяки-ханты,

⁵⁹ См.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 176–179.

⁶⁰ Там же. С. 179.

долганы и другие). Почти все они сохраняли свой язык, свои обычаи, занятия. Многие из них под влиянием русских крестьян стали заниматься земледелием (буряты, сибирские татары, якуты, алтайцы и др.), но незначительная их часть продолжили заниматься кочевым (или полукочевым) скотоводством, охотой и рыбной ловлей⁶¹.

Широкое переселение русского крестьянства шло также в **Степной край**. Название это произошло от Степного генерал-губернаторства, учрежденного в 1882 г. после ликвидации Западно-Сибирского генерал-губернаторства. К Степному краю была отнесена часть Западной Сибири с г. Омском (он был центром обоих названных генерал-губернаторств), входившая к Акмолинскую область. В Степной край вошла из Оренбургского генерал-губернаторства Уральская область (Яицкий городок – Уральск – был основан русскими еще в начале XVII в., а русские крестьяне и холопы основали на реке Яик казачьи поселения в конце XV – XVI в.), где было также значительное число русских. Кроме того, в состав Степного края входили Тургайская и Семипалатинская области, присоединенные к России в 1731–1740 гг. в результате договоров с ханами Младшего и Среднего жузов. В них русского населения было гораздо меньше.

По официальным данным, в Степном крае процент русского населения (трех народов) в 1897–1911 гг. поднялся с 20% (493 тыс.) до 40,3% (1544 тыс.), т.е. в два раза, хотя число русских народов увеличилось более чем в три раза. Это свидетельствует о высоком естественном приросте местных народностей, прежде всего казахов (официально они тогда назывались киргизами). В том числе удельный вес трех русских народов возрос за 1897–1911 гг. в Акмолинской области с 33 до 57,8% (с 226 до 835 тыс. человек), в Уральской – с 25,4 до 37% (со 163 до 298 тыс.), в Тургайской – с 7,7 до 33% (с 35 до 235 тыс.), в Семипалатинской – с 10 до 20% (с 68 до 175 тыс.)⁶². Как видим, произошло некоторое перераспределение: Тургайская область переместилась и по удельному весу и по численности трех русских народов с последнего 4-го места на 3-е.

Удельный вес великорусского населения был несколько ниже приведенных данных, так как в степные губернии стремились попасть украинцы, привыкшие к таким местностям. В Акмолинской области в 1897 и в 1917 г. процент великороссов составлял 25,5 и 27,2%, в Уральской – 24,9 и 41,4%, в Тургайской – 6,7 и 16%, а в Семипалатинской – 9,5 и 13,7%. Для 1897 г. приведены сведения переписи, а для 1917 г. – подсчеты В.М. Кабузана по данным текущей статистики и другим материалам. Цифры за 1897 г. очень близки к сведениям официального издания “Азиатская Россия”, подготовленного Главным Управлением землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) на основе учета переселенцев, которым руководил опытный статистик Н.В. Турчанинов. В них процент трех русских народов в 1897 г. отличается от процента великороссов, по данным переписи, по трем областям всего на 0,5–1,0% и лишь по Акмолинской области – на 6,5%. А вот данные за 1911 и

⁶¹ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 81–87, 95–106.

⁶² Там же. С. 82–85. Табл.

1917 г. показывают разницу между тремя народами и великороссами по двум областям (Акмолинской и Тургайской) более чем в два раза. Хотя и известно о большом количестве украинских переселенцев в Степной край, но, очевидно, процент великороссов для 1917 г. занижен. Косвенным свидетельством этого являются данные переписи 1926 г. По ним процент русских (великороссов) по двум областям увеличился очень значительно (по Акмолинской области на 9,4%, а по Семипалатинской – на 22,1% или в 2,5 раза). Но и по тем, и по другим, данным в Степном крае к 1917 г. сложилась значительная этническая территория великороссов и украинцев⁶³.

В **Туркестане** (территория Туркестанского генерал-губернаторства) доля русских был заметной в Семиреченской области (в 1897 г. – 7,8% и в 1917 г. – 19,4% населения), так как здесь было образовано в 1867 г. Семиреченское казачье войско (945 тыс. человек в 1917 г.). Остальные русские проживали главным образом в городах (в г. Верном – центре генерал-губернаторства и в областных центрах). В 1913 г. закончилось строительство Романовского канала длиной 140 верст в районе так называемой Голодной степи у р. Сыр-Дарья и строилась густая сеть арыков и каналов в 1600 верст. Предполагалось привлечь на льготных условиях сотни тысяч русских крестьян для широких посевов хлопка. Государственная Дума запланировала на развитие орошения и привлечение переселенцев неслыханную сумму в 150 млн руб. на 5 лет. Но заселение Голодной степи было проведено лишь частично (20 тыс. дес. из запланированных 65 тыс.), так как осуществлению плана помешала первая мировая война⁶⁴.

В общем, в пределах азиатской части страны в 1897 г. проживало 9% великороссов, а в 1917 г. – 11,7%. В Сибири в 1897 г. было 7,9% всех великороссов империи (4405 тыс. человек), а в 1917 г. – 9,7% (7438 тыс.), в Степном крае и Туркестане в 1897 г. – 1,1% всех великороссов (612 тыс.) и в 1917 г. – 2% (1533 тыс.). Из них крестьянство составляло около 80%, или более 8 млн человек.

На сельскохозяйственное производство России большое влияние оказал тот факт, что на огромной территории везде проживали великороссы и родственные им православные народы – малороссы и белорусы. Их многовековой опыт освоения новых земель сыграл громадную роль в развитии земледелия страны, обеспечил экономические связи регионов и то единство, которое М. Блок назвал “проницаемостью” для экономики и способностью к обмену, укреплению российской государственности.

⁶³ Там же; Кабузан В.М. Указ соч. С. 208–209, 287.

⁶⁴ См.: Кривошеин К.А., Кривошеин А.В. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 131–135.

Глава II

КРЕСТЬЯНЕ И ЗЕМЛЯ

Постановка проблемы

Для крестьян земля была подлинной кормилицей, “землей-матушкой”, “земелькой”, “землицей”. О ней народ сложил много пословиц: “С родной земли умри, не сходи”, “Господь повелел от земли кормиться”, “Своя земля и в горсти мила”. С землей были связаны надежды на лучшую жизнь, без земли не могло быть хозяина, так же как “без хозяина земля сирота”. Когда мужик пахал землю, он снимал обувь и шел за сохой и плугом босиком, чтоб не повредить землю. Но к концу XIX в. очень многим крестьянам земли не хватало, чтобы прокормить семью.

Казалось, что земли в России очень много. По данным обследования землевладения 1905 г., Россия занимала (без Польши и Финляндии) 1955 млн дес. земли (2 млрд га), или одну шестую часть суши (16%). Населения же в ней было около 8% всех жителей земли, и, следовательно, на одного человека приходилось в 2 раза больше суши, чем в среднем в мире. Однако значительная часть территории страны была непригодной для земледелия. Особенно остро чувствовался земельный недостаток для крестьян Европейской России, в которой было 440 млн дес., или 22,5%, а сельского населения проживало более 80%. Из 440 млн дес. 138,7 млн было отведено крестьянам в наделы и 101,8 млн находилось в частной собственности. Эти земли уже в основном были освоены. Остальные 154,7 млн дес. находились в собственности казны и учреждений¹. Значительная часть этой земли была занята лесом, тундрой, болотами, горами и находилась на севере. Всего в северных уездах Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний таких земель было около 108 млн дес. и 2 млн дес. принадлежало городам. Кроме того, 16 млн дес. было в Вятской и Пермской губерниях. Разные авторы по-разному определяли количество казенной земли, которое можно было вовлечь в сельскохозяйственный оборот в ближайшем будущем. А.А. Кауфман считал, что даже на севере в дополнительные наделы крестьянам могло быть отведено 25,7 млн дес., занятых лесом². В.И. Ленин большую часть северных земель отбрасывал и предлагал включить в сельскохозяйственный фонд 39,5 млн дес. казенных земель, чтобы общий фонд считать равным 280 млн дес³. Оба эти предложения

¹ Статистика землевладения 1905 года. СПб., 1907.

² Аграрный вопрос: Сб. ст. М., 1907. Т. II. С. 305.

³ Ленин В.И. ПСС Т. 16. С. 197.

были довольно условными. Только часть казенных и удельных земель в ходе столыпинской аграрной реформы действительно указами царя была передана или продана крестьянам, о чем будет сказано далее, но этот фонд был небольшим (около 17 млн дес.). Поэтому при анализе земельной обеспеченности крестьянства следует исходить из фонда наделных и частновладельческих земель в 240 млн дес., из которого нужно исключить земли тех губерний, где почти не было великорусского населения.

Но прежде нужно отметить некоторые особенности крестьянского наделного землевладения.

Полученные по реформе 1861 г. наделы крестьян в среднем составляли 4,8 дес. на душу мужского пола или по 14,4 дес. на двор. По данным земельной переписи 1877 г., средние наделы равнялись уже 13,2 дес. на двор, а по данным переписи 1905 г. – 11,1 дес. С 1877 по 1905 г. площадь наделной земли несколько увеличилась – с 131,3 млн дес. до 138,7 млн, но рост населения шел быстрее⁴.

Уменьшение средних наделов в России происходило в связи с тем, что по традиции и нормам обычного права земля и имущество семьи после смерти ее главы делилось поровну между всеми сыновьями. Поэтому в отличие от стран Западной Европы и Японии, где участок земли наследовал только старший сын, любые наделы через несколько поколений неизбежно должны были стать недостаточными. Японский историк Т. Фукутаке, изучавший сельское общество Китая, Индии и Японии, убедительно доказал, что принцип наследования по праву первородства дал возможность создать в Японии более устойчивое хозяйство в деревне, накапливающее богатства из поколения в поколение, более зажиточное по сравнению с мелкими хозяйствами в Китае и в Индии, где наследство делили поровну и где не было такого устойчивого положения семьи в социальной жизни села⁵.

В великорусской деревне издревле землю делили поровну между наследниками, как у крестьян, так и у помещиков-дворян. Для дворян власти пытались законодательно ввести отдельные майоратные имения, которые должны были передаваться только одному наследнику, но это были исключения. Причину такого обычая в деревне можно объяснить социальной психологией русского крестьянина, который не мог нанести такой кровной обиды всем сыновьям в угоду старшему. Против этого восставало врожденное чувство социальной справедливости и чувство любви ко всем детям.

Возможность раздела земли сохранялась до тех пор, пока можно было осваивать новые земли, расширять запашку и поднимать урожайность земель без коренного изменения общинных устоев. В конце XIX – начале

⁴ Тарасюк Д.А. Поземельная собственность пореформенной России. Источниковедческое исследование по переписи 1877–1878 гг. М., 1981. С. 70. Табл. 3; Статистика землевладения 1905 г. С. 130–131.

⁵ Fukutake T. Asian Rural Society: China, India, Japan. Seattle, 1967. P. 4, 24. Приводится по: *Palinc P.* Русская революция. М., 1994. Т. 1. С. 107–108. См. также: Фукутаке Т. // Отечественная история.

XX в. в центральных губерниях эти возможности почти исчерпали себя. С 1901–1905 гг. по 1911–1915 гг. средние посевные площади в Европейской России увеличились всего на 4,1 млн дес., или на 6% за счет освобождения из-под леса, кустарников, осушения низин, распашки лугов. На 95% это увеличение было в черноземной полосе, где была более ценная земля и где сильнее ощущалось растущее малоземелье крестьян.

Поэтому в изучаемый период крестьяне стали стихийно избегать дальнейшего дробления наделов путем переселения на окраины (о чем свидетельствует демографическая статистика) или посредством ухода целых семей или отдельных их членов на постоянную работу в города, на соседние фабрики, в южные губернии и т.п. Без этого дробление наделов уже через три-четыре поколения принесло бы катастрофические результаты. Еще одним путем было расширение сфер приложения труда крестьян в самой деревне для получения дополнительных доходов за счет промыслов и ремесел. Исследованию этих сторон будет уделено внимание далее, а здесь нужно остановиться на вопросе о том, какие размеры приобрело крестьянское малоземелье фактически, несмотря на указанные обстоятельства.

Малоземелье крестьян: относительное и абсолютное

Вопрос о малоземелье крестьян Европейской России на рубеже XIX–XX в. неоднократно обсуждался на самом высоком уровне. В 1899–1901 гг. для этого было создано Особое совещание⁶. В связи с неурожаем 1901 г. была образована указом Николая II “Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения Средне-Земледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России”, материалы которой были опубликованы в трех выпусках в 1903 г. в Санкт-Петербурге. Комиссии специально признали “оскудение Центра” и представили большой материал о недостаточности крестьянских наделов большинства общин центральных губерний для прожиточного минимума и уплаты всех платежей. Таким образом, малоземелье большинства крестьян Центра было официально признано.

По данным Комиссии, средние душевые наделы крестьян Европейской России уменьшились с 1860 по 1900 г. по 50 губерниям с 3,5 до 2,6 дес., в том числе по Средне-Земледельческим юго-восточным губерниям – с 4,1 до 2,2 дес., а по юго-западным – с 3 до 1,7 дес. При этом в черноземной полосе насчитывалось в 1878 г. более 580 тыс. душ мужского пола с наделом менее 1 дес. и 1,6 млн – с наделом от 1 до 2 дес. Прожить с таких наделов было невозможно⁷.

Эта проблема обсуждалась очень широко и в экономической литературе. Авторы выделили абсолютное и относительное малоземелье, отнеся

⁶ См.: Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний // Труды Особого совещания 1899–1901 гг. / Сост. А. Поленов. СПб., 1901.

⁷ Материалы Комиссии 16 ноября 1901 г... СПб., 1904. Ч. I. С. 16.

ко второму почти все данные о недостатке земли у крестьян. Суть вопроса сводилась к тому, что наделы были недостаточны только при господствующей в России системе хозяйства и уровне агротехники. Эту мысль высказывали некоторые авторы уже в 80-е годы XIX в., например Н.Н. Романов в работе о переселении крестьян⁸. Более основательно развил это положение А.А. Кауфман – автор кадетской аграрной программы. Ссылаясь на данные Н.Н. Романова, он писал, что относительное малоземелье выражалось в следующем: “Земли эти потеряли значительную часть своей ценности от вековой дурной обработки и очень недостаточного удобрения; постепенно, введением улучшенной системы хозяйства или хотя бы усиленным удобрением, плодородие их могло бы быть восстановлено. Но крестьяне для этого средств не имеют...”⁹

Известный ученый-экономист Б.Д. Бруцкус отмечал, что целый комплекс условий создал аграрный кризис, который в сознании массы крестьянства Центра представлялся в виде элементарного факта малоземелья, требующего прирезки земли, а в сознании интеллигенции он отразился теорией малоземелья. Бруцкус считал, что аграрное перенаселение было понятием относительным. “Наделы, которые при данном уровне развития народного хозяйства не могут прокормить населения, – писал он, – были бы достаточны при более высоком развитии хозяйства”¹⁰. Как и А.А. Кауфман, он различал “относительное малоземелье”, т.е. плохое использование имеющегося земельного фонда, и “абсолютное малоземелье” как объективную невозможность прокормиться с данного надела¹¹.

Н.П. Огановский считал, что с конца 90-х годов XIX века малоземелье принимало характер абсолютного, которое он понимал как несоответствие “плотности земледельческого населения господствующей в данном районе системе хозяйства”¹². Он отмечал, что относительное малоземелье в центре страны касалось лишь отдельных общин и хозяйств, а абсолютное охватывало целые районы. Он соглашался с И.Л. Ямзиным, который писал: “В более же остром виде малоземелье выражается там, где нарушается соответствие валовой доходности данной площади продовольственным потребностям семьи”¹³.

Сходную позицию занимал крупный ученый-агроном и министр земледелия (1894–1905) А.С. Ермолов. В своих работах¹⁴ он отмечал, что в громадном большинстве случаев в России наблюдается не абсолютное мало-

⁸ См.: Романов Н.Н. Переселения из Вятской губернии. Вятка, 1880.

⁹ Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика. М., 1915. С. 175.

¹⁰ Бруцкус Б.Д. Аграрное перенаселение и аграрный строй. Приводится по: Роголина И.Л. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России. М., 1998. С. 103, 101.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Огановский О.П. Закономерность аграрной эволюции Саратов, 1914. Т. III: Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I: Население. Переселенческий вопрос. С. 72–76, 85.

¹³ Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. С. 84; Ямзин И.Л., Воицинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 39.

¹⁴ Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906; Он же. Слово о земле. СПб., 1907.

земле, а нехватка земли “для сохранения стародавних форм экстенсивного хозяйства”. Крестьяне, по его мнению, должны переходить к интенсивным методам хозяйствования, о которых он подробно писал в работе “Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севооборотов”. Увеличение урожайности на крестьянских землях до уровня частновладельческих земель решила бы, по его мнению, проблемы малоземелья¹⁵.

Таким образом, дореволюционные экономисты и агрономы считали абсолютным малоземельем тех дворов и тех общин, где значительное улучшение агротехники уже не могло обеспечить прожиточный минимум семей, а относительное малоземелье можно было ликвидировать улучшением системы хозяйств и увеличением удобрения. Провести грань между ними почти невозможно. Недостаток земли испытывали крестьяне и при относительном малоземелье, но абсолютное малоземелье лишало крестьян стимулов поднять хозяйство, отнимало всякую надежду на достижение мало-мальского улучшения жизни. Единственное спасение виделось в прирезе земли или в уходе в город или на окраину.

Сколько нужно было земли для прожиточного минимума?

Минимальные размеры прожиточного надела пытались определить многие авторы, и каждый из них называл разные цифры: от 8 дес. на двор в черноземной полосе до 30 дес. В посмертно опубликованной работе А.М. Анфимова “Неоконченные споры” в разделе “Много ли мужику земли нужно” приведены данные многих специалистов-аграрников, экономистов, самих крестьян. По расчетам агронома В.В. Винера, размер достаточной площади в черноземной зоне определялся в 12 дес. на хозяйство. В подкрепление своих выкладок Винер ссылаясь на мнения авторитетных специалистов: для Тамбовской губернии Б.А. Васильчиков определял норму в 10 дес., В.И. Орлов – 15 дес., П.А. Костычев – 12 дес.; для Тульской губернии В.М. Борисов – 10–15 дес.; для Херсонской В.Е. Постников – 15 дес. По мнению крестьян, приводимому А.М. Анфимовым, хозяйство на хуторе считалось выгодным при 10–15 дес. (по Гродненской губернии) и 15–30 дес. (по Воронежской губернии) на двор. Во время бюджетного обследования 1913 г. показания 67 хуторян дали в среднем необходимый размер на одно хозяйство – 20,6 дес., а 144 общинников – 18,5 дес. Далее приведены мнения “наиболее авторитетных специалистов из либерального лагеря” – М.И. Туган-Барановского и А.А. Кауфмана, которые отметили, что хуторская форма выгодна при значительных размерах земли, которым располагает в центральных губерниях лишь меньшинство крестьян¹⁶. Сам Анфимов, как и большинство советских историков, исхо-

¹⁵ *Он же*. Наш земельный вопрос. С. 2–5.

¹⁶ *Анфимов А.А.* Неоконченные споры. Из архива историка // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 57–58.

дил из работ В.И. Ленина, который считал, что в начале XX в. “для сведения концов с концами в земельном хозяйстве нужны не менее 15 дес.”¹⁷

Такой разницей в определении минимального надела объяснялся нечеткостью в постановке задач и различием методик анализа. В.И. Ленин определил размеры хозяйства, которое может свести “концы с концами”. Последнее, очевидно, означало прожиточный минимум и уплату налогов. Всех крестьян, которые имели менее 15 дес. на двор – 10,5 млн дворов или 82,3% всего крестьянства – он включил в группу бедняков: “разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией”¹⁸.

Конечно, размер минимального прожиточного надела был разным в зависимости от многих факторов: качества земли, средних урожаев, близости рынков сбыта и других, определявших большую или меньшую доходность земледелия в данном районе или отдельном селе. Но общую методику подсчета еще в 70-х годах XIX в. предложил либеральный экономист Ю.Э. Янсон. Он исходил из того, что 30 пудов хлеба на душу населения обеспечат питание и корм скоту. При этом он отметил, что не включил расходы на подати. Янсон подсчитал, что для семьи в шесть человек, являвшейся средней и состоявшей из 1,62 мужчины-работника, 1,62 женщины-работницы и 2,7 малолеток и стариков, на которую полагалось 2 надела, необходимо 182 пуда хлеба плюс 52 пуда на семена. Взяв средние нормы посева яровых и озимых и их средние за те годы урожаи (сам-4,86 для первых и сам-4,11 для вторых), он определил, что для сбора 234 пудов нужно иметь 5,6 дес. посева, а при трехпольной системе (третье поле под пар), всего округленно 8,5 дес. пашни. К ним он добавил 1,5 дес. луга (для пастбища и укоса 200 пудов сена), и требовалось еще 0,5 дес. для усадьбы и огорода – всего 10,5 дес., или 5 дес. на ревизскую душу для черноземной полосы¹⁹. Для нечерноземной полосы с урожаями сам-3,5, норма душевого надела должна была быть выше. Историк П.А. Зайончковский считал, что неучтенные при такой методике расчетов доходы от животноводства и огорода давали возможность уплатить налоги и купить некоторые необходимые товары²⁰.

В этом подсчете кажется преувеличенной норма потребления хлеба в 30 пудов, или 480 кг. По этому поводу существует много мнений. Некоторые исследователи пореформенной деревни считали достаточными для питания и прокорма скота 18 пуд. на сельского жителя. Иногда в эту норму включали и картофель (из расчета 3 пуда картофеля за 1 пуд хлеба).

По данным А.С. Нифонтова, в последнее десятилетие XIX в. средние душевые сборы хлебов и картофеля (в пересчете на хлеб) составляли по отношению ко всему населению России 3,08 четверти (24,64 пуд.), а по отношению к сельскому населению 3,55 четверти (28,4 пуда). При этом в черноземной полосе сельские жители собирали 3,90 четв. (31,2 пуда),

¹⁷ Ленин В.И. ПСС Т. 17. С. 64.

¹⁸ Ленин В.И. ПСС Т. 16. С. 203.

¹⁹ Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. С. 55, 70.

²⁰ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1954. С. 216.

а в нечерноземной полосе – 2,92 четв. (23,4 пуда). По сообщениям с мест, нормы душевого потребления составляли в черноземной полосе 2,5 (20 пудов), а в нечерноземной – 2,25 четверти (18 пуд.). Таким образом, в первой полосе излишки составляли 11,2 пуда на душу сельского населения, а во второй – только 5,4 пуда. Но при этом были целые районы, в которых сбор был ниже среднего. В черноземной полосе такими районами были Юго-восточный (сбор 21,3 пуда) и Средневолжский (28,8 пуда), а в нечерноземной – Северный (15,2 пуда), Северо-Западный (18,64 пуда), Центрально-Нечерноземный (19,8 пуда). В Северном районе (губернии Архангельская, Вологодская и Олонецкая) сельские жители постоянно нуждались в привозном хлебе, а в нечерноземной полосе в половине губерний сбор был ниже потребления в северо-западных (особенно Петербургской) и в семи центрально-нечерноземных (с учетом городского населения). Нормы потребления, рассчитанные А.С. Нифонтовым для сельского населения – 18 и 20 пудов хлеба и картофеля (в переводе на зерно, т.е. 3 пуда за 1 пуд), – можно считать достаточными, хотя средние нормы скрывают, что значительная часть крестьянских хозяйств собирала зерна и картофеля меньше минимальных норм не только потребления, но и питания. Зажиточные же двory потребляли хлебов гораздо больше средних душевых норм главным образом за счет того, что они содержали значительно больше лошадей, крупного и мелкого скота, свиней, птиц, больше производили пива, кваса и самогона, что отразили бюджетные обследования²¹. Предложение Янсона и многих других авторов считать достаточным для питания и корма скота 30 пудов на душу сельского населения относилось к тем хозяйствам, которые называли крепкими середнячками.

Это подтверждается и сведениями о реальном личном потреблении хлеба на питание в начале XX в., которое составляло: в США – 7,2 пуда, в Англии – 9,4; во Франции – 12,3; в Германии – 14,2 и в России – 12 пудов на человека в год²². Невольно вспоминаются записки одного из крупных немецких разведчиков кануна первой мировой войны о том, что самым тяжелым бременем в его работе в Англии было ограничение в потреблении хлеба, чтобы не выделяться из окружающей среды.

Приведем свидетельство крестьян. В 1901 г. в Шенкурском уезде Архангельской губернии собрали урожай на душу населения: ржи – 0,7 четв. (5,6 пуда), овса – 0,44 (3,5 пуда), ячменя – 0,715 (5,72 пуда). После вычета на семена оставалось 1,39 четв. (11,12 пуда) на человека. Но поскольку овес, по словам крестьян, употреблялся на питание только на одну треть – крупую и толокном – то на 1 человека приходилось реально только 1,2 четв. (9,6 пуд.). По расчетам крестьян, на севере на питание было необходимо в среднем 1,75 четв. на 1 человека в год, т.е. 14 пудов или 224 кг – по 614 г. зерна (1,5 фунта). Кроме того крестьяне собирали по 0,29 четв. (2,3 пуда) картофеля на человека, который они в расчет не брали. В своих

²¹ Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века М., 1974. С. 284, 286–288, 294–297.

²² Кауфман А.А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1918. С. 275.

приговорах крестьяне просили прирезки земли под пашню даже при сравнительно высоких нормах надела, так как в этом регионе широко было развито молочное скотоводство и значительная часть надела и поляны в лесу использовались под покос и пастбище²³. В этом документе засвидетельствован широко известный факт использования значительной части овса (только трети) на питание крупой (не только английские лорды ели овсянку) и – еще более важно – в виде толокна. Целые поколения детей выросли на питании толоконной кашей, которая полезнее манной. Этот факт важен потому, что некоторые советские историки предлагали исключить полностью овес из продовольственных хлебов. Такой точки зрения придерживался А.М. Анфимов²⁴.

Сравнение России с западными странами по нормам общего потребления хлебов не учитывает большую роль пастбищ и сена в России по сравнению с Германией, Францией и другими государствами, где уже переходили на стойловое содержание скота из-за недостатка пастбищ и сенокосов. В то же время необходимо учитывать, что доля городского населения у них была гораздо выше и поэтому производство хлебов на душу сельского населения тоже должно было быть выше. Во всех странах городское население потребляло хлеба на питание в среднем на одну треть меньше, чем сельское (6–8 пуд. на одного человека).

Либеральный экономист и статистик Л.Н. Маресс, автор статьи “Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве” (СПб., 1897), вычислил продовольственную норму крестьянина-работника в 19,5 пуда, а с присоединением хлеба на корм скоту – 26,5 пуда. А.В. Чаянов определял среднюю для всех крестьян норму потребления в 18 пудов на душу²⁵. Агрономическое совещание Саратовской губернии в 1909 г. по докладу агронома П. Вуттке подсчитало годовое потребление семьи в шесть человек в размере 108 пуд. ржи (по 50 коп. за пуд – 54 руб.), пшеницы – 24 пуда (по 75 коп. – 18 руб.), проса – 40 пуд. (по 60 коп. – 24 руб.) и картофеля – 60 пуд. (по 15 коп. – 9 руб.). Из расчета на одного едока это составило 22 пуда хлеба и 10 пуд. картофеля с учетом уплаты податей. Но этот расчет делался для образцовых крестьянских хозяйств, деньги на которые испрашивались у государства, поэтому еще предполагалось включить расходы на мясо (5 пудов), молоко (22 ведра), сало, овощи, масло, соль, чай, сахар и т.д., т.е. “с запросом”²⁶. Но потребление хлеба из расчета 22 пуда на одного человека считалось достаточным при значительном количестве скота в образцовых хозяйствах.

Академик Н.М. Дружинин предложил для 70–80-х годов XIX в. деление сельских общин на три категории: 1) малоземельные, имевшие до 2 дес. (включительно) надела на ревизскую душу; 2) среднеземельные – свыше 2–5 дес. (включительно); 3) многоземельные – более 5 дес.²⁷

²³ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 953. 1901 г. Л. 134–139.

²⁴ См.: Россия. 1913 год. СПб., 1995. С. 75. Табл.; С. 77. Табл.

²⁵ См.: Кауфман А.А. Указ. соч. С. 278–279.

²⁶ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1422. 1909 г. Л. 108–108об.

²⁷ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1881 гг. М., 1978. С. 119.

По данным земельной переписи 1877–1878 гг., в 30 губерниях Европейской России 34,6% ревизских душ имели наделы более 5 дес. Такой сравнительно высокий процент был за счет окраинных регионов: Приуралья (62%), Степного (87,7%), Северо-Западного (56,8%). В Центрально-Земледельческом районе, который тогда считался житницей страны, только 21% ревизских душ имели надел свыше 5 дес. В целом для всех районов у бывших государственных крестьян 79,5% ревизских душ проживало в общинах с наделом свыше 5 дес., а у бывших помещичьих – 14%²⁸.

По критериям Н.М. Дружинина, в 1870-х гг. 9,6% ревизских душ жили в общинах с абсолютным малоземельем (надел до 2 дес. на душу м.п.); 55,7% – в общинах с относительным малоземельем (от 2 до 5 дес. включительно) и лишь 34,6% имели достаточные наделы. Эти данные относились к 30 центральным губерниям и не включали самые многоземельные окраинные регионы. Такое деление весьма условно, но отражает наличие значительных малоземельных групп крестьянства уже к 80-м годам XIX в.

В начале XX в. изменились некоторые условия развития крестьянского хозяйства, повлиявшие на величину минимального надела. При уменьшении средних наделов увеличились средние урожаи (с 31 пуда с 1 дес. в 1870–1880 гг. до 43 пудов в 1900–1910 гг., или на 140%). Поднялись продажные цены на продукты сельского хозяйства. Выросла доходность земледелия: по расчетам А.М. Анфимова, валовая доходность с 1 дес. ржи с 1880-х по 1900–1915 гг. поднялась на 165%, а с 1 дес. пшеницы – на 10–15% больше, так как цены на нее росли быстрее. Все это позволило несколько уменьшить относительное малоземелье: рост урожаев на наделных землях свидетельствовал об улучшении систем земледелия и увеличении применения удобрений, ибо иначе поднять урожайность на выпаханых землях было невозможно. При более высоких урожаях даже с наделных земель для получения 234 пудов хлеба достаточно было не 5,6 дес. посева, а 4,2 дес. и всей пашни 6,3 дес. С добавлением 2 дес. пастбищ, огорода и усадьбы минимальный прожиточный надел определяется по черноземной зоне примерно в 8,5 дес. и по нечерноземной – 9–9,5 дес. В начале XX в. по сравнению с периодом 70-х годов XIX в. несколько уменьшились средние размеры семей – с 6 до 5,5 человека (напомним, что Янсон вел расчеты на 6 человек).

Близкие нормы наделов называл П.И. Лященко: середняцкие хозяйства – от 8 до 15 дес., а крупнопосевные, кулацкие, предпринимательские – свыше 15–20 дес. Следовательно, норма надела середняцкого хозяйства начиналась с 8–9 дес.²⁹ Ленинская норма в 15 дес. была продиктована политизированным стремлением отнести к бедняцким хозяйствам как можно больше крестьян.

Норму 8–9 дес. надела для середняков подтверждают и многочисленные исследования советских историков расслоения крестьянства, где к беднякам отнесены хозяйства с посевом менее 4 дес. (а иногда и до 3 дес.). Это

²⁸ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 120–121. Таблицы.

²⁹ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II: Капитализм. М., 1952. С. 275.

деление было предложено еще в 1921 г. А.И. Хрящевой и подтверждалось в работах И.Д. Ковальченко, А.М. Анфимова и других авторов³⁰. Норма 8–8,5 дес. надела в черноземной полосе и 9–9,5 дес. в нечерноземной, что соответствует норме около 4 дес. посева, в разных регионах несколько изменялась в ту или иную сторону в зависимости от урожаев и соответствует среднеурожайным годам. При неурожае, естественно, благосостояние хозяйств падало, а в высокоурожайные годы несколько выправлялось.

Рост урожайности показал, что улучшение систем земледелия и увеличение удобрения земель действительно снижали гнет малоземелья. Все названные факторы могли уменьшить группу малоземельных крестьян, но рост населения шел быстрее. Кроме того, эти факторы улучшали положение только отдельных социальных групп крестьян – многоземельных и среднеземельных. Прежде чем перейти к более детальному анализу изменений в землевладении и землепользовании, остановимся на вопросе о значении качества земли и природно-климатических условий для земледелия великорусского крестьянства.

“У нас родит не земля, а небо”: влияние природно-климатических условий на земледелие

В советской историографии очень долго господствовала весьма политизированная точка зрения, трактовавшая наличие всех бед крестьянства (малоземелья, неурожаев и т.п.) социально-политическим строем, пережитками феодализма. Это было мнение русской интеллигенции, которое в более политизированном виде высказал В.И. Ленин. Он объяснял “средневековые голодовки”, сохранившиеся “в России и только в России”, тем, что “крестьяне связаны по рукам и ногам крепостниками-помещиками, крепостническим, помещичьим, царским самодержавием”. Это положение сочувственно цитировал А.М. Анфимов, который писал: “В то время как Западная Европа давным-давно забыла о массовых голодовках крестьян, в России они не только не были изжиты, а становились все более грандиозными”³¹. Анфимов отмечал, что о “крайней отсталости сельского хозяйства России свидетельствует главный показатель – производительность единицы посевной площади. Средний урожай пшеницы с десятины накануне первой мировой войны составлял в России 55 пудов, в Австрии – 89, в Германии – 157, в Бельгии – 168 пудов”³². Такое же сравнение урожайности других стран с урожайностью в России совсем без учета

³⁰ См.: *Хрящева А.И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1921. С. 60; *Анфимов А.И.* Крестьянское хозяйство... С. 188; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. Соч. С. 90–91; и др.

³¹ *Анфимов А.М.* Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенность в России // Вопросы истории. 1965. №7. С. 72, 73–74.

³² История СССР. С древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 303; *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. С. 193.

природных климатических условий характерно для многих других работ историков и экономистов³³.

Между тем влияние природно-климатических условий на урожаи было определяющим. Еще С.М. Соловьев и В.О. Ключевский отмечали большое влияние природных факторов на развитие сельского хозяйства. О худших условиях сельского хозяйства в России (более короткое время сельхозработ, недостаток осадков, заморозки весной, зимние морозы и пр.) говорили зарубежные историки и экономисты³⁴. Из советских историков первым специально исследовал этот вопрос Л.В. Милов, опубликовав с 1991 г. ряд статей, а в 1998 г. развил тему в большой монографии “Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса”³⁵.

Л.В. Милов подробно описал более тяжелые природно-климатические условия для сельского хозяйства России в XVIII в. по сравнению со странами Западной Европы. Он привел очень меткую крестьянскую поговорку: “Навоз Бога не обманет”. Крестьяне знали уже цену навозного удобрения, но поняли и решающее влияние природы, Бога.

В конце XIX – начале XX в. кардинальных изменений природных условий не произошло, однако климат стал более сухим. Существенное влияние стала оказывать и деятельность человека. Особенно пагубно сказывалась вырубка лесов, наиболее заметная в черноземной полосе, в центральных и западных губерниях. Уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А.И. Шахназаров писал в начале XX в.: “...еще 30 лет назад Курская губерния превратилась в одно сплошное поле. Все, что можно было распахать, – распахано, леса сведены, уничтожены выгоны”. Комиссия Особого совещания 1902 г. Воронежской губернии писала о последствиях такой интенсивной распашки: “В короткий пореформенный период местность уезда изменилась до неузнаваемости. Леса поредели и сократились в площади, реки обмелели или совершенно исчезли, летучие пески надвинулись на поле, сенокосы и другие уголья, поля поползли в овраги...” По данным Воронежского губернского земства, в начале XX в. в 6 уездах губернии было выявлено 2230 оврагов, занимавших площадь в 13 тыс. дес. Для их укрепления необходимо было затратить 2,5 млн руб.³⁶ Такие сведения содержатся в материалах Особого совещания Вите по ряду других губерний. Отрицательное воздействие этих факторов усиливалось, но решающими были природные условия.

Эти условия значительно отличались по регионам. Климат России был континентальный, особенно в районах проживания русского крестьянства.

³³ См.: Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917 гг. М., 1950. С. 413; *Он же*. Экономическая история СССР. М., 1978. С. 221.

³⁴ См.: Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. Гл. I. С. 14–21.

³⁵ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 37–53; *Он же*. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 6–17, 33–37, 169–189, 191–198, 383–417.

³⁶ См.: Шахназаров А.И. Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единичного владения в Курской губернии. СПб., 1910. С. 22, 27; Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству. СПб., 1906. Вып. 8 (по данным за 1904 г.).

Теплый период, когда можно было вести полевые работы, вокруг Новгорода и около Петербурга составлял 4 месяца (с середины мая до конца сентября), в центральных областях, у Москвы и южнее – 5–5,5 месяцев, в степных губерниях и на правобережной Украине – полгода. В Западной Европе этот период был 8–9 месяцев, в Германии – 7–8 месяцев и зимы теплые. В Польше и Прибалтике, в Новороссии и Предкавказье климат был мягче, но не такой благоприятный для сельского хозяйства, как в Западной Европе. В Польше хорошие урожаи всегда давали озимые хлеба, а в России в губерниях той же широты (Тамбовская, Пензенская, Самарская и другие) озимые посевы часто вымерзали зимой. В России и весной были заморозки, когда температура почвы опускалась ниже нуля. Расходы на отопление у русского мужика были в 1,5 раза больше, чем в Германии, в 2 раза больше, чем во Франции, Австрии, Англии.

Еще большее значение имело количество осадков. Для успешного земледелия было необходимо до 500 мм осадков в год (дождя и снега). В Центральном черноземном регионе осадков было в среднем 450–500 мм, в Поволжье – 250–500 мм, в южных частях Саратовской и Самарской губерний – около 300 мм, часты засухи. На Северном Кавказе норма осадков составляла 800–600 мм, на Урале и в Сибири – 200–500 мм. В Западной Европе осадков было в 1,5–2 раза больше: в Германии – 600–800 мм, в Англии – 600–2000 мм, во Франции – 600–1000 мм, в Австро-Венгрии – 600–900 мм, в США – 600–2000 мм³⁷.

Крестьяне Саратовской губернии (группа в 22 выборных) в 1909 г. после командирования земством в Волынскую губернию отметили большую разницу в климате. Они говорили: “Здесь климат более сухой. Здесь “родит не земля, а небо”. Вода на большой глубине, ее не везде можно достать. Главное зло – это засуха”³⁸. Крестьяне боролись с засухой: проводили весной борозды поперек склонов для удержания снега и дождя, вводили ранний, черный пар. Черный пар культивировался только на частных землях, так как община не могла обойтись без пастьбы скота на пару. Неплохие результаты давал рядовой посев, особенно широкорядный с рыхлением междурядьев. Но в сильно засушливые годы и это мало помогало. Проводили молебны, крестные ходы с иконами, истово молились по домам у икон, но дождей не прибавлялось³⁹. Почвы России в большинстве крупных районов южнее Москвы были черноземными, более плодородными, чем на Западе, но климатические условия были гораздо хуже. Специалисты отмечают, что выход биомассы с одного участка в Западной Европе был в 2–2,5 раза больше, чем в Центральной России.

Против доводов Л.В. Милова и Н.И. Павленко о более суровых и тяжелых природных условиях для сельского хозяйства в России выступил Б.Н. Миронов в недавно изданной монографии “Социальная история Рос-

³⁷ Справочная книга русского сельского хозяина. СПб., 1913. Отд. I. С. 216–232; Россия // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1898. С. 8–13, 23–32, 54–57.

³⁸ РГИА. Ф. 1422. Оп. 1. 1909 г. Л. 101–102.

³⁹ Там же. Л. 102об., 103об.

сии”. Основное его возражение сводится к тому, что факты противоречат их центральному тезису “о недостатке рабочего времени для сельскохозяйственных работ”. Доказательством Б.Н. Миронов считает сведения о количестве “теплых дней” в России в начале XX в. Такими днями он называет: для проведения сельхозработ дни с температурой воздуха выше 0 °С, а для роста злаков – выше 5 °С. Для нечерноземной полосы он приводит сведения по Архангельску и Москве, а для черноземной полосы – по Москве, Одессе и Ялте (?). Вывод его состоит в том, что в первой полосе сельскохозяйственные работы можно было производить 6–7 месяцев, а в черноземной полосе – от 7 до 9 месяцев⁴⁰. Можно возразить, что “теплые” дни (выше 0°) бывают и в декабре – феврале, а потом ударяют такие морозы, что все померзнет. Самый яркий пример этого на моей памяти – это оттепель в Иркутске в 1947 г. в декабре, когда закапало с крыш, потекли ручьи, температура воздуха поднялась выше 5 °С. Запомнилось это потому, что наш студенческий поэт Р.И. Смирнов тут же сочинил:

Первый день – декабря или мая?
Девятьсот сорок странного года.
Солнце все перепутало карты
У ворчливой старухи природы.

Более свежий пример – заморозки в Подмоскowie в конце апреля – начале мая 2000 г. после теплых дней первой половины апреля, на почве доходило до -7 – -11 °С. А насчет природных условий в Одессе или Ялте никто ничего плохого не писал. Только главные сельскохозяйственные районы значительно севернее и дальше от моря.

Главное же возражение состоит в том, что основные сельскохозяйственные работы начинались с сева яровых и посадки картофеля и других овощей. Б.Н. Миронов приводит, но не анализирует сведения о днях с температурой воздуха выше 6 °С. Их, по его данным, было в Москве 165 дней, или 5,5 месяцев. Но надо определять начало сева не по температуре воздуха, а по температуре почвы, которая зимой в России промерзает и оттаивает медленнее, а в Западной Европе вообще не промерзает (средняя температура зимних месяцев плюсовая). Недаром крестьяне щупали землю, чтобы определить, можно ли начать сев. Зерна, брошенные в холодную землю, давали низкие урожаи, хотя бы и воздух был прогрет. В России периоды сева, сенокоса, уборки приходилось и приходится проводить в более короткие сроки, чем в западных странах, поэтому надо было работать “от зари до зари”.

Б.Н. Миронов совсем не принимает во внимание количество осадков в России, когда обвиняет своих оппонентов в “географическом детерминизме”. Даже из художественной литературы известна глубокая печаль мужиков в середине лета, когда земля трескалась от жары, осыпались зерна из колосьев, а потом, наоборот, “лили осенние злые дожди”.

⁴⁰ См.: *Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.)*. СПб., 1999. Т. I. С. 9.

Русское крестьянство имело большой опыт учета природных условий, передавало из поколения в поколение народные приметы, старалось максимально приспособить сельскохозяйственное производство к местным особенностям. Старики узнавали сроки сева, щупая почву руками, сопоставляя все приметы. Благодаря этому удавалось свести к минимуму капризы природы, выбирать оптимальные сроки посева и уборки, отлично выращивать огородные культуры, заниматься садоводством.

По вопросу об урожайности необходимо специально остановиться на замечании западных специалистов, которое цитирует Р. Пайпс. В книге «Россия при старом режиме» он приводит слова историка В.Н. Slicher van Bath: «В стране с достаточно низкой урожайностью невозможны высоко-развитая промышленность, торговля и транспорт». Р. Пайпс от себя пишет: «Можно добавить: невозможна там и высокоразвитая политическая жизнь»⁴¹. Здесь можно привести следующее возражение. Производство хлеба и других продуктов и в абсолютном количестве и относительно на душу сельского и всего населения страны зависит не только от урожайности, но и от размеров посевных площадей. В России приспособление сельскохозяйственного производства к нуждам населения и государства из-за более суровых природных условий шло по линии расширения посевных площадей, что и определило постоянное заселение новых земель и их освоение. Этот экстенсивный путь в центре страны уже был невозможен, но на окраинах еще были резервы для его развития. Но в принципе возможность для высокоразвитых промышленности, торговли и транспорта, как и для политической жизни, в России была, в том числе и в конце XIX – начале XX в.: за счет среднего производства хлебов в 455 кг на человека в 1900–1910 гг. и увеличения производства его в 1913 г. было собрано 550 кг на человека. Кроме того, Россия имела в расчете на одного человека больше площадей пастбищ, лугов, сенокоса, различных лесных угодий, сбора сена и пр. Главным условием для развития и промышленности, и политической жизни была все же не урожайность, как пишут уважаемые западные специалисты, а сбор хлебов и других сельскохозяйственных растений на душу населения.

Распределение земельного фонда Европейской России

Вопросы землевладения и землепользования в Европейской России в начале XX в. являлись объектом исследования многих историков и экономистов на протяжении всего XX в. Имеются многочисленные источники: материалы земельной переписи 1905 г., сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., публикации текущей статистики и др. Задача состоит в том, чтобы рассмотреть проблемы землевладения и степени обеспечения земель великорусского крестьянства и его возможностей развития сель-

⁴¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 19.

скохозяйственного производства. Затем будут затронуты проблемы резервов роста земледелия на окраинах.

По данным статистики землевладения 1905 г., распределение наделной земли среди крестьян-общинников и подворников несколько отличалось (табл. 4).

Таблица 4. Распределение наделной земли – общинной и подворной – по группам дворов по 50 губерниям Европейской России в 1905 г.

Группы по наделной земле на двор	Общинники				Подворные владельцы			
	дворы		у них земли		дворы		у них земли	
	число	% к итогу	дес.	% к итогу	число	% к итогу	дес.	% к итогу
До 1 дес.	168 525	1,8	79 498	0,1	68 204	2,4	33 698	0,1
От 1 до 2	233 877	2,5	370 253	0,3	109 546	3,9	174 174	0,8
2–3	302 666	3,2	768 630	0,7	304 769	11,0	786 067	3,5
3–4	382 430	4,0	1 363 397	1,2	357 942	12,8	1 247 017	5,5
4–5	627 360	6,6	2 850 957	2,5	302 331	11,09	1 356 642	5,9
5–6	773 006	8,2	428 276	3,7	262 187	4,0	1 442 591	6,3
6–7	907 348	9,6	5 914 087	5,2	244 780	9,0	1 589 547	6,9
7–8	937 355	9,9	7 034 017	6,2	192 925	6,2	1 443 332	6,4
8–9	807 804	8,5	6 869 074	6,0	160 570	5,7	1 360 669	6,0
9–10	657 608	6,9	6 256 658	5,5	128 937	4,6	1 223 151	5,3
10–15	1 818 556	19,1	22 136 812	19,4	359 010	13,0	4 336 559	9,1
15–20	734 858	7,7	12 653 777	11,1	139 701	5,0	2 394 061	10,5
20–25	383 338	4,1	8 505 901	7,5	63 690	2,3	1 415 601	16,2
25–30	198 763	2,1	5 413 141	4,7	32 554	1,2	889 441	3,9
30–40	206 490	2,2	7 141 443	6,2	36 426	1,3	1 263 674	5,7
40–50	123 534	1,3	5 434 969	4,8	18 709	0,7	833 977	3,7
50–100	177 095	1,9	11 361 046	19,0	14 803	0,5	898 125	4,0
Свыше 100	40 299	0,4	5 702 599	4,9	359	0,01	59 677	0,2
Всего*	9 479 912	100	114 139 235	100	2 797 443	100	22 748 003	100

* В итог не вошли не распределенные по дворам 1 880 349 дес.

(Источник: Статистика землевладения 1905 г. С. 128–129)

Неравномерность распределения была и у тех, и у других дворов, но у общинников гораздо меньше малоземельных (до 5 дес. включительно) – 18,1% против 41,1% у подворников. С другой стороны, многоземельных дворов (свыше 15 дес.) у общинников насчитывалось в 1,5 раза больше – 19,7% против 11,01%.

Самой многочисленной группой дворов у обеих категорий крестьян была среднеобеспеченная землей (св. 5 до 15 дес. включительно): у общинников – 62,2%, а у подворников – 47,9%. В связи с тем, что у подворников доля самых малоземельных дворов (до 5 дес. включительно) была в 2,3 раза больше, анализ этих категорий крестьян должен проводиться отдельно, иначе картина несколько искажается. Так, в известной таблице

В.И. Ленина (табл. 5) представлены все крестьянские хозяйства и группа до 5 дес. оказалась значительно (на 5,2%) больше, чем у общинников, а группа зажиточных (свыше 15 дес.) – на 2,1% меньше.

Таблица 5. Распределение наделной земли в Европейской России

Группы дворов	Дворов		У них земли, дес.	В среднем на двор, дес.
	абс.	в %		
До 5 дес.	2 857 650	23,3	9 030 333	3,1
От 5 до 8 дес.	3 317 601	27,0	21 706 550	6,5
Итого до 8 дес.	6 175 251	50,3	30 736 883	4,9
От 8 до 15 дес.	3 932 485	32,1	42 182 923	10,7
От 15 до 30 дес.	1 551 904	12,6	31 271 922	20,1
Свыше 30 дес.	617 715	5,0	32 695 510	52,9
Всего	12 277 355	100,0	136 887 238	11,1

(Источник: Статистика землевладения 1905 г.; См. также: Ленин В.И. ПСС. Т. 16. С. 199)

Великорусская деревня в основном была общинной, как указывалось выше. Поэтому рассмотрим данные о ней подробнее.

Все группы дворов с наделом до 15 дес. В.И. Ленин отнес к разоренному крестьянству, придавленному крепостническими латифундиями⁴². Среди всех дворов их было 82,4%, а среди общинников – 80,3%. Разница составляла 250 тыс. дворов, или 1,5 млн человек. На наш взгляд, в том и другом случае доля разоренного крестьянства явно преувеличена. Если взять предложенную нами норму надела 9 дес., то группа общинных дворов, недостаточно обеспеченных землей, составит 54,3%. Это тоже весьма внушительная часть крестьянства европейской части страны – по числу дворов преобладающая, по числу едоков – несколько меньше половины, так как средние и зажиточные семьи были более многочисленными.

Но общие данные о проценте малоземельных дворов не отражают остроту проблемы, так как в разных регионах соотношения были неодинаковыми и даже в одном регионе рядом жили крестьяне разных разрядов, весьма отличающиеся по размерам наделов. У бывших помещичьих крестьян (5,7 млн дворов, или 47,7% всех дворов с наделами) средние наделы составляли 6,7 дес. на двор; у бывших государственных (5,3 млн дворов или 44,2%) – 12,5 дес.; у бывших удельных (0,4 млн или 3,6%) – 9,5 дес. В числе сельских жителей, приравненных по правам состояния к крестьянам, были еще казаки (наделы 52,7 дес. на двор), колонисты (по 20,2 дес.), башкиры и тептяри (переселенцы в Башкирию с Урала и Поволжья или новобашкиры – 28,3 дес.), бывшие горнозаводские рабочие и разряды крестьян национальных районов⁴³.

⁴² Ленин В.И. ПСС Т. 17. С. 67.

⁴³ Подробные сведения о разрядах крестьян см.: Анфимов А.М. Крестьянские хозяйства Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 38–54.

Таблица 6. Распределение наделной земли по категориям крестьян в различных районах Европейской России в 1905 г.

Район	Общинное землевладение			Подворное землевладение			Площадь земли, %	
	I*	II*	III*	I	II	III	IV*	V*
1. Северный	342 254	7 828,9	22,9	10 258	58,8	5,7	99,3	0,7
2. Северо-Западный	476 981	5 360,1	11,2	2 623	15,8	5,8	97,7	0,3
3. Прибалтийский	–	–	–	62 384	2 301,8	36,9	–	100,0
4. Западный	233 553	2 070,4	8,9	613 742	7 562,5	12,3	21,5	78,5
5. Центрально-Промышленный	1 331 131	10 997,5	8,3	11 902	85,2	7,2	99,1	0,9
6. Средневолжский	1 150 261	20 026,6	17,4	4 793	19,0	4,0	100,0	–
7. Северо-Черноземный	1 724 111	12 579,9	7,3	187 818	1 671,7	8,9	88,3	11,7
8. Южно-Черноземный	608 698	4 086,2	6,7	569 647	3 093,8	5,4	56,9	43,1
9. Юго-Западный	39 792	224,8	5,6	1 074 307	5 896,6	5,5	3,7	96,3
10. Южный Степной	1 075 665	16 679,5	15,5	237 526	1 807,1	7,6	90,2	9,8
11. Нижневолжский	2 145 102	28 419,4	13,3	22 443	234,9	10,5	99,2	0,8
Всего по Европейской России	9 479 912	114 139,2	12,0	2 797 443	22 748,0	8,1	83,4	16,6

* I – дворов; II – земли, тыс. дес.; III – земли на один двор, дес.; IV – общинной; V – подворной

Примечание. Губернии, входящие в районы по классификации статистики землевладения: 1) Северный – Архангельская, Вологодская, Олонецкая; 2) Северо-Западный – Петербургская, Псковская, Новгородская; 3) Прибалтийский – Курляндская, Лифляндская, Эстляндская; 4) Западный – Витебская, Минская, Могилевская, Виленская, Гродненская, Ковенская; 5) Центрально-Промышленный – Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Смоленская, Тверская, Ярославская; 6) Средневолжский – Казанская, Пензенская, Симбирская; 7) Северо-Черноземный – Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская; 8) Южно-Черноземный – Полтавская, Харьковская, Черниговская; 9) Юго-Западный – Киевская, Волынская, Подольская; 10) Южный Степной – Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Бессарабская; 11) Нижневолжский – Астраханская, Самарская, Саратовская, Оренбургская.

(Источник: Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 80–130.)

Большое значение имели различия в размере наделов по регионам, которые весьма значительно отличались от средних величин. Из данных табл. 6 следует, что самые низкие наделы были в двух украинских районах – на Правобережье (5,6 дес.), и Левобережье (6,7 дес.). Земля здесь была хорошая, черноземная, а природные условия гораздо лучше, чем в Центре. В дореволюционное время эти районы не знали таких сильных неурожаев, здесь почти не было засух и заморозков. С.С. Ольденбург пытался доказать, что неурожаи были причиной общинного землевладения, и даже

представил для этого карту, где выделил районы частых неурожаев и голода 1891, 1897, 1898 и 1901 гг. В основном это районы, действительно, общинного землевладения – Казанская, Саратовская, Самарская, Воронежская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская губернии и др. А районы Западный, Юго-Западный, Южно-Черноземный, Южный Степной, Прибалтийский на его карте отмечены как урожайные. Он писал: “Знаменательным был тот факт, что ни одна из западных губерний с подворным владением не знала того голода вследствие неурожаев, который становился периодическим бедствием Центральной и Восточной России”⁴⁴. Но в табл. 6 видно, что на левобережной Украине (Южно-Черноземный район) также преобладало (56,9%) общинное землевладение, а она занесена Ольденбургом в число урожайных. Большая доля общинных сел была и в Западном (21,5%) и особенно в Северо-Западном (97,7%) районах, но и они попали в число урожайных. Что касается Прибалтики, где было полностью подворное землевладение, то там наделы в среднем составляли 36 дес., т.е. были в 5 раз больше, чем в Центре. Климат был более мягкий и влажный под влиянием моря. Абсолютно преобладало общинное землевладение, в Новороссии (90%) – Южный Степной район, но и в ней не было частых неурожаев. Следовательно, дело было не в форме землевладения, а в местоположении хозяйств: в западных и юго-западных районах климат был мягче, число теплых дней и количество осадков больше, отсюда и неурожаев почти не было.

Лишь в небольшой степени можно признать верность этого в том, что хозяева подворных участков имели больше возможностей повысить плодородие своих полей.

В 1905 г. в Европейской России наделы имели 12,5 млн дворов, а 2,2 млн были уже безземельными. Большинство общинных дворов было в тех районах, где преобладало великорусское население (см. табл. 6). Из них достаточные средние наделы имели два северных района и Средневолжский, а в Центрально-Земледельческом (в табл. 6 – Северо-Черноземный) и в Центрально-Промышленном районах величина наделов (7,7 и 8,3 дес. соответственно) была меньше прожиточной нормы. Между тем в этих двух районах находилось 32,2% всех общинных дворов, что почти совпадает с процентом великорусских крестьян всей страны, проживающих здесь к началу XX в. (34%)⁴⁵. Следовательно, треть великорусских крестьян была обеспечена землей хуже, чем крестьянство всех других районов, и проживала в худших климатических условиях.

Приведенные средние цифры размеров наделов не раскрывают степень земельной нужды в регионах, так как существовали значительные расхождения в наделах между общинами, между бывшими помещичьими и государственными крестьянами, между губерниями. Например, в Тамбовской губернии в 1890 г. у бывших помещичьих крестьян (они составляли 43%) было 23,1% малоземельных общин (надел до 2 дес. включительно

⁴⁴ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 168, 166–169.

⁴⁵ Подсчитано авт. по источникам: *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 289. Табл. 6; *Водарский Я.Е.* Указ. соч. С. 133. Табл.; С. 140. Табл.

на 1 ревизскую душу), 76,8% среднеземельных (от 2 до 5 дес.) и только 0,1% многоземельных (свыше 5 дес.), а у бывших государственных крестьян, составлявших в губернии по числу ревизских душ 56,4%, малоземельных было только 10,6%, среднеземельных – 59,3% и многоземельных – 30,1%⁴⁶. Мы видим наличие малоземельных общин не только у бывших помещичьих крестьян, но и у бывших государственных, хотя и в разной пропорции. В 70-х годов XIX в. профессор Ходский считал достаточной нормой для каждой местности наделы бывших государственных крестьян в этой местности. К концу века уже и эти крестьяне имели 10,6% общин крайне нуждающихся и почти 60% недостаточно обеспеченных. Но особенная нужда в земле ощущалась у бывших помещичьих крестьян – почти четверть общин были малоземельными.

Внутри общин доля малоземельных дворов определялась составом семей: отдельные семьи имели по 1–2 души мужского пола и их наделы были в пределах от 1–2 дес. на двор в малоземельной общине до 5–10 дес. в многоземельной. Но таких дворов было меньшинство, так как средний размер семьи был 5–6 человек, следовательно, от 2,5 до 3 душ мужского пола. Многосемейные дворы с 5–10 душами мужского пола составляли также меньшинство. Их наделы в малоземельных общинах могли быть 5–10 дес. на двор, а в многоземельных – 25–50 дес. и более, т.е. положение двора определялось двумя факторами: а) земельной нормой в общине и б) количеством душ мужского пола.

Подводя итоги распределению наделной земли в начале XX в., обратим внимание на сравнительное обеспечение ею великорусского крестьянства. Наибольшее число их было в Центрально-Земледельческом (он же Северо-Черноземный) районе. Здесь проживала пятая часть всех великороссов империи, а наделы крестьян-общинников составляли в среднем 7,3 дес., у подворников – 8,9 дес. Но при этом средний размер владений бывших помещичьих крестьян был еще ниже. Здесь были исчерпаны все возможности расширения пашни: распахали значительную часть пастбищ, свели почти все свои леса. По данным Комиссии Центра, пашня в этом районе составляла от 82 до 89% всех удобных земель⁴⁷. Во втором – по количеству великорусских крестьян – Центрально-Промышленном районе (более 18% всех великороссов) наделы были по 8,3 и 7,2 дес. на двор. Третий – Северо-Западный (или Озерный) район вмещал около 8% великороссов и должен был снабжать хлебом столицу, имел наделы также ниже средних – по 11,2 дес. у общинников и по 5,8 у подворников.

Таким образом, половина великорусских крестьян имела недостаточные наделы и проживала в зоне критического земледелия. Главная же беда великорусской деревни Центра была в неравномерном распределении земли. У общинников Европейской России 1,9 млн дворов, или 26,3%, име-

⁴⁶ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии Тамбов, 1890. Т. 14. С. 98–99, 103. Критерии выделения мало-, средне- и многоземельных общин были предложены академиком Н.М. Дружининым в работе: Русская деревня на переломе. 1861–1881. М., 1978. С. 119.

⁴⁷ Материалы Комиссии 16 ноября 1901 г. С. 82.

ли наделы менее 6 дес. на двор. Эта группа крестьян (около 10,5 млн человек) проживала в основном в центральных губерниях и прожить со своих наделов не могла даже при подъеме агротехники. По сведениям Вольного экономического общества, “только в результате неравномерного распределения наделных земель сборы хлеба с них не обеспечивали в черноземной полосе 64,3% проживавших там крестьян”⁴⁸. В результате повышался спрос на хлеб не только городского, но и сельского населения. В 90-х годах XIX в. деревня европейской части страны потребляла 284 млн пудов покупного хлеба, а в начале XX в. – 313 млн пудов, что составляло более четверти товарного хлеба⁴⁹.

Земельная частная собственность великорусских крестьян

Помимо наделной земли, которой крестьяне владели на условиях выплаты выкупа и только после этого должны были стать ее полными собственниками, часть крестьян имела участки частной земли в собственности еще с дореформенных времен. Но массовая покупка земли началась после отмены крепостного права. Всего в России частных земель в 1905 г. было 101,8 млн дес. К 1880 г. крестьяне купили 6818 тыс. дес., или 6,7%, к 1900 г. – 19 895 тыс. дес., или 19,5%, в 1905 г. им принадлежало 24 592 тыс. дес., или 24,2%, к 1915 г. – 34 404, или 33,8%⁵⁰.

Таким образом, в 1880–1899 гг. крестьяне покупали в среднем по 653,8 тыс. дес. в год, в 1900–1904 гг. – по 939,4 тыс. дес., в 1905–1914 гг. – по 981,2 тыс. дес., т.е. в XX в. покупали земли ежегодно в 1,5 раза больше, чем в конце XIX в.

Из 34,4 млн дес. было куплено обществами 4,6 млн дес. и товариществами – 12,9 млн дес. Всего в общественной частной собственности было 17 540,9 тыс. дес., или 51%, крестьянской частной земли. Распоряжение этой землей было несколько ограничено, хотя участки распределялись по паям или по деньгам. Сделки по продаже этой земли должны были утверждаться приговором товарищества. Участки были неравномерными, но колебания размеров были меньше, чем у частных личных покупателей. У последних до 1905 г. 64% домохозяев купили участки до 10 дес., 27% – от 10 до 50 дес.; 4,7% – от 50 до 100 дес.; 3,6% – от 500 до 1000 дес., в том числе 46 человек – свыше 5000 дес. Основная масса (91% домохозяев – 446 тыс. из всех 490 тыс. покупателей) купила участки до 50 дес. Мелкие участки преобладали.

Отдельные историки предлагали крестьян с участками частной земли более 50 дес. “исключить” из числа крестьян вместе с их землей, умень-

⁴⁸ Труды Вольного экономического общества СПб., 1897. Т. III. Кн. 4. С. 5.

⁴⁹ Лященко П.И. Указ соч. С. 249; Нифонтов А.С. Указ соч. С. 307.

⁵⁰ Анфимов А.М., Макаров И.Ф. Динамика землевладения в России. 1906–1914 гг. М., 1989; Тарасюк Д.А. Поземельная собственность пореформенной России: источниковедческое исследование по переписи 1877–1878 гг. М., 1981; Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

шить фонд крестьянской личной частной земли за счет них на 4,2 млн дес. (12%), хотя их владельцы принадлежали к крестьянскому сословию, а некоторые вели и крестьянский образ жизни: работали “от зари до зари” вместе с членами семьи, участвовали в собраниях “мира”, одевались “по мужицки” и т.д.

Такое предложение имело цель уменьшить размеры роста капиталистических или крупнокапиталистических хозяйств из крестьянских мелких хозяйств: как только оно станет по-настоящему капиталистическим, так его и “исключить”. Особенно на этом настаивал А.М. Анфимов, считавший, что в России до 1917 г. господствовали полукрепостнические отношения (к этому выводу он вернулся в период перестройки в статье “Неоконченные споры”)⁵¹. Такое “исключение”, конечно, искажает изучение процесса капитализации деревни, перехода ее на рыночные отношения. Во всем мире процесс создания крупных капиталистических, рыночного типа хозяйств шел путем усиления экономической мощи мелких (средних тоже) хозяйств.

А.М. Анфимов сослался на инструкцию сельскохозяйственной переписи 1917 г., где все сельские хозяйства делились, действительно, на хозяйства “крестьянского типа” – до 50 дес. земли (в совокупности купчей, арендованной, надельной и пр.) и хозяйства “частновладельческого типа” – свыше 50 дес. Но Временное правительство в 1917 г. отменило сословия и в преддверии аграрной реформы и созыва Учредительного собрания хотело узнать (проведением переписи), сколько человек нуждаются в земле и у кого ее можно отнять, т.е. ставились задачи, не связанные с определением социально-экономического типа хозяйства, а только его земельной обеспеченности.

Исследование размеров земельного обеспечения крестьянства помогает пониманию уровня капитализации деревни, что не может быть связано с “исключением” каких-то социальных групп “из крестьянства”. Правильнее выделить более зажиточные дворы в отдельную (или отдельные) социальную группу. Иначе можно и по надельной земле “исключать из крестьян” или снизить норму крестьянства до 30–40 дес. на двор, или “исключать” хозяйства с большим количеством рабочего скота или коров. У многих хозяйств, особенно на окраинах, было по 10–50 и более лошадей и коров. Появление в крестьянской среде таких крупных зажиточных хозяйств и составляет самую суть процесса капитализации. Сибирские историки еще в 1920–1930-х годах и позднее предлагали выделять социальные группы “крупнокулацких” и “капиталистических” хозяйств⁵².

Крупнокапиталистические хозяйства создавались и другим путем: перестройкой помещичьих хозяйств, переходом их на рыночные отношения.

⁵¹ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство... С. 65–66; Он же. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 41.

⁵² См.: Сластужкин Ф., Чешихин Г. Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири // Северная Азия. 1930. № 1–2. С. 62–63; Токавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 241–244.

Шел процесс создания нового типа хозяйств, а не перехода крестьян “в помещики”.

Остальные выводы историков о частной крестьянской земле не вызывают разногласий и споров. Всеми исследователями отмечено, что купчие земли на 80–90% были у зажиточных крестьян. Лишь небольшая часть середняков могла позволить себе покупку земли из-за ее высокой цены. Значительно облегчило покупки создание в 1882 г. Крестьянского Поземельного банка (в конце XIX в. имел отделения в 41 губернии, к 1915 г. – в 68 губерниях). Он выдавал ссуды на покупку земли в размере 80–90% стоимости покупаемой земли, на срок от 13 лет до 51 года. Всего ссудами Крестьянского банка воспользовались свыше 1 млн дворов. Банк взимал по ссудам от 7,5 до 8,5% годовых. В 1883–1895 гг. крестьяне купили на ссуды банка 2,3 млн дес., в 1896–1905 гг. – 5,9 млн и в 1906–1916 гг. – 10,4 млн дес., т.е. деятельность Крестьянского банка в годы столыпинской реформы шла активнее, чем раньше, и 81,7% земли было продано отдельным домохозяевам⁵³. Всего через Крестьянский банк или с его помощью было куплено с 1883 по 1916 гг. 18,6 млн дес., а самостоятельно, без его помощи – 15,8 млн дес. Без помощи специального ипотечного государственного Крестьянского банка крестьяне, конечно, не могли бы купить такое количество земли. Помощь государства через банк была значительной и сыграла основную роль.

С другой стороны, банк помог и помещикам. Он скупал земли помещиков крупными участками, целыми имениями, на что у крестьян денег не было. Банк способствовал росту земельных цен, так как увеличил спрос на землю: до 1917 г. банк продал лишь 61% своего купленного земельного фонда. В 1890-х гг. банк продавал землю по 49 руб. за 1 дес., а в 1905 г. – по 136 руб.

Крестьянское сословие в целом за счет покупок прибавило к 138 млн дес. наделной земли еще 34,4 млн дес. частной или увеличило свое землепользование на 24,9%. Значит, из крестьянства выделялись капиталистические хозяйства, которые смогли заплатить за землю сотни миллионов рублей, частично – как первоначальный и годичные взносы в Крестьянский банк, а немалая часть – сразу наличными. Это составило многие сотни миллионов рублей и свидетельствовало о значительных капиталах, накопленных зажиточными крестьянами после 1861 г. и особенно в конце XIX – начале XX в.

Какая часть частных земель была куплена великорусским крестьянством, точно определить затруднительно. Можно лишь судить по данным Крестьянского банка, какую долю земель покупали крестьяне губерний с преимущественно русским населением. К 1901 г. крестьяне этих губерний купили (в порядке убывания) частные земли в таком размере (тыс. дес.): в Саратовской губернии – 416,8; Смоленской – 311,9; Новгородской – 160,4; Оренбургской – 131,6; Самарской – 111,8; Воронежской – 107,5; Тверской –

⁵³ Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1883–1916 гг. СПб., 1884–1917; *Батурицкий Д.А.* Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925.

101; Орловской – 79,8; Тамбовской – 73,6; Рязанской – 71,3; Курской – 58,6; Пензенской – 50,8; Костромской – 49,1; Санкт-Петербургской – 47,4; Симбирской – 45,6; Псковской – 43,0; Тульской – 40; Калужской – 37,6; Нижегородской – 28,1; Пермской – 20,8; Ярославской – 17,7; Владимирской – 9,9; Московской – 9,3; Вятской – 4,4; Вологодской – 0,8; итого из всей проданной в 44 губерниях земли – 4399,5 тыс. дес., на 25 великорусских губерний приходилось 2028,8 тыс. дес. или 46,1%⁵⁴. Если учесть, что великорусские крестьяне купили немало земли в некоторых других губерниях: Уфимской – 348,7 тыс. дес.; Екатеринославской – 204,9; Херсонской – 97,4; Таврической – 56,1; Донской – 162,8 тыс дес., где они составляли от 30 до 60%, то общие покупки частной земли ими через Крестьянский банк составят около 2578 тыс. дес., или 58%. Значит прибавка земельного фонда, которым владели крестьяне-великоруссы, по предварительным подсчетам составляла около трех пятых земель, купленных через Крестьянский банк, т.е. около 11 млн дес. По данным “Динамики землевладения в России”, частное землевладение обществ и товариществ на 1 января 1915 г. составляло в великорусских районах 11,6 млн дес. из всей земли в 17,0 млн дес., т.е. 68%⁵⁵. Во всех великорусских районах за счет частной земли крестьянский земельный фонд увеличивался на 23,3 млн дес.

Земельная аренда

Землепользование крестьянства включало кроме их владений (наделов) и частной собственности еще те участки, которые оно арендовало. Чаще всего аренда была частных или наделных земель, но в отдельных местностях была возможность арендовать земли казны, удела и др.

Вопросы земельной аренды рассматривали почти все историки, занимавшиеся аграрным вопросом конца XIX – начала XX в. в дореволюционный и советский периоды. Для исследования проблемы роли аренды в русской деревне нужно выяснить, какую прибавку давала аренда дополнительно к наделам, кто из крестьян и в какой пропорции получал эту прибавку, на каких условиях и по какой цене арендовалась земля. В итоге предполагается по-новому осветить довольно жгучую проблему оценки места, роли и характера обработок в великорусской деревне, по которой ведутся споры с тех времен, когда ее остро поставил В.И. Ленин, придав ей политический характер.

Первые три вопроса долго и основательно изучали до 1917 г. Н.А. Карышев, А.А. Мануйлов, В.А. Косинский, Н.П. Огановский, А.А. Кауфман, В.И. Ленин и многие другие авторы. Был определен примерный размер фонда вненадельной аренды для конца XIX в, выявлены порайонные различия аренды, систематизирован материал многочисленных земских и

⁵⁴ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство... С. 61. Табл.: Данные отчетов Крестьянского поземельного банка за 1883–1900 гг. (Подсчеты проведены мной. – В.Т.)

⁵⁵ Россия. 1913 год. СПб., 1995. С. 69. Табл. (Подсчеты проведены мной. – В.Т.).

других обследований. Уже Н.А. Карышев в одном из первых специальных исследований об аренде “Крестьянские внаемные аренды” (Дерпт, 1892) не только собрал большой фактический материал об аренде, но посвятил целую главу (III) вопросу “зависимости аренды от достатка съемщиков” и сделал вывод, что “большими арендами” пользуются менее обеспеченные землей разряды, но более обеспеченные землей в них группы”⁵⁶. Этот вопрос был весьма скрупулезно исследован В.И. Лениным на основе земских обследований и материалов текущей статистики в работе “Развитие капитализма в России” (1-е изд. СПб., 1899). Основные положения об аренде были развиты в дальнейших работах Ленина. Он связывал аренду не только с “достатком заемщиков” по наделной земле, но и с общей хозяйственной состоятельностью дворов, с развитием капиталистических отношений. Ленинские положения определяли тематику и методологические оценки аренды всеми советскими историками. Особый вклад в решение проблемы аренды внесли работы А.М. Анфимова, И.Д. Ковальченко, С.М. Дубровского, П.Н. Першина и других авторов⁵⁷.

Подведение итогов распределения аренды названными авторами было бы невозможно без работ по истории русской деревни по отдельным регионам и в том числе кандидатских и докторских диссертаций, где рассматриваются, как правило, формы землевладения и землепользования. Эти проблемы затрагивались на сессиях симпозиума по аграрной истории. Работы симпозиума могут послужить базой для обобщающего исследования земельной аренды в России, необходимость которого давно назрела, так как после выхода в свет единственной монографии А.М. Анфимова появилось много локальных исследований. Особенно же надо отметить, что многочисленные массовые источники об аренде лишь в небольшой мере вовлечены в научный оборот⁵⁸.

Остановимся на определении размеров фонда внаемной аренды применительно к районам с преобладанием великорусского крестьянства. Итоги общих исследований подведены в монографиях А.М. Анфимова “Крестьянское хозяйство Европейской России” и группы авторов: И.Д. Ковальченко, Т.Л. Моисеевой, Н.Б. Селунской “Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма”. Анфимов по вопросу о размерах аренды в конце XIX в. согла-

⁵⁶ Карышев Н.А. Указ. соч. С. 139.

⁵⁷ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961; Он же. Крестьянское хозяйство Европейской России...; Он же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969; Ковальченко И.Д., Моисеева Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России эпоху капитализма. М., 1988; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Першин П.Н. Аграрная революция в России. Кн. 1: От реформы к революции. М., 1966; Он же. Земельное устройство дореволюционной деревни. М.; Воронеж, 1928. Т. I.

⁵⁸ См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. Гл. 6. Статистика землевладения и землепользования. С. 219–244. Автор главы Н.А. Проскурякова специально отмечает большое внимание земских статистиков, руководителей земских обследований и сельскохозяйственной переписи 1917 г. вопросам арендных отношений. Там же. С. 237–244.

сился с данными дореволюционных авторов А.Д. Дядиченко и Л. Чермака о том, что фонд арендуемых пашен и сенокосов составлял 24 млн дес., к ним он добавил исчисленную Н.А. Карышевым площадь арендуемых пастбищ в 13 млн дес и весь арендуемый внеадельный фонд определил примерно в 37 млн дес., в том числе 32 млн дес. частновладельческих земель и 5 млн дес. казны и уделов⁵⁹.

Почти такую же цифру всей внеадельной аренды определяли А.В. Пешехонов, Н.П. Огановский, А.Л. Вайнштейн и другие авторы. Вайнштейн на основе земских обследований и публикаций земств по 267 уездам (из 475) для 50 губерний Европейской России определил фонд внеадельной аренды в конце XIX – начале XX в. в 27 млн дес. пашни и сенокоса, что составляло около 20% к площади надельной земли⁶⁰. Это лишь не намного (на 3 млн дес.) превышает цифры А. Дядиченко и Л. Чермака.

Все исследователи сходятся и на том, что в начале XX в. происходило сокращение площади внеадельной крестьянской аренды, но приводят разные цифры. Причина уменьшения аренды была в сокращении частновладельческих земель у помещиков: за 1877–1905 гг. они продали почти 20 млн дес. своих земель (27,4%), а в 1906–1914 гг. еще 10 млн (13,7% от фонда 1877 г.). Нередко они продавали именно те участки, которые сдавались в аренду.

Н.П. Огановский подсчитал, что арендуемая крестьянами площадь частновладельческой земли уменьшилась в начале XX в. примерно на 10%, с чем был согласен А.М. Анфимов⁶¹. При уменьшении на 10% площадь общей аренды составила бы 33 млн дес. С этим категорически не соглашался С.М. Дубровский. Он считал, что помещики в начале XX в. реально могли сдать крестьянам в аренду 15 млн дес. пашни и 7 млн дес. сенокосов и пастбищ, всего не более 25 млн дес., а к 1917 г. – около 20 млн дес.⁶² И.Д. Ковальченко, Т.Л. Моисеенко и Н.Б. Селунская определили площадь внеадельной аренды к 1917 г. в 20 млн дес.⁶³ Данные Ковальченко и его учеников представляются более обоснованными, поскольку опираются на разработку массовых источников, в частности материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г.⁶⁴ При учете неполноты данных этой переписи и сокращения аренды в годы войны можно считать для 1912–1913 гг. размер аренды в 20–25 млн дес.

Данные о размерах аренды собирала и Комиссия 16 ноября 1901 г. Волостные правления прислали в Комиссию сообщения о площади арендо-

⁵⁹ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 116–117.

⁶⁰ Приводится по: Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 149.

⁶¹ См.: Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. С. 155; Огановский Н.П. Индивидуализация землевладения в России и ее последствия. М., 1917. С. 48–50.

⁶² Дубровский С.М. Указ соч. С. 149–150.

⁶³ См.: Моисеенко Т.Л., Швейковская Е.Н. Аренда // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1994. Т. I. С. 102.

⁶⁴ См.: Моисеенко Т.Л. Методы изучения крестьянской аренды в России по данным земской статистики конца XIX в. // История СССР. 1979. № 4.

ванных внеадельных и надельных земель в размере 19,6 млн дес., что составляло к площади надельных земель примерно 14,5%. Сама Комиссия считала, что эти сведения занижены, так как волостные правления не включали сдачу в аренду по устным сделкам, а это означало отсутствие большинства сведений об аренде надельной земли: “Таким образом, количественная сторона аренд представлена в волостном материале весьма слабо, – отмечено в отчете Комиссии, – далеко не обнимая даже половины всей арендуемой крестьянами *надельной земли* (выделено мной. – В.Т.)”⁶⁵.

Эти данные даже меньше фонда одной внеадельной аренды, исчисленного А. Дядиченко и Л. Чермаком, но зато они присылались со всех губерний и позволили А.М. Анфимову представить на их основе “географию” аренды. На районы с преимущественно великорусским населением приходилось по этим данным (с учетом аренды в Новороссии и в Предкавказье) около двух третей арендованных земель⁶⁶.

По сведениям Комиссии 16 ноября 1901 г., на черноземную полосу приходилось 70% площади внеадельной аренды, а в нечерноземной полосе наибольшая площадь (2,3 млн дес. – почти половина) приходилась на Центрально-Промышленный район. А.М. Анфимов объяснял это тем, что здесь развивались важные отрасли торгового земледелия – льноводство, картофелеводство, культура конопли, молочное животноводство, требовавшее аренды сенокосов. Из шести губерний района на льноводческие Смоленскую и Тверскую губернии приходилось 1,1 млн дес. аренды⁶⁷.

Данные Комиссии относились лишь к 1902 г. и не отразили сокращение аренды, но, безусловно, несмотря на их неполноту, они доказывают большое распространение аренды, а главное – показывают соотношение ее по районам.

При исследовании вопроса о значении аренды для земледелия наиболее важны данные об аренде пашни и площади посевов. Такие сведения были обнаружены И.Д. Ковальченко в РГИА, в фонде Центрального статистического комитета (ЦСК) и опубликованы в 1971 г.

По этим сведениям ЦСК за 1912–1913 гг. по 22 губерниям Европейской России, посевы на надельных и арендованных крестьянских землях занимали соответственно 24 409 и 2730 тыс. дес. Отношение посевной арендуемой площади к надельным посевам составляло 11,2%. Наибольшие относительные площади посевов на арендуемых землях были у крестьян (в порядке убывания) следующих губерний: Саратовской – 42%, Екатеринославской – 22,8%, Таврической – 17,5%, Пензенской – 12%; Воронежской – 11,6%, Курской – 10,2%, Тамбовской – 9,8%, Орловской – 7,8%⁶⁸.

⁶⁵ Материалы Комиссии 16 ноября 1901 г. СПб., 1903. Ч. III. С. 76.

⁶⁶ См.: *Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство...* С. 118; Материалы Комиссии 16 ноября 1901 г. Ч. III. С. 76.; *Ратушняк В.Н.* Указ соч. С. 59–60. Табл.

⁶⁷ См.: *Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство...* С. 118–119.

⁶⁸ Приводится по: *Ковальченко И.Д.* Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве капиталистической России // *Проблемы социально-экономической истории России.* М., 1971. С. 193–194. Табл. (Приведенные проценты вычитаны мной. – В.Т.)

Абсолютные показатели площади посевов на арендованных землях в 1907 г. были: в Саратовской губернии – 645 тыс. дес., в области войска Донского – 610, в губерниях: Екатеринославской – 421, Таврической – 251, Воронежской – 201, Полтавской – 199, Тамбовской – 139, Курской – 138, Пензенской – 108, Харьковской – 100, Орловской – 81 тыс. дес. (округлено до целых чисел). В остальных арендованные посевы были небольшими: от 1 тыс. дес. в Архангельской до 16 тыс. дес. в Костромской и 21 тыс. дес. в Черниговской.

Эти данные показывают, что во всех губерниях в разные годы аренда посевных площадей сильно различалась. Например, в Орловской губернии в 1907 г. ее размер составлял 81,3 тыс. дес., а в 1913 г. – только 57,6 тыс. дес.; в Тамбовской губернии в те же годы – 138,9 и 112,2 тыс. дес.; в Воронежской – 201,1 и 182,6; в Курской – 138,2 и 128,4; в Саратовской – 645,1 и 544,4 тыс. дес. В большинстве губерний с 1907 по 1913 г. аренда посевных площадей уменьшилась. Исключение составляли губернии Вологодская, Петербургская, Костромская, Гродненская, где было увеличение, но в них размер аренды был очень небольшим по сравнению с черноземной полосой (в 1913 г. арендовалось во всех четырех губерниях 34,3 тыс. дес.). Сокращение по пяти губерниям черноземной полосы, названным выше, составляло за 5 лет 1792 тыс. дес. (с 12 046 до 10 252 тыс.) или 14,9%. При этом в четырех из них в те же годы посевы на надельной земле увеличились с 5728,8 до 6083,9 тыс. дес., или на 355,1 тыс. дес. (на 6,2%). Поэтому уменьшилась и доля арендованных посевов к собственным посевам крестьян на надельной земле⁶⁹.

Доля всей арендованной земли, по данным подворных переписей Воронежской губернии, проведенных земством в 1900 г., и обследования землевладения в Курской губернии, которое проводилось губернской казенной палатой в 1907 г., составляла в Воронежской губернии 18,4% от надельной земли, а в Курской – 15,1%⁷⁰. Это несколько выше, чем доля аренды в посевах (в Воронежской – 11,6%, в Курской – 10,2%), что зависело и от большей аренды сенокосов и пастбищ, которые, как уже отмечено, в составе наделов активно распахивались. Доказательством этого служит и увеличение посевов на надельных землях с 1907 по 1913 г. в Воронежской губернии с 1732 до 1932 тыс. дес., т.е. на 200 тыс. дес. или на 11,5% (по Курской губернии площадь посевов не увеличилась)⁷¹. Для нас эти данные особенно важны, так как относятся к Центрально-Черноземному району с великорусским крестьянством. Итак, в этом районе площадь арендованных посевов в 1912–1913 гг. составляла 10–11% от посевов на надельной земле, а общая арендованная земля – 15–18% от надельной (в 1900–1907 гг.). Если принять отношение аренды к наделам за 15%, то в великорусских районах размер аренды определится в 13,2 млн дес., а при 18% – 15,8 млн дес. вненадельной аренды. Это больше на 2,2–4,8 млн дес., чем по сведениям Комиссии 16 ноября 1901 г., которые не отличались

⁶⁹ Там же. (Подсчеты проведены мной. – В.Т.)

⁷⁰ Данные приводятся по указ. дис. А.А. Иванова. С. 67.

⁷¹ Ковальченко И.Д. Указ соч. С. 193. Табл.

полнотой. Прибавив 2 млн дес. аренды русскими крестьянами в Новороссии, Ставропольском крае и других районах, получим условно общий размер прибавки земли великорусскими крестьянами за счет аренды на 15–18 млн дес. для предвоенного периода из общей площади внеадельной аренды в 25 млн дес.

Размер аренды надельных земель на данном этапе состояния разработки источников точно определить невозможно. Эта аренда не давала никакой прибавки земли крестьянству в целом, но увеличивала землепользование отдельных групп дворов. Большинство авторов и некоторые источники приводят лишь примеры или данные по отдельным общинам и уездам, которые дают общее приблизительное представление об аренде надельных земель крестьянами. А.А. Мануйлов на основе местных обследований, главным образом земских, охвативших 183 уезда, или около трети всех уездов Европейской России, определил, что крестьяне в конце XIX в. сдавали в аренду в среднем от 5 до 15% надельной земли⁷².

По данным земских обследований ряда уездов в 80-е годы XIX в., которые использовал В.И. Ленин, самый большой процент сдаваемой надельной земли был зафиксирован в Днепровском уезде Таврической губернии – 14,9%, причем землю сдавало 25,7% домохозяев. В Саратовской губернии сдавалось по разным уездам от 12 до 16% земли, в Красноуфимском уезде Пермской губернии – около 12%. В Воронежской и Нижегородской губерниях обследования четырех уездов показали, что крестьяне сдавали всего около 5% своей надельной земли⁷³.

А.М. Анфимов привел большую таблицу данных об аренде надельных земель за 1900–1906 гг. из работы З.М. и Н.Н. Свавицких, сделал краткие замечания по нескольким уездам⁷⁴. Между тем таблица Свавицких дает возможность провести подсчеты общего количества дворов, их надельной и купчей земли, выявить долю сдаваемой земли, количество своей и купчей земли на двор, проценты сдаваемой в аренду земли. Эти данные важны тем, что, кроме одной Харьковской губернии, все остальные обследованные губернии были заселены великорусским крестьянством.

В сводке поуездных итогов земских подворных переписей по 51 уезду З.М. и Н.Н. Свавицкие привели данные о том, сколько дворов и сколько своей надельной и купчей земли сдавали в аренду в 1881–1913 гг. (преимущественно по данному вопросу обобщены обследования 1897–1906 гг.). Исключив Старобельский уезд Харьковской губернии, где было немного великороссов (в Харьковской губернии в 1897 г. их доля составляла 17,7%, в 1917 г. – 12,9%), мы можем подсчитать данные по 50 уездам 9 губерний, где процент великороссов был от 96 до 99,8%. В них было 829,2 тыс. наличных хозяйств, из которых имели надельную землю 740,6 тыс. (89,2%). В том числе хозяйств, сдававших надельную землю, насчитывалось на момент переписи 103,4 тыс. (13,9% дворов, имевших наделы). Из 740,6 тыс.

⁷² Мануйлов А.А. Аренда земли в России в экономическом отношении // Очерки по крестьянскому вопросу. М., 1905. Вып. 2. С. 76.

⁷³ См.: Ленин В.И. ПСС Т. 17. С. 91.

⁷⁴ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 107.

хозяйств имели купчую землю 190,9 тыс. (25,7%). Сдавали в аренду купчую землю 5,4 тыс., или 2,8% (но по уездам такие сведения отсутствовали). Всего купчей и наделной земли у 740,6 тыс. дворов было 9 876 179 дес. (не указана отдельно наделная земля). В среднем на двор приходилось наделной и купчей земли 13,8 дес. Наделной земли сдавалось в аренду 197 872 дес., что составляло на один сдающий двор 1,9 дес. Купчей земли сдавалось в аренду 59 574 дес. На один двор, сдающий купчую землю, приходилось сданной земли 12,1 дес. Из этого можно сделать вывод, что многие хозяйства купили землю для получения дополнительных доходов от сдачи в аренду.

Можно подсчитать, какой процент составляла сданная в аренду земля от всей имеющейся у крестьян земли. Из 9 826 179 дес. сдавалось 257 446, или 2,6%. Соединение вместе наделной и купчей земли не позволило определить процент сданной наделной земли.

Размер сдачи земли в аренду был разным. В некоторых уездах сдача земли в аренду достигала почти 10%. Так, в Дмитровском уезде Орловской губернии у 14 437 дворов было 123 873 дес. наделной и купчей земли. Сдавали наделную землю в аренду 3368 дворов (из 13 615 имеющих ее) или 24,7%, а купчую землю сдавали 314 дворов (из 2850 имеющих ее), или 11%. Всей сданной в аренду земли было 11 416 дес., в том числе купчей всего 314 дес. или 2,8%. Отношение сданной в аренду земли ко всей наделной и купчей составило 9,2%. Почти такая же доля земли сдавалась в аренду в другом, Кромском уезде той же Орловской губернии – 9%. Но во многих уездах сдавалось менее 1% земли. Это, скорее всего, было результатом плохого ведения дел многими волостными писарями, заключением сделок в устной форме, что отмечала еще Комиссия 16 ноября 1901 г. Недостаточное развитие аренды наделной земли было отмечено земскими статистиками по Вятской губернии, где в 11 уездах из 1762 тыс. дес. земли было сдано в аренду всего 32,9 тыс., или 1,9%⁷⁵.

По земским переписям более позднего (1910–1913 гг.) периода З.М. и Н.Н. Свавицкие в своей сводке привели данные о 10 губерниях Центра, Украины и Новороссии: 2,1 млн дворов сдавали в аренду 1323 тыс. дес., в среднем 6,6% к площади их наделной и купчей земли. Наибольший процент аренд к собственной земле был у крестьян Таврической губернии – 15%, затем шла Уфимская (9,7%), Пензенская (7,1%). Во всех великорусских губерниях, кроме Пензенской, процент аренд был ниже средней нормы: в Симбирской – 6,5; Тульской – 4,6; Тверской – 3,2; Калужской – 3 и в Вологодской – всего 1,6%⁷⁶. Сдавали свою землю 13,8% всех дворов. С конца XIX в. (данные Мануйлова) и начала XX в. до 1910–1913 гг. доля сдаваемой крестьянами земли (в среднем от 5 до 15%) по существу не изменилась, общий размер внутринаделной аренды колебался от 7 до 20 млн дес. по всей Европейской России.

⁷⁵ Свавицкие З.М. и Н.Н. Земские подворные переписи. Поуездные итоги (1881–1913). М., 1926. С. 186–258. (Подсчеты проведены мной. – В.Т.)

⁷⁶ Анфимов А.М. Земельная аренда... С. 22. Табл. (Подсчеты проведены А.М. Анфимовым)

Более точные данные имеются о составе арендаторов и арендующих. Отмеченные выше ленинские положения о связи аренды с развитием капитализма, с классовым расслоением и с пережитками феодализма были развиты в многочисленных исследованиях советских историков, собравших на основе дореволюционных публикаций источников и архивных документов большой новый фактический материал и в целом по Европейской России, и по разным регионам. С некоторыми отклонениями подтвердилось, что часть крестьян арендовала землю из-за недостатка своей земли (“из нужды”), а часть – для предпринимательства (для сдачи в субаренду мелкими участками, для получения дополнительной прибыли). Соотношение групп крестьян, которые прибегали к разным видам аренды, отличалось по районам и по годам. Используемые данные 1980-х годов сам Ленин назвал устаревшими⁷⁷.

Автор единственной монографии об аренде земли А.М. Анфимов рассмотрел данные многочисленных обследований конца XIX – начала XX в. и пришел к заключению о том, что повсюду, “чем крупнее хозяйства, тем большая часть их арендует землю, достигая в высшей группе 95% всех хозяйств, и тем больше каждое из них снимает земли”⁷⁸. По его данным, в Орловской губернии зажиточная верхушка, составлявшая 15% всех дворов, сосредоточила половину всей арендованной земли (50,8%). Эти данные подтвердили вывод Ленина, что половина арендуемой земли “находится в руках зажиточного крестьянства, сельской буржуазии, организующей капиталистическое земледелие”⁷⁹.

Что касается аренды “из нужды”, которую Ленин называл еще кабалой и крепостнической, то у А.М. Анфимова уже в 1971 г. проявилось стремление увеличить ее размеры. По Дмитровскому уезду Орловской губернии он делает следующее заключение: бедняки и середняки дали “три четверти всех арендаторов, но на их долю приходится лишь половина (49,2%) всей арендованной земли”⁸⁰.

В указанном обобщении преувеличена группа крестьян, арендующих “из нужды”, так как объединены бедняки с середняками и получилось две трети дворов. Но в таблице, которую анализировал Анфимов, показано, что группа бедняков (с посевом до 4 дес.) составляла только 32,7% и лишь 20% из них арендовали землю. На долю бедноты приходилось 5,9% арендованной площади (беспосевные хозяйства землю не арендовали). Значение этого факта очень важно для выяснения вопроса, какое место занимала аренда “из нужды”.

По данным приведенного обследования (1901 г.), такая аренда занимала всего 5,9%. Присоединять к ней аренду середняков (посев 4–10 дес., составляли 41,6% всех дворов) нельзя уже потому, что у них на одно хозяйство приходилось аренды в среднем 3,2 дес. посева и сенокоса, т.е. больше, чем всей площади посевов и сенокоса на один двор у бедноты (у них вмес-

⁷⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 91.

⁷⁸ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 55.

⁷⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 90.

⁸⁰ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 55.

те с арендой было по 3 дес.). По количеству дворов (4715) группа бедноты превосходила зажиточную группу (2167) более чем вдвое. Но арендующих дворов в этой группе было меньше (1726), чем в зажиточной (2045). Это не согласуется с ленинским выводом, что по количеству “арендующих дворов, несомненно, большинство арендует из нужды. Для громадного большинства крестьян аренда есть кабала”⁸¹.

Однако данные за 1901 г. по Дмитровскому уезду Орловской губернии это не подтверждают. Конечно, часть середняков арендовала “из нужды”. Но в среднем у них на своей наделной земле было по 8 дес. только посева и сенокоса, не считая пар, пастбище и арендованную купчую землю. Соединяя бедняков и середняков, Анфимов уравнивал по количеству арендуемой земли тех, кто арендовал “из нужды” (49,2%) и тех, кто арендовал для получения прибыли (50,8%).

По данным обследования 1910 г. Новосильского уезда Тульской губернии, картина та же: среди бедноты арендовало землю 1861 хозяйство, среди зажиточных – 2038 хозяйств. Первые арендовали 8,3%, вторые – 46,3%. По отношению к своей земле у бедных аренда составляла 8,1%, у зажиточных – 53,6%. Относительно степени сосредоточения арендной земли у зажиточных вывод Ленина подтвердился, а по поводу бедноты – нет. А.М. Анфимов опять объединил бедняков с середняками, и их получилось 77,9%, а арендованной земли у них оказалось больше половины (53,7%)⁸². По данным остальных обследований (Переяславского уезда Владимирской губернии, Костромского уезда Костромской губернии, Шадринского уезда Пермской губернии), безусловно доказана концентрация большей части аренды, как наделной, так и вненаделной, у зажиточных крестьян⁸³.

В работе “Крестьянское хозяйство Европейской России” Анфимов добавил выводы о сдаче наделной земли в аренду. Они сформулированы так: “...уделом низших групп является сдача земли, и чем выше группа по посеву, тем меньше ее доля в числе сдающих землю. Обратная картина – по участию в аренде: чем богаче группа, тем выше ее доля в числе арендующих землю единолично”⁸⁴.

И.Д. Ковальченко, Т.Л. Моисеенко и Н.Б. Селунская отметили, что с уменьшением в уездах доли безлошадных и однолошадных увеличивается вдвое процент арендованной земли к величине надела: с 27,5 до 56,7%⁸⁵.

При определении земельной обеспеченности великорусского крестьянства важно выделить выводы о том, что аренда земли не только не уменьшала, но, напротив, усиливала неравномерность наделов разных общин и разных дворов внутри общины. Зажиточные хозяйства, выделенные по размерам посева или количеству рабочих лошадей, во всех случаях сосредоточили около половины арендной земли, составляя по численности в центральных губерниях с великорусским населением около 15–20% (по-

⁸¹ Ленин В.И. ПСС. Т 17. С. 90.

⁸² Анфимов А.М. Указ. соч. С. 52–54.

⁸³ Там же. С. 47–52.

⁸⁴ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство... С. 110, 109–114.

⁸⁵ Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Т.Л. Указ. соч. С. 144–145. Табл.

сев – более 10 дес., рабочих лошадей – более 5). Размеры прибавки к неделе за счет аренды составили у зажиточных хозяйств, по данным земско-статистических обследований, от 5–6 дес. (посев 10–15 дес.) до 20–25 дес. (посев свыше 25 дес.) на один двор. В Черноземном центре (Тульская, Орловская губернии) аренда зажиточных дворов в среднем составляла около 10–12 дес. Средняцкие дворы центральных губерний арендовали по 3–4 дес. У бедняцкой группы прибавка 1–1,5 дес за счет аренды у одних почти уравнивалась сдачей в аренду части наделной земли у других.

Общей особенностью аренды во всех районах была разная цена в зависимости от размера аренды, от ее сроков, аренды денежной и отработочной. Аренда крупными участками (10–50 дес.), как и оптовая торговля, была дешевле, мелкими – дороже. Разница нередко была от 4–5 руб. за участки свыше 10 дес., до 12–15 руб. за мелкие участки в 5–10 дес. при средней арендной цене в уезде всего 4,23 руб. за 1 дес. (данные по Днепровскому уезду Таврической губернии)⁸⁶.

При аренде на длительный срок цена также была значительно ниже, чем на 1–2 года. Отработочная аренда была в конце XIX в. почти в 2 раза дороже денежной. Ленинские выводы о том, что по более дорогим ценам и по менее выгодным условиям землю арендовала беднота, были сделаны на основе обобщения добротного материала местных обследований земств и ЦСК, они остаются верными и нашли подтверждение в материалах более широкой источниковой базы советских исследователей (А.М. Анфимова, И.Д. Ковальченко, Т.Л. Моисеенко, Н.Б. Селунской, Э.М. Щагина, Д.И. Будаева и других).

При решении вопроса о том, что беднота по количеству составляла большинство арендаторов, выявилось расхождение между фактическим материалом и выводами историков. Многие просто ссылались на приведенную выше цитату, считая Ленина непогрешимым, тем более по аграрному вопросу, по которому в его работах представлен большой и ценный материал, другие авторы объединяли бедноту с середняками. Повторяю, что часть середняков могла и, очевидно, арендовала землю “из нужды”, но считать безысходным экономическое положение середняка нельзя, учитывая доходы не только от земледелия (посев – 4–10 дес.), но и от животноводства, от промыслов и др. Значительная часть середняков арендовала землю для повышения доходности хозяйства, а не “из нужды”.

Исследования историков подтвердили и другой вывод В.И. Ленина: “...крепостнические черты нашей аренды всей тяжестью ложатся на беднейших крестьян”⁸⁷. Речь идет о более высокой плате за аренду мелкими участками, за краткосрочную, за отработки. Не все эти черты были крепостническими, к ним можно отнести отработки, а остальные черты присущи и самым развитым рыночным отношениям, но бедные хозяйства вынужденно прибегали к аренде мелкими участками, краткосрочной и отработочной, из-за отсутствия средств.

⁸⁶ См.: Ленин В.И. ПСС. Т 17. С. 90.

⁸⁷ Ленин В.И. ПСС Т. 17. С. 86.

О роли отработок в России

Значению отработок в сельском хозяйстве и их влиянию на историческое развитие России большое внимание уделил В.И. Ленин. Не удивительно, что они заняли большое место в советской историографии. По моему мнению, их значение было преувеличено по политическим мотивам В.И. Лениным в 1906–1908 гг.

В начале своей деятельности он писал об отработках как о пережитках феодализма, как о переходной ступени к капитализму, в научном плане. Как ярый обличитель самодержавия, он связывал отработки с недостатками социально-экономического строя, но видел их переходный характер. Ленин разделял мнение крупного ученого и статистика Н.Ф. Анненского о том, что в 1880-х годах отработочная система занимала несколько большее место в помещичьих хозяйствах, чем капиталистическая. На основе данных Анненского, обобщавших сведения, собранные от хозяев, Ленин составил таблицу и привел ее в работе “Развитие капитализма в России” (1899 г.). При этом Ленин разделял мнение Анненского, что эти сведения о системах хозяйства весьма приблизительны, так как “в большинстве имений существуют одновременно почти все или многие способы найма”⁸⁸. Эта таблица содержит следующие сведения:

		Число губерний		
		В черноземной полосе	В нечерноземной полосе	Всего
I	Губернии с преобладанием капиталистической системы	9	10	19
II	Губернии с преобладанием смешанной системы	3	4	7
III	Губернии с преобладанием отработочной системы	12	5	17
Всего		24	19	43

По приведенным данным, губерний с преобладанием капиталистической системы было в Европейской России 19 из 43, или 44,2%, с преобладанием отработочной системы – 17, или 39,5%, в остальных семи губерниях (16%) было поровну тех и других имений. При этом в черноземной полосе преобладали губернии с отработочной системой (в 12 из 24), в нечерноземной, наоборот, преобладали губернии с капиталистической системой (10 из 19). Ленин справедливо делает вывод о том, что в земледельческом центре преобладает отработочная система, а в целом же по Европейской России уже в 80-х годах XIX в. он отмечал преобладание капиталистической системы. “При этом, – писал Ленин, – наша таблица выражает это преобладание не полно (подчеркнуто мной. – В.Т.), ибо в I группе губерний есть такие, в которых отработки совершенно не применяются (при-

⁸⁸ Ленин В.И. ПСС Т. 3. С. 187–188; Т. 17. С. 74–76; См. также: Сельское и лесное хозяйство России. СПб., 1893. С. 79.

балтийские, например), тогда как в III группе нет ни одной губернии, вероятно, даже ни одного ведущего свое хозяйство имения, в котором бы не применялась хотя отчасти капиталистическая система”⁸⁹.

Из губерний с великорусским населением капиталистическая система преобладала в Саратовской, Петербургской, Московской, Ярославской, Донской, а также в Таврической, Херсонской, Екатеринославской. Правда, в трех последних губерниях великорусское крестьянство не было преобладающим, а составляло значительную часть населения: в целом в Новороссии – 31%. Во II группу входили: Воронежская, Калужская и Смоленская, где преобладала смешанная система. К III группе относились из великорусских губерний следующие: Владимирская, Костромская, Нижегородская, Тверская, Рязанская, Тамбовская, Орловская, Курская, Тульская, Новгородская, Псковская, Пензенская, Симбирская, Самарская. В 14 великорусских губерниях преобладала отработочная система, в восьми – капиталистическая и в трех – смешанная. Кроме того, семь великорусских губерний Ленин не включил в таблицу (Астраханскую, Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, Вятскую, Пермскую, Оренбургскую) на том основании, что там было мало помещичьих посевов (всего 3,4%). В этих сравнительно многоземельных окраинах отработки были представлены слабо.

По данным 1880-х годов, в губерниях III полосы применяла вольный наем значительная часть помещиков. Например, в Курской губернии в четырех уездах 80–90% средних и крупных помещиков имели постоянных батраков и немалая часть их (от 53 до 88%) приобретала еще рабочих по вольному найму⁹⁰.

Крестьянское движение в начале XX в., и особенно в 1905 г., оказалось направленным против разных имений, и отработочных, и чисто капиталистических. Ленин поставил вопрос о пересмотре аграрной программы и пересмотрел свои оценки помещичьих хозяйств и особенно отработок. Пользуясь теми же данными 1880-х годов, он уже сделал противоположные выводы, а именно о полном преобладании отработок в помещичьих хозяйствах. Пока остановимся на этом и рассмотрим, как освещался вопрос об отработках в советской историографии.

Историки и экономисты С.М. Дубровский, П.И. Першин, П.И. Лященко, П.А. Хромов и многие другие использовали ленинские положения ранних его работ, особенно “Развитие капитализма в России”, где был изложен основной фактический материал земско-статистических обследований 1880-х – начала 1890-х годов XIX в.. Это объяснялось тем, что в более поздних работах: “Аграрный вопрос в России к концу XIX века”, “Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции” и в других В.И. Ленин использовал тот же материал, те же сведения Анненского, лишь дополнив их некоторыми новыми примерами. Поэтому советские историки обращали внимание на выводы Ленина о том, что отработки –

⁸⁹ Ленин В.И. ПСС Т. 3. С. 191.

⁹⁰ Ленин В.И. Там же. Данные земской статистики.

это пережиток барщины, но одновременно “отработки – это переход от барщины к капитализму”⁹¹. Обращалось внимание на выделение Лениным двух типов отработок: первый, когда обрабатывает крестьянин-хозяин с лошадью, второй тип, при котором работу выполняет “сельский пролетарий, не имеющий никакого инвентаря (например, жать, косить, молотить и т.п.)”. Второй тип Ленин назвал прямым переходом к капитализму⁹².

Впервые все эти положения были подвергнуты критике А.М. Анфимовым в конце 1950-х годов, когда он был начинающим, но подающим большие надежды ученым-историком. Он специально поставил проблему роли отработок, о полукрепостнических пережитках в сельском хозяйстве, в связи с исследованием помещичьих хозяйств. Сначала в статьях, а затем в книге о земельной аренде в 1961 г. и в монографии “Крупное помещичье хозяйство Европейской России” (1969), он обратил внимание на ленинскую работу о пересмотре аграрной программы и сделал выводы в 1959 г. о господстве отработок в помещичьих хозяйствах и о повсеместном преобладании до 1917 г. полукрепостнических отношений в аграрном строе России⁹³.

Начались научные споры. На Всесоюзной конференции по проблемам аграрного строя России в 1960 г. ему возражал в докладе С.М. Дубровский (и он же в заключительном слове), а также не согласились с основным его выводом ее председатель А.Л. Сидоров (в заключении по конференции) и некоторые докладчики⁹⁴. С конца 1960-х годов главным оппонентом А.М. Анфимова по проблемам развития капитализма и роли пережитков феодализма в сельском хозяйстве России конца XIX – начала XX в. стали И.Д. Ковальченко и его ученики. Тогда же возражал А.М. Анфимову и автор этих строк, отмечая, что его вывод о характере аграрного строя, об отработках сделан без учета крестьянских хозяйств, в которых также развивались капиталистические и товарные отношения, но роль отработок в зажиточных хозяйствах была незначительной как в Центре, так особенно на окраинах.

И.Д. Ковальченко также обратился к изучению крестьянских хозяйств Европейской России в конце XIX – начале XX в. Положение и развитие крестьянских хозяйств в первой половине XIX в. И.Д. Ковальченко ранее исследовал в своей докторской диссертации и в монографии на эту тему. Его вывод заключался в том, что в первой половине XIX в. в крестьянских хозяйствах развивались капиталистические отношения. Обзор взглядов историков И.Д. Ковальченко дал в монографии “Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в.”, написанной в соавторстве с Л.В. Миловым⁹⁵.

⁹¹ Ленин В.И. ПСС. Т 17. С. 72.

⁹² Там же. Т. 3. С. 199–200.

⁹³ Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 65.

⁹⁴ См.: Особенности аграрного строя России в периодимпериализма. М., 1962. С. 19–25; 292–293; 333–339, 347–350.

⁹⁵ См.: Указ. соч. М., 1974. С. 366–376.

Спор с А.М. Анфимовым он начал с того, что проверил данные академика В.С. Немчинова о том, сколько хлеба давали помещичьи и крестьянские хозяйства и сколько они поставляли хлеба на рынок.

Статья Ковальченко в 1971 г. о соотношении крестьянского и помещичьего хозяйства⁹⁶ переводила спор о развитии капиталистических отношений с одного помещичьего хозяйства на весь аграрный сектор. Ковальченко почти полностью подтвердил подсчеты В.С. Немчинова, показав, что крестьяне давали 86% всего хлеба, в том числе товарного – 79%, а весь помещичий сектор не превышал 132,5% сельскохозяйственного производства⁹⁷. Поскольку в крестьянских хозяйствах обработки применялись мало, то вывод следовал о том, что обработки не могли господствовать в аграрном строе страны.

Научное течение споров на время было прервано неожиданным вмешательством работников отдела науки ЦК КПСС. Они обвинили ряд научных сотрудников Института истории СССР в искажении ленинских положений о социальной опоре самодержавия, о роли стихийности в 1917 г., о социально-экономических предпосылках социалистической революции и др. В 1973 г. партийные органы подвергли административным репрессиям группу историков этого института, в том числе А.М. Анфимова, о чем он пишет в работе “Неоконченные споры” (Вопросы истории. 1997. № 5). А.М. Анфимов был освобожден от заведования сектором истории капитализма, отстранен от руководства Комиссией по истории крестьянства при отделении истории АН СССР. Он тяжело переживал эти и другие взыскания и придирки. Но его оставили работать в секторе, и он стал исследовать крестьянские хозяйства.

В 1980 г. А.Н. Анфимов опубликовал монографию “Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг.” Во введении к этой работе он признал “ошибочность” своего вывода, “сделанного ранее о повсеместном преобладании полукрепостнических отношений в российской деревне” и далее написал: “Господство капиталистического уклада, пронизывающего все поры экономической жизни деревни и преобразовывающего на свой лад даже самые отсталые формы деревенского быта, вполне доказывается всем материалом, представленным в предлагаемой читателю работе”⁹⁸. Названный вывод действительно подтверждается материалом этой и вышедшей вскоре другой монографии Анфимова⁹⁹. Материал о крепостнических пережитках в этих монографиях был затронут при изложении аренды земли, но приведенные материалы не подтверждали преобладания обработок и натуральных аренд. Коллеги по работе, историки-аграрники объяснили отказ А.М. Анфимова от прежнего вывода о господстве обработок

⁹⁶ См.: Ковальченко И.Д. О соотношении крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономического развития России. М., 1971. С. 171–194.

⁹⁷ Там же. С. 190. Таблица.

⁹⁸ См.: Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство.... С. 7.

⁹⁹ Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М., 1984.

именно переходом от исследования помещичьих хозяйств к изучению крестьянского хозяйства. Надо отметить, что в обеих монографиях немало внимания уделялось отсталым формам крестьянского хозяйства, тяжести повинностей, арендных платежей и других факторов, которые названы “феодално-крепостническими депрессорами”, мешавшими развитию капитализма.

В 1970–1980-х годах большую исследовательскую работу по изучению социально-экономического строя Европейской России проводил академик И.Д. Ковальченко со своими учениками. Они стали применять математические методы при использовании массовых источников, что дало возможность расширить источниковую базу и вести исследования более комплексно. В их монографиях и статьях был приведен материал, доказывающий значительное сокращение отработочной системы в помещичьих хозяйствах после 1880-х годов, материалы которых использовал В.И. Ленин. Они сделали выводы о полном преобладании капиталистической системы в помещичьих хозяйствах в начале XX в., особенно по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. Исследуя крестьянское хозяйство на более широкой источниковой базе, И.Д. Ковальченко и его ученики также отметили дальнейшее развитие капиталистических отношений в хозяйствах зажиточных крестьян¹⁰⁰.

Однако в 1997 г. в журнале “Вопросы истории” в четырех номерах (№ 5, 6, 7 и 9) была посмертно опубликована большая работа А.М. Анфимова, написанная им уже в последние годы жизни, в период перестройки. В небольшом введении от редакции указано, что А.М. Анфимов в 1980 г. в ходе борьбы с партийно-академическим аппаратом “был вынужден признать ошибочными свои основные выводы о характере аграрного строя России (сводящиеся к господству в нем докапиталистических отношений)” для того, чтобы издать еще две книги. Опубликованная рукопись свидетельствует о том, что А.М. Анфимов не отказался в действительности от названных выводов и в этой работе продолжал отстаивать прежние свои взгляды, в том числе и о господстве в России до 1917 г. отработок¹⁰¹. Поскольку проблема роли отработок, отработочной аренды в частности, тесно связана с тематикой обеспечения крестьянства землей, остановлюсь на ней подробнее. Несколько растянутое введение к этому объясняет, какое большое место в историографии отечественной истории 1960–1980-х годов занимала эта проблема, которая была, по существу, одной из ключевых в изучении аграрного вопроса периода капитализма.

¹⁰⁰ См.: Ковальченко И.Д., Литваков Б.М., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Он же. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX века (По бюджетным данным среднечерноземных губерний) // История СССР. 1983. № 5; и другие работы.

¹⁰¹ См.: Вопросы истории. 1997. № 5. С. 49.

Впервые касаясь здесь полемики с А.М. Анфимовым, которую мы вели с ним довольно долго, отмечу, что он был крупным ученым, широко эрудированным, большой работоспособности, знатоком источников, мастером источниковедческого анализа. На протяжении многих лет мы с ним были сопредседателями секции Всесоюзного аграрного симпозиума периода капитализма. Я мог воочию наблюдать, как тонко он подмечал слабости в аргументации своих научных оппонентов. Его едкие возражения не всегда были справедливыми, но часто блистали остроумием, нередко юмором и всегда заставляли задуматься над многими вопросами. Он горячо отстаивал свою точку зрения, был страстным в спорах. Работа “Неоконченные споры” по многим причинам уважительного характера вышла в нескольких местах чересчур резкой, что было несвойственно автору в других трудах. Название ее приглашает к продолжению споров, которые помогают выяснить научную истину.

Прежде всего я считаю, что вся проблема отработок была Лениным политизирована. Конечно, недостатки отработочной системы по сравнению с классически капиталистической были весьма значительными. Но и классического капитализма нигде не было. Даже К. Марксу, по его признанию пришлось абстрагироваться от пережитков феодализма, разрабатывая теорию модели капитализма. Ленин тоже отмечал, что чистого капитализма нигде нет, всегда есть пережитки феодализма, мещанства (видимо, имелись в виду мелкотоварные отношения) и т.д. Поэтому само наличие отработок не может быть предпосылкой буржуазно-демократической, крестьянской революции, в какой статус их возвел Ленин после 1906 г. Рассмотрим суть отработок и увидим, что они не только пережиток феодализма, что они были и до феодализма, есть и сейчас, и будут использоваться далее, ибо это только способ оплаты, один из способов найма. С точки зрения марксизма, которую отстаивал Ленин, отработки – это не формационный признак.

Исторически определенно отработками надо признать систему колоната в рабовладельческом строе. Колон получал участок земли и за него отработывал, получая часть урожая. То же было при феодальном строе: крестьянин работал на господина за клочок земли. В советский период при другом социально-экономическом строе отработки существовали в виде издольщины: многие колхозы или совхозы приглашали работников копать картошку за каждый десятый (в Сибири – пятый) мешок себе. А во время Великой Отечественной войны колхозники работали за приусадебный участок, так как на трудовни практически ничего не получали. Сейчас у нас заработную плату выдают на чулочной фабрике – чулками, на фарфоровой – посудой и т.п. Это все отработки. При самом развитом капиталистическом, рыночном строе их тоже применяют. Приведем пример Генри Форда, чтобы понять некоторые преимущества отработок по сравнению с вольным наймом. В автомобильной промышленности из-за конкуренции приходилось довольно часто повышать зарплату самым высококвалифицированным рабочим. У нас про них говорили: “золотые руки”. Несмотря на постоянное повышение зарплаты, рабочие от Форда уходили

на заводы компании “Дженерал Моторс”, которая могла платить таким рабочим больше. Поэтому Форд помимо моральных стимулов (личные поздравления с днем рождения рабочих, подарки и пр.) ввел систему самых настоящих отработок: с высококвалифицированными рабочими заключался договор, по которому тот получал от Форда участок земли, на нем дом, гараж, машину “Форд” с обязательством менять регулярно марку машины. И всем этим рабочий мог пользоваться бесплатно, а через определенный срок безупречной работы (15–20 лет) он еще бесплатно все это получал в собственность. Это была натуральная прибавка к зарплате, да еще и в классическом виде участка земли. Рабочий получал выгоду, но и Форд был не внакладе – рабочий не мог уйти из-за уплаты значительной неустойки, он не участвовал в забастовках и т.д. Для фирмы Форда расширялся рынок продажи машин, другим рабочим давали только машину как прибавку к зарплате, если он не уйдет в течение нескольких лет.

Примерно так же сейчас действует американская фирма “Филипп Моррис”. Предвидя сокращение доходов от продажи сигарет в США, но не желая полностью уходить с американского рынка, фирма нашла “нишу” – расширение продаж индюшатины и индеек. Желающим фирма давала мини-птицефабрики с участком земли, домом и с обязательством со стороны фирмы поставлять яйца, корма, покупать индюшат и индеек по оговоренной цене, а работник обязывался обслуживать хозяйство. Через 7 лет фирма отдает эту птицефабрику бесплатно в собственность работника. Не надо доказывать, что это тоже отработки. Ведь недаром русские авторы, и Ленин в том числе, называли отработки способом обеспечить себе рабочие руки. Ленин об этом писал так: аренда, “которая переходит иногда незаметно в капиталистическую систему обеспечить имение сельскими рабочими...”¹⁰²

Рассмотрим суть отработок в России начала XX в. с экономической точки зрения. Наиболее распространенным в это время видом отработок стала аренда земли у помещика за часть урожая – ее называли натуральной или издольщиной (старинное название испольщина). Такие отработки были выгодны для крестьянина, не имеющего денег. Он, конечно, знал, что денежная аренда дешевле, но денег не было, занять их можно только у кулака под большие проценты, а это, как говорили, “себе дороже”. С начала XX в. стала развиваться система государственного мелкого кредита, в деревнях возникли кредитные кооперации¹⁰³, улучшились возможности получения денежного кредита и стала расти денежная аренда. А для тех, кто не мог получить такой сравнительно выгодный заем, оставалась единственная возможность арендовать землю за часть урожая. Выгода для крестьянина еще состояла в том, что он получал в данном случае кредит: землю брал в аренду весной или зимой, а расплачивался через 4–6 месяцев, сняв урожай. Для помещика такие отработки тоже были выгодны: затрат

¹⁰² Ленин В.И. ПСС Т. 3. С. 194.

¹⁰³ См.: Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988.

капитала не нужно было, а доход он имел. Получал крестьянин меньше, чем при вольном найме, но аренда в кредит всегда дороже.

Зарубежные историки-аграрники и экономисты даже подсчитали, что отработки выгоднее для собственника земли, чем вольный наем. Такие данные были представлены в докладе профессора Ричарда Сатча на советско-американском коллоквиуме по аграрной истории в 1976 г. в Москве. Наше возражение ему сводилось к тому, что, выигрывая в уменьшении затрат на наем рабочей силы, владелец земли при отработках проигрывал на том, что урожаи в крупных капиталистических экономиках были значительно выше, чем при польской аренде, по данным А.А. Кауфмана, на 25%¹⁰⁴. А.Н. Энгельгардт писал о том, что он знал о более высоких доходах при крупном капиталистическом хозяйстве, но у него не было денег и он прибегал сначала к отработкам в форме польщины, а затем уже переходил к организации крупного хозяйства¹⁰⁵. Польщина была выгоднее для помещика, так как крестьянин был заинтересован в получении более высокого урожая, часть которого оставалась ему.

Второй тип отработок – аренда земли за работу, или чистые отработки по характеристике Ленина. Крестьянин арендовал клочок земли, нередко это были отрезки, за что должен был у помещика отработать. Чаще всего за это нужно было “работать круги”, т.е. полную обработку 1 дес. озимого и 1 дес. ярового хлеба. Такую аренду за работу называли “издельным наймом” – от слова “сделать”, выполнить определенный объем работ. Для крестьянина это была вынужденная аренда, как и в первом случае, но он был заинтересован лишь в лучшей обработке своего арендованного участка, а отработка на земле барина для него была тяжела, так как надо было в те же сроки страды работать в разных местах – и на своем наделе, и на двух участках помещика. Энгельгардт писал, что “очень часто вся эта работа не приносит помещику, вследствие его неумелого хозяйства, никакой пользы”¹⁰⁶.

При такой аренде за чистые отработки урожаи были самыми низкими, и поэтому она была наименее выгодной для помещика и наиболее обременительна для крестьянина. В этом случае помещику выгоднее было сдать отрезки за деньги, так как он мог заломить цену значительно выше средней. Это была эксплуатация “посредством отрезных земель”, чуждая классическому капитализму и неизвестная в других странах. Невыгодность чистых отработок вызвала переход от них к денежной аренде. Этот процесс шел в России и в конце XIX в. и особенно ускорился в XX в. (об этом будет сказано далее). А в 1870-х годах, во времена Энгельгардта система чистых отработок за отрезки господствовала, и он знал только один во всей округе случай сдачи отрезков за деньги, да и то потому, что “имение находится в аренде у купца”¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Кауфман А.А. К вопросу о культурно-хозяйственном значении частного землевладения // Аграрный вопрос. М., 1907. Т. II. С. 521.

¹⁰⁵ Энгельгардт А.Н. Из деревни 12 писем. 1872–1887. М., 1987.

¹⁰⁶ Там же. С. 393–397.

¹⁰⁷ Там же.

С экономической точки зрения недостатки обработок типа издольщины были для крестьянина более ощутимы, чем для помещика. Вследствие острой нужды в земле мужик был вынужден соглашаться на такую долю (в конце XIX в. она составляла иногда половину или две пятых урожая), которая, по расчетам, была ниже заработка батрака при вольном найме в “экономии”. Но это было завуалировано и притом зависело прежде всего “от бога” (при хорошем урожае он мог обеспечить семью хлебом), а затем и от качества его работы. Для помещика при издольщине недостатками по сравнению с денежной арендой было получение дохода не весной, а осенью и невозможность полностью проконтролировать величину урожая – над каждым арендатором надсмотрщика не поставишь! Но при низком спросе на денежную аренду и широком спросе на издольщину, что было характерно для первых десятилетий после отмены крепостного права, помещик мог поставить условия более выгодные для себя и невыгодные для мужика, пользовался нуждой последнего. При таких условиях спроса помещик мог получать даже большую норму прибыли, чем от денежной аренды. У нас этот вопрос мало исследован, а в США много исследований о “капиталистах без капитала” и при рабстве, и при обработках типа издольщины¹⁰⁸.

При обработках за отрезки элементов кабалы, угнетения крестьян и ростовщичества было больше, чем при всех других типах обработок. Эти элементы оставались в той или иной мере и после перехода от обработок к денежной аренде отрезков. Обратим внимание на то, что в великорусских губерниях отрезков было больше всего. Сошлемся на более позднюю монографию Б.Г. Литвака, где он подвел итог не только собственным подсчетам 20 тыс. уставных грамот, но и подсчетам еще десятков указанных им авторов. У крестьян Черноземного центра при самых низких душевых нормах наделов отрезали в шести губерниях в среднем от 12,6 до 26,7% земель, но в некоторых уездах отрезки доходили до 43% (Павловский уезд Воронежской губернии). Землю отрезали только у 50% крестьян, а процент относится ко всей надельной земле, значит, во многих селах отрезки составляли в 2 раза больше процентов надела. В Самарской губернии отрезки составили 41%, в Костромской – 32, в Новгородской – 40, в Симбирской – 27, в Тверской – 22, в Псковской – от 19 до 34 (грамоты обработаны только по четырем уездам из восьми), в Смоленской – 16, во Владимирской – 16, по Приуралью в целом – 12%. В западных губерниях отрезков было меньше¹⁰⁹. Следовательно, основная тяжесть от обработок падала на великорусское крестьянство.

Основной недостаток обработок Ленин видел в экономической невыгодности их. Одна и та же работа (отработка 1 дес. ржи), по данным, со-

¹⁰⁸ См. обзор литературы в статье: *Рэнсом Р., Сатч Р.* Капиталисты без капитала: бремя рабства и влияние освобождения // *Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века*. М., 1991. С. 173–175 и примечания авторов в сносках, где указаны упомянутые выше работы Р. Сатча. С. 193–196.

¹⁰⁹ См.: *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 152–167.

бренным в 80-х годах XIX в. от хозяев, обходилась при сдельном вольном найме в 1,7 раза дороже, чем при отработках, если считать работу лошади. Значит, степень эксплуатации при отработках была выше, что доказывает использование малоземелья крестьян, закабаления их. Против этого нельзя возражать.

Мое возражение касается двух других сторон. Во-первых, признать наличие отработок и их тяжесть, еще не значит признать, что они были доказательством полукрепостнических отношений. Ведь отработки были при рабовладельческом строе, были при феодализме, при капитализме, при социализме, есть в так называемом постиндустриальном обществе, как сказано выше. Это один из способов оплаты работы, один из способов приобретения рабочей силы для хозяина (рабовладельца, феодала, капиталиста, социалистического предприятия, крупных монополий или акционерных обществ). Оработки не формационно-образующий фактор. Но Ленин, назвав отработки полукрепостническими, а на этом основании и все помещичьи имения тоже, поставил политический вопрос о необходимости смести их буржуазной революцией. Приведем его главное доказательство преобладания отработок и крепостничества в помещичьих имениях. “Мы должны учитывать общий и конечный результат современного крестьянского движения, – писал он в марте 1906 г. в работе “Пересмотр аграрной программы рабочей партии”, – а не топить его в отдельных случаях и частностях. В общем и целом современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостнически-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства. Кто отрицает это, тот не сможет объяснить теперешнего широкого и глубокого революционного крестьянского движения в России”¹¹⁰. Политизация, т.е. связь экономического вопроса об отработках с политическим здесь налицо. Логика рассуждений состоит в том, что крестьянское движение служит доказательством господства крепостнически-кабальной системы. Но самые активные выступления крестьян проходили в Прибалтике. В октябре – декабре 1905 г. почти все села и местечки Латвии и Эстонии были охвачены крестьянскими выступлениями. В Латвии было 643 выступления партизан – так называемых “лесных братьев”, было разгромлено 469 имений, в Эстонии летом 1905 г. было 50 поджогов имений, а осенью разгромлено 120 имений, в Литве, по подсчетам исследователя А. Тила, было 1059 выступлений. Всего в Прибалтике было 2401 выступление крестьян. А В.И. Ленин писал в 1899 г. что в Прибалтике совсем не было отработок¹¹¹. Самое массовое движение крестьян было в Саратовской губернии, а она включена Лениным в I группу, где преобладала капиталистическая система¹¹². Из Пензенской губернии в анкетах Вольного экономического общества (ВЭО) сообщалось, что крестьянство

¹¹⁰ Ленин В.И. ПСС Т. 12. С. 248–249.

¹¹¹ См.: Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989. С. 254; Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 69–70.

¹¹² Гохлернер В.М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Исторические записки. Т. 52. С. 200.

выступило “против всех состоятельных, на чей счет можно было уменьшить свою нужду: против помещиков, купцов, землевладельцев и арендаторов. Уничтожались имения всякого размера и независимо от практиковавшейся в них системы хозяйства”¹¹³. Из губерний, включенных Лениным в I группу, широкий размах крестьянское движение приобрело в губерниях Таврической, Херсонской и Донской областей.

Исследователи выделяют массу “образцовых”, чисто капиталистических экономий, разгромленных и разграбленных крестьянами. В этих экономиях, где не применялись отработки, а хозяйство велось в крупных размерах на наемном труде, часть зерна и скота при погромах крестьянами вывозилась, но больше сжигались амбары с зерном, уничтожался скот и инвентарь (донесение из Курской губернии: “Уничтожен весь инвентарь и скот”). У дворян Терещенко (их отец был крестьянином и купил 200 тыс. дес. земли, а затем был пожалован дворянством за благотворительность) были разгромлены многие экономии, сахарные и винодельческие заводы¹¹⁴.

Материалы многочисленных исследований свидетельствуют о том, что совсем не против крепостнически-кабальной системы, как определил Ленин, выступали крестьяне, а за захват любых земель. Приведенное выше заключение Ленина, объяснявшее широкое крестьянское движение тем, что “современное помещичье хозяйство” больше держится “крепостнически-кабальной, чем капиталистической системой”, совсем не соответствует фактическому материалу о целях и характере крестьянского движения. Ведь помещики с отработочной системой не имели большого количества скота, инвентаря, хозяйственных построек, а крестьяне грабили именно таких, кто это имел. Главной целью был захват земли, а сжигали имения, скот и инвентарь, чтобы “выкурить” помещиков, чтобы уехали, а земля осталась крестьянам. Районы массовых крестьянских выступлений и конкретные разграбленные и сожженные имения и экономии совсем не соответствовали районам распространения только отработочных хозяйств. Уничтожали и тех, и других, но наиболее острые столкновения были в Прибалтике, Саратовской губернии, в Новороссии, где было меньше “крепостнически-кабальной” системы. Следовательно, вывод В.И. Ленина о повсеместном и преобладающем крепостничестве не был подкреплен экономическими данными, а был сугубо политическим. И Ленин сделал такое заключение: “Лозунг, зовущий крестьян к восстанию, может быть лишь один: конфискация всех помещичьих земель”. Он категорически отвергал предложение меньшевика П.П. Маслова об “отчуждении” помещичьих земель и передаче их местным органам власти на том основании, что это “призыв к решению вопроса не восстанием”. Ленин подчеркивал, что нельзя “отвергать безусловно национализацию земли”¹¹⁵. Таким образом, вопрос об отработках тесно связывался с буржуазно-демократическим переворотом, непременно крестьянским восстанием.

¹¹³ Приводится по : Сенчакова Л.Т. Указ. соч. С. 255.

¹¹⁴ Там же. С. 85–95.

¹¹⁵ Ленин В.И. ПСС Т.12. С. 263–264, 267–268

В 1908 г. в работе “Аграрный вопрос в России к концу XIX века” Ленин в разделе о помещичьем хозяйстве привел данные о капиталистическом прогрессе его в России, но, отметив, что “прогресс этот необыкновенно медленен”, сделал такой общий вывод: “И конец XIX века застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественно-го развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства (подчеркнуто мной. – В.Т.) является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни”¹¹⁶. Таким образом, крепостничеством Ленин объявил помещичьи дворянские латифундии и отработочную систему. Само существование крупных латифундий с точки зрения марксизма не могло служить основанием необходимости буржуазной революции: в ряде стран доля латифундий помещиков была выше: в Англии в конце XIX в. около 80% земли принадлежало лендлордам (7 тыс. человек) и лишь 14% земли обрабатывалось владельцами, остальная земля обрабатывалась на условиях аренды. В России же крестьяне владели 138 млн дес. наделной земли и 34 млн дес. купленной частной – всего 172 млн дес. из 240 млн дес. освоенной земли, т.е. 71% освоенной земли или 61,4% сельскохозяйственного фонда (из 280 млн). По данным доклада министра внутренних дел, в 1905 г. у крестьян землю имели 69,1% сословия, у дворян – 33,6%; из купцов владели землей 17,5%, из мещан – 3,9%¹¹⁷. Дворяне имели к 1915 г. около 43 млн дес., или 17,9% освоенной земли и 15,4% сельскохозяйственного фонда Европейской России. Следовательно, не само существование крупных латифундий помещиков, а крепостнический характер их (по крайней мере, большинства из них) оправдывали с точки зрения марксизма конфискацию помещичьей земли.

Почти одновременно с переоценкой уровня капитализма в помещичьих хозяйствах В.И. Ленин стал разрабатывать вопрос о двух разных путях аграрного капитализма: прусском и американском. Я их пока не касаюсь и считаю, что ленинское понимание этих путей достаточно полно раскрыто мной в прежних работах¹¹⁸.

Остановимся на весьма важном вопросе о крепостническом характере помещичьих имений, который Ленин объяснял отработками и, по существу, больше ничем, так как отработочная система была источником всех остальных бед – “угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины”, а также названных ранее – кабалы, ростовщичества.

Для этого очень важно выяснить распространение отработочной системы в России не в 80-х годах XIX в. (Ленин в работе 1908 г. использовал те же сведения Анненского), а в XX в., накануне первой мировой войны. Все имеющиеся на этот счет сведения местных обследований свидетельствуют о быстром сокращении отработок и замены их денежной арендой

¹¹⁶ Ленин В.И. ПСС Т. 17. С. 80.

¹¹⁷ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 687. 1906–1909 гг. Л. 265–266 и об.

¹¹⁸ См.: Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. В.И. Ленин о трех российских революциях. Социально-экономические проблемы. С. 29–65; Они же. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 6–18.

земли. Сначала приведем сведения об этом из работ А.М. Анфимова (когда он делал выводы о господстве отработок, он знал об их сокращении, но по-другому эти факты объяснял, на этом остановимся далее).

В монографии “Земельная аренда в России в начале XX века” Анфимов привел довольно много данных различных земских обследований 1901–1914 гг. и по этому вопросу. В табл. 61 (с. 147–148) приведены такие данные по 23 губерниям (в том числе по 13 губерниям по всем уездам, по остальным охвачены от 2 до 12 уездов). Сообщения корреспондентов по 20 губерниям отметили преобладание денежной аренды (от 54% в Псковской до 98% в двух уездах Самарской), в том числе в 13 губерниях доля денежной аренды была более 70%. Натуральные аренды преобладали в среднем в Новгородской губернии, в Крыму и в Витебской (48% – натуральные, 47% – денежные), были значительными – в Черниговской губернии (47 – натуральные, 51 – денежные). Ни в одной губернии и ни в одном уезде не было преобладания отработочной аренды: в 11 губерниях она совсем не отмечена, в семи губерниях было не более 2% сообщений о ней и только в Смоленской губернии было отмечено наличие отработок 34% корреспондентов (46 – о денежной), и еще в Пензенской губернии 13% (и 54% – о денежной). Таким образом, в 1901–1913 гг. (преимущественно в 1907–1913 гг.) полностью преобладали сообщения о денежной аренде и на втором месте – о натуральной, совсем мало – об отработках чистых. Еще были сообщения о смешанных формах, но все в губерниях, где преобладала денежная аренда, указанная отдельно (смешанная в четырех губерниях была отмечена от 14% из Нижегородской до 20% из Смоленской). Там, где сообщения были только от одного уезда, также преобладала денежная аренда – из Калужской (98%), из Таврической губерний (Бердянский уезд – 92%), из двух уездов Орловской (98 и 74%), из трех Московской губернии (71,5 и 19% – смешанной). При преобладании сообщений о денежной аренде, можно отметить, что сообщения о наличии натуральной и отработочной аренд поступили главным образом от великорусских губерний: Новгородской, Смоленской, Нижегородской, Тверской, Пензенской. А.М. Анфимов отметил, что эти отдельные сведения “не могут поколебать вывод об основной тенденции к преобладанию денежной аренды”¹¹⁹.

Еще более наглядно демонстрирует преобладание денежной аренды названная ранее сводка земских подворных переписей, составленная З.М. и А.Н. Свавицкими, приведенная также в приложениях 3 и 4 к монографии Анфимова о земельной аренде. По данным земских переписей за 1897–1913 гг. о формах арендной платы за внеадельные земли данные такие: всего было арендовано в 68 уездах 15 губерний 1842 тыс. дес., из них за деньги – 1607 тыс., или 98,8%, за отработки – 14 тыс. дес., или 0,1%; из доли – 117 тыс. дес., или 0,6%, и на остальных условиях – 0,5%. Почти вся внеадельная аренда была денежной. Из отдельных уездов выделялись по отработочной аренде по одному уезду – в Псковской губернии (2,4% Опочецкий уезд) и в Саратовской губернии (Петровский у. в 1894 г. – 4,2%), а

¹¹⁹ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 146.

из губерний – Тульская (1,3% по всем 12 уездам). Данные о формах аренды наделных земель охватывают те же 68 уездов 15 губерний. Всего было арендовано 1094 тыс. дес. земли, из них за деньги – 1025 тыс. дес., или 93,7%; за отработки (всего по 5 губерниям) – 7,5 тыс., или 0,7%; из доли – 34,4 тыс., или 3,1%¹²⁰.

Даже по более ранним данным волостных правлений, представленным в Комиссию 14 ноября 1901 г. по 50 губерниям, из 5059 тыс. дес. аренды частновладельческих земель, получилась почти та же картина: 83,4% – за деньги; 1,8% – за отработки, 5,5% – из доли урожая и 9,3% – в смешанной форме. По этим данным в Черноземном центре на денежную аренду приходилось 81,5%, за отработки – 1,4%, из доли урожая – 10,8%. В Промышленном районе было арендовано за деньги – 69,7%, за отработки – 9,4% и из доли урожая – 1,3%. В этом районе отработки занимали несколько большую долю, но в 7 раз меньше денежной, хотя обследование охватило фонд аренды более 5 млн дес.¹²¹

Все эти данные многочисленных обследований и официальных сообщений показывают и доказывают полное (на 81% – в 1902 г. и на 93–98% в 1900–1913 гг.) преобладание денежной аренды и стремительное уменьшение аренды за отработки, натуральные и др. А.А. Иванов приводит дополнительные данные материалов повторной переписи крестьянских хозяйств Воронежской губернии 1900 г., согласно которым в ней за деньги арендовалось 93,8% земель (более 94% ее составляла пашня)¹²². В названных выше таблицах этой губернии нет.

Однако эти факты не убедили А.М. Анфимова. В последней работе “Неоконченные споры” он вернулся к тезису о господстве отработок в российской деревне. Вместе с тем он постарался более пространно развернуть старые контраргументы в пользу своего вывода. Аргумент, собственно, один, но он объясняется с двух позиций. Еще в 1961 г. он отметил, что якобы “денежная форма арендной платы очень часто скрывала те же отработки”¹²³. В последней работе он вернулся к этому тезису, сформулировав его так: “Тем временем в сельском хозяйстве происходил процесс замены натуральных отработок отработками в их денежной форме”¹²⁴. С точки зрения логики и политэкономии это полный абсурд, ибо отработки – это работа за что-то, чаще всего за натуральную плату, как и при барщине. Но на заре отработочной системы существовали и отработки за деньги. О них писал и Ленин, и другие авторы, и выше было показано, что они были невыгодны помещику, так как крестьянин больше заботился о том, чтобы не утомить свою лошадь, а не о качестве работы. Они со временем были вытеснены отработками в виде издольщины или за участок земли, которые не требовали денежных затрат от помещика и при кото-

¹²⁰ Там же. С. 197–198.

¹²¹ Материалы комиссии 16 ноября 1901 г. Приводятся по: *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 195–196. Приложение 2.

¹²² Указ. материалы. Т. 2. С. 583. См.: *Иванов А.А.* Указ. канд. дис. С. 67.

¹²³ *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 190–191.

¹²⁴ *Анфимов А.М.* Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. №5. С. 55.

рых был гораздо меньший риск в случае неурожая. От этого вида отработок остался зимний наем в тех случаях, когда не хватало рабочих рук. Тогда, чтобы обезопасить себя, помещик давал часть платы за работу зимой, когда у крестьян кончался хлеб. Но и зимняя наемка (так называли наем крестьян на летние работы зимой, когда у бедных крестьян заканчивался хлеб и наем обходился дешевле) и отработки за деньги (Ленин называл последние “издельным наймом”)¹²⁵ – отличались тем, что крестьянин работал за деньги на земле помещика, “отрабатывал”. Теперь же речь шла о денежной аренде, при которой крестьянин получал землю во временное владение и урожай брал себе.

Как же объясняет такое превращение денежной аренды в отработки А.М. Анфимов? Одно объяснение сводится к тому, что при денежной аренде собственник земли навязывал арендатору обязательства выполнять некоторые операции вне пределов арендованного участка. Впервые эти факты Анфимов привел из двух кандидатских диссертаций в 1961 г. Он подал их как “факты огромной экономической значимости”. В кандидатской диссертации П.К. Редькина (1954) о крестьянском движении приводился пример арендных сделок, где на аренду устанавливалась цена участка в деньгах, но в договоре указывалось, что он может “уплатить аренду деньгами или работой в имении”. Редькин сделал заключение, что на деле “это были кабальные отработки”, а в таблице указывались как “вольный наем”(?). Во-первых, в таблицах об аренде нет графы о вольном найме – Анфимов правильнее квалифицирует это как денежную аренду с выполнением натуральных повинностей¹²⁶. Во-вторых, такие случаи при обследовании записывались в графы: “Смешанная или неопределенная форма” (в бланке обследования Комиссией 1901 г.), или “Из доли, за отработки и на прочих условиях”, или “На прочих условиях” (подворные переписи), или “Смешанная”, “Отруботочная, натуральная и прочие условия” (земские обследования). В некоторых случаях выделялись в обследованиях три типа аренды: денежная, отработанная и смешанная. Это приведено часто в сборниках “Сельскохозяйственный обзор...” разных губерний. Во всех итогах обследований в этих графах указано немало сделок: по внеадельной аренде 45,6 тыс. дес., по надельной – 11,7 тыс. дес. внесено в графу “На прочих условиях”.

В процентах из всех видов аренды это немного, но если учесть, что они сконцентрированы только в центральных губерниях (Владимирской, Тульской, Смоленской, Орловской, Воронежской), то это довольно большое количество крестьянских дворов. Так что обследователи не скрывали случаи отработок под денежной арендой, а фиксировали смешанные типы аренды отдельно.

Какой смысл был у земских обследователей вписывать смешанные сделки в число денежных? Или относить их к “вольному найму”, как отметил Редькин? Аренда и наем разные вещи. Надо сказать, что земские ста-

¹²⁵ В.И. Ленин. Т. 3. С. 186-187.

¹²⁶ Анфимов А.М. Земельная аренда... С. 124-125.

тики в огромном большинстве случаев были настроены либерально. Это был “третий элемент” земств – самый антиправительственно настроенный и относившийся сочувственно к крестьянам. Мы, историки, это особо чувствуем почти по всем документам, и мы должны памятники им поставить за их огромный, полезный и добросовестный труд, а не “уличать”.

По данным профессора П.А. Вихляева, одного из самых опытных земских агрономов, заведующего статотделом Московского губернского земства, в губернии в 1898 г. было 28,7% арендных сделок по графе “За деньги и отработки”, а в 1910 г. – 19%¹²⁷. П.К. Редькин считал, что доля денежной аренды по Московской губернии завышена (в 1898 г. – 47,8%, в 1910 г. – 71,5%). Но по сравнению с другими губерниями в ней довольно много отмечено случаев натуральных и смешанных аренд (за отработки в 1910 г. – 9,3%) и еще в 1910 г. в Московской губернии за деньги и отработки отмечено 3407 дес. только коллективной аренды, которая включена в таблицу в работе П.А. Вихляева. Естественно, что Редькин обнаружил в архиве такие договоры, если в Московской губернии их было 19% – почти каждый пятый случай. Насколько широко была развита такая аренда в других губерниях, можно судить по сводке Свавицких – не более 1,1%. Этот факт из диссертации Редькина А.М. Анфимов приводил в 1961 г., а примеров других договоров в работе “Неоконченные споры” нет.

В 1961 г. А.М. Анфимов привел по этому же вопросу (т.е. о том, что под видом денежной аренды скрывались отработки) еще два свидетельства обследователей и сослался на них в “Неоконченных спорах”. Они взяты из кандидатской диссертации Г.М. Птушкина “Развитие капиталистических отношений в деревне Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв.” (Воронеж, 1953). Птушкин привел обобщающие данные по семи уездам Тамбовской губернии, согласно которым в конце 80-х и начале 90-х годов денежная аренда занимала 60%, отработочная – 28,5% и исполу – около 12%. Птушкин не только поставил под сомнение эти данные, но и счел их неверными. По его мнению, “на самом деле это было не так”. Он приводит такое доказательство: “Обследователи Кирсановского уезда прямо указывали, что «фактически сдача земли за деньги почти всегда бывает сдачею за отработки»”¹²⁸. Других таких свидетельств не приведено, хотя сказано, что такие признания “имеются в материалах по другим уездам”. Имеется еще несколько примеров того, что в некоторых имениях за отработки “засчитывается” определенная цена, или о значительном распространении отработок. Но все факты относятся к 80-м – началу 90-х годов XIX в., когда Тамбовская губерния, по сведениям Анненского, относилась к III группе, где преобладали отработки. А по данным комиссии Центра, в Тамбовской губернии в 1902 г. из 127 тыс. дес. аренды за деньги сдавалось 119 тыс. дес. или 93,7%, в смешанной форме – только 2,8 тыс. дес. (2,2%), а за отработки – 1,9 тыс. дес. (1,5%), из доли урожая – 3,3 тыс. дес. (2,6%)¹²⁹.

¹²⁷ Там же. С. 124.

¹²⁸ Приводится по: *Анфимов А.М.* Земельная аренда... С. 128–129.

¹²⁹ Материалы Комиссии 16 ноября 1901 г. Ч. I. С. 106–124.

Таким образом, уже в начале XX в. в Тамбовской губернии картина резко изменилась, как и во многих других, и регистрация отметила специально “смешанную” форму, т.е. если в договор об аренде за деньги включались работы, то они и регистрировались как смешанные.

В “Неоконченных спорах” Анфимов кроме этих материалов приводит одно высказывание профессора И.А. Стебута из его работы, но оно совершенно к этому явлению не относится. Стебут писал об “издельной” работе, которая была, как указано выше, только в первые десятилетия после 1861 г. При этом даже для начала 80-х годов он отмечал и плохое качество и нарушение сроков при таком издельном найме¹³⁰.

Эти немногие факты, относящиеся все к XIX в., и только к двум губерниям, не могут служить доказательством сокрытия отработок под видом денежной аренды. В них нет ни одного точного указания, не говоря о подсчете, какое соотношение было между платой деньгами и отработками даже в названных договорах. Рукопись статей под названием “Неоконченные споры”, судя по их содержанию, создавалась в 1990-е годы. К этому времени уже были опубликованы названные монографии и статьи И.Д. Ковальченко и его учеников, где доказано сокращение отработок. А.М. Анфимов этого вопроса не касается.

Второе доказательство якобы широкого распространения замены отработок “отработками в денежной форме” сводится к тому, что при денежной аренде в России конца XIX – начала XX в. помещики стали “неограниченно повышать арендные цены” и присваивать себе больший процент дохода крестьянина, чем тот, – который бывает при капитализме. Это доказательство тоже было раньше выдвинуто Анфимовым в работе “Земельная аренда в России...” В выводах он привел цитату В.И. Ленина о преобладании “кабально-крепостнической” аренды. Анфимов вынужден был объяснить, почему “преобладание денежной аренды “не противоречит указанному выводу” Ленина. Он это доказывал тем, что “помещики присваивали себе огромную долю произведенного продукта” и “при таких размерах” денежная аренда “представляла собой не что иное, как особый вид испольщины, только в денежной расценке”. Для читателя, изумленного фактом превращения денежной аренды в работу за часть урожая – испольщину, Анфимов дал пояснение в виде ленинского высказывания о том, что “в массе своей” арендная плата в России была больше преобразованной феодальной, чем капиталистической рентой¹³¹. Только в этой отсылке к Ленину и можно, наконец, понять, что имеется в виду под “отработками в денежной форме”. Никаких отработок ни Ленин, ни К. Маркс (следом цитировался “Капитал”) не имели в виду под упоминанием о феодальном характере денежной аренды, как земельной ренты. Имелось в виду, что при капитализме арендатор “должен” получать (но не обязательно получает – и в этом огромный смысл!) доход, который покрывает все расходы арендатора, его заработную плату себе, оплату работы лоша-

¹³⁰ См.: Вопросы истории. 1997. № 5. С. 56.

¹³¹ Анфимов А.М. Земельная аренда... С. 191; сноска на В.И. Ленина по 4 изд. Т. 6. С. 124; Вопросы истории. 1997. № 5. С. 56–57.

ди и еще дает большую или меньшую прибыль. Если нет прибыли, значит, это не капиталистическая аренда. Тогда, это, как писал Ленин, было “преобразованной феодальной” рентой. Здесь надо отметить слово “преобразованной”, т.е. она не может считаться феодальной, так как нет крепостного права, не могут выпороть, если не будешь работать или не выполнишь договор и т.д. Да, элементы докапиталистических отношений при отсутствии прибыли в *такой* денежной аренде есть, но насчет отработок этого сказать нельзя. Здесь элементы совсем иного плана – денежного оброка крепостного крестьянина. Вот там, действительно, оброк был не преобразованной, а чистой феодальной рентой, но опять-таки совсем не отработками. А денежная аренда в названном случае была как бы преобразованным денежным оброком, а к отработкам она не имела отношения. Но даже денежный оброк у помещичьих крестьян и денежные платежи государственных крестьян до 1861 г. не у всех были феодальной рентой. Зажиточные крестьяне и тогда получали прибыль. Самым наглядным свидетельством этого было то, что из их числа вышло немало владельцев мастерских, лавок, мельниц и даже фабрик, что показано на большом материале в работах Н.М. Дружинина и И.Д. Ковальченко. Поэтому денежная аренда в начале XX в. у одних крестьян не оставляла прибыли; у других, кто арендовал десятки и сотни десятин, приносила прибыль.

В “Неоконченных спорах” А.М. Анфимов приводит еще один аргумент в защиту положения о господстве отработок и крепостничества в аграрном строе страны. Он относит к “крепостнической” всю годовичную аренду, только на том основании, что она была дороже двух- и многолетней аренды. Им приведен пример по комплексу имений графов Орловых-Давыдовых, которые, по его мнению, между 1900 и 1910 гг. резко увеличили “грабительскую” годовичную аренду за счет сокращения более выгодной для крестьян долгосрочной. Но приведенные цифры свидетельствуют о другом. Всего за эти годы сдача на один посев возросла с 50 до 74 тыс. дес., сдача по долгосрочным договорам уменьшилась с 17 до 15 тыс. дес., а испольная аренда почти “сошла на нет” – с 7 тыс. до 700 дес. В действительности увеличение годовичной аренды произошло главным образом не за счет многолетней, которая сократилась только на 2 тыс. дес., а за счет сокращения испольщины (на 6,3 тыс.) и увеличения общего фонда аренды (почти на 16 тыс. дес.)¹³².

Второй пример А.М. Анфимов приводит по аренде в Самарской губернии в 1911–1913 гг. Здесь годовичная аренда увеличилась с 74,6 до 84,6%. Автор делает такой вывод: “Итак, погодная крепостническая аренда в одной из губерний развитого капиталистического развития занимала от 3/4 до 4/5 площади”. Эти данные Анфимов экстраполирует на всю Европейскую Россию и объявляет, что из всей арендованной крестьянами площади пашни в 13 млн дес. не менее 10 млн, или 3/4 были крепостнической сферой “помещичьего хозяйства”. Полное повторение вывода о господстве крепостничества, хотя и без крестьянских хозяйств, сделано уже

¹³² Анфимов Н.М. Указ соч. // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 57.

на основании преобладания одногодичной аренды, которая вся просто объявлена “крепостнической”¹³³.

Такое заключение совершенно необоснованно. Широко известно, что в начале XX в. быстро росли цены на землю, на аренду, на продукты сельского хозяйства (подробные данные см. в главе III). Известно также, что одногодичная аренда была дороже многогодичной (в пересчете на один год), так как спрос на вторую был меньше. Можно ли удивляться, что помещики в этих условиях предпочитали одногодичную аренду? Ведь только совсем уж человек неумный, мягко говоря, будет сдавать землю дешевле, если он может сдать дороже и если он тем более хорошо знает, что при росте цен на землю на следующий год цена аренды тоже повысится. Это чисто капиталистическое явление. Для доказательства А.М. Анфимов ссылается на Ленина, который, по его мнению, ранее признавал “капиталистические черты крестьянской аренды”, а в 1907 г. будто бы изменил свое мнение. В приведенной цитате такого доказательства нет, там просто говорится, что при “крепостнически-кабальной” аренде помещик выжимает из крестьян гораздо большую прибыль. Но известно, что Ленин называл крепостнически-кабальной арендой отработки. В 1908 г. в одной из основных работ по аграрному вопросу он писал: “Есть деньги – можешь снять землю за наличные по обыкновенным рыночным ценам. Нет денег – идешь в кабалу, платишь втридорога за землю в виде ли испольщины или в виде отработок”. Конечно, ленинская цитата – не доказательство, хотя ранее так считалось, но в этом конкретном случае он приводит данные из книги “Итоги земской статистики”¹³⁴.

На рост арендных цен большое влияние оказал не только большой спрос на нее со стороны крестьян, но и резкое сокращение предложения земли со стороны помещиков, на что указывалось выше.

Все источники свидетельствуют, что абсолютное большинство арендованных земель было у зажиточных крестьян. Об этом писал и Анфимов в исследовании об аренде. В приведенных им таблицах от 40 до 60% внеадельной аренды сосредоточилось в начале XX в. в зажиточных хозяйствах¹³⁵. О преобладании предпринимательской аренды даже в Черноземном Центре писал и И.Д. Ковальченко. Для конца XIX в. он отмечал, что “степень этого преобладания была еще невелика”, а в 1917 г. она увеличилась¹³⁶. Эти данные противоречат выводу А.М. Анфимова о том, что 3/4 арендованных помещичьих земель были сферой “крепостнической”, так как зажиточные крестьяне арендовали землю не “из нужды”, а для получения прибыли.

В выводах по этому вопросу нужно отметить, что отработки и отработочная система в России не свидетельствовали о крепостничестве, полукрепостничестве и т.д. Их сравнительно широкое распространение объяс-

¹³³ Там же // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 90.

¹³⁴ Ленин В.И. ПСС Т.17. С. 85, 86; Анфимов А.М. Указ. соч. // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 57.

¹³⁵ Анфимов А.М. Земельная аренда в России... С. 98–110.

¹³⁶ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. С. 397–398; 424–426.

нялось тем, что открывшаяся в 1861 г. возможность для помещиков перейти к собственному крупному хозяйству могла реализоваться только при наличии крупных капиталов. Такие крупные денежные богатства были накоплены далеко не у всех из них. Выкупная операция тоже принесла большие суммы лишь тем, кто владел большим количеством ревизских душ. Поэтому многие были вынуждены прибегнуть к отработочной системе, как единственно возможной. Эта система сыграла положительную роль, как переход к рыночным отношениям. На практике выявилось, что производительность труда при ней ниже, чем при издольщине, а тем более по сравнению с крупными экономиями, основанными на применении наемного труда, машин, удобрений, многопольной системы и т.д. Поэтому отработочная система в ее классическом виде, когда поля помещика обрабатываются нанятыми за землю, за натуральную плату или за деньги крестьянами и их инвентарем, стала заменяться либо капиталистической системой найма батраков, либо сдачей этих помещичьих полей, особенно отрезков, в аренду за деньги, за отработки, за долю урожая. Сначала вытеснялись чистые отработки, как самые невыгодные, и для помещика и для крестьянина. Потом с развитием крестьянских хозяйств и появлением у крестьян денег, а именно с середины 90-х годов, с ростом цен на хлеб и другие продукты, с ростом торговли и другими изменениями рыночного характера на первое место вышла денежная аренда.

Кабальный характер зависел не от отработок, на которые Ленин (да и не он один) сваливал все беды: полукрепостничество, угнетение, варварство и “бесконечные формы татарщины”. Причиной тяжелейших для крестьян условий найма и аренды во всех их формах было экономическое, социальное и политическое положение крестьянства, в котором оно оказалось после 1861 г. На первом месте среди этих условий было малоземелье значительной части крестьян. Они предъявили огромный спрос на землю и на работу, они были согласны на самые невыгодные, самые кабальные условия лишь только бы прожить, лишь только бы как-нибудь выжить. Большим преимуществом в таких условиях были для крестьян отработки, ибо они не требовали внесения денег. Отработки в 70–80-х годах при падении цен на хлеб были единственной возможностью для большей части крестьян получить дополнительный клочок земли. Естественно, что такой спрос на отработки при более низком спросе на наем батраков привел к более тяжелым, более кабальным условиям, чем при вольном найме.

Вместе с тем тяжелые условия беднейшей части крестьян влияли не только на отработки, но и на вольный наем (В.И. Ленин обрушивался на тех народников, которые называли его “полувольным”), и на денежную аренду. Обвинения помещиков в том, что они в полной мере пользовались созданными условиями, вполне справедливы, но объявлять их на этом основании крепостниками или полукрепостниками совершенно неверно. Все капиталисты всегда пытаются выжать максимум из сложившегося соотношения спроса и предложения на рынке труда. Поэтому и при денежной аренде, и при денежном найме, как и при отработках, наниматель имел возможность снижать доход арендатора или заработную плату бат-

рака до нищенского уровня. Поэтому А.М. Анфимов и назвал денежную арендную плату “отработками”. Но отработки здесь не при чем, они были в определенный период выгодны и помещику, и крестьянину, они стали переходной ступенью и, сыграв свою роль, были вытеснены, хотя и не полностью.

Земельный фонд окраин

Для того чтобы составить общее представление о сельскохозяйственном земельном фонде страны необходимо рассмотреть еще вопрос о наделах русских крестьян и о свободных землях на окраинах, пригодных для заселения и освоения.

Европейские окраины. В районах с великорусским крестьянством на окраинах земельное обеспечение было значительно выше, чем в центральных районах. В Ставропольской губернии в начале XX в. подушные земельные наделы до 10 дес. на душу мужского пола имели 2,9% крестьян, от 10 до 15 дес. – 8,1% и свыше 15 дес. – 89%, т.е. доля малоземельной группы даже при увеличении нормы в 5 раз была во много раз меньше: в среднем в Европейской России 67,4% крестьян имели наделы менее 10 дес. И значительно больше (в 6,5 раз) была группа с душевыми наделами более 15 дес. В 1903 г. у крестьян этой губернии средние душевые наделы равнялись 8 дес. (в 1881 г. – 16,7 дес.). Хотя наделы и уменьшились в 2 раза, но они были в 3 раза больше, чем у крестьян Центра. Поэтому крестьяне здесь не страдали от малоземелья¹³⁷.

В Поволжье относительно многоземельной была Самарская губерния, где у бывших государственных крестьян в 1877 г. приходилось на двор по 30 дес., а в 1905 г. – 23 дес. У бывших помещичьих крестьян в 1905 г. было по 7 дес. на двор, а у колонистов по 33 дес. В губерниях Саратовской и Симбирской крестьянские наделы были значительно меньше: у государственных крестьян – 12,5 дес. в Саратовской и всего 6,5 дес. в Симбирской, у бывших помещичьих – 5,3 и 5,6 дес. соответственно, т.е. они были малоземельными. Примерно такие же наделы были у крестьян Пензенской и Казанской губерний (по 9,4 и 9 дес. у бывших государственных и по 5,4 и 5,8 дес. у бывших помещичьих). Во всем Поволжье можно отметить сравнительную обеспеченность земель бывших государственных крестьян¹³⁸.

К многоземельным относился Заволжский, или Нижневолжский, район (средние наделы в 1905 г. – 13,3 дес.), где сохранялся довольно высокий процент зажиточных дворов, но нередки были засухи. В Северном районе, несмотря на большие наделы (22,9 дес.), из-за суровых природных условий земледелие не обеспечивало крестьян хлебом. Таким образом, в Европей-

¹³⁷ Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861–1905 гг. // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. С. 86. Таблица; Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века. Ростов-на-Дону, 1989. С. 32. Таблица.

¹³⁸ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 43–45; Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. Саратов, 1981. С. 80.

ской России более благоприятные земельные условия для развития хозяйства имели губернии степного Юга (Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, область войска Донского) и некоторые губернии Поволжья. В сельской местности этих губерний и в Предкавказье к 1917 г. проживало в общей сложности около 18 млн великороссов (3,3 млн дворов). Но и здесь были малоземельные дворы, беспосевные (даже на Кубани – 12,6%) и малопосевные (до 4 дес.) хозяйства, в том числе у казаков, чьи средние наделы были в 4–5 раз больше, чем у крестьян Центра. Так, по данным В.Н. Ратушняка, в казачьих хозяйствах Кубани было 26,5% дворов с посевом менее 5 дес.¹³⁹ По этим причинам можно считать, что в многоземельных районах достаточно обеспеченными надельной землей было примерно 2/3 дворов из всех 3,3 млн.

Азиатская Россия. Сельскохозяйственные угодья в Сибири находились в пользовании крестьянства, казаков и местных народов. Кроме того, часть угодий и почти все свободные годные для сельского хозяйства земли были в непосредственном владении государства и Кабинета. О размерах сельскохозяйственного фонда можно судить лишь по весьма приблизительным сведениям, так как в Сибири до революции не было земельных переписей, не существовало достоверных планов и не были установлены границы крестьянских и казенных земель. На примерном учете в Сибири и на Дальнем Востоке находилось 502 млн дес., а о 640 млн дес. не было никаких сведений¹⁴⁰. Считалось, что юридическим собственником всей земли являлись казна, Кабинет, казаки и отдельные частные лица. Крестьянам же земля отводилась лишь с конца XIX в., а до этого они сами захватывали необходимое им количество угодий и пользовались ими на основе норм так называемого “обычного права”, т.е. сложившихся местных обычаев. Правительство предполагало провести землеустройство в Сибири, чтобы отграничить крестьянские земли от казенных, и после этого принять закон о правах крестьян на земли. Но вплоть до 1917 г. земли крестьян в большинстве волостей так и не были отграничены от казенных. Это обстоятельство и затрудняет выяснение размеров сельскохозяйственных угодий.

Министерство государственных имуществ в конце 80-х годов XIX в. провело обследование землепользования крестьян Сибири, в процессе которого размеры крестьянских земель выяснялись путем опроса волостных правлений, личной глазомерной съемки или использования устаревших планов 20–30-летней давности. Понятно, что такие данные не могли быть точными. Впоследствии эти данные были уточнены Министерством земледелия в конце XIX в. при планировании работ по землеустройству сибирского крестьянства. Уточнение это тоже делалось приблизительно: были собраны сведения о количестве душ мужского пола по губерниям и произведен подсчет, исходя из нормы 15–18 дес. на душу. При этом учитывалось не фактическое землепользование крестьянства, а размеры проектируемых наделов, которые следовало отвести крестьянам, что не могло

¹³⁹ Ратушняк В.Н. Указ соч. С. 148.

¹⁴⁰ Мертваго А.П., Прокопович С.Н. Сколько в России земли и как мы ею пользуемся? СПб., 1907.

совпадать, но было близко к площади, используемой крестьянами в действительности. Затем уже во время отвода земель Главное Управление землеустройства и земледелия внесло поправки в имевшиеся данные о размерах предполагаемых крестьянских наделов. Все указанные сведения по губерниям распределялись следующим образом (табл. 7).

**Таблица 7. Общая площадь землепользования
крестьян-старожилов Сибири, млн дес.**

Губернии и области	Площадь крестьянского землепользования по данным обследования 1880-х годов	Площадь крестьянского землепользования, подлежащая землеустройству	
		по данным 1890-х годов	по данным начала XX в.
Тобольская	10,5	11,0	13,6
Томская	5,0	5,0	5,2
Енисейская	4,4	5,0	4,9
Иркутская	2,6	4,5	4,0
Забайкальская	2,6	5,0	5,8
Итого	25,1	30,5	33,5

(Источники: Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях. По исследованиям чинов Министерства государственных имуществ. СПб., 1894. С. 6; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний (в дальнейшем – Материалы...). М., 1890. Т. 2. Вып. 3. С. 24; Там же. Иркутск, 1894. Т. 4. Вып. 3. С. 20; Материалы высочайше учрежденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898. Вып. 8. С. 5; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 741. Л. 131. Рапорт помощника управляющего земским отделом МВД министру внутренних дел (без даты; предположительно – 1898 г.)

В указанные данные включались лишь сведения о землепользовании крестьян-старожилов, переселившихся до 1893 г. и живших на землях казны, т.е. сюда не вошли земли кабинетных крестьян, казаков и коренных народностей. Наибольшее количество земли было у крестьян Тобольской губернии – вдвое больше, чем в любой другой. В остальных губерниях количество земли у государственных крестьян было почти одинаковым. Некоторое увеличение площади землепользования в 1890-е годы по сравнению с 1880-ми годами можно объяснить увеличением населения и расширением своих угодий старожилами. Те же факторы действовали и после 1890-х годов, но по двум губерниям отмечено уменьшение площади землепользования, чего в действительности быть, конечно, не могло, и это можно объяснить лишь неточностью собранных сведений. Если сравнить размеры крестьянского землепользования и территории губерний, то оказывается, что крестьяне занимали всего лишь 6% всей площади Сибири.

Цифры, приведенные в табл. 7, можно считать несколько преуменьшенными, так как в действительности к 1914 г. было запроектировано в наделы государственных крестьян 34,7 млн дес., хотя проектирование не было закончено. Но за неимением других данных можно считать, что кре-

стьяне-старожилы четырех сибирских губерний и Забайкальской области имели в пользовании не менее 35 млн дес. сельскохозяйственных угодий. К ним нужно добавить крестьянские земли Акмолинской области (14 млн дес.)¹⁴¹ и наделы крестьян на землях Кабинета – в Алтайском округе (21,3 млн дес.)¹⁴² и в Нерчинском округе (0,9 млн дес.)¹⁴³. В результате землепользование крестьян-старожилков можно определить в 71,2 млн дес, из которых почти треть приходилась на кабинетных крестьян.

В эти данные не включено землепользование переселенцев, прибывших после 1893 г., которые не подлежали землеустройству, так как им уже при водворении отводились наделы по 15 дес. на душу мужского пола. По данным Переселенческого управления, только за пятилетие (1906–1910 гг.) переселенцами было освоено 30 млн дес. сельскохозяйственных угодий¹⁴⁴. Но эти сведения относятся ко всей Азиатской России, а не только к Сибири, и охватывают не весь период. Весь освоенный переселенцами фонд земель можно подсчитать приблизительно по числу мужских душ. Хотя указанная норма – 15 дес. – не всегда соблюдалась, обследование нескольких десятков тысяч переселенческих хозяйств в 1911–1912 гг. показало, что в среднем отводилось все же по 14,9 дес. на мужскую душу¹⁴⁵. Всего за 1893–1916 гг. в Сибирь переселилось, за вычетом обратных переселенцев, 2,5 млн человек, из них 1,25 млн мужчин¹⁴⁶. Им было отведено около 18,6 млн дес. (считая по 14,9 дес. на мужскую душу).

Таким образом, по всей Сибири в пользовании крестьянства насчитывалось приблизительно 90 млн дес. сельскохозяйственных угодий.

Эти сведения можно было бы проверить на основе данных сельскохозяйственной переписи 1917 г., но, к сожалению, опубликованные итоги переписи не включают сведений о таких угодьях, как пастбища, выгоны, лес, или содержат неточные данные по этим графам. Так, по степной Акмолинской области в итогах переписи указано 300 тыс. дес. лесных угодий, а по лесной Иркутской губернии – всего 5 тыс. дес.(?); совсем не указаны лесные наделы по Тобольской и даже Енисейской губерниям. Поэтому по переписи можно установить с достаточной степенью точности лишь размеры пашни – 16,3 млн и сенокоса – 9,2 млн дес.¹⁴⁷ Всего же переписью зарегистрировано по Сибири во владении крестьян 41,5 млн дес. сельско-

¹⁴¹ Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962. С. 11.

¹⁴² Обзор деятельности Кабинета за 1906–1915 гг. Пг., 1916. С. 73.

¹⁴³ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1088. Л. 25.

¹⁴⁴ Азиатская Россия. Т. 1. С. 494.

¹⁴⁵ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири / Сост. В.К. Кузнецов. СПб., 1912. Вып. 1. С. 17.

¹⁴⁶ Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. / Сост. Н. Турчанинов. СПб., 1910. С. 52–56; Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. / Сост. Н. Турчанинов и А. Домрачев. Пг., 1916. С. 52–56.

¹⁴⁷ Труды ЦСУ. Т.V. Вып. 1. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. С. 70–71. Данные относятся только к крестьянским хозяйствам; подсчитаны мною по графе “Итого пашни в пользовании”; по другой графе “Пашни во владении” получается несколько меньше – 15,6 млн дес.

хозяйственных угодий. Если к ним прибавить неучтенные (или учтенные не полностью) пастбища, временно оставленные залежи, лесные и прочие угодья, то это составит, очевидно, почти такую же площадь, какую мы определили по данным министерств, т.е. 90 млн дес. Об этом можно предполагать на том основании, что в среднем по Сибири пашни и сенокосы занимали около одной трети площади крестьянских земель¹⁴⁸. Во всяком случае вычисленная нами цифра 90 млн дес. более точно отражает размеры землепользования крестьянства Сибири, чем цифра переписи – 41,5 млн. Кроме названных причин, можно указать на следующее обстоятельство: в Алтайском округе Кабинета земли крестьян были к 1914 г. уже полностью отграничены и составили 20 301 145 дес.¹⁴⁹, а перепись в Алтайской губернии зарегистрировала всего 7,6 млн, то есть почти в три раза меньше. У государственных крестьян при землеустройстве было уже запроектировано в наделы, хотя проектирование еще не было закончено, по Тобольской губернии 9,2 млн дес., а перепись зарегистрировала всего 4,2 млн дес.¹⁵⁰ По остальным губерниям и областям эти цифры составляли соответственно (в млн дес.): по Енисейской – 5,3 и 1,9; по Иркутской – 3,8 и 1,0; по Забайкальской – 3,7 и 1,7¹⁵¹. Оказывается, что площадь уже запроектированных крестьянам-старожилам наделов по каждой губернии была в несколько раз больше, чем площадь, зарегистрированная переписью, хотя последняя должна была еще включить земли, не запроектированные старожилам, земли переселенцев и казаков (по тем губерниям, где казаки не были выделены переписью). Таким образом, неточность данных переписи 1917 г. о площади всех угодий в Сибири выступает со всей очевидностью. С другой стороны, площадь в 90 млн дес. может вызвать сомнение лишь в части, касающейся землепользования переселенцев, выведенной нами, так сказать, “теоретически”. Остальные 72 млн дес. составляли уже запроектированные или даже окончательно отграниченные земли крестьян-старожилов. Но и расчеты по переселенцам подтверждаются итогами обследования 1911–1912 гг., охватившего десятки тысяч хозяйств новоселов.

Обеспеченность крестьян Сибири земельными угодьями по сравнению с крестьянами центральных российских губерний была намного выше. По данным переписи 1917 г., на рассматриваемой территории Сибири имелось 1400 хозяйств крестьянского типа¹⁵². В среднем на один двор всей надельной земли приходилось по 64 дес., в том числе по 11,6 дес. пашни и по 6,6 дес. сенокоса. В Европейской России в 1905 г. приходилось в среднем на двор по 11,1 дес. всей надельной земли, включая пашни, сенокосы, пастбища, лесные и прочие угодья. Поскольку сельское население центральных губерний увеличивалось ежегодно почти на 2 млн человек, соот-

¹⁴⁸ Кузнецов В.К. Указ. сб. статистич. сведений. С. 19.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 33. 1917 г. Л. 264. Записка: Земельный вопрос в Алтайском округе.

¹⁵⁰ Погубернские итоги переписи 1917 г. С. 70–71.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Подсчитано мною по губернским итогам переписи 1917 г. Вошли только хозяйства крестьянского типа. – В.Т.

ветственно этому увеличивалось число крестьянских хозяйств, а площадь наделных земель почти не изменялась, обеспеченность земель в этом районе уменьшалась. Согласно переписи 1917 г. всей наделной земли в 38 губерниях Европейской России приходилось на двор по 8 дес.¹⁵³

Следовательно, разница в обеспеченности крестьян землей в Сибири и в центре страны была очень значительной. Но в Европейской России земля использовалась лучше, чем в Сибири. В частности, это проявлялось в том, что в центре страны большая часть наделов была занята пашнями. В 1917 г. в 38 губерниях Европейской России пашни занимали 60% всей площади крестьянских земель, а сенокосы – 13%¹⁵⁴. В Сибири же доля пашни и сенокоса, как уже указывалось, составляла всего 30%. Поэтому разница в наделении этими угодьями была уже меньше, чем по общим наделам. В 1917 г. в центральных губерниях страны приходилось на один крестьянский двор: пашни – 5,6 дес. и сенокоса – 1 дес.¹⁵⁵ Если по обеспеченности всеми угодьями разница между сибирским крестьянином и крестьянином Центра была в шесть раз, то по количеству приходящейся на двор пашни – только в два раза. Но и это еще не все. В Сибири пашня использовалась менее производительно: в 1917 г. здесь под посевом находилось лишь 50% пашни, а в Европейской России – 70%¹⁵⁶. Поэтому различие по количеству посева на один двор не выступало так резко, как по остальным угодьям: в Сибири 5,3 дес. посева, а в центре страны – 3,9 дес., или менее в 1,4 раза¹⁵⁷.

Общая сравнительная картина обеспеченности земельными угодьями крестьянства Сибири в начале XX в. вырисовывается, с учетом сделанных замечаний, в следующем виде: общие размеры крестьянских наделов в Сибири были больше в 6 раз – в расчете на один двор: размер же посева был больше всего в 1,4 раза, пашни – в 2 раза, сенокоса – в 6 раз, остальных угодий – в 30 раз. Отсюда видно, что наиболее ценными угодьями – посевом и пашней – сибирские крестьяне были обеспечены немного лучше, чем их собратья в центре страны, но не настолько, насколько позволяли сибирские условия. Можно сделать вывод, что прекрасные условия использовались крестьянами Сибири недостаточно. Ниже мы рассмотрим причины этого явления, которые зависели не от личных качеств крестьян, а от социальных условий царской России. Но нужно отметить, что лучшая обеспеченность крестьян Сибири другими угодьями, особенно сенокосом и пастбищами, была все-таки очень большой по сравнению с Центром, и это не могло не сказаться на развитии крестьянских хозяйств.

Конечно, приводя средние цифры земельных наделов и говоря об обеспеченности крестьян угодьями в целом, нельзя не оговориться, что эти цифры не дают основания делать вывод о лучшей обеспеченности землей всех крестьян Сибири. Средние цифры не исключают возможности того, что эта лучшая обеспеченность возникла за счет определенной прослойки

¹⁵³ Погубернские итоги переписи 1917 г. С. 42–47.

¹⁵⁴ Там же. С. 47.

¹⁵⁵ Там же. С. 42–47. (Подсчитано на один двор мною. – В.Т.)

¹⁵⁶ Там же. С. 47, 70–71. (Проценты подсчитаны мною. – В.Т.)

¹⁵⁷ Там же. С. 54–55, 72–73.

зажиточного крестьянства. Статистический материал, используемый в дальнейшем, показывает, что именно так и было в Сибирской деревне: за счет колоссальных размеров владений зажиточных дворов получались высокие средние цифры земельных наделов.

Хорошее качество земельных угодий в Сибири в сочетании с относительно большими размерами участков крестьянского землепользования создавало более благоприятные условия для развития сельского хозяйства, чем в центре страны, где земли крестьянам не хватало при существовавших тогда социально-экономических условиях, обрекавших крестьян на голод и нищету и тормозивших развитие агротехники.

Для выяснения размеров сельскохозяйственного фонда необходимо еще рассмотреть земли, находившиеся в непосредственном владении казны, Кабинета, казаков и частных лиц. Наибольшую трудность представляет определение площади свободных казенных земель, годных в начале XX в. к немедленному заселению и освоению. В.И. Ленин, выясняя действительный сельскохозяйственный фонд Европейской России, исключал из него не только непригодные для сельского хозяйства земли, но и такие, на хозяйственную утилизацию которых не приходилось рассчитывать в ближайшем будущем¹⁵⁸. В Сибири надо исключить северные районы Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, отчасти Забайкальской области, все таежные пространства, горные хребты, болота, солончаки. Правда, непригодность многих из этих земель была относительной, но они не сыграли той роли в развитии сельского хозяйства, которую успешно исполнили после революции.

В действительный сельскохозяйственный фонд из казенных земель прежде всего нужно внести так называемые казенно-оброчные статьи, представлявшие участки угодий (сенокосы, пастбища, луга, пашни и т.п.). Они занимали в начале XX в. площадь в 2,8 млн дес.¹⁵⁹ Кроме того, на землях казны было отграничено 27 млн дес. лесных дач¹⁶⁰. Почти все казенно-оброчные статьи и значительная часть лесных дач сдавались в аренду. С 1913 г. отводились еще участки свободных степных земель для "культурного скотоводства". Их отвод и сдача в аренду продолжались в годы войны. Всего до 1917 г. было отведено под такие участки 859 тыс. дес., из них сдано в аренду 224 тыс.¹⁶¹ В сельскохозяйственный фонд необходимо включить и запасные участки. Учесть их точную площадь трудно, так как их очень часто переводили в переселенческие, и, наоборот, часть незаселенных переселенческих участков перевели в запасные. Запасные участки образовывались попеременно со старожильческими и переселенческими с целью увеличения землепользования последних при росте населения в будущем. Всего с 1893 по 1914 г. было образовано запасных участков в Си-

¹⁵⁸ Ленин В.И. ПСС Т. 16. С. 197.

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 396. Оп. 5. Д. 1322. Л. 25–26.

¹⁶⁰ Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М., 1914. С. 23.

¹⁶¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 442. 1916 г. Л. 308–309.

бири более 1 млн десятин¹⁶². К ним нужно отнести и незаселенные переселенческие участки. За этот же срок в Сибири их было отведено 13,5 тыс. на площади в 26 млн дес.¹⁶³, а занято, по нашим подсчетам, 18 млн, следовательно, оставались свободными 8 млн дес. Наконец, нужно учитывать и земли, обследованные Переселенческим управлением и признанные годными для немедленного заселения. По официальным данным, таких земель насчитывалось в четырех сибирских губерниях в 1914 г. около 50 млн дес.¹⁶⁴ Всего из земель казны можно включить в сельскохозяйственный фонд около 90 млн отмеченных земель. Но о последних 50 млн дес., которые Переселенческое управление считало годными к заселению, сведений очень мало. Историк Л.Ф. Склярлов подсчитал по отчетам почвенно-ботанических экспедиций, что точные сведения о пригодности к сельскому хозяйству имелись лишь о 23 млн дес. по всей Азиатской России¹⁶⁵. Правда, кроме почвенно-ботанических экспедиций обследование проводилось и местными переселенческими организациями, но довольно поверхностно. Поэтому, хотя годных для заселения земель в Сибири имелось, несомненно, более 50 млн дес., но для немедленного освоения землеотводные партии вряд ли могли предоставить более половины этого количества. Таким образом, точнее будет окончательно определить площадь сельскохозяйственного фонда в непосредственном владении казны в 65 млн дес.

Кабинет, представлявший интересы царской семьи, имел на Алтае 41,9 млн дес., из которых 21,3 млн было в пользовании крестьян-старожилов и 3,4 млн – предоставлено переселенцам. Из оставшихся у Кабинета земель в сельскохозяйственный фонд можно отнести земельные и земельно-лесные дачи, сдававшиеся в аренду, общей площадью в 9,7 млн дес. Остальную территорию занимали преимущественно лесные массивы (7 млн дес.), мало пригодные для немедленной эксплуатации¹⁶⁶. В пределах Нерчинского округа Кабинет имел 23,7 млн дес., из которых 0,9 млн дес. занимали крестьяне, 7 млн – казаки, 4,3 млн – буряты и эвенки. Из оставшихся в непосредственном владении Кабинета 11,5 млн дес. считались пригодными для сельского хозяйства 3,5 млн, остальная площадь была занята лесом¹⁶⁷.

Следовательно, из земель, находящихся в непосредственном распоряжении Кабинета, было пригодно для сельского хозяйства 13,2 млн дес. При этом земли Кабинета были наилучшего качества, что очень хорошо знали крестьяне, жившие неприписанными (т.е. без наделения участками) на Алтае и добившиеся тех самых свободных земель. Но по указу Нико-

¹⁶² Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. СПб., 1911. С. 47, 51; То же в 1911 г. СПб., 1912 г. С. 175–183; То же в 1912 г. СПб., 1913. С. 142–151; То же в 1913 г. Пг., 1914. С. 188–207; То же в 1914 г. Пг., 1915. С. 328–337.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Азиатская Россия. С. 497.

¹⁶⁵ *Склярлов Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 219.

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 33. Л. 3–4.

¹⁶⁷ Там же. Оп. 3. Д. 1088. 1908 г. Л. 25.

лая II Кабинетские земли стали отводить под переселенческие участки после 1906 г. по мере землеустройства крестьян-старожилов.

В собственности сибирского казачьего войска было 5 млн дес. земли. У забайкальских казаков было, по одним сведениям 10 млн дес.¹⁶⁸, по другим – 7 млн¹⁶⁹. Такая неточность объясняется тем, что земли Забайкальского казачьего войска не были отграничены от земель Кабинета и казенных. Часть земли казаки обрабатывали, часть сдавали в аренду, значительная доля считалась войсковым запасом и пустовала, но в сельскохозяйственный фонд следует включить все казачьи земли, так как это были высокоплодородные и удобные для освоения территории.

Весь действительный сельскохозяйственный фонд Сибири определяется в результате этих подсчетов в 183,2 млн дес., к которым нужно добавить 0,9 млн дес. частновладельческих земель¹⁷⁰. Этот фонд распределялся следующим образом (млн дес.):

Казенные земли	65,0
Кабинетские земли	11,2
Казачьи земли	15,0
Частновладельческие земли	0,9
Крестьянские земли	90,0
В том числе:	
отграниченные наделы крестьян:	
на казенных землях	14,8
на кабинетских землях	22,4
неотграниченные земли крестьян.....	52,8

По сравнению с сельскохозяйственным фондом Европейской России (по вычислению В.И. Ленина – 280 млн дес.) в Сибири фонд был меньше. Но если сравнить население этих двух районов, то, несомненно, на стороне Сибири оказывается огромное преимущество по обеспечению земель. Действительный сельскохозяйственный фонд сибирских губерний был меньше в 2 раза, а население – в 16 раз. Как уже отмечалось, этот фонд в Сибири использовался менее интенсивно, чем в Центре, часть угодий (особенно лесные, охотничьи, рыболовные, луга) не использовалась совершенно. При рассмотрении сельскохозяйственного производства в Сибири мы выясним более точно степень их использования, пока же можно констатировать следующие положения: земельных угодий на душу населения в Сибири приходилось во много раз больше, чем в центре страны, часть этих угодий использовалась крестьянами и казаками в качестве неотграниченных или отграниченных наделов, часть арендовалась ими же у казны и Кабинета, а часть пустовала. Из этих положений можно сделать вывод о том, что в Сибири были более широкие возможности для вложения капитала и труда в землю как для вновь приезжающих переселенцев, так и для зажиточных старожилов, накопивших капиталы путем эксплуатации бедняков. Эти возможности вложения капитала и труда в Сибири

¹⁶⁸ Головачев П.М. Указ. соч. С. 23; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1911. 1909 г. Л. 66об. Записка Переселенческого управления.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1088. Л. 25.

¹⁷⁰ Там же. Оп. 2. Д. 80. Л. 36; Там же. Оп. 5. Д. 744. Л. 115.

коренным образом отличались от европейской части страны. Если в последней уже почти не было свободных земель и вложение капитала было возможно лишь в интенсификацию земледелия, в улучшение качества обработки земли, то в Сибири капитал мог вкладываться в новую землю, в увеличение количества обрабатываемой земли. Подобное положение было отмечено В.И. Лениным в развитии капитализма в земледелии Соединенных Штатов Америки. “Сельское хозяйство, – писал В.И. Ленин, – может еще развиваться здесь и действительно развивается посредством захвата незанятых земель, посредством обработки новых земель, никогда не подвергавшихся обработке, – развивается в форме самого примитивного и экстенсивного скотоводства и земледелия”¹⁷¹. Особенность развития капитализма в Сибири также заключалась в том, что здесь было много свободных годных для сельского хозяйства земель, в которые можно было вложить капитал или труд без капитала. Это обуславливало возможность развития капиталистического земледелия в “форме самого примитивного и экстенсивного скотоводства и земледелия”, как и в США.

Итак, приходится констатировать наличие огромного (при имеющемся населении) земельного фонда и большого количества свободных плодородных земель в Сибири в начале XX в. Несмотря на это, здесь существовали малоземельные и безземельные дворы, как в старожильческих селах, так еще в большей мере в поселках переселенцев (их называли переселенческими участками). В давно освоенных местностях Западной Сибири кое-где проявлялись, по свидетельству А.А. Кауфмана, признаки “земельной тесноты”¹⁷². Сельскохозяйственная перепись 1917 г. зафиксировала в Сибири около 9% безземельных хозяйств. Большинство из них было в Томской (56%) и Тобольской (19%) губерниях¹⁷³, т.е. там, где была наибольшая плотность населения.

Роль свободных земель на окраинах в уменьшении малоземелья в Центральной России в конце XIX – начале XX в. в основном зависела от переселения за Урал, так как заселение Новороссии, Предкавказья, Дона и Нижнего Поволжья в этот период было незначительным. В Азиатскую Россию с 1893 по 1917 г. переселилось более 5 млн человек, в большинстве своем русских, в значительной степени из центральных губерний (из Центрально-Черноземного района более 1 млн), что подробнее будет рассмотрено далее. Но поскольку переселилось меньше, чем был прирост крестьянского населения в эти годы, то можно говорить лишь о том, что миграции замедлили рост малоземелья, но не уменьшили его, так как размеры душевых наделов продолжали сокращаться.

Вместе с тем, по данным Переселенческого управления, в Сибири было заготовлено к 1915 г. и не заселено переселенческих участков свыше 50 млн дес., а в Степном крае и Туркестане имелось для заселения 40 млн дес. (по данным Комиссии по обследованию переселенцев под руководст-

¹⁷¹ Ленин В.И. ПСС Т. 27. С. 191.

¹⁷² Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика. М., 1915. С. 162.

¹⁷³ Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. Труды ЦСУ. М., 1921. Т. V. Вып. 1. С. 68–69, 72–73.

вом Ф.А. Щербины, только в Степном крае было 65 млн дес. свободных земель). На Дальнем Востоке, по сведениям местных переселенческих организаций, было заготовлено новых участков на 1 млн новоселов, т.е. около 10 млн дес.¹⁷⁴

После 1917 г. все названные свободные переселенческие участки были заселены. Впоследствии были освоены под пашню десятки миллионов гектар целинных земель в Сибири, на Дальнем Востоке и в Казахстане. Наличие этого свободного фонда, составлявшего две трети всех надельных земель европейской части страны, могло иметь большое значение для российского крестьянства, если бы колонизация окраин была хорошо организована. В.И. Ленин считал, что для этого надо провести революцию в России. С.Н. Прокопович и А.П. Мертваго в работе “Сколько в России земли и как мы ею пользуемся” (М., 1907), отмечая наличие большого фонда земель за Уралом, считали, что нужно лучше организовать переселение и особенно увеличить ссуды на устройство переселенцев. Таково же было мнение большинства высокообразованных профессионалов в составе Переселенческого управления, ГУЗиЗа¹⁷⁵. Сами крестьяне-переселенцы считали, что при значительном увеличении ссуд на переезд и на домообзаведение в Сибири можно было поселить значительно больше новоселов.

В.И. Ленин оказался прав в определении размеров свободных земель в Сибири в споре с известным знатоком переселения А.А. Кауфманом. Последний в 1905 г. писал, что свободных земель в Сибири уже нет, что мощный поток переселения в конце XIX в. превратился в жалкий ручей, а скоро совсем пересохнет¹⁷⁶. Кауфман был в Западной Сибири, в наиболее заселенной южной части Тобольской губернии и поэтому сделал такой вывод. Ленин же прожил три года в Восточной Сибири, где было много свободных земель. Об этом он писал во время поездки на поезде до Красноярска и поездок по Минусинскому уезду. Поэтому Ленин отметил, что в России имеется громадный колонизационный фонд, но для его утилизации нужно уничтожить гнет крепостнических латифундий¹⁷⁷.

¹⁷⁴ Азиатская Россия. Издание Переселенческого управления. Т. I. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 496–497, 524.

¹⁷⁵ См.: Чиркин Г.Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. 2; Гинс Г.К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. Вып. 1–2; Успенский А. Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. СПб., 1907. № 2. С. 1–27.

¹⁷⁶ Кауфман А.А. Переселение и его роль в аграрной программе // Аграрный вопрос. М., 1906.

¹⁷⁷ Ленин В.И. ПСС Т. 16. С. 224, 229–230.

Глава III

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА

К постановке проблемы

Столыпинской аграрной реформе посвящено так много работ, ей дано так много оценок, что, кажется, уже ничего нового сказать нельзя. Тем не менее весьма актуальным является призыв писателя Д. Балашова к историкам показать на материалах статистики, что дала столыпинская реформа русской деревне¹. Обсуждение этой реформы преимущественно велось в политическом плане, поэтому и фактический материал “подбирался” соответственно поставленной задаче. В советский период отмечались преимущественно отрицательные стороны реформы, что находит отражение и сейчас.

Автор этих строк стал заниматься исследованием темы о столыпинской реформе сразу после окончания Иркутского университета в далеком 1952 г. Меня привлекла та сторона реформы, которая была связана с моей родной Сибирью: переселение крестьян в период столыпинской реформы. Прочитав массу книг, статей, “проработав”, как тогда говорили, все произведения В.И. Ленина по этой теме, я засел за изучение архивного фонда заведующего Иркутского переселенческого района. И в материалах отчетов, докладных, а особенно в письмах и прошениях самих переселенцев обнаружил факты совсем иного плана. Они свидетельствовали об огромной работе тех “царских чиновников”, которых клеймили “царскими бюрократами”, обвиняли в подтасовках сведений, называли “заскорузлыми” и Ленин, и другие авторы. А факты говорили о приеме тысяч переселенцев, о выдаче ссуд, о строительстве школ, церквей, больниц, прокладке новых дорог, рытье колодцев, об отводе все новых и новых переселенческих поселков. Конечно, встречались и донесения о недостатках, жалобы новоселов о нехватке денег, о бедствиях – этот материал был мною тоже использован, он просто “оживлял” ленинские цитаты. Но положительного материала было гораздо больше: создавались тысячи новых сел, прокладывались тысячи верст дорог, были “водворены” десятки тысяч крестьян (в фонде иркутского генерал-губернатора были материалы по всей Восточной Сибири, затем привлекался материал всех сибирских и центрального исторического архивов).

Но настоящим открытием оказались поездки в те села, которые были созданы в начале XX в. Их жители, старики запомнили хорошего гораздо больше, чем недостатков. После поездки в Красноярский край я спросил

¹ Материалы круглого стола // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 52

начальника переселенческого отдела крайисполкома Штротилло о тех дорогах, которые, по данным чиновника лесного ведомства А.И. Комарова в книге “Правда о переселенческом деле”, построены очень плохо “на каких-нибудь два-три года”, и получил такой ответ: “Мы сейчас ездим по этим дорогам и благодарим тех строителей, если бы их тогда не построили, нам не удалось бы проехать во многие районы”. А данные из книги Комарова сплошь только о недостатках широко использовал в своих работах Ленин. Я разрешил студентам-заочникам представлять свои рефераты и курсовые работы в виде записей воспоминаний переселенцев начала XX в. по составленной мною программе-вопроснику. Летом такие записи делали и студенты очного отделения, разъезжавшиеся на каникулы по всей области. Большинство тех бывших переселенцев (около 80%) сказали, что стали жить в Сибири лучше, чем жили на родине, уже в первые 2–4 года, а по поводу общего устройства в течение большего срока – за 6–10 лет и более все до одного отметили значительное улучшение жизни. Села разрослись, стоят прочно. Десятки тысяч сел от Урала до Тихого океана – памятник не только тем миллионам крестьян-переселенцев, но и работникам переселенческих организаций и столыпинской аграрной реформе.

Материалами о проведении этой реформы в европейской части страны я стал заниматься 25 лет назад и составил свое мнение о реформе. Главная проблема состоит в том, что же дала реформа крестьянству и именно великорусскому крестьянству, так как она касалась общинной деревни, а это русская деревня. Из основных мероприятий реформы незаслуженно мало внимания обращалось к землеустройству крестьян, все авторы писали в основном о выходах из общины, а главным в реформе было землеустройство: ликвидация чересполосицы, мелкополосицы, дальнотелье, т.е. основных недостатков общинного землевладения. Да и сами крестьяне уже давно оценили значение землеустройства путем подачи заявлений. За 1907–1915 гг., когда проводилась реформа, заявления с просьбой о разрешении на выход из общины подали, включая общины, где не было переделов последние 24 года, 3373,6 тыс. домохозяев, а заявления с ходатайствами о землеустройстве – 6174,5 тыс., или почти в 2 раза (в 1,83) больше². Рассмотрение выходов из общины в комплексе с итогами землеустройства показывает, что не было “краха” реформы. Было замедление выходов из общины после 1910 г., которое Ленин и назвал “крахом”, но с 1911 г. резко возросло землеустройство, так как по закону от 29 мая 1911 г. о землеустройстве крестьянину не нужно было предварительно проходить процедуру получения разрешения на выход из общины, не нужно было “укреплять” землю – документы о землеустройстве его двора давали ему право на личное частное владение его участком. Лишь война помешала провести землеустройство всех 6174,5 тыс. дворов, подавших заявления, что составляло более половины всех дворов крестьян Европейской России, или 67% общинных хозяйств.

² Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 200, 203. Табл. 8, 10; Отчет о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. Пг., 1916. С. 2–3.

Кроме того, следует пересмотреть ряд ошибочных оценок, которые стали “стереотипами” в советской историографии. Например, считалось, что целью реформы было “разрушение” всех общин, и поэтому неуспех реформы измеряли тем, что далеко не все крестьяне вышли из общины. Я приведу материалы о том, что такую глупую цель “разрушить” все общины никто не ставил. Это утверждали многие политики, но не правительственные органы и не дореволюционные ученые. Еще один “стереотип” состоял и состоит в утверждении, что реформу вырвала революция. Это неверно уже потому, что ее начали готовить до 1905 г. и даже до крестьянских выступлений 1902 г., а кроме того, революция или крестьянские выступления не выдвигали лозунга выхода из общин. Имеется богатый фактический материал для доказательства этого положения.

Есть еще немало проблем, требующих своего решения на основе отхода от политизированности в оценке разных сторон реформы. Их раскрытие поможет полнее понять, что же дала столыпинская реформа, если брать все мероприятия в комплексе.

Историографические замечания

О столыпинской аграрной реформе написано очень много работ и ей даны самые разные оценки – от прогрессивной до реакционно-черносотенной. О ее результатах можно услышать тоже весьма противоречивые заключения. Чаще всего писали и пишут, что она потерпела крах. Противоположные отзывы появились в годы перестройки: от выделения отдельных положительных результатов до полной идеализации реформы. Положительной стороной споров историков и экономистов о реформе в конце 1980 – начале 1990-х годов был отход от крайней политизации проблемы, идущей еще с дореволюционного времени. Вместе с тем к оценке реформы подключились журналисты, публицисты, для которых важнее было тоже политическое наступление только в противоположную сторону. Из историков и экономистов в основном писали, за небольшим исключением, также не специалисты. Отсюда очень много поверхностных суждений, немало фактических ошибок, дилетантских высказываний. Отрицательное значение имело стремление “осовременить” мероприятия П.А. Столыпина. Даже государственные деятели начала перестройки считали его реформу образцом для реформирования деревни.

Эти хвалебные отзывы вызвали резкие возражения некоторых историков-аграрников³. В их статьях и докладах в основном повторялись старые оценки. В 1995 г. вышла отдельным изданием, а затем в сборнике “Судьбы российского крестьянства” работа А.П. Корелина и К.Ф. Шацилло “П.А. Столыпин. Попытки модернизации сельского хозяйства России”, в

³ Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2. С. 56–63; Анфимов А.М. Тень Столыпина над Россией // История СССР, 1991. № 4; Зырянов П.Н. Петр Столыпин. М., 1992; Герасименко Г.А. Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, ход, результаты // Реформы России. М., 1993; и др.

которой отмечалось, что реформа была “в научно-экономическом плане вполне реальна и прогрессивна”, но “окостенелость” российского самодержавия” стала мощным “депрессивным фактором” и программа не была выполнена. Фактический материал о проведении реформы доведен до убийства Столыпина, когда реформа набирала новые обороты после принятия Думой закона о землеустройстве⁴.

С другой стороны, появились и работы историков, представивших материалы о положительных сторонах реформы, которые ранее не исследовались, даже замалчивались (например, об успехах землеустройства, о деятельности А.В. Кривошеина и других), отметивших политизированность ленинских положений и оценок, господствовавших в советской историографии⁵. Зарубежные историки и русские эмигранты уже давно признали положительные стороны столыпинской реформы, и некоторые их работы были переизданы у нас в период перестройки⁶.

К сожалению, публикация источников значительно отстает от издания работ. Наиболее ценно издание полного собрания речей П.А. Столыпина в Государственной Думе и Государственном Совете. Переизданы некоторые мемуары, в которых освещаются жизнь и деятельность Столыпина⁷.

Больше внимания столыпинской реформе в период перестройки стали уделять экономисты и журнал “Вопросы экономики”. Вольное экономическое общество, возобновившее свою деятельность после многолетнего перерыва, организовало конференции: “90 лет Столыпинской реформе” (1996 г.) и “Круглый стол”, посвященный деятельности К.А. Кофода (1998 г.).

⁴ Корелин А.П., Шацлло К.Ф. Указ. соч. // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 50–51.

⁵ Мейси Д. Земельные реформы и политические перемены: феномен Столыпина // Вопросы истории. 1993. № 4; Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России. М., 1995; Теляк Л.В. Столыпинская аграрная реформа. Самара, 1995; Шагин Э.М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. С. 40–64; Он же. Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995. С. 130–149; Тюкавкин В.Г. Землеустройство – главное направление второго этапа столыпинской аграрной реформы // Там же. С. 116–129; Он же. Историческое значение столыпинской аграрной реформы // Научная программа: русский язык, культура, история. Сборник материалов научной конференции. М., 1995. Ч. II. С. 29–53; Он же. Петр Столыпин и его реформа: проекты, реалии, оценки // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 1994. № 1; и др.

⁶ Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора / Предисл. В.Г. Тюкавкина. М., 1993 (1-е изд. Париж, 1973); Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1994; Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991; Взгляды зарубежных историков нашли отражение в ст.: Зырянов П.Н. Современная англо-американская историография столыпинской аграрной реформы // История СССР. 1973. № 6.

⁷ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991 / Предисл. К.Ф. Шацлло; Бок М.П. П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. М., 1992; Шульгин В.В. Годы. Дни. М., 1992; Суворин А.С. Дневник. М., 1992; Шварц А.К. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994; Кофод К.А. 50 лет в России. 1878–1920. М., 1997. Научные комментарии и приложения составил А.В. Гутерс; Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956; Крыжановский С.Е. Воспоминания. Петрополис, б/г.

Специальных монографий о столыпинской аграрной реформе немного. Из дореволюционных трудов наиболее полное описание реформы и истории общины содержатся в работах И.В. Чернышева⁸. Большинство дореволюционных авторов придерживались положительной оценки аграрных преобразований. С первых же шагов реформа была “встречена в штыки” представителями оппозиционных партий, революционного лагеря некоторых правых кругов. Об оценке реформы авторов всех направлений можно судить по аграрным программам их партий, которые переизданы в последние годы⁹.

Самое большое влияние на оценку столыпинской аграрной реформы в советской историографии оказали работы В.И. Ленина: “Новая аграрная политика” (1908), “«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция” (1911), “Последний клапан” (1912), “К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства” (1913), “Переселенческий вопрос” (1912) и другие. Он рассматривал реформу как одно из возможных решений назревшего вопроса противоречия между капитализмом и формами землевладения. Ленин отмечал объективно-прогрессивное значение реформы, но считал более прогрессивным решение этого противоречия не реформой, а революцией. Тормозом капиталистического развития в деревне Ленин считал, во первых, помещичье землевладение, основанное на отработках, а во-вторых, крестьянскую общину. “Старая сословная община, – писал он в работе “Новая аграрная политика”, – прикрепление крестьян к земле, рутинная полукрепостная деревня пришли в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями”. Устранение общины и других пережитков феодализма в крестьянском землевладении и проводила новая политика Столыпина в деревне¹⁰. Это было главным в оценке прогрессивной стороны реформы.

Вместе с тем, по мнению Ленина, реформа расчищает дорогу прусскому пути – “для расчистки пути помещичьему” капитализму, а возможна “крестьянская ломка” для расчистки пути “крестьянскому капитализму”¹¹. Отмечая, что столыпинское законодательство, несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле, Ленин призывал бороться против нее, разжигать крестьянское восстание в пользу “крестьянской ломки” и американского пути крестьянского, фермерского капитализма.

В.И. Ленин признавал возможность реализации столыпинской реформы. “В истории бывали примеры *успеха* подобной политики, – писал он в 1908 г. в работе “По торной дорожке”. – Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики “невозможен”. Возможен!” И здесь же он отметил, что “если,

⁸ Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. (По материалам ВЭО]. Пг., 1917. Ч. 1–2; Он же. Аграрный вопрос в России. От реформы до революции. 1861–1917. Курск, 1927.

⁹ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М., 1995; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996.

¹⁰ Ленин В.И. ПСС Т. 16. С. 425.

¹¹ Там же. С. 424.

несмотря на борьбу масс, столыпинская политика продержится достаточно долго”, тогда “аграрный строй России станет вполне буржуазным, крупные крестьяне заберут себе почти всю надельную землю, земледелие станет капиталистическим и никакое, ни радикальное, ни нерадикальное “решение” аграрного вопроса при *капитализме* станет невозможным. Тогда добросовестные марксисты прямо и открыто выкинут вовсе всякую “аграрную программу...” И Ленин пояснил, что будет снят вопрос о *буржуазной революции* в стране, рабочие позовут крестьянство “к социальной революции пролетариата”¹². Поэтому во всех работах Ленин не уставал призывать партию, пролетариат “бросить в массы лозунг крестьянского восстания вместе с пролетариатом, как единственного возможного средства помешать столыпинскому методу “обновления России”¹³. Признавая объективную возможность реформистской альтернативы, реформистского решения аграрного вопроса, если реформа “продержится достаточно долго” (Столыпин считал, что нужно “20 лет покоя внутреннего и внешнего”), Ленин все надежды “помешать” реформе связывал с необходимостью противодействовать правительству, всячески разжигать ненависть крестьян к помещикам и царизму, а также к тем хозяевам, которые вышли из общины.

Эта политическая позиция Ленина определила все его оценки. Уже через 3–4 года после начала реформы он стал писать о невозможности успеха реформы. В анализе мероприятий правительства он отмечал только отрицательные стороны, преувеличивая их недостатки и преуменьшая определенные успехи. В частности, в эти годы (1911–1914) весьма быстро шло землеустройство, более 6 млн крестьянских дворов подали заявления о разверстании или выделении из общин, а в ленинских работах об этом не написано, хотя он знал об успехах землеустройства. Он подверг критике обследование землеустройства, но только в плане качества некоторых работ, не касаясь такого огромного количества заявлений о землеустройстве или общих итогов. Критика работ проверяющих комиссий была не объективной, о чем подробнее далее. Общие заключения Ленин делал только по итогам выхода из общины, не беря во внимание итоги землеустройства.

В 1913 г. Ленин отметил, что столыпинская реформа потерпела крах потому, что правительству не удалось разрушить все общины, что только четверть крестьян вышла из нее, и еще потому, что разрастается снова крестьянское восстание. “Теперь эта контрреволюционная система *исчерпала себя*, – писал он, – исчерпала свои социальные силы... *Реформистских возможностей в современной России нет*”¹⁴.

Стремясь принизить значение столыпинской реформы, чтобы были оправданы экономические и социальные причины для буржуазно-демократической революции, Ленин выдвинул ряд неверных тезисов, которые стали определенными стереотипами в советской историографии. На рассмотрении их остановимся специально, после краткой характерис-

¹² Там же. Т. 17. С. 31–32.

¹³ Там же. Т. 16. С. 425.

¹⁴ Там же. ПСС. Т. 23. С. 57.

тики этапов изучения столыпинской реформы. Некоторые из этих положений можно объяснить недостатком информационного материала и его искажением в прессе, которой он пользовался за границей, но большинство продиктовано задачей борьбы против реформы, против самодержавия, за захват политической власти, которую Ленин называл главной задачей политической деятельности партии.

В 1912–1914 гг. он больше подчеркивает не объективно-прогрессивные стороны реформы, а ее реакционность в целом. Кроме того, что реформа открывала путь менее прогрессивному прусскому помещичьему капитализму и что она сохраняла помещичье хозяйство, он отметил еще одну сторону. Реформа способствовала упрочению положения в деревне, а значит, положения царизма, так как ее успех подводил под него более прочную базу. Так была сформулирована главная причина, по Ленину, реакционности столыпинской реформы. Ее авторов и защитников Ленин назвал в конце 1907 г. черносотенцами, а аграрную программу черносотенной. “Реакционность черносотенной программы” состояла, по его мнению, уже не только “в развитии капитализма по *юнкерскому типу* для усиления власти и доходов помещика”, но еще и в том, что она будет способствовать подведению “нового, более прочного фундамента под здание самодержавия”¹⁵. Последняя цитата приводилась почти во всех работах о столыпинской реформе.

Эта двойственность в оценке аграрной реформы царизма утвердилась в советской историографии. Одни историки – “пессимисты”, мимоходом отметив прогрессивные черты реформы “в научно-объективном” плане, больше материала подбирали о ее реакционности, недостатках, нарушении законов и т.д., другие, “оптимисты”, тоже уделяли основное внимание недостаткам, реакционным сторонам, но приводили и фактический материал, свидетельствующий об объективно-прогрессивном влиянии реформы. Точно следовал ленинской оценке С.М. Дубровский, монография которого до сих пор остается по фактическому материалу наиболее полной работой о реформе¹⁶. Его фактический материал не всегда полностью подходит под ленинские оценки, но автор старается найти подходящие цитаты. Он во всех разделах работы обязательно отмечает после приведения довольно большого количества фактического и цифрового материала ограниченность проведенных мероприятий, реакционность политики царизма в данном вопросе. Показательна в этом отношении глава пятая “Землеустройство и участковое землепользование”, впрочем как и остальные. Приведя большой материал о землеустройстве, Дубровский не говорит ни слова о том, что землеустройство в реформе занимало более значительное место, чем выход из общины, так как в этом случае пришлось бы о реформе судить в более положительном плане. Говоря о помощи правительства, он ставит слово “помощь” в кавычки, хотя она действительно была немалой.

¹⁵ Там же. Т. 16. С. 351.

¹⁶ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963.

О правительственном обследовании Дубровский без особых доказательств пишет, как о тенденциозном, опытных и известных статистиков называет “царскими чиновниками” и считает, что уже это название дает основание не проверять правильность выборки, а сам выбор относит к “правительству” (“правительство считало...”), хотя это было сделано весьма компетентными в статистике органами, не упоминает о широком привлечении студентов к обследованию¹⁷.

Вместе с тем Дубровский четко придерживался ленинского взгляда на довольно значительное развитие капитализма в сельском хозяйстве и резко вступил в спор с А.М. Анфимовым, когда тот выдвинул положение о господстве пережитков феодализма в русской деревне, и это определило некоторую разницу в их взглядах на столыпинскую реформу. Дубровский приводит фактический материал в поддержку тезиса о капиталистических элементах реформы: об усилении роли зажиточных крестьянских хозяйств, росте сельскохозяйственного производства. А.М. Анфимов до перестройки не занимался исследованием столыпинской реформы. Свою оценку ее он высказал в VI томе “Истории СССР с древнейших времен до наших дней”, и она ничем не отличается от его позднейших выводов. Тогда он писал: “Столыпинская земельная реформа была рассчитана на подведение “нового более прочного фундамента под здание самодержавия” и поэтому являлась реакционно-черносотенной”. Он отметил, что “с экономической точки зрения она имела прогрессивные черты”¹⁸.

На тех же позициях, что и С.М. Дубровский, стояли авторы монографий об аграрной реформе Столыпина: А.В. Шанкарин, С.М. Сидельников, Л.П. Липинский, П.Н. Першин и другие¹⁹.

Отдельные стороны реформы исследованы в крупных монографиях: крестьянское сопротивление реформе – Г.А. Герасименко и Л.Т. Сенчакова; переселение в Сибирь – Л.Ф. Склярова и В.А. Степынина; аграрные отношения и рост сельскохозяйственного производства в регионах в период реформы – В.Г. Тюкавкина, Л.М. Горюшкина (в Сибири), В.Н. Ратушняк (в Предкавказье), П.С. Кабытова (Поволжье)²⁰. Последние монографии, кроме работ о крестьянских выступлениях, представляют факти-

¹⁷ Там же. С. 231–307, 235, 271, 272.

¹⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М., 1968. С. 385. Дана сноска на В.И. Ленина.

¹⁹ Шанкарин А.В. Столыпинская аграрная реформа. М., 1966; Сидельников С.М. Столыпинская аграрная реформа. М., 1973; Липинский Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск, 1978; Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование. Кн. 1: От реформы к революции. М., 1966.

²⁰ Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1986; Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989; Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; Он же. Столыпинская аграрная реформа – в Сибири // История Сибири. Л., 1968. Т. 3; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976; Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века. Ростов-на-Дону, 1989; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.

ческий материал о большом влиянии аграрной реформы на развитие земледелия, кооперации и других сфер.

Общее количество работ, статей и диссертаций по отдельным вопросам истории аграрной реформы исчисляется уже тысячами, в том числе написаны десятки диссертаций и сотни статей о проведении реформы почти во всех губерниях и регионах. В опубликованных трудах собран большой фактический материал о ходе реформы. Ценно, что использованы многие фонды местных архивов, приведены свидетельства и организаторов реформы, и политических деятелей, отзывы самих крестьян.

В принципе во всех этих работах собран такой огромный материал, который позволяет сделать правильные выводы, если не по всем, то по многим проблемам проведения в жизнь аграрной политики 1906–1917 гг. А.И. Анфимов был совершенно прав, когда в ответе писателю Д. Балашову, требовавшему от историков “садиться за статистику, показывать эти факты”, написал, что фактов, “строго выверенных, в научной литературе имеется немало” и дело в их интерпретации²¹. Правда, он имел в виду интерпретацию материала об уровне капитализма, а не о реформе. Конечно, потребовалось привлечение и новых материалов. Прав был И.Д. Ковальченко, который отметил, что “...целый ряд аспектов в истории реформы не получил надлежащего и объективного освещения”²².

Во всех работах использовались одни и те же ленинские положения, оценки, цитаты. В результате сложился ряд стереотипов, которые не оспаривались и стали почти аксиомами. Между тем некоторые из них не подтверждаются источниками, фактическим материалом, документами. Поэтому, не имея возможности дать анализ хотя бы всех основных работ по теме, остановлюсь на проблемном анализе тех стереотипов, которые можно считать спорными или неверными.

Стереотип первый: столыпинская реформа была вызвана революцией.

В 1913 г. В.И. Ленин писал: “Теперь революция 1905 года вызвала поворот всей земельной политики самодержавия”²³. Этот тезис повторял в 1968 г. А.М. Анфимов: “Аграрное законодательство Столыпина было второй после создания Государственной Думы крупнейшей акцией царизма, вызванной революцией”²⁴. Позднее в период перестройки он писал о том, что начало политике разрушения общины положил I съезд Всероссийского союза землевладельцев 17–20 ноября 1906 г. “перед лицом непосредственной угрозы своему существованию”, т.е. в разгар крестьянского восстания. “Вот тогда-то, – писал он, – 19 ноября 1905 г. на съезде, и прозвучал *первый призыв к скорейшему разрушению общины*”, и далее цитировал журнал съезда: “Надо предоставить им широкое право свободного выхода из общины”²⁵. Мы еще вернемся при рассмотрении второго стереотипа (см. с. 151) к тому, как слова о предоставлении права выхода из

²¹ Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. N 5. С. 50.

²² Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа... // История СССР. 1991. № 2. С. 52.

²³ Ленин В.И. ПСС Т. 23. С. 260.

²⁴ История СССР с древнейших времен... Т. VI. С. 348. Автор раздела – А.М. Анфимов.

²⁵ Вопросы истории. 1997. № 6. С. 46. (Подчеркнуто мной – В.Т.)

общины Анфимов интерпретирует совсем по-другому: “призыв к скорейшему разрушению общины”. Сейчас же обратим внимание на заключение, что идея провести реформу о выходе из общины “впервые” прозвучала в ноябре 1906 г. и, естественно, под воздействием революции.

Один из крупнейших и эрудированных наших историков-аграрников В.П. Данилов высказался об этом тезисе более осторожно. В докладе на Пленарном заседании Всероссийского аграрного симпозиума 1994 г. об аграрной реформе Столыпина он сказал: “...порожденная первой русской революцией столыпинская реформа 1906–1915 гг.”. Но при этом отметил: “Сказанное отнюдь не означает согласия с известным утверждением о том, что «реформа есть побочный продукт революции»”. Он также сослался на проект министра финансов Н.Х. Бунге еще в 1882 г. предоставить крестьянам право выхода из общины, что было возможно в связи с рядом больших реформ этого министра. По мнению В.П. Данилова, крестьянское движение все же предопределило начало реформирования деревни, так как “...революционный взрыв 1902 г. возобновил реформаторскую деятельность самодержавной бюрократии”²⁶. Последнее утверждение высказывал и я, но оно оказалось неверным. Можно еще продолжать приводить суждения о том, что революция 1905 г. вырвала у царизма аграрную реформу, но думаю нет сомнения в господстве этого утверждения в литературе не только советского периода, но и ряда авторов в последние годы, как бы по инерции.

Для доказательства неправомочности этого тезиса, ставшего стереотипом, необходимо раскрыть этапы подготовки аграрной реформы в течение довольно длительного времени и показать ее связь с законодательными инициативами предшествующего периода, а затем и с мероприятиями правительства Столыпина. Сразу отмечу, что дело не только и даже не столько в Особом совещании Витте, сколько в значительной работе комиссий министерств. Начать следует издавелека, иначе не понять подготовку реформы.

В действительности все мероприятия реформы были обсуждены, подготовлены и даже одобрены в “верхах” еще до революции 1905 г. и даже до известных массовых выступлений крестьян в 1902 г. Переход к практической подготовке новой аграрной политики – издание двух указов царя (о создании Межведомственной комиссии министра внутренних дел Д. Силыгина и Особого совещания С.Ю. Витте) – произошел в начале января, а крестьяне поднялись на борьбу в начале марта в Полтавской губернии. Профессиональные историки хорошо знают по томам архивных дел, что подготовке любого указа царя предшествовали многие месяцы переписок, согласований, обсуждений, заключений, заседаний, тем более когда речь шла о серьезных законодательных актах. Все готовилось еще до 1902 г.

До XX в. законодательные инициативы по поводу замены общинного землепользования семейным возникали не только при Бунге, как справед-

²⁶ Данилов В.П. Аграрные реформы и крестьянство в России (1861–1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование... М., 1995. С. 3, 6–7.

ливо заметил В.П. Данилов и подробно исследовал В.Л. Степанов,²⁷ но и раньше и позже. Речь идет не о том, когда появилась идея ликвидации общины, а о законодательных инициативах и проектах в самих высших эшелонах власти. То же можно сказать не только об отношении к общине, но и в еще большей степени об усилении переселений на окраины и облегчении покупок частной земли крестьянами через специально созданный банк, с постоянным увеличением его сделок, что осуществил Бунге.

Еще до отмены крепостного права в середине 1830-х годов в проекте реформ министра госимуществ П.Д. Киселева, которого Николай I называл своим начальником штаба по крестьянскому вопросу, предлагалось для государственной деревни ликвидировать малоземелье крестьян и ввести *семейно-наследственное землепользование* вместо общинного. Благо за примером далеко ходить было не надо: в западных губерниях тысячи сел имели подворное землепользование²⁸. Этот проект не был осуществлен, но в государственной деревне было введено сельское и волостное самоуправление, т.е. параллельно с общиной (миром) местные дела решал и сельский сход.

При подготовке отмены крепостного права обсуждался вопрос о передаче наделной земли не общине, а прямо каждому двору. Останавливало только одно – община могла обеспечить внесение выкупных платежей и налогов. Все члены Редакционных комиссий, кроме славянофила Ю.Ф. Самарина, были против сохранения общины, но считали, что введение сельского схода предоставит самим крестьянам возможность решать вопрос о переходе от общинного пользования к подворно-наследственному и даже обратно. “В среде Редакционных комиссий, – пишет исследователь вопроса о подготовке реформы Л.Г. Захарова на основе материалов комиссий, мемуаров и других документов, – преобладало мнение, что со временем общинное владение будет уничтожено”²⁹.

В мае 1872 г. была создана на основе положения Комитета министров “Высочайше учрежденная комиссия для исследования положения сельского хозяйства и сельской производительности” под председательством министра госимуществ П.А. Валуева. Настроение самого Валуева еще в бытность его министром внутренних дел характеризовалась следующим высказыванием в 1867 г. в Сенате: “Покуда существует община и круговая порука, до тех пор невозможно обогащение государства”³⁰. Комиссия проработала 2 года. Кроме трех министерств (госимуществ, внутренних дел и финансов) материалы представили губернаторы, предводители дворянства, председатели земских управ, мировые посредники, сельскохозяйственные и другие общества, статистики, агрономы. Всего было получено 958 отчетов. Материалы заседаний комиссии и отчетов опубликованы в “Докладе... комиссии” и в семи томах приложений. Выводы комиссии бы-

²⁷ См.: Степанов В.Л. Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 54–68.

²⁸ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. С. 40.

²⁹ Там же. С. 158–159, 234.

³⁰ РГИА. Ф. 583. Оп. 1. Д. 8. Л. 24. Приводится по: Нифонтов А.С. Указ соч. С. 170.

ли записаны в рекомендациях и заключались в том, чтобы провести некоторые переходные меры, которые “не нарушая основных начал общинного владения, могли бы содействовать развитию личной хозяйственной деятельности, способствуя в то же время улучшению положения земельной общины и отчасти устраняя наиболее вредные экономические последствия общинного землевладения (выделено мной. – В.Т.)”. Комиссия в рекомендациях указала, что такие меры могли заключаться: 1) в облегчении способа выхода из общины... 2) в прекращении частых переделов находящихся в общинном пользовании полевых угодий”³¹.

Работа комиссии Валуева очень напоминает работу Особого совещания Витте: та же рассылка сотен циркуляров, командировки специальных чиновников, регулярные заседания, обширные донесения и предложения с мест, почти те же участники на местах и те же министерства в Центре. Только Витте по разрешению царя еще создал комитеты в губерниях и уездах. Основная же рекомендация в ее формулировках по поводу общины повторялась и позднее. В тот период рекомендации Комиссии Валуева не были осуществлены, но позднее предложение о прекращении частых переделов было юридически закреплено законом от 8 июня 1893 г., установившим 12-летний минимальный срок переделов и запретившим частные переделы (“свалки-навалки” или “скидки-накидки”)³².

После серии реформ Александра III по облегчению положения крестьян, проведенных министром Бунге, где вопрос об общине фигурировал только как предложение, новая волна законодательных инициатив началась с 1893 г. В том году после голода в центральных губерниях из-за неурожая 1891 г. и ухудшения положения крестьян Государственный Совет предложил создать комиссию с особыми полномочиями для *пересмотра* действовавшего законодательства о крестьянах. Царь по докладу министра внутренних дел И.Н. Дурново поручил министерству собрать предварительно материалы по этому вопросу. Были созданы под председательством губернаторов губернские совещания, и в июле 1894 г. министерство разослало циркулярно требование, чтобы они дали заключения по ряду вопросов, касавшихся “упорядочения крестьянского общественного и хозяйственного быта и управления”³³.

В 1893 г. было принято два закона о крестьянской общине – 8 июля упоминавшийся закон об ограничении права переделов, а 14 декабря “О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель”. Последний отменял ст. 165 Положения 19 февраля 1861 г. о досрочном выкупе наделов. Правительство обеспокоило нарастание таких выкупов, что сокращало общинное землевладение. К этому времени было выкуплено в 46 губерниях 658 тыс. дес. из всех 90 млн дес., и за 60 тыс. дес. были внесены деньги на счета уездных казначейств в последний год. Эти

³¹ Доклад комиссии 26 мая 1872 г. СПб., 1873. С. 48–49; Рыбаков Ю.Я. Валуева комиссии // Отечественная история... Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 332–333; Нифонтов А.С. Там же. С. 178–180.

³² Полное собрание законов (ПСЗ). Т. 13. № 9754.

³³ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 46. Автор раздела Б.В. Ананьич.

сделки были расторгнуты. Крестьяне, которые уже уплатили выкупные платежи за свой надел, по новому закону могли выйти из общины только с согласия сельского схода – “мира”³⁴.

Законодательство начала 1890-х годов шло по линии сохранения общинных земель или ограничения их сокращения. В связи с этим права общины либо увеличивались: без ее согласия нельзя было выйти из общины со своим наделом тем крестьянам, которые уже внесли выкупные платежи, нельзя было произвести раздел семей (дворов), нельзя сдать свой надел в аренду; либо, наоборот, ограничивались: для продажи ею общинных земель теперь требовалось согласие губернского правления, а при продаже на сумму свыше 500 руб. – согласие министра внутренних дел.

Министр внутренних дел И.Л. Горемыкин (1839–1917) считал, что новое законодательство о крестьянах нужно подготовить основательно и постепенно, сначала все “привести в систему”. Все заключения губернских совещаний и материалы их журналов заседаний были собраны и изданы. Затем также были собраны и систематизированы все законы, высочайшие постановления, разъяснения Сената, распоряжения министерств и т.п. за 1858–1896 гг. и также изданы³⁵.

Подготовка нового законодательства шла одновременно с этим и сосредоточилась на двух важнейших направлениях, которые позднее решала и столыпинская реформа: на переселенческом деле и на общине. Переселенческий закон 1889 г. устарел, так как он устанавливал сложный порядок получения разрешений на переселение (согласие губернаторов, двух министров и пр.). Горемыкин создал в 1896 г. в министерстве Переселенческое управление и в помощники престарелому начальнику этого управления, приравненного к департаменту, рекомендовал своего друга и соратника А.В. Кривошеина, сыгравшего потом одну из главных ролей в разработке и проведении мероприятий аграрного реформирования страны. В развитии переселений крестьян принимал участие наследник престола Николай Александрович, возглавлявший Комитет сибирской железной дороги. За счет Комитета были увеличены пособия переселенцам. Комитет принял временные правила об образовании переселенческих “запасных участков” вдоль магистралей и подготовил закон 7 декабря 1896 г., облегчавший получение разрешений на переселение и обязывавший предварительно посылать ходяков. Было объявлено о большом значении переселения, вводились дополнительные льготы для переселенцев (освобождение от уплаты казенных налогов, отсрочка от призыва в армию на 4 года и др.), установлены нормы наделов новоселам в Сибири (15 дес. на душу м.п. плюс 3 дес. леса в тех районах, где это возможно). Эти льготы действовали и в 1906–1914 гг. В 1898 г. был введен льготный тариф для проезда переселенцев и провоза ими багажа. Сократилось самовольное

³⁴ Тернер Ф. Государство и землевладение. СПб., 1896. Ч. I. С. 271–272; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство... С. 62–64.

³⁵ Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. I–III; Сборник постановлений, относившихся к гражданскому праву лиц сельского состояния СПб., 1898.

переселение и обратное переселение из Сибири (до 10,2% в 1898 г.). Проблем с переселением оставалось еще немало, но сдвиг в законодательстве был сделан большой.

Гораздо труднее было подступиться к изменению законодательства об общине. Первым шагом было введение нового паспортного законодательства, распространенного и на общину. Старая паспортная система была объявлена С.Ю. Витте пережитком крепостничества. Для податных сословий (крестьян, мещан, ремесленников, приписанных к своим обществам) паспортные правила 1895 г. не вводили бессрочные паспорта, как для других сословий, но все же облегчали временный отъезд: по паспортной книжке – на пять лет, по паспорту – на год, полгода или три месяца, по бесплатному билету на отлучку – до года. Крестьяне-общинники могли получить билет свободно при отсутствии недоимок по общественным сборам, а при их наличии – с согласия схода. Это был шаг вперед.

Сложный вопрос о разрешении выхода из общины или об ее отмене обсуждался неоднократно начиная с 1893 г. За отмену общины в Государственном Совете высказывались весьма горячо и обстоятельно Председатель Комитета министров Н.Х. Бунге и министр двора И.И. Воронцов-Дашков. Традиционно отстаивал общину министр внутренних дел И.Н. Дурново, который получил неожиданно мощную поддержку министра финансов С.Ю. Витте. Он доказывал, что община охраняет деревню от пролетаризации, называл ее “плотом” против социализма. Бунге и Воронцов-Дашков, наоборот, только введение частной подворной собственности считали “чуждым социализму”. Воронцов-Дашков утверждал, что крестьяне находятся в “крепостной зависимости” от общины, что пролетарии на Западе свободны, а в России их держит бездоходный надел и они живут хуже пролетариев.

В 90-х годах впервые задачи законодательства о крестьянах ставятся не об отдельных мерах, а о выработке направления, которым надо идти, об общем “пересмотре” действующих законов. Мотивировка о давлении крестьянских выступлений отсутствовала. Большинство губернских совещаний высказалось за сохранение общинной формы землевладения, в том числе и с великорусским населением³⁶. Разногласица во взглядах министров и сановников не позволила решить проблему пересмотра законодательства о крестьянах. Но вопрос о ликвидации общины был поставлен довольно резко³⁷.

Подступ ко второму этапу, который будет означать непосредственную разработку новой аграрной политики, начался с разработки Витте и Горемыкиным законопроекта о частичной, а затем полной отмене круговой поруки с конца 1896 г. Именно круговая порука в общине ранее прежде всего привлекала правительство. На первом этапе в 1899 г. по закону о порядке взыскания окладных сборов была частично отменена круговая порука для крестьян мелких деревень (до 60 душ м.п.) и для

³⁶ Свод заключений... Т. III. С. 175–187.

³⁷ Об этом см. подробнее: *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой русской революции. М., 1987.

подворных владельцев. Министерство финансов сразу стало готовить законопроект об отмене круговой поруки для всех крестьян и в 1901 г. представило его.

Большое значение имела Записка министра финансов С.Ю. Витте (1849–1915) 1898 г. Сначала он возбудил вопрос в Комитете министров на докладе государственного контроля, по поводу того места отчета, где говорилось о напряжении платежных сил крестьянства, а Николай II написал на полях: “Мне тоже кажется”. Витте предложил создать “особую комиссию с исключительными полномочиями”, чтобы “довершить то, что было совершено императором Александром II в 60-х годах, но не было dokonчено”³⁸. 27 мая 1898 г. царь утвердил решение Комитета министров об образовании Особого совещания по законодательству о крестьянах, но вскоре по докладу И. Дурново наложил резолюцию отложить дело.

Тогда Витте написал Николаю II в Крым в виде письма обширную записку в октябре 1898 г., текст которой он потом включил в свои воспоминания. В записке он развивает мысль о необходимости пересмотра аграрной политики, указывая, что в официальной записке он не мог “представить во всей наготе” этот вопрос. В письме приводится ряд доводов в защиту тезиса о пересмотре аграрной политики: нужно “совершить подвиг”, чтобы возвеличилась Россия, для чего необходимо реформировать положение крестьянства. Необходимость этого он доказывает указанием на низкую платежеспособность крестьянства. Перед освобождением крестьян бюджет России был 350 млн руб., освобождение дало возможность довести его до 1400 млн руб. Но в других странах крестьяне платят в 3 раза больше, а живут гораздо лучше. Если поднять благосостояние крестьян до уровня Франции, то бюджет мог бы вырасти до 4200 млн руб., или в 3 раза. Он как бы подчеркивает, что не выходит за рамки прерогатив Министерства финансов, поднимая этот вопрос.

Далее следовали предложения, как избавить крестьян “от неустройства”. Надо сделать крестьянина персоной, а сейчас он “находится в положительном рабстве у схода, у его горлопанов”. Нужен закон о правах и обязанностях крестьянина, об уравнении его с другими сословиями. Затем следует резкая критика общины, которую он не так давно защищал и даже прославлял. В литературе можно встретить заявления о том, что Витте в 1903 г. изменил свой взгляд на общину. В действительности это произошло гораздо раньше: Витте в этом письме-записке пишет, что крестьянин при общинном праве не владеет землей, он даже не знает, какая земля его.

Совершенно справедливо Витте ставил вопрос о том, что “земство устанавливает сборы без всякого влияния правительства”, хотя такого права нет у земств “в наилиберальнейших странах”. Наши исследователи постоянно отмечали, что при значительном уменьшении государственных налогов, разрастались различные мирские и земские сборы. Витте предлагал ограничить их законом.

³⁸ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 520.

После ряда других предложений (о просвещении, неустройстве крестьян и пр.) Витте перешел к главному: создать комиссию с широкими правами; он даже перечислил ее задачи и состав³⁹.

Николай II не ответил Витте и не сразу приступил к созданию специальной комиссии. Можно лишь гадать о причинах этого, но решение он принял только в 1901 г. В таких делах меньше всего нужна торопливость. Как говорится в русской пословице: “быстро хорошо не бывает”. Но и времени на длинные раздумья у царя не было. Возможно, он ждал результатов работы небольшой комиссии во главе с товарищем министра финансов В.И. Ковалевским, которую учредил весной 1899 г. для изучения причин оскудения Центра. Эта комиссия собрала большой материал о сокращении наделов в великорусской деревне Центра, но выводы ее в начале 1901 г. не содержали конкретных предложений. Дробление наделов комиссия назвала “естественным последствием роста населения” и отметила, что “оно вытекает из самой природы вещей”⁴⁰. После неурожая 1901 г. царь учредил по этому же вопросу более расширенную Комиссию 16 ноября 1901 г. во главе с В.Н. Коковцовым, о которой уже упоминалось. Неурожай 1901 г. больше всего поразил центральные губернии, но недобор хлебов был в 42 губерниях из 50. Именно это заставило правительство и царя искать более кардинальные пути решения крестьянского вопроса.

В январе 1902 г. царь подписал два указа об учреждении двух комиссий по аграрному вопросу. Подчеркнем, что *именно в январе*, т.е. до крестьянских массовых выступлений, и созданы *именно две комиссии*, а не одна во главе с Витте. Путаница по этому вопросу возникла после публикаций воспоминаний С.В. Витте, где он пишет, что в январе было образовано только Особое совещание во главе с ним, а затем Плеве испросил разрешение разработать положение о крестьянах в особом ведомственном совещании при Министерстве внутренних дел⁴¹. Эта версия была воспринята рядом авторов и уже интерпретировалась как создание в противовес демократическому Особому совещанию министром Плеве комиссии под председательством “ярого крепостника” А.С. Стишинского, чтобы торпедировать совещание⁴². Это положение было одним из главных обвинений царизма во многих работах.

В действительности первой была создана 14 января 1902 г. особая комиссия по пересмотру законоположений о крестьянах. Указ возлагал на министра внутренних дел Д.С. Сипягина задачу подготовить изменение тех законов, “недостатки которых выявлены опытом.” Через неделю 22 января 1902 г. было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности во главе с министром финансов С.Ю. Витте. В указах и даже в названиях комиссий было проведено четкое разграничение их деятельности: первая должна была заняться пересмотром законодательства о

³⁹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 522–528.

⁴⁰ Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды особого совещания 1899–1901 гг. / Сост. А.Д. Поленов. СПб., 1902.

⁴¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 533.

⁴² См.: Черменский Е.Д. История СССР. Эпоха империализма. М., 1974. С. 53.

крестьянах, а Особое совещание – выявить пути и способы подъема сельского хозяйства. Витте придал своему совещанию более широкую программу, включив вопросы крестьянского хозяйства и нужды деревни в общем плане. Работа Особого совещания освещена историками очень подробно. Нужно отметить глубокие исследования М.С. Симоновой, результаты которых опубликованы в ряде статей и обобщены в монографии “Кризис аграрной политики царизма накануне первой русской революции”⁴³. Не со всеми выводами и оценками М.С. Симоновой, традиционными для советской историографии, можно согласиться. В частности, и сам кризис позднее относили ко всем сферам политики и экономики, хотя шло и прогрессивное развитие. Но фактический материал дан очень подробный и обстоятельный, с использованием документов и архивных материалов. В статье о В.К. Плеве М.С. Симонова несколько изменила свой взгляд в сторону признания определенной реформаторской роли Плеве⁴⁴. Традиционные оценки аграрной политики начала XX в., как феодально-крепостнической, полукрепостнической, содержат работы С.М. Сидельникова, Л.И. Нестеровой и других. Но они подробно раскрывают работу Особого совещания и комиссии МВД⁴⁵.

Эти проблемы давно и подробно исследует академик Б.В. Ананьич, автор разделов в двух коллективных монографиях “Кризис самодержавия в России” (1984) и “Власть и реформы” (СПб. 1996). В последней работе он отметил, что проводимые реформы представляли попытку привести в соответствие российское аграрное законодательство с социальной эволюцией деревни⁴⁶. Этот новый вывод правильно определяет направление аграрной политики начала XX в.

Но в свете поставленной проблемы связи аграрной политики со столыпинской реформой, отметим, опираясь на уже имеющийся материал, новые моменты в работе прежде всего комиссии МВД, которая освещена однобоко. Д.С. Синягин не успел активно развернуть работу этой комиссии, так как был убит 2 июня 1902 г. Назначенный министром В.К. Плеве (1846–1904) уже в июне 1902 г. образовал предусмотренную указом Редакционную комиссию во главе с товарищем министра А.С. Стишинским. В указе 14 января 1902 г. особо подчеркивалось, что пересмотр положений будет осуществлен на почве основных начал Положения 1861 г. и должен представлять собой дальнейшее их развитие, поэтому и создавалась Редакционная комиссия.

⁴³ Симонова М.С. Кризис аграрной политики самодержавия накануне первой русской революции // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964; Она же. Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. М., 1965. Т. 75; Она же. Отмена круговой поруки // Там же. 1968. Т. 78; Она же. Указ. соч. М., 1987.

⁴⁴ Российские консерваторы. М., 1997. С. 310–312.

⁴⁵ См.: Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980; Нестерова Л.И. Вопрос о крестьянском надельном землевладении в Редакционной комиссии МВД (1902–1904 гг.) // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 2; Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства // История СССР. 1991. № 3.

⁴⁶ Власть и реформы. С. 451.

Знакомство с работой этой комиссии подтверждает мнение К.А. Кривошеина о том, что Стишинский был номинальным председателем, а реальным руководителем работ и “душой комиссии стал управляющий Земским отделом Вл. И. Гурко”⁴⁷. Последний понимал, что прямое предложение о пересмотре закона об общине тогда было немыслимо, так как ее признавали вековым устоем. Комиссия должна была рассматривать вопросы ликвидации правовой неравноправности крестьян, совершенствования форм самоуправления, а не порядка землепользования. Гурко выдвинул новую идею разрешения выхода из общины по экономическим причинам укрепления крестьянских хозяйств, а не с правовой стороны. Он сам это назвал “контрабандой, но с государственной печатью”. Он сумел вставить в один из основных документов начала XX в. – в Манифест 26 февраля 1903 г. – весьма важное замечание о возможности выхода отдельных крестьян из общины.

История разработки манифеста раскрыта Б.В. Ананьичем на основе переписки Николая II и князя В.П. Мещерского, опубликованной в США. Он отметил, что на последнем этапе царь привлек Плеве⁴⁸. Предложения по аграрному вопросу по поручению министра готовил Гурко. Нужно отметить, что и сам Плеве понимал неизбежность изменения общинного строя. В беседе с бывшим государственным секретарем А.А. Половцовым 1 мая 1902 г. недавно назначенный министром Плеве сказал: “Я сознаю, что коллективизм и выразитель его – общинное владение – вздор, ведущий лишь к неурядице”. Эти слова Половцов занес в свой дневник⁴⁹.

Многие историки до сих пор пишут, что “указ 26 февраля 1903 г. провозглашал незыблемость общины”⁵⁰. Но в Манифесте, который содержал программу преобразований в пункте 3 постановлялось в основу деятельности местных (губернских) совещаний по пересмотру законоположений о крестьянах “положить неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, *изыскивая одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины*”⁵¹. Это положение, принципиально новое для законодательства, объяснялось в печатной работе Гурко.

В газете “Новое время” (10, 11 и 12 января 1904 г.) бы напечатан “Очерк Редакционной комиссии по пересмотру законоположения о крестьянах”. В нем после изложения юридических положений и административных прав общины проведена мысль о том, что в экономическом отношении лучшим средством подъема крестьянского хозяйства является создание отрубных участков и хуторов на надельной земле. В “Очерке” показано, что и в общине и при подворном пользовании основной недостаток – это чересполосица, дальнотемелье и пр. Вывод сделан следующий: “Сама жизнь должна решить, где и при каких условиях надлежит сохра-

⁴⁷ Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 57.

⁴⁸ Кризис самодержавия. С. 130–136.

⁴⁹ Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1923. № 3. С. 144.

⁵⁰ См.: Корелин А.П., Шаццлло К.Ф. Указ. соч. // Судьбы российского крестьянства. С. 12. Сделана сноска на монографию М.С. Симоновой и др.

⁵¹ ПСЗ. Собрание III Т. XXIII. Отд. 1. № 22581. (Подчеркнуто мною. – В.Т.)

нить общинное пользование земель и при какой обстановке будет удобнее переходить к подворному хозяйству”⁵². Гурко был признанным автором предложения о создании хуторов и отрубов, что вошло в текст Столыпинского указа, который Гурко же и писал.

В “Очерке” есть одна мысль, которая была и в докладе П.А. Столыпина в 1905 г., и в известной записке Витте 1904 г., а именно: крепкие крестьянские хозяйства станут примером для остальных крестьян, которые тоже пожелают выделиться на отдельные участки. Гурко писал: “Лишь с течением времени, когда крестьяне убедятся на примере отдельных хозяев в значении выдела участков к одному месту, может появиться среди них общее течение в указанном направлении”⁵³.

В опубликованных “Трудах” Редакционной комиссии (1903 г.) провозглашались старые принципы: обособленность крестьянского сословия, неотчуждаемость наделов, неприкосновенность основных форм землепользования. Но тезис Гурко в них присутствовал, хотя и в более замаскированном виде: “...закон должен предоставить возможность всем индивидуально-сильным, умственно-переросшим крестьянский мир отдельным крестьянам найти применение своим способностям, расправить свои крылья, но с тем, чтобы их рост происходил не за счет всего крестьянства”⁵⁴. В “Трудах” отмечались недостатки и общинной, и подворной форм землепользования “в том виде, как они сложились у нас”, указывалось, что они препятствуют более совершенному использованию “производительных сил почвы”. Содержалось в них даже указание на то, что наилучшей являлась хуторская и отрубная форма землепользования”. Но проект содержал предельные нормы дробления и высшие нормы концентрации наделной земли на одно хозяйство, т.е. делалась попытка задержать как пролетариацию, так и обогащение за счет наделов. Министерство внутренних дел хотело удержать слой середняков, который в реальной жизни разлагался⁵⁵.

Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович (1863–1927), сын героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-фельдмаршала, сделал блестящую карьеру. В 1902 г. возглавлял Земский отдел МВД и, по существу, стал автором многих основных положений аграрной реформы. Затем в качестве товарища министра внутренних дел написал текст аграрной реформы. Покровительствовал чиновнику-датчанину К.А. Кофоду, занимавшемуся обследованием хуторов в западных губерниях России, посылал его за границу изучить опыт проведения разверстаний на хутора, финансировал издание книги об этом. Он объединил вокруг себя многих будущих деятелей аграрной реформы.

Карьера Гурко оборвалась неожиданно. В 1906 г. по указу царя была выделена крупная сумма денег для закупки и раздачи 10 млн пудов хлеба в голодающие местности. Гурко заключил договор с неким Лидвалем, кото-

⁵² Приводится по: *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С. 57–58.

⁵³ Там же. С. 59.

⁵⁴ Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. СПб., 1903. Т. 1. С. 10–12, 16.

⁵⁵ Там же. С. 21–22. Т. 5. С. 451.

рый оказался не купцом, а аферистом и поставил только часть хлеба, не покрывшую даже полученного аванса в 800 тыс. руб. Столыпин назначил сенатское расследование, начался шум в печати. Гурко был отстранен от работы, суд Сената за “нерадение в отпращивании должности” присудил ему отстранение от должности на 3 года. Этот факт Ленин приводил в своих статьях, как пример коррупции и разложения самодержавия. Но суд Сената не усмотрел в действиях Гурко уголовного преступления. Гурко привлек к суду Крамалея и Изнара – редактора и сотрудника газеты “Русь”, обвинявших его в расхищении государственных денег. Суд присяжных признал это клеветой и приговорил их к 3 месяцам тюрьмы. Гурко вызвал на дуэль Родичева, который резко говорил в Думе о нем, но последний от дуэли отказался. Позднее Гурко был избран в Государственный Совет от тверского земства где выступил с критикой “пьяного бюджета” Коковцова. Обвинения в с Гурко были сняты, что следует подчеркнуть, так как ленинская мысль о коррупции неоднократно повторяется в литературе, в том числе и в некоторых учебниках.

Значительный вклад Гурко в разработку реальных мер об общине, о переходе к хуторам, об изменении крестьянского землевладения несомнен. Это отразилось в содержании Трудов Редакционной комиссии, несмотря на возражения ее председателя Стишинского. Предложения Гурко поддерживал Плеве. Новый министр П.Д. Святополк-Мирский сразу уволил Стишинского из министерства, сохранив Гурко.

В трудах Особого совещания более решительно ставился вопрос о переходе от общины к подворному землевладению, что было обусловлено более демократическим и более широким составом местных – губернских и уездных – комитетов, куда приглашались специалисты сельского хозяйства, представители земств, разных обществ и т.п. Было образовано 618 местных комитетов – 82 губернских под председательством губернаторов и 536 уездных под председательством уездных предводителей дворянства. Всего в них участвовало до 12 тыс. человек, в том числе около 17% в уездных комитетах было крестьян, а в губернских – 2%. Вопрос об общине обсуждался в 184 комитетах по 49 губерниям. Из них 125 (67,9%) высказались за ее ликвидацию – от принудительной ликвидации законом до облегчения выхода отдельным домохозяевам, 42 – за сохранение общин и 17 комитетов отметили “предоставить течению жизни” и т.п. Из уездных 145 комитетов, где было больше крестьян и меньше влияния администрации, – 113 (77,9%) высказались против общины и 32 – за ее сохранение. Сторонники общины преобладали в губерниях Московской, Нижегородской, Тамбовской, Вологодской, довольно сильно были представлены в Тверской, Владимирской и Вятской губерниях⁵⁶.

Таким образом, большинство комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые касались вопроса об общине, высказались за ликвидацию общин или за свободный выход из

⁵⁶ Данные сводки МВД (сост. А.А. Риттих). Приводятся по: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 179–184.

них. В “Трудах” Редакционной комиссии и ее губернских комитетов твердо провозглашался курс Манифеста 26 февраля 1903 г., но с оговорками об “изыскании способов для отдельных крестьян выхода из общин”. Впервые говорилось о преимуществах хуторского и отрубного землевладения и о том, что зажиточное крестьянство являлось “надежнейшим оплотом существующего порядка”⁵⁷. Хотя нельзя сказать, что предложение о ликвидации общины в 1903–1904 гг. преобладало в официальных документах, но оно уже было высказано, записано и опубликовано. Из 125 комитетов Особого совещания 52 предложили законодательно ликвидировать общину, а 73 предлагали либо облегчить в законодательном порядке переход от общинного к подворному землевладению, либо предоставить право отдельным домохозяевам выйти из общины с переходом земли в их собственность.

Нужно еще и еще раз подчеркнуть и выделить особо, что среди всех предложений, всех документов об общине наиважнейшим была запись в самом главном документе – в Манифесте царя 26 февраля 1903 г. с требованием “*изыскать способы к обеспечению отдельным крестьянам выхода из общины*”. Эта запись означала согласие императора на закон о выходе из общин. Как бы ни шутил Гурко о “контрабанде” с государственной печатью, но согласие царя мог получить только министр Плеве, окончательно редактировавший текст Манифеста и согласовывающий его с Николаем II.

В начале XX в. еще два крупных закона были проведены в духе будущей столыпинской политики. В 1903 г. 12 марта вступил в силу закон об отмене круговой поруки, который решительно был поддержан не только Витте, но и Плеве. При Плеве более активно стал готовиться новый переселенческий закон, который был утвержден царем 6 июня 1904 г.⁵⁸ Принципиально новым в нем было свободное переселение всех крестьян, но без предоставления льгот. А по закону 1882 г. и в 60–80-е годы “самовольных” переселенцев ловили на заставах и принудительно возвращали. Для переселения со льготами надо было и после 1904 г. получать разрешение, посылать ходоков и пр. Вводились те же льготы, что и по постановлениям Комитета Сибирской железной дороги. Эта составная часть будущей реформы была обеспечена законодательно, а также и организационно. Переселенческое управление увеличивало подготовку переселенческих участков, организовывало почвенно-ботанические экспедиции в Сибирь, там вели работу землеотводные партии.

Плеве готовил также реформу Дворянского и Крестьянского банков, что было записано в Манифесте 26 февраля 1903 г. В одном из выступлений на Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности он говорил: “...переселение и деятельность Крестьянского банка – это два, самые сильные, рычага в руках государства, которые вносят в дело

⁵⁷ Труды Редакционной комиссии... Т.5. С. 451.

⁵⁸ ПСЗ. Собрание III. Т. XXIV. Отд. 1. № 24701. С. 603–607.

крестьянского землепользования серьезные улучшения”⁹⁹. Меры по расширению операций Крестьянского банка и по увеличению помощи крестьянам, которые осуществил Столыпин после 1906 г., были обсуждены и подготовлены в 1902–1905 гг. В.И. Гурко в своих воспоминаниях определенно сказал, что если указ 9 ноября 1906 г. смог быть быстро применен, то это благодаря работе, выполненной в предыдущие годы.

Обзор подготовки новой аграрной политики будет не полным, если не сказать еще об одной ключевой фигуре этой подготовки – А.В. Кривошеине.

Александр Васильевич Кривошеин (1857–1921) в отличие от большинства крупных чиновников не принадлежал к потомственному дворянству. Его отец был крепостным крестьянином, но в армии дослужился от солдата до подполковника. А.В. Кривошеин начинал службу простым делопроизводителем, а закончил министром, статс-секретарем гофмейстером двора. Благодаря своему уму, работоспособности, инициативности, энергии и сильной воле он прошел этот путь сравнительно быстро. В начале карьеры он был при графе Толстом назначен комиссаром по крестьянским делам, но после смерти Толстого в 1889 г. вернулся в Петербург и снова начал с должности делопроизводителя Земского отдела МВД. С 1896 г. он помощник начальника Переселенческого управления, с 1902 г. исполняющий обязанности начальника, в 1904 г. – начальник Переселенческого управления. В 1905 г. он занял пост товарища главноуправляющего ГУЗиЗ. Царь рекомендовал его министром в правительство Витте, но последний решительно воспротивился. В 1906 г. Кривошеина перевели управляющим Дворянским и Крестьянским банками, который одновременно являлся товарищем министра финансов. В 1908 г. Столыпин пригласил его на должность главноуправляющего ГУЗиЗ, и он занимал ее до 1915 г. Его должность приравнивалась к должности министра. Он был активным участником разработки новой аграрной политики, автором нескольких записок о пересмотре законодательства о крестьянах, о переселенческом деле. Главными были записки о создании единого правительства, и особенно о землеустройстве и землеустроительных комиссиях. Современники называли его третьим после Витте и Столыпина, многие считали его более умным и хитрым. К нему хорошо относились царь и царица. Александра Федоровна называла его “самым умным” из всех сановников, считала, что он устроил Февральскую революцию. Но он к этому был не причастен, хотя перед своей отставкой предупреждал Николая II о грядущей вскоре революции. Его высоко ценили в “обществе” и в ряде списков предлагали в состав будущего “правительства доверия”. Он был мастером компромиссов, мастером тонких интриг, в чем не уступал Витте, но и обладал государственным умом. Он не только был способен выдвинуть важную идею, но и умел воплотить ее в точные формулировки закона. Он был реалистом, понимающим возможности проведения в жизнь тех или иных мер и оптимальные

⁹⁹ Цит. по: *Симонова М.С.* Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 216.

пути их реализации, хотя он не обладал такой властью и решительностью, как Столыпин, не был и таким блестящим оратором. Зато он был прекрасным стилистом, умел написать документ четко, ясно, коротко и понятно или, наоборот, витиевато-завуалированно. Ему поручалось написать ряд царских манифестов, в том числе манифест о начале войны в 1914 г.

Некоторые историки отмечали, что он не знал деревню, крестьянскую жизнь. Этот упрек не совсем справедлив. На посту комиссара по крестьянским делам он познакомился с подворной деревней и с хуторскими хозяйствами польских крестьян, а в многочисленных командировках старался вникнуть в суть поземельных отношений в центре страны и в Сибири. Он поэтому мог сравнивать разные типы крестьянских хозяйств: разбросанное в 20–40 местах хозяйство в черноземной деревне, польские хутора, сибирские хозяйства отрубного и заимочного типа. Конечно, он, в отличие от крупных помещиков Гурко, князя Васильчикова, Столыпина, меньше знал помещичье хозяйство и не был таким горячим его защитником. Гурко в своей речи на съезде объединенного дворянства в 1909 г. даже обвинял Кривошеина в том, что он на посту управляющего государственными Крестьянским и Дворянским банками слишком старался распродать помещичьи имения. Гурко назвал процесс распродажи латифундий “самым энергичным осуществлением программы социалистов-революционеров”⁶⁰. Кривошеина заботило совсем другое: он хотел как можно больше земель продать крестьянам. В 1915 г. Кривошеин, являвшийся по общим отзывам “серым кардиналом” в правительстве, вопреки премьеру Горемыкину, с которым впервые разошелся в политических взглядах за 20 лет дружбы, стал организатором группы министров, умолявших царя отказаться от идеи стать главнокомандующим. После этого он ушел в отставку. В конце 1917 г. его собирались арестовать. Он вышел в переднюю к группе вооруженных людей, и они потребовали господина Кривошеина. Он сказал, что сейчас доложит, поправил галстук перед зеркалом, одернул пиджак, в другой комнате надел пальто и, не предупредив гостей, ушел черным ходом. Потом он в Москве стал одним из организаторов и наиболее активным руководителем Правого Центра. На Юге он создал монархический Совет государственного объединения России, а в 1920 г. возглавил правительство при генерале Врангеле. Умер Кривошеин в эмиграции. Книгу о нем удалось переиздать в России только в 1993 г., благодаря стараниям его внука Никиты Игоревича Кривошеина, живущего в Париже. К сожалению, книга издана с некоторыми сокращениями.

С начала 90-х годов Кривошеин активно участвовал в подготовке намечавшихся мероприятий, главным образом по переселенческому делу, в Комитете сибирской железной дороги, где был замечен наследником престола великим князем Николаем Александровичем. Интересы дела требовали создания особого Переселенческого управления, что он понял ранее других. К этому времени он подружился с министром Горемыкиным. Он стал сравнительно богат, женившись на одной из наследниц фабрикан-

⁶⁰ Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 85.

тов Морозовых. С момента создания Управления он был фактическим его руководителем, так как Гиппиус мало вмешивался в дела. По поводу общины он занимал вначале выжидательную позицию, определив ее сразу при издании Манифеста 26 февраля 1903 г., когда выяснилось мнение царя о возможности проведения реформы в духе разрешения выходов из нее отдельных крестьян. Но он обдумывал вопросы землеустройства крестьян, готовил свою программу будущих преобразований. Он был дружен с Ф.Ф. Треповым и через него и Горемыкина подружился с Д.Ф. Треповым, который после 9 января 1905 г. стал петербургским генерал-губернатором и товарищем министра внутренних дел. Кривошеин обсудил с ним и с Горемыкиным свою программу и составил записку по крестьянскому делу, в которой содержалась критика работ Особого совещания Витте и предлагалось провести реформы по изменению законодательства о крестьянах, землеустройства, по расширению деятельности Крестьянского банка, переселению и укреплению крестьянского землевладения. Правильно определив растущее недоверие Николая II к Витте (царь в конце 1904 г. говорил П.Д. Святополк-Мирскому, сменившему Плеве, что “Витте – ма-сон”⁶¹), эта тройка передала записку Кривошеина царю. Витте имел правильную информацию, написав в воспоминаниях, что “Горемыкин вместе с величайшим карьеристом Кривошеиным... подвели при помощи генерала Трепова... под совещание мину”⁶². Записка Кривошеина была передана Николаю II 19 января 1906 г., а совещание Витте закрыто указом царя 30 марта. В этот же день был опубликован рескрипт царя об учреждении нового “Особого совещания о мерах к укреплению и расширению крестьянского землевладения” под председательством И.Л. Горемыкина. В рескрипте по поводу крестьянского землевладения было сказано витиевато: “Должны быть установлены меры к предоставлению крестьянам удобнейших, соответственно с изменившимися хозяйственными условиями, способов пользования отведенными им надельными землями”. Рескрипт предписывал облегчить переселение крестьян. Очень четкие формулировки были по поводу частного землевладения, как крестьянского, так и помещичьего. Еще до начала массовых выступлений крестьян записка Кривошеина содержала указание на “охранение частного землевладения от всяких на него посягательств”, предлагалось четко отграничить надельные земли от прочих владений, “чтобы утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности частной собственности”. Этим записка и текст рескрипта привлекли Николая II – постоянного защитника прежде всего дворянской собственности⁶³.

Совещание Горемыкина–Кривошеина (так его окрестили в печати) делало вопрос о земельной собственности политическим. Более четко эта

⁶¹ Об этом см. подробнее: *Тюкавкин В.Г.* Николай II и первая Государственная дума // *Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия.* М., 1994. С. 14–15; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 31–32.

⁶² *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 536.

⁶³ *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С. 66–67.

линия была предложена летом 1905 г. саратовским губернатором Столыпиным, но это мы отнесем уже к самой реформе. Было проведено очень важное организационное мероприятие с целью обеспечить успешное выполнение всех задач, намеченных в 1902–1905 гг., – 5 мая 1905 г. Министерство земледелия и госимуществ было преобразовано в Главное Управление землеустройства и земледелия. Государственные имущества неземледельческого характера передавались Министерству торговли и промышленности. Зато ГУЗиЗ были переданы землеустроительное дело и Переселенческое управление, которые ранее были в ведении МВД. Реорганизация позволила сосредоточить всю работу по землеустройству, землевлладению, сельскому хозяйству и переселению в одном ведомстве. Кривошеин, который получил повышение, став товарищем Главноуправляющего ГУЗиЗ, и Гурко настаивали на передаче в это ведомство Крестьянского банка, но против этого стал горой министр финансов Коковцов (пусть читатель запомнит этот факт – таких будет еще много).

Период начала 1905 г. можно считать завершением подготовки аграрной реформы: были определены все цели и задачи, проведены отмена круговой поруки, закон о переселении, внесены конкретные предложения о выделах из общины, о хуторах и отрубках, о расширении деятельности Крестьянского банка и подготовлен проект изменения его устава. Наконец, было создано новое министерство. В последней комиссии Горемыкина определялось, какие земли казны и уделов могли быть переданы крестьянам для увеличения земельного фонда. Так что тезис о том, что реформа была вырвана революцией, неверен, поскольку реформа готовилась до нее.

Крестьянская революция не выдвигала лозунгов ликвидации общины, развития переселения и др. Крестьяне боролись за прирезку земли, за хват помещичьих земель, и поэтому и с этой стороны нельзя утверждать, что революция “вызвала поворот” именно в духе изменения общинного строя.

Проект реформы Мигулина–Кутлера: что бы он мог дать?

Революция 1905 г. состояла не в том, что несколько миллионов человек бастовали, митинговали, громили помещиков. Не делали революцию и массовые террористические акты. Политические лозунги тонули в массе экономических требований. В последние годы, годы перестройки (1994–1998), число бастующих тоже насчитывает многие миллионы, но это не революция, потому что революция предполагает быстрое (в отличие от эволюции) изменение в политической, экономической, правовой или другой основной сфере. Революция произошла в 1905 г. потому, что царь Манифестом 17 октября произвел крутой и быстрый переворот: изменение государственного строя введением законодательной Государственной Думы, обновленного Государственного Совета, объединенного правительства; введение демократических свобод (свободы слова, собраний, политиче-

ских партий, союзов, печати и т.д.). Это была политическая революция. Недаром П.Н. Милюков позднее писал, что царь вырвал победу революции у них из рук. Но экономического переворота Манифест не обещал.

Пришедшее к власти правительство Витте в лице отдельных министров понимало, что без серьезных экономических реформ не утихомирить бастующих рабочих и восставших крестьян. Особенно беспокоили нараставшее осенью крестьянское движение и погромы поместий. В это время стало довольно серьезно обсуждаться предложение профессора П.П. Мигулина о передаче крестьянам части (около половины) помещичьих земель за выкуп. Записку Мигулина Трепов передал царю. Горемыкин предложил отменить выкупные платежи и срочно расширить продажу крестьянам земель через Крестьянский банк на более выгодных условиях. Вопрос об уменьшении или сокращении выкупных платежей обсуждался в 1903–1904 гг., он был подготовлен и уже 3 ноября 1905 г. провозглашен царским Манифестом. В этот же день царь подписал указ о разрешении Крестьянскому банку расширить продажу земель крестьянам с выдачей им кредитов⁶⁴.

Витте беседовал с Мигулиным в ноябре 1905 г. и после этого дал задание Главному управляющему ГУЗиЗ срочно подготовить проект закона в духе его записки. Н.Н. Кутлер с помощью ряда сотрудников (А.А. Риттиха и других) с привлечением автора кадетской аграрной программы А.А. Кауфмана, который был временно зачислен чиновником особых поручений, довольно быстро справился с заданием. Уже в начале января 1906 г. этот проект обсуждался в Совете министров, вызвал много возражений, большинство было против, но по предложению Витте проект передали на обсуждение межведомственной комиссии, которая 18 и 19 января отвергла его большинством голосов. Против голосовал и помощник Кутлера – Кривошеин⁶⁵.

В экономическом отношении проект Кутлера не имел серьезного значения. Профессор Мигулин предполагал “выкроить” примерно 25 млн дес. земли у помещиков и казны. Более поздние расчеты в аппарате МВД показали, что это было только теоретически. Районы наиболее малоземельных общин не совпадали с районами наибольшей концентрации латифундий (многие из них вообще были на Урале). В 10 губерниях с наименьшими наделами – по 7 дес. на двор, – было лишь около 14% частных земель, а в 12 губерниях со средними наделами 15 дес. и более находилось 25% частных земель. В деревне было 6,2 млн дворов с наделом менее 8 дес. на двор и более 5 млн безземельных. Напомним, что в 1905 г. из 18,1 млн крестьянских семей надельную землю имели 12,5 млн, а не имели 5,6 млн. В числе последних 2,2 млн дворов занимались сельскохозяйственным трудом,

⁶⁴ Законодательные акты переходного времени (1904–1906 гг.) / Под ред. Н.И. Лазаревского. СПб., 1907; Об этом см. подробнее: *Симонова М.С.* Аграрная политика самодержавия в 1906 г. // Исторические записки. 1968. Т. 81; *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 323–324; *Сидельников С.М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. С. 58–59; Кризис самодержавия в России. С. 248–249; и др.

⁶⁵ *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С. 73–76.

как основным⁶⁶. Остальные, конечно, от своего права получить землю тоже не отказались бы. Поэтому предложение Кутлера о наделении дополнительными прирезками малоземельных дворов встретило бы взрыв негодования безземельных. Трудовики в Думе выдвинули требования наделения землей безземельных и малоземельных семей⁶⁷. Фактически число дворов, предъявивших требования земли было бы гораздо больше и этих подсчетов: после принятия 27 января 1918 г. Закона о социализации земли спрос на землю предъявили в деревне Европейской России 25 млн дворов, в том числе срочно вернувшиеся в общины вышедшие из нее хозяйства, так как общины делили землю помещиков. Нечто подобное при раздаче земель произошло бы и в 1906 г.: семьи стали бы делиться. Профессор Мигулин подсчитал, что выкуп обойдется в 1 млрд. руб. Земля оценивалась в 40 руб. за 1 дес., а рыночные цены были по районам в 2–3 раза выше (средняя цена 93 руб.)⁶⁸. Позднее Витте признавал, что выкуп земли был неопределенным и денег в казне на него не было.

Но политическое и особенно демагогическое значение проекта Кутлера было в то время совсем иным. Немедленное обещание прирезки земли, чего добивались восставшие крестьяне, конечно, привело бы к уменьшению крестьянского движения. На время крестьянство бы успокоилось. Конечно, при росте населения в деревне по 2 млн человек в год прибавка, по словам Столыпина, скоро обратилась бы в пыль⁶⁹.

Но в разгар недовольства, в самые критические моменты, даже слабые демагогические обещания, сбивают накал страстей. Витте это учитывал. В докладе царю он в середине января 1906 г. (в период между обсуждениями в Совете министров и в межведомственной комиссии) пытался убедить царя в целесообразности такого маневра и писал: “Представляется, по-видимому, предпочтительным для помещиков поступиться частью земель, как это было сделано в 1861 г., и обеспечить за собой владение остальной частью, нежели лишиться всего, может быть, на условиях гораздо более невыгодных”. В подлиннике доклада на полях против этого места рукой Николая II написано: “Частная собственность должна остаться неприкосновенной”⁷⁰. Мнение Витте разделял и Д. Трепов, и Главноуправляющий ГУЗиЗ князь Васильчиков. Но проект был отвергнут. Позднее Витте признавал, что денег на выкуп земель у помещиков, в казне не было и не было ясно как их достать. После того как проект Кутлера был отвергнут, а сам он подал в отставку, Витте не торопился проводить реформирование деревни. Обсуждение проекта прошло как эпизод подготовки совершенно иной реформы, которая была продиктована требованиями крестьянского восстания.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 687. 1901–1908 гг. Л. 265–266.

⁶⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 1. Сессия 1. Т. 1. С. 560–562.

⁶⁸ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 254.

⁶⁹ Там же. С. 90.

⁷⁰ Из всеподданейшего доклада председателя Совета министров С.Ю. Витте по аграрному вопросу. 10 января 1906 г. // Аграрная реформа Столыпина / Сост. С.М. Сидельников. М., 1973. С. 56–57, 306.

Впоследствии в Крыму Председатель правительства белых А.В. Кривошеин пытался повторить такую же реформу – передать часть земель помещиков сверх установленных норм “трудящимся” на земле хозяевам. Тогда в 1920 г. Кривошеин отмечал, что нужно учитывать психологическое воздействие этой реформы на крестьян. В 1906 г. об этом не думали. Весь 1905-й и начало 1906 г., т.е. период самых массовых крестьянских выступлений, не приступали к решительным шагам по осуществлению уже намеченных мер. Причина этого была в том, что Витте хотел провести эти меры через Государственную Думу, чтобы все предложения внес он, как Председатель Совета министров. В воспоминаниях он писал, что для первой Думы было подготовлено много законопроектов и важнейшие из них – по крестьянскому делу, все было отпечатано в сотнях экземпляров, шутили, что подготовили “целый поезд представлений”⁷¹. Витте ждал своего триумфа, но накануне открытия Думы Николай II весьма решительно отправил его в отставку. Обозленный Витте, как мог очернил Николая II в своих воспоминаниях.

Стереотип второй заключается в том, что якобы целью Столыпина и правительства было разрушение всех общин.

Этот стереотип также основывался на ленинских положениях о “разгроме” и “разрушении” общины, приведенных выше. Они были приняты за аксиому в советской историографии и в некоторых работах периода перестройки.

В работе А.М. Анфимова “Неоконченные споры”, которая содержит часть его незавершенной монографии о столыпинской реформе, вопрос об успехе или неуспехе реформы поставлен так: “*Вел ли путь укрепления земли в собственности к поставленной цели – полному разрушению общины?*” (Выделено мной. – В.Т.) Ответ он предложил найти на основе “данных о выходах по годам”. Отметив, что после 1909 г. началось падение числа выходов из общины, он сделал следующее заключение: “Это падение можно назвать катастрофическим для столыпинских реформаторов”⁷².

Такие же выводы содержат многие работы, в том числе о крахе реформы по причине неполного разрушения общины писал и я, хотя это признание и сопровождалось указанием на слишком короткий срок ее проведения⁷³. Это заключение о крахе реформы только по данным о выходе из общин 26% дворов основывалось на том же предположении, которое отмечал еще В.И. Ленин: правительству не удалось разрушить все общины или даже большинство общин.

Историк П.Н. Зырянов в работе “Петр Столыпин” уже в период перестройки, когда наметился отход от политизирования исторической науки, считает причиной “общей неудачи столыпинской аграрной реформы” тот факт, что властям не удалось “разрушить общину”. Несомненно, заключение об общей неудаче правильнее, чем о “крахе” реформы, но постановка

⁷¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 337.

⁷² Анфимов А.М. Указ. соч. // Вопросы истории. 1992. № 6. С. 54–55.

⁷³ Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 116–118.

вопроса о “разрушении общины” сделана под влиянием ленинского положения, что Столыпин ставил целью разрушить все общины⁷⁴.

Но данная постановка вопроса неверна в самой своей основе: авторы аграрной реформы не ставили никогда цели добиться выхода всех крестьян из общин. Общая цель реформы, по мысли Гурко, Кривошеина, Столыпина и других, заключалась в создании слоя зажиточных хозяйств, которые были бы образцом и постепенно способствовали выходу других крестьян. Знакомство с речами Столыпина в Думе показывает, что его правительство даже считало возможным сохранить часть общин в неприкосновенности. В речи о земельном законопроекте и землеустройстве крестьян в III Думе 5 декабря 1908 г. он говорил о том, что надо “избавить его [крестьянина] от кабалы отживающего общинного строя” в тех “местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие”. Он подчеркнул именно проведение реформы только в отдельных “местностях России”. Далее он сделал еще уточнение: “*Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли* (выделено мной. – В. Т.)”⁷⁵. Следовательно, при издании указа 9 ноября для всей России, правительство считало, что в некоторых местах община может остаться *лучшим способом использования земли*. В речи 15 марта 1910 г. в Государственном Совете Столыпин отметил, “что выход из общины и укрепление участков в личную собственность “около 11% всех общинников домохозяев”, свидетельствует об “успешной работе” и что “еще через 6–7 таких же периодов, таких же трехлетий общины в России – там, где она отжила свой век (выделено мной. – В.Т.), уже не будет”⁷⁶. То есть речь опять идет не о всей России, а о тех местах, где община “отжила свой век”.

Слой зажиточных крестьян, конечно, не мог включать всех домохозяев, значит, реформа и не ставила своей целью добиться выхода всех крестьян из общины. Правда, в другой речи премьер, сказав, что правительство “делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных”, выразил надежду, что “таких сильных людей в России большинство”. Таким образом, правительство ориентировалось не только на зажиточных, но и на крепких середняков – только вместе они составляли большинство⁷⁷.

Нужно отметить большую разницу в оценке хода реформы со стороны Столыпина и его правительства и со стороны Ленина и социалистических партий. Выше было упомянуто высказанное Столыпиным в марте 1910 г. удовлетворение тем, что 11% крестьян-общинников уже вышло из общины и укрепило земли всего за 3 года. Далее он отметил, что подача 1,7 млн заявлений отдельных домохозяев о выходе из общины (17%) и укрепление участков 1368 домохозяевам (в том числе 103 тыс. в составе целых общин), которые получили 10,7 млн дес. земли, в том числе 1,4 млн – к одним мес-

⁷⁴ Зырянов П.Н. Указ соч. С. 63.

⁷⁵ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 176.

⁷⁶ Там же. С. 248.

⁷⁷ Там же. С. 178–179.

там, являются огромным успехом реформирования деревни. Столыпин называет это горячим откликом населения на закон 9 ноября: “Эта пробудившаяся энергия, сила, порыв, это то бодрое чувство, с которым почти одна шестая часть... перешла уже к личному землевладению... Вот то живое доказательство... что значит живая неугасшая сила, свободная воля русского крестьянства!”

Совсем противоположную оценку итогов реформы даже на 1912–1913 гг., когда о выходе из общины уже было подано около 3 млн заявлений (это треть общинников), дал столыпинской реформе В.И. Ленин – он писал о ее “крахе”.

Такие различные оценки объяснялись тем, что Ленин считал целью реформы “разгром” всех общин. Витте и его правительство ставили целью дать возможность самым бедным выйти из общины и переселиться на новые земли, а зажиточным поднять выше свое хозяйство, т.е. не было задачи обеспечить выход всех дворов из общины. Более того, предполагалось проводить реформу только в тех местах, где община, по словам Столыпина, “отжила свой век”, и ни в коем случае не ломать ее в тех местах, где существуют другие условия, которые делают общину “лучшим способом использования земли”. Только самым глупым людям в правительстве могла в 1906 г. прийти в голову мысль, что можно “сломать” все общины полностью и во всех местностях. Хотя такие предложения делались во многих комиссиях в 1902–1906 гг., но получали отпор большинства. От постановки вопроса о целях реформы зависит и оценка ее итогов. Конечно, Столыпин не считал завершением реформы выход из общины тех 17% дворов, которые подали заявления в 1907–1909 гг. Его указание на то, что к “сильным и крепким” крестьянам относилось большинство, доказывает постановку цели о выходе из общин, укреплении земли и *землеустройстве* (во время землеустройства также проводился выход из общин, в том числе – на отруба и хутора, о чем будет подробно сказано ниже) по крайней мере более 50% дворов.

Стереотип третий: реформу проводили насильственно, принуждали крестьян подавать заявления о выходе из общины и о землеустройстве, осуществляли всегда полицейский нажим на общины. Это положение также было воспринято в советской историографии под влиянием ленинских работ, его формулировок о “разгроме” общин, о том, что “Столыпин и помещики вступили смело на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы”⁷⁸.

Неверность этого тезиса не столь очевидна, как предыдущих. Во-первых, о насилиях писали не только большевики, эсеры, но и кадеты, а иногда и правые. Во-вторых, случаи насилия действительно были. Вопрос лишь в том, что недостаточно отмечено соотношение добровольных и насильственных выходов, и не доказано законодательное закрепле-

⁷⁸ Ленин В.И. ПСС. Т 17. С. 124.

ние насилия. Анализ некоторых высказываний о насильственной стороне реформы показывает, что часто их неверно истолковывают.

Даже Витте обвинял Столыпина в применении насилия, в проведении в законе 14 июня 1910 г. принципа принуждения выхода из беспередельных общин. В действительности, как отметим ниже, механического выхода из беспередельных общин не было введено, для этого надо было подать заявление: было подано 618 тыс. заявлений (всего 17,7%), без заявления ничей выход из общины не был произведен⁷⁹. Предвзятость суждений Витте о Столыпине, как и о многих других лицах, отмечалась много раз⁸⁰. И в воспоминаниях, и в своей речи на заседании Государственного Совета 15 марта 1910 г. при обсуждении проекта закона об изменении и дополнении постановлений, касающихся крестьянского землевладения, он не называет конкретно, какие насильственные методы в законодательстве он имеет в виду, только упоминает это⁸¹.

Примеров нарушения правил крестьянских общин, нажима на крестьян и случаев насилия немало приведено в газетах левого и правого направления, в исследованиях советских авторов. Прежде чем рассматривать степень доказательности этих примеров, приведу циркулярное письмо П.А. Столыпина, которое прямо запрещало принудительные меры.

Циркулярно. 21 января 1909 г. № 4

Губернаторам

“Один из Губернаторов нашел возможным для проведения в жизнь Высочайшего Указа 9 ноября прибегнуть к такой мере, как предписание Земским Начальникам понуждать к укреплению и выделу к одним местам должностных лиц крестьянских управлений их собственной земли, а в случае отказа последних без достаточных оснований от укреплений немедленно возбуждать вопрос о несоответствии их занимаемой должности.

Между тем *вся сущность закона 9 ноября основывается исключительно только на добровольном сознании населением выгод для него от перехода к личной земельной собственности* (выделено мной. – В.Т.) и не дает никаких прав администрации оказывать в этом отношении какое-либо давление на население.

Приведенная мера, представляющаяся, таким образом, совершенно незаконною, вместе с тем не только не достигает цели, но даже должна быть признана вредною, как подрывающая сочувствие и доверие крестьян к землеустроительным начинаниям Правительства.

...Ввиду сего прошу Ваше Превосходительство при выборе способов проведения в жизнь Указа 9 ноября неотступно держаться того положения, что органы Правительства могут лишь разъяснять населению смысл перехода к лучшим формам землевладения, ознакомлять крестьян с по-

⁷⁹ См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 325–326. См. комментарии И.В. Бестужева, В.А. Емец на с. 638–639.

⁸⁰ См.: *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте. М., 1998. С. 310.

⁸¹ Там же. Приложения. С. 439–443.

рядком этого перехода и его практическим и юридическим последствиям, требовать от должностных лиц исправного исполнения их обязанностей по этого рода делам, но отнюдь не могут понуждать этих лиц и вообще кого бы то ни было к переходу к личной собственности, составляющему по Указу 9 ноября 1906 года право крестьян, воспользоваться или не воспользоваться коим всецело зависит от личного усмотрения каждого отдельного крестьянина”.

Министр Внутренних Дел
Статс-Секретарь Столыпин⁸².

В работах о столыпинской реформе это указание Столыпина, категорически запрещающее применение насилия, не приводилось, а встречающиеся ссылки на некоторые другие менее четкие указания, объяснялись определенной хитростью царизма: на словах одно, а на деле – другое. Но в циркуляре объясняется, что только добровольность выходов из общин позволит крестьянам понять выгоды этого изменения. Особенно важно, что Столыпин (далее приведем и указания о том же Кривошеина, то же самое писали Кофод, Риттих и другие) признавал меры насилия вредными.

Могут возразить, что были циркуляры МВД, требующие усиления работ по организации землеустройства и выходов из общин. Но это не означало применения нажима. Так, В.С. Дякин сначала привел выдержку из представления МВД в Совет министров от 23 сентября 1908 г. о том, что достигнуть широкого разверстания крестьянских наделов принудительным путем “едва ли возможно”, затем сделал вывод о колебании правительства между запрещением насилия и отказа от “принудительных мер” и стремлением принудительно форсировать выдел. В доказательство преобладания насильственных мер он приводит циркуляр МВД, который предусматривал принудительный выдел. Но в этом циркуляре, если его рассмотреть в полном виде, речь идет об обязательном выделе к одному месту отдельных домохозяев либо во время общих переделов, а если между ними, то по усмотрению землеустроительных комиссий с утверждением Уездными съездами только в том случае, если выдел “не связан с особыми неудобствами для остальных однообщественников”. При этом в циркуляре содержится разъяснение, что выделы только во время общих переделов лишили бы права выхода крестьян в тех общинах, которые не делали никогда переделов (еще не был принят закон о беспередельных общинах). В.С. Дякин прав только в том, что эти выделы заставят другие общины сделаться “более уступчивыми”. Действительно, это высказано в циркуляре, но в нем нет призыва к насильственным выделам. Необходимость утверждения этих единоличных выделов в землеустроительных комиссиях, куда входили представители крестьян и земств, которые были настроены против раздела общин, делало эти акции подконтрольными. Но Дякин приводит этот циркуляр как доказательство того, что стремление принудительно форсировать выделы свидетельствовало о победе тенденции административного нажима. При этом

⁸² РГИА. Ф. 1291. Оп. 119. Д. 67. 1906–1909 гг. Л. 30.

Дякин не использует цитируемого выше циркуляра Столыпина, хотя он помещен в том же архивном деле только через четыре листа⁸³.

По поводу проведения землеустройства на основе указа 4 марта 1906 г. был издан циркуляр Главноуправляющего ГУЗиЗ князя Васильчикова от 30 июня 1907 г., где даны были “дополнительные разъяснения”, что во всех случаях необходимо добиться “добровольного соглашения”. При этом если не было выдела из общины на основе указа 9 ноября 1906 г., то заявления о землеустройстве принимались только в том случае, “когда между желающим выделиться домохозяином и обществом состоялось добровольное соглашение о выделе, выраженное в общественном договоре”. В землеустроительные комиссии дело направлялось только при соглашении сторон, если его не было, комиссии дело не принимали. Спорные моменты рассматривались только в том случае, когда уже был произведен с согласия общества выдел из общины на основе указа 9 ноября заявляющего о желании землеустроиться. Тогда землеустроительная комиссия должна была составить “наиболее справедливый и целесообразный проект выдела” или отказать в заявлении. Если решение было положительным для заявителя, то проект направлялся на рассмотрение уездного съезда через земского начальника и с его заключением⁸⁴.

В 1911 г. проходил очередной съезд по землеустроительным делам, который одобрил новый наказ землеустроительным комиссиям, учитывающий закон о землеустройстве 29 мая 1911 г. В этом наказе, как и в предыдущем, в основу работ комиссий рекомендовалось положить принцип добровольного согласия крестьян на размещение. Выступая на этом съезде, Главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин говорил: “Было бы совершенно ненормальным проводить те меры, которым не сочувствуют владельцы земли. Какие бы полномочия ему (землеустроителю. – В.Т.) ни давал закон, именно только то землеустройство имеет цену, польза которого признается и одобряется всем заинтересованным населением⁸⁵”.

Насилия в делах выхода из общин, землеустройства, нарушения законности было немало. Часть объяснялась карьеристскими устремлениями чиновников, часть личными качествами (опьянение властью, вредным характером). Многое случалось по русской пословице: “Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет”. Без таких дураков не обходится ни одно большое дело. К сожалению, при описании примеров действия чиновников часто используются косвенные свидетельства, не проверенные данные, которые затемняют вопрос о распространении их.

Случаи насилия над крестьянами в отдельных общинах или отдельными лицами приведены многими исследователями, но иногда совсем нет сноска на источники, только указывается, что применялся “испытанный способ”: в ход шли угрозы, расправы с зачинщиками⁸⁶. Иногда обобщение делает-

⁸³ Кризис самодержавия в России. Раздел 3 (Автор раздела В.С. Дякин). С. 352–353; РГИА. Ф. 1291. Оп. 119. Д. 67. Л. 26–26об., 27–27об.

⁸⁴ Сборник законов и распоряжений по землеустройству. СПб., 1908. С. 531–532.

⁸⁵ Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 93.

⁸⁶ См.: Вопросы истории. 1997. № 6. С. 56.

ся на основе одного или нескольких фактов. П.Н. Зырянов отметил, что чиновники прибегали к “самым бесцеремонным мерам давления”, и привел всего один “характерный” случай: в Грязовецкий уезд Вологодской губернии приехал непрременный член землеустроительной комиссии и потребовал от крестьян переходить на хутора. Когда крестьяне отказались, он приказал, чтобы они стояли и не садились на землю, а сам пил чай, спал, а когда вышел к ним поздно вечером, они закричали, что “все согласны”. Этот случай рассказан в воспоминаниях земского начальника В. Поливанова, который “дошел до губернатора”, но восстановил справедливость. Выходит, что и случай не состоялся, и земские начальники не все притесняли крестьян, а даже защищали. Тем не менее П.Н. Зырянов заключает: “Перед нами типичный случай с нетипичной концовкой”⁸⁷. Но совсем не доказано, что это “типичный” случай, так как для доказательств нужны даже не отдельные примеры-“иллюстрации”, а отсылка к массовым источникам, что опытный исследователь П.Н. Зырянов хорошо знает, но, очевидно, массовых доказательств нет.

Больше других приводит примеров С.М. Дубровский. Главным образом, это награждение чиновников за службу с пометками: “Прекрасно идут выделы” или “За усердную деятельность по проведению в жизнь указа 9 ноября”. Это, конечно, не только стимулировало деятельность чиновников, но и могло толкать их на применение нажима и на злоупотребления. Однако могла быть награда и за хорошую службу без злоупотреблений. Далее С.М. Дубровский приводит много случаев командирования чиновников на места и тоже подозревает, что они ездили для оказания давления на общины⁸⁸. Часть этих примеров правильно отражали случаи насилия, нарушения законов, но приводились и сомнительные свидетельства. Например, о командировках названных в книге Дубровского чиновников, много написано К. Кофодом, который и сам был постоянно в командировках, но он не отмечал случаев насилия, нажима, а писал о том, как они проводили разъяснения, иногда и агитации, иногда пресекали нарушения⁸⁹. Из сказанного не следует, что случаев насилия над крестьянами не было или что их было мало, но это свидетельствует о том, что над исследователями довлели “стереотип” отрицательного отношения к “загнившему самодержавию” и утвердившиеся мнения о том, что вся реформа и везде проводилась насильно.

Но тот факт, что более 3 млн домохозяев подали заявления о выходе из общин, а более 6 млн – о проведении землеустройства – это весомое доказательство добровольности основной крестьянской массы в стремлении выйти из общины, укрепить свой надел в собственности или провести землеустройство (последнее проводилось и с выделом из общин, и внутри общин). Такое количество заявлений невозможно было “выбить” под нажимом. Да и зачем было “выбивать” их, если далеко не всех успели выделить из общин и еще больше не успели землеустроить из тех, кто уже подал

⁸⁷ Зырянов П.Н. Петр Столыпин. С. 59–60.

⁸⁸ Дубровский С.М. Указ соч. С. 168, 170–178.

⁸⁹ Кофод К.А. 50 лет в России. М., 1997. С. 196–226.

заявления. По поводу массовой подачи заявлений о выходе из общин Столыпин говорил в Думе: “И безрассудно было бы думать, что такие результаты достигнуты по настоянию правительственных чинов”⁹⁰. Он также отмечал: “Заметьте, господа, что правительство шло в этом направлении (о создании крестьянской семейной собственности. – В.Т.) с величайшей осторожностью”⁹¹. Это им было сказано на том же заседании Государственного Совета, на котором Витте обвинял его в насильственном характере законопроекта.

Почему “стольпинская”?

Название “стольпинская” возникло в то время, когда реформа стала проводиться в жизнь. Однако впоследствии, и особенно в период перестройки, было высказано немало возражений против такого названия. Значительная часть предложений была высказана в Особом совещании Витте, в комиссиях Гурко, Кутлера, Кривошеина, а теперь стало известно, что и текст указа 9 ноября 1906 г. был написан Гурко и он докладывал его на Совете министров. Так почему же все же “стольпинская”, есть ли для этого основания?

При обдумывании этого вопроса мне вспомнился ответ одного японского генерала на вопрос английского корреспондента: почему главнокомандующим японскими войсками был назначен именно Ояма? Ответ был таким: “Да, в нашей армии много высших офицеров более образованных и знающих военное дело, чем Ояма. Но у каждого из них, если бы их назначили главнокомандующим, был бы один большой недостаток – они бы не были Оямой!” Только несокрушимая воля, властность и решительность нового премьера **Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911)** позволили ему смело и напористо поставить вопрос о необходимости такой реформы, добиться согласия царя, начать проводить ее по ст. 87 Основных законов, разогнать две первые Думы и изменить виттевский избирательный закон. Без этого реформа не могла бы даже начаться, а затем проводиться в жизнь. Столыпин стал министром внутренних дел 26 апреля 1906 г., когда еще не приступили к главной части намечаемой реформы – к закону о разрешении выходов из общины. Меры по увеличению деятельности Крестьянского банка и переселения на окраины были явно недостаточны, чтобы обеспечить эффективность этих мероприятий. Дела по землеустройству были еще в проекте Кривошеина, который только 4 марта 1906 г. был утвержден царем в виде указа, и его осуществление еще не началось.

Далеко не все историки признают подготовленность Столыпина к осуществлению аграрной реформы, знание им крестьянского вопроса. Так казалось его заместителю (товарищу) генералу В.И. Гурко, который в своих воспоминаниях в 1939 г. написал, что Столыпин в начале проявлял

⁹⁰ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 252.

⁹¹ Там же. С. 252, 253.

неопытность, не знал точно, что делать, и якобы колебался в первые месяцы. Это мнение поддержал и К.А. Кривошеин в книге о своем отце, но ссылаясь в основном на Гурко⁹². Конечно, многоопытному в деле составления записок, предложений, проектов Гурко могло так казаться.

В действительности Столыпин и как крупный помещик, и как администратор уже много лет сталкивался с крестьянским делом, знакомился с положением крестьян в западном крае, когда работал в Ковно и в Гродно, и в Германии, куда он часто ездил из своего имения в Колноберне, а затем и в Центральной России, когда стал губернатором в Саратове. Еще К. Кофод – один из инициаторов проведения разверстаний на хутора – во время своих поездок слышал о том, что ранее его о хуторах специально писал “какой-то Столыпин”⁹³. Им оказался двоюродный дед будущего премьера Дмитрий Аркадьевич Столыпин (1818–1893 гг.). Он был поручиком в отставке, автором музыки к романсам на стихи своего родственника великого русского поэта М.Ю. Лермонтова. Д.А. Столыпин интересовался также вопросами сельского хозяйства, был членом Императорского Московского общества сельского хозяйства. В январе 1874 г. он возглавил избранную этим обществом Комиссию для исследования вопроса об устройстве крестьянских хуторов на владельческих землях, труды которой были изданы (М., 1880. Т. 1; 1884. Т. 2). Д.А. Столыпин написал несколько работ⁹⁴. Кофод нашел его брошюру в Публичной библиотеке и отметил, что это одна из первых работ, в которой освещен опыт самовольного и добровольного разверстания на хутора крестьян Ковенской губернии, где он имел поместье⁹⁵. Опытный хутор в селе Столыпино имел и отец будущего премьера А.Д. Столыпин.

П.А. Столыпин свою службу начал в 1885 г. именно в департаменте земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия. В числе прочих дел он должен был подобрать литературу по сельскому хозяйству для издания указателя. Среди книг, которые он выделил, на первом месте указан труд профессора И.А. Стебута о современном крестьянском хозяйстве, о повышении полевой культуры, о значении фермерских хозяйств, а также другие работы крупных специалистов по сельскому хозяйству⁹⁶.

В период своей работы в Ковно и в Гродно Столыпин, по воспоминаниям его дочери, ездил по губерниям, осматривал поля, беседовал с крестьянами, занимался хозяйством в своем имении под Ковно. Особенно он присматривался к немецким хуторам в Пруссии, и дочь написала: “И многое из увиденного и передуманного послужило ему основой при проведении им Земельной реформы много лет спустя”⁹⁷.

⁹² Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 83–84; см. там же Предисловие В.Г. Тюкавкина. С. 24–25.

⁹³ Кофод К. Указ. соч. С. 143.

⁹⁴ Столыпин Д.А. Об устройстве арендных хуторов на владельческих землях и крестьянских хозяйствах вообще. М., 1892; *Он же*. Наш крестьянский вопрос. М., 1893; и др.

⁹⁵ Кофод К. Указ. соч. С. 147.

⁹⁶ Столыпин П.А. Указатель книг, журнальных и газетных статей по сельскому хозяйству за 1886 год. М., 1887.

⁹⁷ Бок М.П. П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 43, 53–54.

Ко времени губернаторства в Гродно относится участие Столыпина в работе губернского комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В июле 1902 г. он выступил как председатель на открытии заседаний комитета с программной речью, где высказался о преимуществе хуторского способа ведения крестьянского хозяйства. «Главными факторами» улучшения экономики деревни Столыпин назвал расселение крестьян на хутора и устранение чересполосицы, а также устройство государственного кредита на улучшение хозяйств⁹⁸. В гродненской губернии уже в конце XIX в. по желанию крестьян полностью расселились на хутора 24 деревни, в 1900 г. – семь и в 1901 г. – пять селений. Любопытно, что по поводу разверстаний в начале 90-х годов было указание сверху. Гродненский губернатор в докладе царю написал, что раздробленность крестьянских земель на сотни полосок оказывала «пагубное влияние» на хозяйство. Александр III против этого места написал: «Конечно». На требование Комитета министров дать ответ на это указание императора Министерство земледелия ответило, что в губерниях с подворным земледелием необходимо проводить разверстание деревень.

Губернатор предложил мировым посредникам расселять деревни на хутора, но это встретило сопротивление большинства крестьян. Все же мировому посреднику В.И. Штейну удалось в одной из деревень убедить крестьян расселиться на хутора. Опыт оказался удачным, их примеру последовали еще 32 деревни. Столыпин во время объезда губернии обратил внимание на эти хутора, и по его предложению В.И. Штейн составил записку об опыте перехода на хутора трех селений Слонимского уезда Гродненской губернии, которая обсуждалась в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Гродно и в Центре⁹⁹. Столыпин на одном из заседаний комитета предлагал устанавливать льготы для крестьян, переселяющихся на хутора, нанимать землемеров, выдавать ссуды, а также установить минимальные размеры площади, которая далее дробиться не может. На заседаниях гродненского комитета Столыпин предлагал целый ряд мер: поощрение сельских коопераций, развитие всех видов кредита, разведение высокоэффективных пород скота, ликвидацию сервитутов и др. Уже тогда он настаивал на том, что некоторые меры нужно проводить под контролем центрального правительства, а если понадобится и силой¹⁰⁰.

Более полно программа преобразований в аграрном вопросе сложилась у П.А. Столыпина после знакомства с деревнями Саратовской губернии в 1903–1906 гг., где он много разъезжал, беседовал с крестьянами, подавлял восстания. Он выслушал много предложений с мест, председательствуя в губернском совещании по пересмотру законодательства о крестья-

⁹⁸ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб. 1903. Т. XI. Гродненская губерния. С. 1.

⁹⁹ *Кифод К.А.* Указ. соч. с. 165–168; *Штейн В.И.* Записка в особое совещание; Гродненские губернские ведомости, 1902. 18 октября.

¹⁰⁰ Труды местных комитетов... Т. XI. С. 3–8; Гродненские губернские ведомости. 1902. 30 июля, 30 августа, 18 и 22 октября.

Петр Аркадьевич Столыпин

Граф Сергей Юльевич Витте

Александр Васильевич Кривошеин

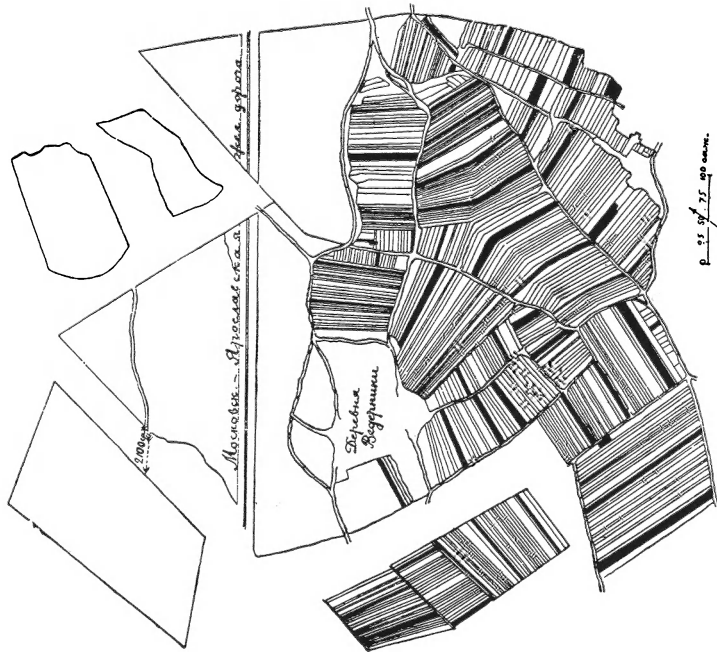

Планъ № 2.

Чересполосное распределение надельной земли деревни Ведерники, Ярославской губернии и уезда.

Владѣніе общинное.

Общая площадь 100 дес.
 Домохозяевъ, пользующихся полевой
 землею 15 "

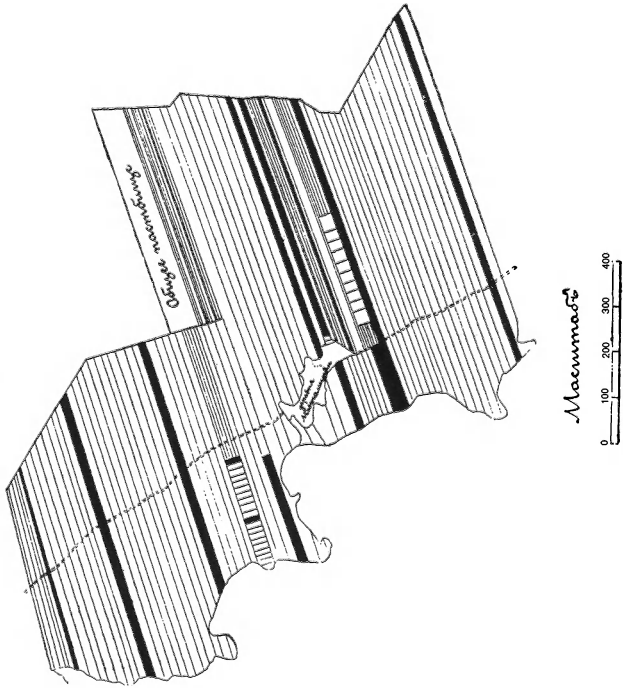
Во времени снятия плана (въ 1883 г.) зачерненные полосы находились во владѣніи одного изъ дворовъ, а неразделенныя на полосы мѣста къ сѣверо-западу отъ селенія состояли въ общемъ пользованіи всей деревни.

Планъ № 1.

Чересполосное распределение надельной земли деревни Месталишки, Ковенской губ., Поневяжскаго уезда.

Владѣніе подворное.

Общая площадь 356 1/2 дес.
 Коренныхъ дворовъ 10

Зачерненные полосы принадлежать одному изъ коренныхъ дворовъ.

Чересполосное распределение надельной земли при общинном (слева) и подворном (справа) землепользовании. Планы воспроизведены изъ книги А. Кофода "Русское землеустройство" (СПб., 1914)

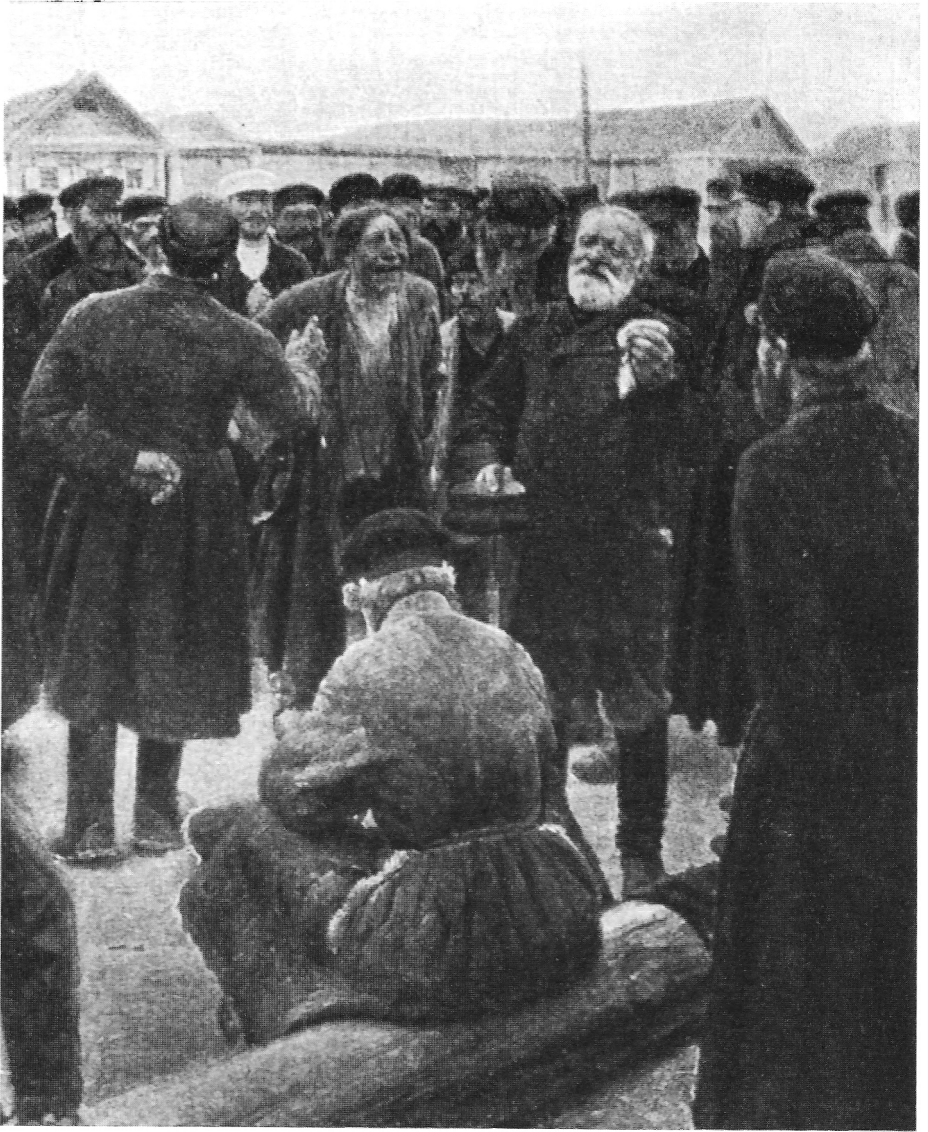
*Крестьяне в повседневной одежде.
Воронежская губ., 1908 г.*

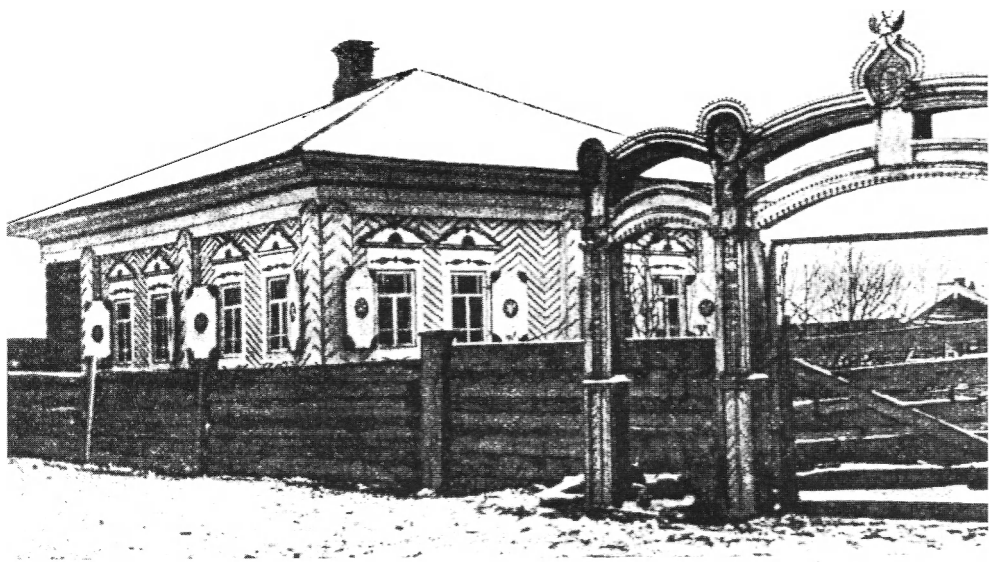
*Крестьянин в повседневной одежде.
Ярославская губ., 1915 г.*

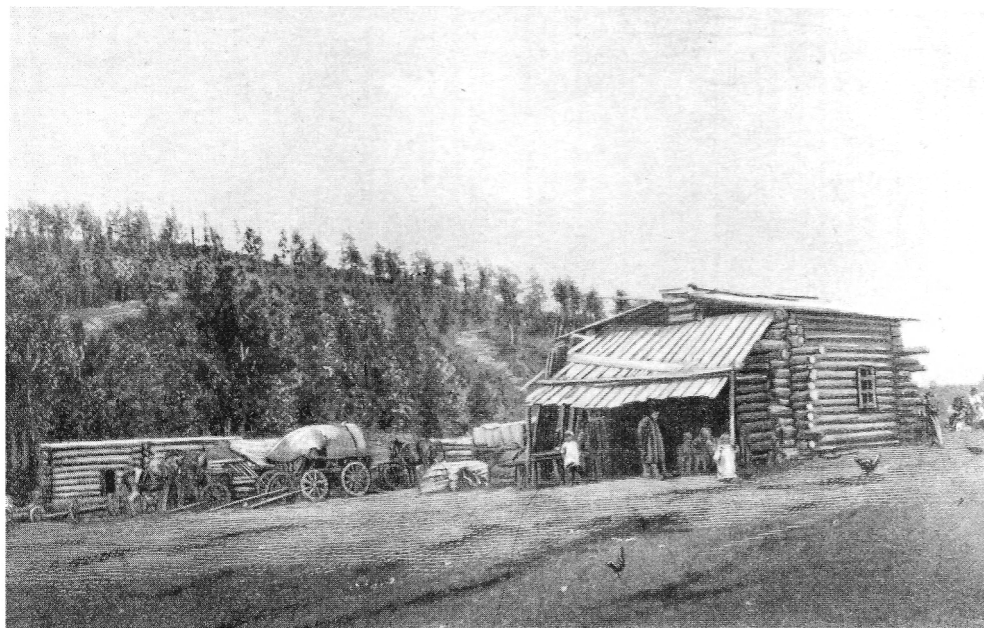
Группа крестьян. Тульская губ., 1902 г.

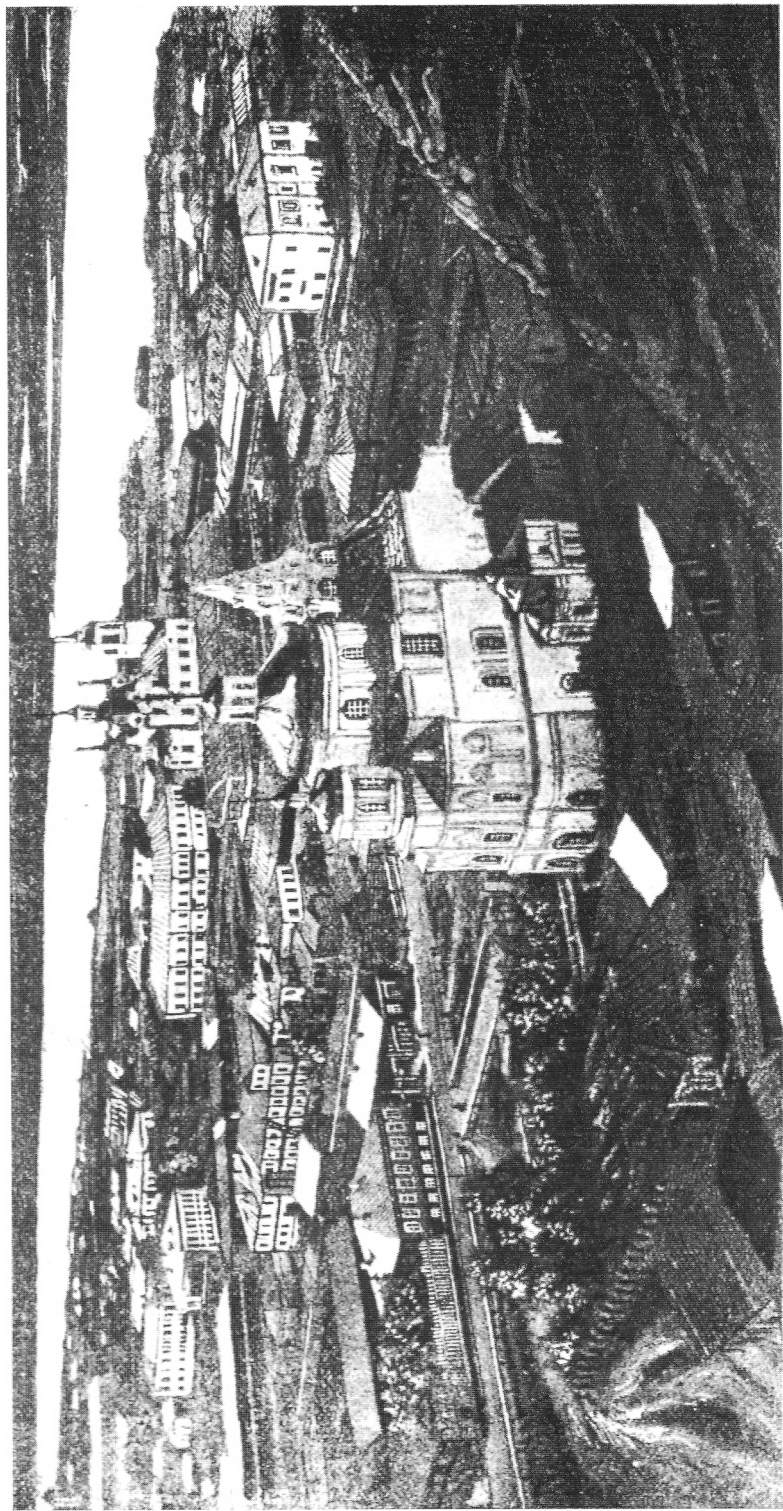
На миру. Художник С.А. Коровин

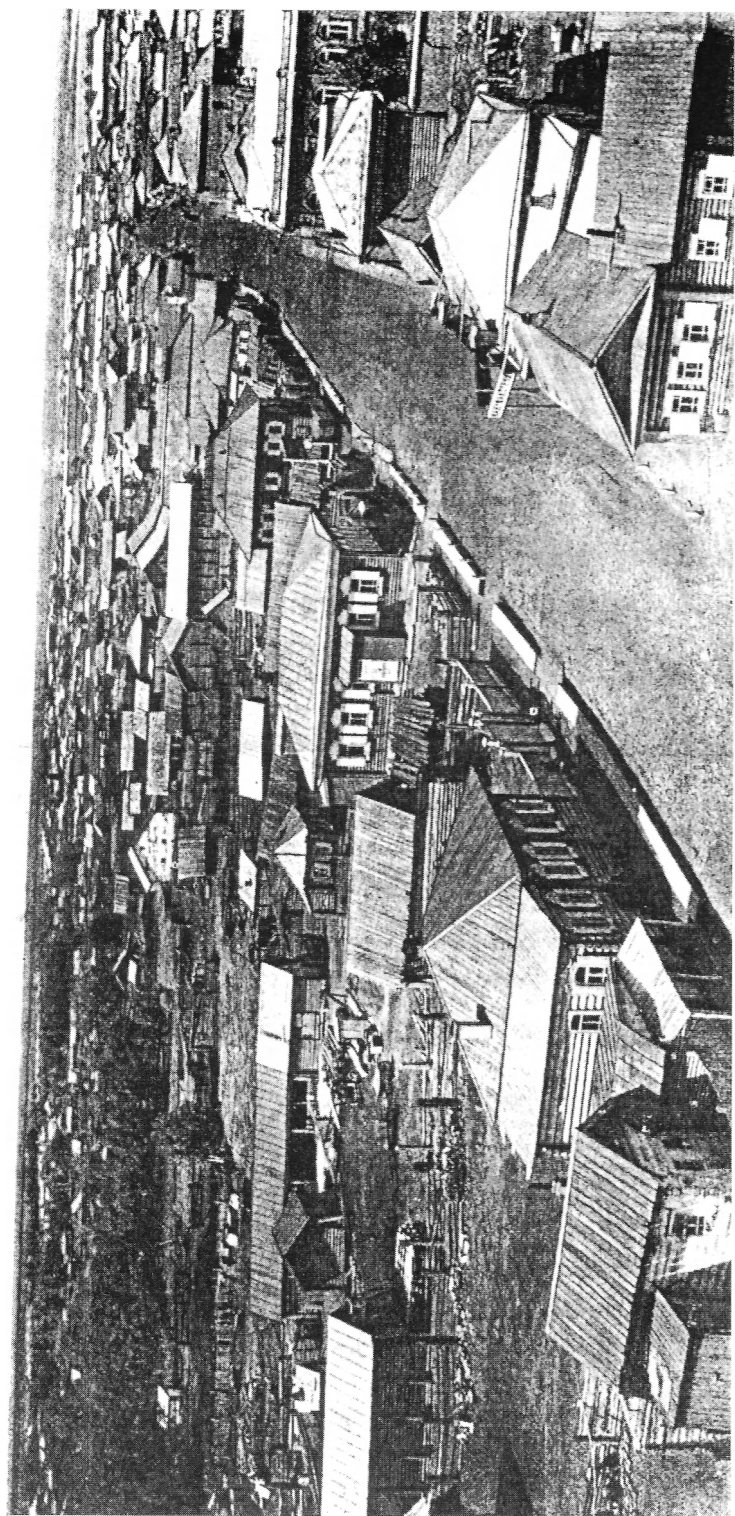
Дом зажиточного крестьянина-сибиряка

Вновь прибывшие переселенцы на Алтае

Село Алтайское Бийского округа Томской губернии. Начало XX в.

Старожильческое село Камень Бартаульского уезда Томской губернии. Начало XX в.

нах”¹⁰¹. После известных массовых крестьянских выступлений в губернии Столыпин окончательно убедился в том, что необходимые преобразования связаны не только с экономическими, но и с политическими вопросами. Поданный им в 1905 г. “Всепопданнейший отчет” за 1904 г. содержал предложения по реорганизации общинного строя. Эта мысль была выражена таким образом: “Жажда земли, аграрные беспорядки сами по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Естественным противовесом общинному началу является единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве”¹⁰². В отчете четко проведены две линии. Первая состоит в признании земельных преобразований в деревне не только экономической необходимостью, но и срочной проблемой укрепления российской государственности – “устойчивого порядка в государстве”. Путь к этому лежал, по его мнению, через создание слоя зажиточных крестьян-собственников, которые станут социально-политической опорой государства. Вторая линия выражена также достаточно четко: причины всего зла губернатор видел во “всепоглощающем влиянии на весь уклад сельской крестьянской жизни общинного владения землей, общинного строя”, который “вкоренился в понятие народа”, и “он просто другого порядка не понимает”. Но в этом докладе предложение об общине высказано весьма мягко. Столыпин предлагал дать трудолюбивому землеробу участок земли, “вырезанный из государственных земель или из земельного фонда Крестьянского банка”, и он бы стал примером для общинников. Такой тип уже родился в западных губерниях”, – добавил он. Такая осторожность не была проявлением провинциализма, как считал К.А. Кривошеин, а свидетельствует о дипломатическом ходе Столыпина, который знал о приверженности Николая II к общине и подходил к ней с другой стороны¹⁰³. Но К.А. Кривошеин, как и его отец, отметили коренное отличие предложений Витте и Столыпина о выходах из общины: “Для Витте эта проблема оставалась экономической и юридической, для Столыпина – политической и экономической”¹⁰⁴. Главное в предложении Столыпина заключалось в признании необходимости реформирования деревни проблемой укрепления российской государственности. Так что Столыпин не только воспринял многие предложения Витте, Гурко, Кривошеина, Кутлера, Риттиха, Кофода и других, но и выдвинул на первый план социально-политическую сторону реформ (не только одной земельной). В.И. Ленин понял это как подведение более прочного фундамента под самодержавие, а Столыпин понимал шире – более прочного фундамента под российскую тысячелетнюю государственность.

¹⁰¹ Об этом см. подробнее: *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин... С. 20–28.

¹⁰² Всепопданнейший отчет саратовского губернатора за 1904 год // *Сидельников С.М.* Аграрная реформа Столыпина... С. 44.

¹⁰³ Там же. С. 45; *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С. 69.

¹⁰⁴ Там же.

Позднее, после 1917 г., философ Г. Федотов признал, что величайшей ошибкой всех революционных и оппозиционных партий было отождествление самодержавия с российской государственностью. Столыпин считал, что реформы подведут более прочный фундамент “устойчивого порядка в государстве”, всей многомиллионной России. Особенно он это подчеркивал в тот период, когда Россия от неограниченного самодержавия перешла к Думской парламентарной монархии. “Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в *государство правовое*”, – говорил он во II Думе. “Я постараюсь встать на чисто *государственную точку зрения* (выделено мной. – ВТ.), – подчеркивал он, рассматривая проекты партий по аграрному вопросу, и добавлял: – мнения, не согласные со взглядами правительства, не могут почитаться последними за крамолу”. В знаменитой фразе о Великой России он опять обращал внимание на значение государственности: “Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия”¹⁰⁵. В этих случаях и в ряде других он связывал государственность России, государственный подход с решением аграрного вопроса и проведением других реформ. Столыпин подчеркивал, что он давно занимается аграрным вопросом: “Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в этом деле нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать”¹⁰⁶. Эти слова показывают глубокое понимание сути проблем, невозможности юридического слома общинных порядков одним махом (как, например, разгромили колхозы в период перестройки).

При начале реформы возник еще очень важный вопрос: начинать ли ее проведение через Думу или указом царя в порядке 87-й статьи. Попытка осуществления реформы через Государственную Думу была сделана при премьерстве Горемыкина с согласия Столыпина. Совет министров одобрил 5 июня законопроект Особого совещания Гурко (январь – март 1906 г.), которое было образовано при Витте, и этот проект был внесен в I Думу 10 июня 1906 г., но встретил враждебное отношение большинства фракций и не рассматривался. Став премьером (9 июля 1906 г.), Столыпин уволил Стишинского и поручил Комиссии под руководством Гурко срочно доработать проект и 10 октября на Совете министров решительно предложил проводить его в порядке 87-й статьи. Эта статья разрешала царю издавать указы только в период, когда Дума не работает, и при чрезвычайных обстоятельствах, наличие которых обязательно должен установить и мотивировать Совет министров на своем заседании с последующим предоставлением царю. Первое условие было в наличии – Дума не работала, шли выборы во II Думу. По поводу чрезвычайных обстоятельств возникли разногласия.

¹⁰⁵ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 29, 86, 96.

¹⁰⁶ Там же. С. 96.

Столыпин и ряд министров считали, что ими являются многочисленные крестьянские восстания и погромы, а отдельные министры не соглашались, предлагали дожидаться созыва Думы и внесения проекта в нее. Любопытно, что в их числе были: глава ГУЗиЗ (!) – князь Б.А. Васильчиков, министр финансов (!) В.Н. Коковцов и обер-прокурор Синода А.Д. Оболенский. Они голосовали против принятия проекта, ссылаясь на то, что надо дождаться Думы. Остальные семь министров и сам Столыпин голосовали за его предложение. Возражения Коковцова не были случайными, как уже отмечено выше. Он и дальше всячески тормозил проведение реформы. Голосуя за то, чтобы отложить реформу и обсуждать ее в Думе, он надеялся на ее полный срыв, как и в I Думе. До создания единого правительства в лице Совета министров возражения трех министров и особенно ведомства финансов привело бы почти наверняка к срыву намеченного проекта. Но по положению о Совете министров вопрос решался большинством голосов, хотя царь мог утвердить и мнение меньшинства. Коковцов в особом мнении ссылался на еще недавние царские обещания сохранить общину. Столыпину приходилось бороться не только против мнения трех министров, но и против мнения Государственного Совета, так как 18 марта 1906 г. заседание объединенных департаментов Госсовета большинством голосов высказалось “против общей ломки крестьянского быта накануне созыва Думы”¹⁰⁷.

Поддержку Столыпин получил от съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний (дворянские общества остальных губерний не захотели участвовать в съезде, а шести губерний – возражали против созыва съезда), который проходил 21–28 мая 1906 г. В рекомендациях съезда содержались те же предложения, что и в законопроекте правительства. В заявлении съезда по аграрному вопросу было записано: “В целях открытия широкой возможности переселения предоставить крестьянам возможность продавать свои надельные земли”. Отмечалась необходимость и других мероприятий¹⁰⁸. Мнение дворянского съезда, очевидно, окончательно изменило и мнение об общине Николая II. В Особом журнале Совета министров он написал: “Согласен с мнением председателя и семи членов”, и 9 ноября 1906 г. был опубликован высочайший указ¹⁰⁹. Для его обеспечения был 15 ноября 1906 г. подписан царем указ о выдаче крестьянам ссуд под залог надельных земель. Министр финансов Коковцов отказывал в отпуске средств на ссуды по этому указу на том основании, что бюджет утверждается Думой, а она этот указ не утвердит. Только при поддержке царя Столыпин сломил сопротивление министра¹¹⁰. Основные законы Российской империи устанавливали, что указы царя по статье 87 должны были обязательно вноситься правительством в Государственную Думу, иначе они механически отменялись (теряли силу) через 60 дней по-

¹⁰⁷ Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 82.

¹⁰⁸ Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб., 1906. С. 1–2, 155.

¹⁰⁹ ПСЗ. III. Т. XXVI. № 28528. С. 970 и далее.

¹¹⁰ Дубровский С.М. Указ соч. С. 125–126.

сле начала работы Думы. Указ 9 ноября был внесен во II Думу, но она не успела его рассмотреть. Да и в таком составе II Дума не утвердила бы указ 9 ноября. Столыпин после ее разгона сыграл решающую роль в замене избирательного закона, который обеспечил созыв работоспособной III Думы, хотя нельзя сказать о том, что она была полностью послушной правительству. Начинания Столыпина встречали в ней резкую критику и слева, и справа, часть проектов Дума не утвердила или изменила. К числу последних относился и указ 9 ноября. Особенно упорное сопротивление встретил Столыпин в Государственном Совете. Правая фракция Госсовета сумела отклонить 32 законопроекта и вернуть в Думу 26 законопроектов на доработку. Отклоненные проекты составляли 1,4% всех 2202 проектов, но среди них были весьма важные законы, входившие в программу премьера: о введении в России всеобщего начального образования, введении земств в Сибири и на Дальнем Востоке, один из краеугольных законов – о волостном земстве и др.¹¹¹

Без изменения избирательного закона 3 июня 1907 г. аграрная реформа не могла быть проведена. Столыпину удалось провести через III Думу и Госсовет, хотя и в измененном виде, два главных указа по аграрной политике: указ 9 ноября 1906 г., ставший законом 14 июня 1910 г., и законопроект о землеустройстве (в основе последнего лежал уже действовавший указ 4 марта 1906 г.), ставший законом 29 марта 1911 г. В обоих случаях успех в основном был достигнут за счет влияния речей премьера и его напористости. Тем самым была обеспечена необратимость проведения главных аграрных преобразований в мирной обстановке.

П.Б. Струве писал в “Русской Мысли”: “С аграрной реформой... по значению в экономическом развитии России могут быть сопоставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог... Не только ясно, что без акта 3 июня Гос. Дума никогда бы не приняла аграрной реформы Столыпина, ясно и то, что без осуществления этой реформы по 87-ой статье, т.е. помимо Думы, даже Дума 3 июня никогда не решилась на такой переворот”¹¹². Эта мысль справедлива в том отношении, что без определенного успеха в 1907–1909 г. проведения реформы (особенно подачи крестьянами многих сотен тысяч заявлений об укреплении участков и о землеустройстве) даже сторонники новой аграрной политики не решились бы на такой крутой шаг. Для этого помимо всего сказанного нужна была смелость. Не та смелость, с которой идут в бой, но смелость на решительный поступок широкого государственного масштаба.

В советской историографии в свое время утвердился взгляд, согласно которому Столыпин и после 1906 г. действовал по принципу: “Сначала успокоение, потом реформы”.¹¹³ Е.Д. Черменский резко выступил против положения А.Я. Авреха, который писал, что Столыпин хотел дать рефор-

¹¹¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. СПб., 1912. Ч. 1. С. 328–340.

¹¹² Приводится по: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. С. 413.

¹¹³ См.: *Щацлло К.Ф.* Предисловие к книге: *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. С. 7.

мы, но не мог¹¹⁴. Он считал, что столыпинский девиз на деле означал “Всегда успокоение, никогда реформы”. В дальнейшем он все же описывал ход столыпинской реформы¹¹⁵. Столыпин говорил в 1908 г. прямо противоположное: “Многие думают, что, пока еще нет полного успокоения, необходимо все оставить по старому; но правительство думает иначе... Правительство убеждено, что, прекращая всякие попытки к беспорядкам... оно обязано всю свою нравственную силу направить на обновление страны”. Слова “обновление страны” он далее объясняет, как реформирование¹¹⁶.

Принципа “Сначала успокоение – потом реформы” придерживался другой государственный деятель – В.К. Плеве, министр внутренних дел в 1902–1904 гг. Таким был в более развернутой форме принцип русских царей: не давать реформ и не делать уступок в момент подъема недовольства, иначе это будет истолковано, что уступка вырвана у монарха, тогда вымогательствам не будет конца. Столыпин, как это явствует из приведенных выше его слов, считал, что надо одновременно подавлять революцию и проводить реформы. В этом отношении показательно, что указ о введении военно-полевых судов и программу реформ он опубликовал в один день – 25 августа 1906 г. Слова “обновление России” он употреблял нередко и лишь несколько раз сказал “модернизация”, что означает одно и то же, но последнее очень модно сейчас. Выступая 16 ноября 1907 г. в III Думе, Столыпин ответил оппонентам, что правительство не обращает все внимание на репрессии, а проводит реформы и эти реформы не сочинены, они, “чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах”¹¹⁷. В этом он видел суть обновления страны.

В записке, найденной среди бумаг Столыпина уже после его кончины, он писал: “Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину... Это было бы и роковой ошибкой – там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признание бессилия правящей власти”¹¹⁸. Это заявление Столыпина, его убеждение в необходимости реформ во время революции, еще раз опровергают навязываемые ему слова “Сначала успокоение, потом реформы” – это прямо противоречит (еще раз) высказанному выше рассуждению.

¹¹⁴ Аврех А.А. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 510–511.

¹¹⁵ Черменский Е.А. История СССР периода империализма. М., 1974. С. 213–214; 228–238.

¹¹⁶ Столыпин П.А. Речь в Совете по делам местного хозяйства 11 марта 1908 г. Приводится по: Ольденбург С.С. Указ соч. С. 412.

¹¹⁷ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 104–105, 106, 107.

¹¹⁸ Приводится по: Зырянов П.Н. Петр Столыпин... С. 37; Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12. С. 116.

П.А. Столыпин понимал, что только аграрные преобразования и тем более один указ 9 ноября не обеспечат подъем сельского хозяйства страны и улучшение благосостояния крестьянства. Его замыслы реформ не ограничивались только аграрными проблемами, они охватывали вопросы укрепления государственного строя, подъема всей экономики, введения гражданского равноправия и др. В нашу задачу не входит рассмотрение всех планов Столыпина, отметим только те, которые имели прямое отношение к судьбам русских крестьян. Через полтора месяца после назначения на пост премьера Столыпин опубликовал 25 августа 1906 г. правительственное сообщение. Среди намеченных реформ помимо улучшения крестьянского землевладения к таким относились: введение всеобщего начального образования, реформа средней и высшей школы, гражданское равноправие, неприкосновенность личности, отмена волостного крестьянского суда, введение волостного земства и др.

Аграрная реформа также включала целый комплекс мер, большинство которых проводилось одновременно с выходом из общин и землеустройством: передача крестьянам части казенных и удельных земель, увеличение ссуд Крестьянского банка, введение личной собственности на землю, отвод и создание единоличных (хуторских и отрубных) участков; коренное изменение правового и социального положения крестьянства, первый шаг которого был сделан указом 5 октября 1906 г., отменившим ряд ограничений крестьян; организация комплекса мер по агрономической помощи земледельцам, система мер по устройству переселенцев, расширение мелкого кредита и помощь кредитной сельской кооперации, значительное увеличение ассигнований на начальное и среднее образование, в том числе специальное – сельскохозяйственное, и ряд других мер. В речи в Государственном Совете 15 марта 1910 г. Столыпин говорил: “Я, господа, не преувеличиваю значения закона 9 ноября. Я знаю, что без сопутствующих, упорно проводимых мероприятий по мелкому кредиту, по агрономической помощи, по просвещению духовному и светскому нас временно ждут и неудачи и разочарования”. Он отметил, что этот сравнительно скромный акт “непрерывно связан с величайшим актом прошлого столетия – с освобождением крестьян”¹¹⁹.

Роль П.А. Столыпина в разработке ряда сторон аграрной реформы, таким образом, проявилась в формировании у него собственной идеологии реформирования деревни и обновления страны в течение десятилетия накануне 1906 г. В дальнейшем он придал реформе социально-политический характер, наряду с сохранением экономического содержания. Вся обширная программа аграрной реформы явилась плодом длительной работы большого числа реформаторов, объединенных в нескольких Особых совещаниях, Редакционной комиссии, министерских комиссиях. Столыпин с 1906 г. выступал как главный организатор реформы, главный ее защитник в Думе, Государственном Совете, прессе и как главный докладчик и защитник у царя, без одобрения которого реформа не могла идти. Государ-

¹¹⁹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. С. 251–252.

ственный подход к реформе как срочной проблеме укрепления российской исторической государственности доказывает, что Столыпин был на голову выше остальных реформаторов в этой области. Он пропагандировал эту идею в Думе и сумел сплотить вокруг нее плеяду помощников, большой аппарат исполнителей. Поэтому и ответ на поставленный в начале раздела вопрос будет положительным: да, название реформы – “столыпинская” – можно считать правомерным.

Столыпин весьма оптимистично оценивал успехи аграрной реформы. В октябре 1909 г. в беседе с редактором саратовской газеты “Волга”, которую перепечатали почти все газеты страны, он говорил: “По газетным статьям можно подумать, что страна наша охвачена пессимизмом, общим угнетением (центральные газеты сетовали на упадок интереса к политике, на упадок “общественного духа”. – *В.Т.*), между тем я наблюдал, да и Вы, я думаю, можете подтвердить, что в провинции уже замечается значительный подъем бодрого настроения”. Столыпин подчеркнул, что огромная работа проводится по землеустройству крестьян, по земельной реформе. Говоря о крестьянах, он отметил: “Я полагаю, что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена, – гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность”. Он говорил о воцарении гражданственности в результате реформы. В заключение он сказал: “Итак, на очереди главная задача – укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа – вот девиз для нас всех, русских! *Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!* (выделено мной. – *В.Т.*)”¹²⁰.

Он имел в виду 20 лет покоя не только для окончания аграрной реформы, но и для преобразования России. Только из его программы и из воспоминаний близких сотрудников можно узнать, сколько еще реформ он предполагал провести. Эти слова Столыпина часто искажают, вместо “государству” приводят слова “дайте мне 20 лет покоя”.

Несколько слов в связи с реформой нужно сказать о роли Николая II. В середине 1890-х годов у молодого царя преобладал весьма оптимистичный взгляд на состояние дел в государстве, вследствие, главным образом, преклонения перед личностью отца. Александра III хвалили министры, особенно самые влиятельные – И.Н. Дурново, Победоносцев, Горемыкин, а Витте считал его идеальным монархом. Поэтому задумываться о реформах Николай II стал позднее. Его отношение к крестьянству было идиллическим, он считал его подлинно преданным царю, всегда подчеркивал свою любовь к нему. Во время коронации 18 мая 1896 г. он встречался с волостными старшинами в том же Петровском дворце в Москве, где Александр III говорил им во время своей коронации: “Следуйте советам и

¹²⁰ Новое время. СПб., 1909. 3 октября.

руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о пределах земли. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно так же как и ваша, должна быть неприкосновенна”. Николай II перед торжественным обедом сказал волостным старшинам краткое слово: “Императрица и Я сердечно благодарим вас за выраженные вами чувства любви и преданности. Не сомневаюсь, что их разделяют все ваши односельчане... Заботы о благе вашем так же близки моему сердцу, как они близки были Деду Моему и незабвенному дорогому Родителю. Помните слова, сказанные Им здесь волостным старшинам при венчании Его на Царство. Между вами есть многие, слышавшие их сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вам твердым руководством”. Здесь и намек нет на реформы, а за 13 лет нужда крестьян в земле увеличилась, и они ждали других слов, хоть какой-то надежды.

Согласие царя на реформы в начале 1902 г. при утверждении указов не сопровождалось и намеком о земле. Он всегда подчеркивал благодарность дворянству за его подвиг в 1861 г., когда оно отдало крестьянам более половины своих земель, и твердо стоял на том, что “частная собственность на землю” должна после такого подвига остаться неприкосновенной. Этим он руководствовался, отклоняя проект Кутлера. Его отношение к общине до 1905 г. было неизменным: оставить большинство общинных земель в неприкосновенности. Участие многих общин в погромах и поджогах имений поколебало его мнение, и он принял аргументацию Столыпина о крепком зажиточном хозяине-крестьянине, который станет опорой правового порядка на селе. После этого он стал решительно поддерживать Столыпина в проведении реформы. Его поддержка имела, конечно, решающее значение, как это было при проведении денежной реформы Витте и всех других реформ. Царь поддерживал и преемника Столыпина, министра Кривошеина. Без такой поддержки последнему было бы очень трудно преодолевать сопротивление реформе Коковцова, который был освобожден от всех постов только в январе 1914 г. Однако до начала войны оставалось всего полгода, намеченная Кривошеиным и одобренная царем грандиозного увеличения кредитов на реформу и на переселение не могла быть выполнена. Роль царя в проведении реформы была, безусловно, весьма значительной, а на отдельных этапах – решающей. Вместе с тем его нерешительность, а более всего установившийся порядок прохождения законопроектов через бюрократический аппарат, надолго задержали реформирование деревни. Даже не считая первых предложений об общине, о ликвидации чересполосицы, дальнеземелья и других, высказанных в 1860-х и 1880-х годах, серьезным сдвигом могло быть решение Государственного Совета (!) 1893 г. об изменении законодательства о крестьянах. Достаточно было самому императору проявить государственную мудрость и особенно государственную смелость, и можно было в конце XIX в., даже не затрагивая общину, резко сдвинуть дело землеустройства, переселения, увеличения ссуд, кредитования, помощи Крестьянскому банку и др. Это мог сделать только царь, так как для министров любая инициатива могла быть и часто была жестоко наказуема. Николай II не только этого не сделал, но надолго за-

тянул: он обещал Особое совещание в 1898 г., а учредил в 1902 г. Редакционные комиссии МВД, Особое совещание Витте, департаменты Министерства земледелия уже к 1903 г. сформулировали основные предложения, но царь не понимал срочности решения этого важнейшего для государства вопроса. Его второе обращение к крестьянам через собрание волостных старшин и сельских старост центральных губерний в сентябре 1902 г. показывает, что он и после массовых крестьянских выступлений на юге не понимал остроты вопроса. “Знаю, что нужда крестьян велика, – говорил он. – Помочь ей – моя постоянная забота. Что было возможно сделать – для крестьян теперь же – сделано. Многие еще остается совершить; для этого необходимо возвращение к мирной трудовой жизни и успокоение”¹²¹. За два дня до этого он выступал перед дворянами и тоже обещал им сделать все возможное, но особенно подчеркнул, что “в данное время Меня наиболее заботит вопрос об устройстве крестьянского быта и облегчении земельной нужды трудящегося крестьянства при неприкосновенности частной собственности”¹²². Однако его нерешительность, постоянное упование на то “как Бог даст” затащили окончательное решение вопроса до критической точки, до взрыва недовольства значительной части крестьян.

Русская община накануне реформы

Оценка русской общины: плюсы и минусы. В сравнении с такими составными частями реформы, как землеустройство, реформирование деятельности Крестьянского банка; агрономическая помощь крестьянам и др., выход из общины превалировал на первом ее этапе. Много лет ведутся споры: а нужно ли было трогать общину? Ответ на этот непростой вопрос зависит от оценки положительных и отрицательных сторон самой общины. Уже в дореволюционный период в работах авторов народнического, а затем консервативного направлений эта проблема была поставлена правильно: надо оценивать не только общинное землевладение, но всю общину в целом¹²³.

Несомненно, этот подход требующий всестороннего рассмотрения общины, ее плюсов и минусов, наиболее объективен. В советской историографии господствовала марксистская точка зрения на эту проблему, обоснованная В.И. Лениным и определяемая выдвиганием на первое место экономических факторов. Наиболее подробно вопрос об оценке общины был освещен в монографии С.М. Дубровского, который использовал в основном материалы дореволюционных ученых. Ссылаясь на Ленина, он писал о связи состояния общины и ее оценки с “процессом постепенного разложения остатков феодально-крепостных отношений и развитием ка-

¹²¹ Новое время. 1902. 3 сентября.

¹²² Там же. 1 сентября.

¹²³ См.: *Чернышев И.В.* Указ соч.; *Качаровский К.Р.* Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие. М., 1906; *Вениаминов П.* Крестьянская община. СПб. 1908; *Огановский Н.П.* Указ. соч.; и др.

питализма” и, следовательно, считал ее пережитком феодализма¹²⁴. Однако ленинские выводы об общине были неоднозначными. В 70–80-е годы XX в. было обращено внимание на то, что В.И. Ленин давал вместе с тем и весьма положительную оценку некоторым сторонам общины, подчеркивал ее Тдвойкую роль”. Выступая против общины как “фискально-крепостнической обузы”, Ленин призывал поддерживать ее как демократическую организацию крепостничества. “...Общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, – писал он в начале XX в., – мы, безусловно, будем защищать от всякого посягательства бюрократов¹²⁵”.

После 1905 г. Ленин подчеркивал “двойкую роль” общины как “аппарата воздействия на помещичьи усадьбы” и “пережитка старины”,¹²⁶. В то же время он считал, что общину надо уничтожить, но не по-стольпински, а по-крестьянски. “Столыпин уничтожит эту общину насильственно, – писал он, – в пользу кучки богатеев. Крестьянство хочет уничтожить ее, заменив свободными *товариществами* и землепользованием “отдельных лиц” на *национализированной* наделной земле”¹²⁷. Здесь поставлен весьма важный вопрос (дискутируемый до сих пор) о том, хотело ли крестьянство уничтожить общину, как писал Ленин (его доказательства приведены ниже), или оно боролось за сохранение общины, как писали А. Маслов и советские историки крестьянского движения.

В 1992 г. была опубликована монография П.Н. Зырянова о крестьянской общине в начале XX в.¹²⁸ К тому времени тема эта стала чрезвычайно актуальной, но работа была написана до начала острых дискуссий 90-х годов. Автор систематизировал огромный материал, значительно расширил источниковую базу, в том числе и за счет архивных документов. Но определенная направленность точки зрения П.Н. Зырянова, созвучная со взглядами его учителя А.М. Анфимова, высказанными в монографии о крестьянском хозяйстве¹²⁹, сказалась на отборе материала по отдельным вопросам и на оценке общины. Например, более подробно в работе Зырянова освещена проблема жизнеспособности и гибкости общины, выдвинутая еще ее дореволюционными защитниками. На оценки общины А.М. Анфимовым и П.Н. Зыряновым оказало влияние их резко отрицательное отношение к столыпинской реформе.

Ценная работа об общине Черноземного центра написана молодым исследователем О.Г. Вронским. Он привел новые материалы о разложении общины не только как земельно-передельного аппарата, но и как крестьянской коллективной организации самоуправления. В частности, в фонде министра В.К. Плеве он обнаружил материалы об оценке сельских сходов, где говорилось об апатии крестьян, о необходимости принуждения для то-

¹²⁴ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа... С. 189

¹²⁵ Ленин В.И. ПСС Т. 6. С. 344.

¹²⁶ Ленин В.И. ПСС Т. 16. С. 398.

¹²⁷ Там же. С. 264.

¹²⁸ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1917 гг. М., 1992.

¹²⁹ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство... С. 98–106.

го, чтобы “согнать на сход”, о господстве “горлопанов” и решении вопросов “за водку” на сходе, о падении роли старост и т.п.¹³⁰

Еще одна очень важная проблема была поставлена в докладе Л.В. Даниловой и В.П. Данилова “Крестьянская ментальность и община” на международной конференции в Москве в 1994 г.¹³¹ “Главной социальной ячейкой – пишут авторы, – где складывалось мировоззрение крестьянина, его представления об окружающем мире – природе и обществе, о своем предназначении, должном и сущном, социальной справедливости была община. Ментальность крестьянства – это общинная ментальность”¹³². Роль общины в регулировании всего образа жизни крестьянства была отражена и раньше, особенно в работах народников, в художественных произведениях, но в названной работе проблема поставлена шире: речь идет о роли общины в формировании довольно сложного комплекса понятий, который объединяется сейчас под названием “менталитет” и “ментальность”¹³³. На мой взгляд, именно общинный образ жизни и привычка к нему были главной причиной нежелания многих крестьян расставаться с общиной и эта проблема весьма важна.

Количество земельных переделов в общинах с конца XIX в. постоянно сокращалось, многие общины или не проводили их, или растягивали сроки между переделами. В советской историографии этот процесс связывали с развитием капиталистических отношений. С.М. Дубровский писал: “Эта община, как показал в своих работах В.И. Ленин, была уже основательно разрушена в процессе развития капитализма и роста расслоения в деревне”¹³⁴. Но переделы были остановлены по той причине, что бесконечно дробить наделы было невозможно. В некоторых общинах число душ м.п. за 40 лет после реформы 1861 г. увеличилось в 2–2,5 раза. Для общин с малыми наделами (Черноземный центр, бывшие помещичьи деревни) это было катастрофой, так как отток крестьян именно из этих районов был сравнительно небольшой, а расширение посевных площадей уже не представлялось возможным.

Данные о беспеределных общинах собирались при различных обследованиях и через аппарат МВД путем опросов старост и волостных старшин. Собирали такие сведения и Вольное экономическое общество путем рассылки анкет своим корреспондентам. Официальные данные были так обобщены Г.А. Крестовниковым в 1908 г.: “По имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям относительно 28 губерний и притом именно тех, где главным образом распределено общинное землевладение, в 48% земельных обществ этих губерний вовсе не было переделов, ни общих, ни частных”. Из остальных общин, по тем же данным, во многих переделы

¹³⁰ Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999. С. 48–68.

¹³¹ Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 22–39.

¹³² Там же. С. 22.

¹³³ См.: Филд Д. История менталитета в зарубежной литературе // Там же. С. 7–9.

¹³⁴ Дубровский С.М. Указ соч. С.189.

производились лишь в довольно отдаленные времена: 3% общин не производило переделов более 40 лет; 13% – более 15–25 лет”¹³⁵. К беспередельным общинам, по мнению Крестовникова, можно “без погрешности” отнести и такие, которые не проводили переделов в течение последних 24 лет”¹³⁶. Относительно этих 24 лет потом шел спор в Думе: можно ли их отнести к беспередельным? Как известно, это предложение Гурко не прошло из-за сопротивления правого крыла, защищавшего общину. А.М. Анфимов предположил, что эти 24 года были взяты как двойной установленный законом минимальный срок между переделами в 12 лет. Но чиновники руководствовались не только этим: 24 года прошло после введения (в 1883 г.) обязательного перехода всех крестьян на выкуп из временнообязанных.

Приведенные Крестовниковым данные С.М. Дубровский называл “явно преуменьшенными”, исходя из ленинской оценки, а А.М. Анфимов считал, что “вопреки мнению С.М. Дубровского официальные сведения были не преуменьшенными, а преувеличенными”¹³⁷. В 1995 г. А.М. Анфимовым и А.П. Корелиным были опубликованы полные данные МВД о переделах земли по 40 губерниям. По каждой губернии указано число всех общин, число общин не переделывших с 1861 г. земель, число дворов в беспередельных общинах и количество земли у них. Документ приведен из архива, из фонда Земского отдела МВД¹³⁸.

А.М. Анфимов еще в 1980 г. использовал другой документ этого же фонда за 1902 г.¹³⁹ В нем указаны данные МВД о числе домохозяев в беспередельных общинах – 3 716 720. Он взял данные о всех дворах в общинах по переписи 1905 г. и подсчитал, что это составляло 40,0%. Анфимов тогда написал: “Проверить и уточнить эту цифру пока не представляется возможным”. Тем не менее он высказал уверенность о “нереальности” 40,0% “беспередельных общин”¹⁴⁰. Но его подсчет определил не процент беспередельных общин, а процент домохозяев в беспередельных общинах ко всему числу общинных дворов, а это не одно и то же. Кроме того, Анфимов в 1980 г. не знал, что данные МВД относились к 40 губерниям, а он взял число общинных дворов по переписи 1905 г. ко всей Европейской России – 9 201 262. Ошибка в данном случае небольшая, так как в 40 губерниях, о которых собраны сведения МВД, проживало более 95% общинников; дело в другом: нельзя подсчитывать процент, если одни данные относятся к 1905 г., а другие – к 1910 г.

¹³⁵ Крестовников Г.А. Могут ли быть переделы надельной земли крестьян после окончания выкупной операции. М., 1908. С. 7.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Дубровский С.М. Указ. соч. С. 191; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. С.99.

¹³⁸ См.: Россия. 1913 год. СПб., 1995. С. 67–68. На с. 68 ошибочно указано название архива – ГАРФ, на самом деле фонд 1291 (Земского отдела МВД), в том числе и этот документ, хранится в РГИА.

¹³⁹ См.: Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство... С. 98.

¹⁴⁰ Там же. С. 99.

Позднее А.М. Анфимов опубликовал более полный документ 1910 г.¹⁴¹, где приведено не только число домохозяев в беспередельных общинах в 40 губерниях, но также число и процент этих общин. Видимо, Анфимов согласился с тем, что беспередельных общин в 40 губерниях было более 58%, поскольку не привел никаких комментариев. Добавим, что всего по сведениям губернаторов, общинные дворы были в 44 губерниях Европейской России¹⁴².

Данные этого документа не могут вызвать сомнений: они составлялись по заданию Государственной Думы для выяснения вопроса о том, сколько общин и сколько дворов подпадали под статью закона 14 июня 1910 г. о беспередельных общинах. Общины, в которых совсем не было переделов, по этим данным, составляли 58,5% (124 965 общин из 213 619 их общего количества в 40 губерниях). Значит большинство общин не проводили переделов.

В губерниях с преобладанием великорусского населения процент беспередельных общин колебался весьма заметно, что можно видеть из следующих данных (губернии, в скобках % беспередельных общин)¹⁴³:

1. Калужская (88,4)	14. Тамбовская (59,9)
2. Ярославская (87,0)	15. Олонецкая (58,6)
3. Смоленская (85,4)	16. Симбирская (47,6)
4. Новгородская (83,1)	17. Оренбургская (46,7)
5. Псковская (72,4)	18. Московская (39,5)
6. Тверская (77,3)	19. Вологодская (37,9)
7. Костромская (76,5)	20. Вятская (37,7)
8. Петербургская (76,4)	21. Самарская (34,1)
9. Тульская (74,5)	22. Воронежская (33,8)
10. Курская (70,7)	23. Владимирская (32,8)
11. Рязанская (65,0)	24. Пензенская (28,0)
12. Пермская (64,7)	25. Саратовская (24,4)
13. Орловская (60,2)	26. Нижегородская (23,8)

Итого по 26 губерниям беспередельных общин – 61,5%

Таким образом, во всех великорусских губерниях доля беспередельных общин была в среднем выше, чем по 40 губерниям Европейской России. Из 19 губерний, в которых беспередельные общины составляли больше 58,5%, 15 губерний (79%) было чисто великорусских. Первые восемь мест заняли губернии Нечерноземного центра и Северо-Запада, затем шли пять губерний Черноземного центра. Во второй части приведенного ниже списка губерний преимущественно расположились поволжские, северные и часть центральных губерний. В целом в половине великорусских губерний две трети общин не проводили переделов после отмены крепостного пра-

¹⁴¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1910 г. Д. 53. Л. 1–1об.

¹⁴² См. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа... С. 570–572. Приложение 1.

¹⁴³ Россия. 1913 год. С.67–68. (Подсчет проведен мной. – В.Т.)

ва, а по всем 24 великорусским губерниям доля беспередельных общин составила 61,5%. Если учесть, что примерно около 10% общин (данные Крестовникова) не имели переделов последние 24 года, то можно считать процесс разложения общины еще более значительным. Три пятых общин с населением более 40% не проводило переделов, а многие общины прекратили переделы 40, 30 или 15 лет назад, т.е. процесс имел тенденцию к расширению еще до 1906 г. Исследователь общины Северо-Запада Н.П. Никитина отметила “тенденцию увеличения промежутка между коренными переделами (от 25 лет до бессрочного пользования)” в регионе¹⁴⁴.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что столыпинская аграрная реформа была подготовлена отказом многих общин от переделов. Если учесть, что государство освободило общину от фискальной обязанности, отменив круговую поруку, то значит, что община во многих местах не выполняла главные свои функции. Рост беспередельных общин означал, как правильно отметил А.М. Анфимов, что в них “значительная масса крестьян-общинников оказалась на положении подворных владельцев”¹⁴⁵. А перевод подворников от общинной собственности к частной мог быть совершен (и совершался позднее) гораздо легче. Это учла Государственная Дума, введя для тех общин, где совсем не было переделов с 1861 г., т.е. 45 лет, упрощенный порядок этого перехода. Но ведь и в тех общинах, где не было переделов последние 20, 30, 40 лет, крестьяне тоже хозяйничали, по существу, как подворные владельцы. Подсчитать их число точно невозможно, но данные по отдельным губерниям свидетельствуют о том, что оно было значительным. С другой стороны, этим крестьянам община не мешала хозяйничать, и они относились к ней чаще положительно. Вмешательство сельского схода в установление севооборотов было и здесь, и даже в подворных селениях, что отмечали многие исследователи и практические деятели, например, сторонник хуторов В.И. Гурко¹⁴⁶. Последний был противником любых общинных порядков и особенно общинной собственности на землю. Но все же в беспередельных общинах были стимулы к удобрению земли, к улучшению агротехники, так как участки не переходили от одних хозяев к другим.

Община как земельно-передельный аппарат все же еще была распространена довольно широко и регулярно проводила как общие переделы, так и отмененные законом “свалки-навалки”. Одним из самых больших зол в общинах была многополосица, связанная с дроблением полей на десятки мелких полос (мелкополосица), разбросанных на много верст (дальнотемелье). Это сложилось исторически, но продолжало множиться при решении общинных вопросов о расширении посевных площадей за счет других угодий (лугов, пастбищ) и неудобий. Каждое осваиваемое пространство делилось на три поля и на участки в зависимости от различных условий. В 1906 г. в официальной объяснительной записке, составленной

¹⁴⁴ Никитина Н.П. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России (1861–1906 гг.): Автореф. канд. дис. Псков, 1999. С.24–32].

¹⁴⁵ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство... С. 98.

¹⁴⁶ Гурко В.И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу СПб., 1906. 1906. С. 21.

директором Департамента А.А. Риттихом, так описывалось крестьянское землепользование: “Каждое из трех полей... разбивается обычно на отдельные участки (ярусы, столбы, коны и т.п.) ...в зависимости от качества почвы, топографических условий, удаленности полей от усадеб и т.п.” В результате во многих общинах было по 20–30 и более участков, и их количество возрастало при расширении посевной площади. Риттих отмечал, что в Московской губернии среднее число участков в обследованных 800 общинах равнялось 11-ти на каждое поле трехпольного севооборота (т.е. по 33 участка на двор). В Саратовской губернии встречались наделы, разбитые на 100 и более узких аршинных полос. В Пермской губернии есть селение, где надел в 2 десятины разбит на 20 и более полос “шириною в 4, а длиною в 120 сажен”¹⁴⁷.

Многополосица, чересполосица, дальнотемелье консервировались и множились общиной в результате ее поземельного хозяйничанья. Сами крестьяне отмечали, что пока они объедут свои 20–50 и более участков, уже проходят лучшие сроки сева или уборки хлеба и не хватает времени более качественно провести работы¹⁴⁸.

Много написано о том, что принудительные севообороты тормозили переход к многопольным севооборотам, к новым приемам агротехники. Например, крестьяне отмечали, что в засушливых районах сохранению влаги, а значит, повышению урожайности способствовал ранний весенний, или черный, пар, который практиковали на купчих землях и на хуторах. В общине же это делать было невозможно, так как весной на поле, предназначенное под пар, выгоняли скот¹⁴⁹. В материалах Особого совещания Витте перечислено еще много недостатков общинного землепользования (невозможность внесения удобрений в передельной общине, хищническое истощение плодородия почвы и т.п.)¹⁵⁰. Большой вред приносило наличие межей, они служили рассадником сорняков, на них происходило много ссор и драк. При сокращении числа участков (при переходе на хутора или отруба, при землеустройстве) уменьшалось и количество земли под межами, увеличивались посевные площади. Появилась возможность вносить удобрения без опасения, что участок при переделе заберут. Возникла заинтересованность в проведении мелиоративных работ, в самостоятельном решении вопросов полеводства и т.д. В общем, тормозящее влияние поземельных прав общины признается большинством ее исследователей.

П.Н. Зырянов пытался поддержать точку зрения дореволюционных защитников общины о приспособлении общины к новым условиям именно в сфере земельных и агротехнических нововведений. Он отметил “жизнеспособность, гибкость и приспособляемость ее к новым историческим условиям”¹⁵¹. В действительности факты, которые приводятся в защиту этого вывода, часто относятся к беспередельным общинам. У последних, как

¹⁴⁷ Приводится по: *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 102.

¹⁴⁸ Письма крестьян. СПб., 1911. Т. 1. С. 16.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1422. 1909 г. Л. 103об.

¹⁵⁰ *Риттих А.А.* Крестьянское землепользование. СПб., 1903. С. 3–24.

¹⁵¹ *Зырянов П.Н.* Крестьянская община...

признал и А.М. Анфимов, было самое настоящее подворное землевладение, хозяйничанье без вмешательства общины. Так при чем в этих случаях жизнеспособность общины? В том, что крестьяне устраняли общину от земельного распоряжения? В беспередельных общинах, действительно, было и внесение удобрений, и травосеяние. Например, в льноводческих губерниях нужно было обязательно вносить удобрения и сеять клевер, предваряющий посевы льна. И в льноводческих губерниях – Новгородской, Псковской, Смоленской, Калужской, Ярославской, Тверской, Костромской – до трех четвертей общин и более (вплоть до 87–88%) совсем не делали переделов. То же можно сказать об общинах с посевами сахарной свеклы (Курская губерния – до 80% беспередельных общин). Развитие посевов этих культур потребовало устранения общинных переделов, а по существу, и самой общины, так как остальные функции могли выполняться сельским обществом и сельским сходом.

Были случаи применения удобрений и введения четырехполья и в передельных общинах, но гораздо реже. Приведенные А.М. Анфимовым данные о введении четырехполья и многополья, основанные на показаниях самих крестьян, доказывают, что впереди шли именно районы с преобладанием беспередельных общин¹⁵².

Большой материал, подтверждающий вредное влияние переделов и дающий представление о технике их проведения, разбивке участков, отличия переделов в разных типах общин приведен в упоминавшемся уже труде О.Г. Вронского. Соглашаясь в принципе с замечанием В.П. Данилова о том, что “вообще неверно связывать существование крестьянской общины с переделами”, автор правильно, на мой взгляд, отмечает: “тем не менее началом анализа хозяйственно-распорядительной функции общины должно быть именно обращение к проблеме переделов”¹⁵³. О вреде переделов писал и А.М. Анфимов, но он как бы “уравновешивал” их недостатки некоторыми положительными сторонами: при многополосице, разбросанности участков и принудительному севообороту крестьяне имеют обширные участки для выпаса скота; при большой площади посевных участков иногда есть возможность избежать убытков от града, ливней, вредителей; одни участки (в низине) дают урожай в засушливый год, другие (на возвышенности) – в дождливый; община ограждает от захвата (“монополизации”) земли меньшинством и обеспечивает наделение ею новых членов. Приведя эти доводы (которые постарался развить и обосновать П.Н. Зырянов), Анфимов писал: “Нельзя не признать, что некоторые из приводимых доводов имели для крестьян существенное значение”¹⁵⁴. Вместе с тем А.М. Анфимов считал, что доказательства противников общины были “либеральными разглагольствованиями”, а дело было только “в борьбе против этого правительства и его помещичьих «комитетов», т.е. в захвате и разделе помещичьих земель”¹⁵⁵.

¹⁵² Анфимов А.М. Указ. соч. С. 177. Табл. 49.

¹⁵³ Вронский О.Г. Указ. соч. С. 71, 69–111.

¹⁵⁴ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 103–104; см. также С. 98–106.

¹⁵⁵ Там же. С. 106.

Общины с переделами земель и выделением наделов каждой новой семье многие (начиная с А. Гансгаузена, А.И. Герцена, народников и т.д.) считали способом избежать “язвы пролетариата”. Выше уже приводилось возражение министра Воронцова-Дашкова против этого. По мере дробления наделов это становилось ясным для многих: внутри общин возникала масса малообеспеченных, нередко полунущих, малоземельных и безлошадных дворов, но уйти из общины они не могли, так как у них был мизерный надел, раздробленный на десятки участков. В беспередельных общинах все же можно было сдать эти участки в долгосрочную аренду на 30–50 лет и более (В.И. Ленин называл это скрытой продажей надела) и уйти в город или переселиться на окраины. Другое дело в общинах передельных: на длительный срок в них никто не мог сдать в аренду участки.

Внутри таких общин накапливались вместо пролетариев полунущие семьи (настоящие нищие ходили по деревням и в городах, они регистрировались полицией, их было по переписи 1897 г. более 300 тыс.), живущие гораздо хуже пролетариев. Но и бросить свои участки эти семьи не могли. Даже 1 дес. земли стоила в начале XX в. до 100–160 руб., а это было для крестьян колоссальной суммой. Очень немногие отдавали участки общине и уходили. Желаящие купить наделы были, но и им община этого не могла позволить, поскольку земля была общая. Конечно, пока земли в общине было достаточно, она спасала многих своих членов от окончательного разорения, но при таком бурном росте сельского населения, какой был в конце XIX – начале XX в. в России, любой общинный фонд истощился бы по историческим меркам сравнительно быстро.

Образ жизни крестьянства в общинной деревне

Положительные стороны общины в деревенской жизни. К положительным сторонам общины все авторы относят ее коллективизм, демократическое решение всех вопросов на сходе, заботу о сиротах и вдовах, организацию “помочей” (помощь осиротевшим семьям и больным), некоторые общественные работы (ремонт дорог, устройство колодцев). Действительно, все эти функции общинам были свойственны издревле. Однако узаконение после 1861 г. сельских обществ и сельских сходов как бы дублировало значительную их часть. В общинных бывших помещичьих поселениях границы сельского общества совпадали с общиной, а не с границами деревни как села. Если в селе было 3–4 общины, то и сельских обществ создавалось столько же. Естественно, невозможно разделить сельский и общинный сходы – сход был един в общинной деревне. Это еще в большей мере было свойственно бывшей государственной деревне, где сельские общества были введены раньше в результате реформы графа Киселева. Поэтому официально в документах почти всегда писали “общество”, а не община. Сами крестьяне называли ее “мир” или “общество” (“общество”)¹⁵⁶.

¹⁵⁶ Громыко М.М. Мир русской деревни... С. 155; Вронский О.Г. Указ соч. С. 71.

В западной историографии рассматривалась проблема соотношения общины, мира и сельского общества. Так, Дж. Ейни видел их отличие в том, что сельское общество и его права были довольно четко очерчены законом, в то время как община в литературе описана весьма по-разному – то как аппарат правительственной власти для сбора налогов, то как демократическая организация крестьянской самозащиты. Его вывод состоял в том, что сельское общество было ближе подлинному крестьянскому социуму, чем раздутые в литературе и не четкие “разнообразные фантазии на тему «община – мир»”¹⁵⁷.

Замечание о том, что функции общины тракуются в литературе различно, вполне справедливо, так как законодательного акта, полностью регламентирующего все права и обязанности общины, не существовало, хотя уже в XVI в. был распространен общинный передел земли¹⁵⁸.

Вопрос о сельском обществе важен потому, что после выхода домохозяев из общины они юридически оставались членами общества и имели право голоса на сходе, хотя известны случаи, когда общинники требовали изгнать их со схода. Последнее признавалось властями нарушением закона. Следовательно, выход крестьян из общины не ликвидировал сельское общество и главное – сельский сход, который должен был решать вопросы и общей хозяйственной жизни, и помощи вдовам и сиротам, и ремонта дорог и общественных колодезцев, и многие другие.

С другой стороны, и в подворной деревне, в том числе и хуторской, где не было общины, были сельские общества и сходы, которые решали почти все те же вопросы, за исключением лишь поземельных отношений: сходы в подворной деревне не могли отрезать часть земли и передавать ее другим, хотя и вторгались в вопросы севооборотов, начала сева, борьбы с сорняками и др.

Во многих сибирских деревнях не было общин. При захватном семейно-наследственном землепользовании существовали сельские сходы, которые решали все вопросы, свойственные общинам Центра, включая прием за плату новых членов (“приписка к обществу”), что фактически означало продажу общественной земли. Эти права формулировались крестьянами так: “общество приговорило”. В том числе в сибирских деревнях гораздо шире, чем в центральных общинах, практиковались “помочи”. Жительница забайкальского села В.Г. Балябина вспоминала: “К помочи прибегали во многих случаях... На помочь звали родных, соседей, приятелей... Работали на помочи так, как будто на праздник пришли: весело, споро, с шутками, с песнями. Каждый и каждая друг перед дружкой показывали свою удаль, умение, силу, сноровку”. Потом хозяева ставили водку, самогон и деревенскую закуску¹⁵⁹. Помочи устраивали не только для помощи бедным, но и при постройке избы, или когда надо было сделать что-то быст-

¹⁵⁷ См.: Зырянов П.Н. Полтора века споров о русской сельской общине // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX веков СПб., 1999. С. 92.

¹⁵⁸ Александров В.А. Сельская община в России. М., 1976. С. 178–188.

¹⁵⁹ Балябина В.Г. Аргуне. Забайкальская старина. Иркутск, 1988. С. 61.

ро, или выполнить трудоемкую работу. Часто во время работы подходили все новые сельчане, работа была добровольной.

“Помочи” сохранились в сибирских селах до сих пор, о чем я знаю по собственному опыту. В 1968 г., уже став профессором, я купил деревенский дом в селе Рассока в 45 км по железной дороге на восток от Иркутска. Дом был большой, но хозяин его не доделал: внутри горница и сени, стены и потолки были обиты дранкой, а не оштукатурены. Мне это сделать было не под силу, и мы так и жили, мечтая подкопить денег и нанять рабочих. Однажды к нам зашел сосед Саша, здоровый и сильный мужик лет 35-ти и, оглядев все, предложил организовать “помочь”. В литературе я об этом читал, но не знал, что это еще бытует. По совету Саши я купил побольше водки, а закуску соседи принесли свою – огурцы, помидоры, грибы, яйца вареные и т.п. Мои сыр и колбаса тоже пригодились. Пришли человек 10–12 и так здорово работали, что все сделали за полдня и очень качественно. Я отмечаю это специально для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что “помочи” не связаны обязательно с общиной.

Коллективное решение вопросов на сходе в подворной и хуторской деревне описано во многих работах. К.А. Кофод привел примеры, как крестьяне западных губерний на сходах принимали решение о разверстании своих деревень на хутора еще до 1906 г. Хотя это было юридически запрещено законом, сельские сходы считали, что сами имеют право решать свои хозяйственные и земельные отношения и даже разработали своеобразные аукционы, которые они метко называли “земельным торгом”. В семи западных губерниях сельские сходы самовольно перешли к хуторскому землепользованию в 947 деревнях с 20,3 тыс. дворов. Это доказывает, что коллективное решение любых вопросов, включая и поземельные, проводилось и в тех деревнях, где не было общин, в том числе и в хуторских местностях.

Таким образом, массовый выход крестьян из общин не означал ликвидации сельских сходов в деревнях и не должен был ликвидировать все указанные выше положительные стороны “мира”: его функции переходили к сельскому обществу, которому также было свойственно коллективное решение вопросов на сходе. Так что выход из общины не должен был пугать крестьянина с точки зрения его отказа от участия в сельском сходе, в коллективном решении вопросов самоуправления или появления бытовых трудностей.

Кроме того, следует отметить значительное изменение отношения крестьян к миру, к его сходам. Раньше бытовала пословица “на миру и смерть красна”, что отражало почтительное отношение к миру, его решениям. В начале XX в. крестьяне относились к миру безучастно. Это было отмечено местными комитетами Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Участие в сходе стало формальным, не престижным. Сход был под влиянием либо зажиточных хозяев, либо шумных “горлопанов”.

Массу сведений, подтверждающих эти данные Особого совещания, приводит О.Г. Вронский. В фонде В.К. Плеве в ГАРФ (ф. 586) он обнаружил

“Записки разных лиц”, собранные по специальной программе, составленной в МВД. Авторами их были сельские жители – священники, служащие земств, землевладельцы. С.И. Турбин, проводивший наблюдение в трех волостях Елецкого уезда Орловской губернии, описал наиболее типичные случаи, нашедшие отражение во многих других записках. “Свое участие в сельских сходах крестьяне считают повинностью, но не правом, – писал он. – Существует выражение “сбивать сход”, “сгонять на сход”. С видимым удовольствием крестьяне принимают участие лиц в тех сельских сходах, где пьется “общественное вино”. “На сельский сход идут крестьяне с большим принуждением, – писал С. Гришин из с. Волконска Дмитровского уезда Орловской губернии, – так что случается за некоторыми домохозяйствами посылать по нескольку раз”. Такие же сообщения о крайней апатии крестьян прислали наблюдатели из шести уездов Тульской, Тамбовской, Рязанской губерний¹⁶⁰.

Очень возросла роль водки при решении любых вопросов на сходе, что отразилось в пословицах: “На мир без вина не ходят”, “Мир на дело сошелся – виноватого опить”. Для решения любого своего вопроса крестьянин должен был поставить “магарыч”. Об этом сообщали многие наблюдатели¹⁶¹. Описывалось и поведение крестьян на сходах при решении вопроса о выходе из общин: домохозяева ставили несколько ведер водки, и тогда все решалось быстро. Без “магарыча”, сход мог и не собраться. Если после этого в 30-дневный срок сход не принимал решение, то по закону считалось, что согласие схода получено.

Даже проведение “помочей” стало в конце XIX – начале XX в. проводиться реже, так как “пришедшие «от мира» работники требовали слишком обильной трапезы”, – писали наблюдатели и констатировали, что, по мнению хозяев, “нанять работника – дешевле обойдется”¹⁶². Конечно, повального пьянства на сходах не было, лишь зажиточным домохозяевам под силу было поставить много водки, чаще обходились выпивкой. Критическое отношение к сельскому сходу нашло отражение в пословице: “Мужик умный, да мир – дурак!”

Переход на хутора – ломка всего образа жизни крестьян. Падение авторитета сельских сходов и рост беспорядочных общин тем не менее впоследствии не привел к поголовному выходу крестьян из общины. Наоборот, значительная часть общинников активно ее защищала в период проведения аграрной реформы, а некоторые боролись с хуторами.

Что же было причиной выступлений против выходов из общины, против хуторян? Для некоторой части крестьян, преимущественно в передельных общинах, это было беспокойство о том, что они потеряют землю, если не будет запрета ее продавать. Этот вопрос уже рассмотрен при исследовании поземельных прав общин и переделов земли.

Но многие крестьяне боролись против расселения на хутора. Это, по существу, была борьба против ломки всего уклада жизни, образа жизни,

¹⁶⁰ Привожу по: Вронский О.Г. Указ соч. С. 48–49.

¹⁶¹ Там же. С. 54–56.

¹⁶² Там же. С. 114.

который складывался веками. Он был, выражаясь языком современных социологов, их менталитетом, и менталитет этот был общинным, коллективистским, общественным, а не индивидуальным, единоличным. Возможно, слово “менталитет” не включает всего того, что приходится учитывать в данном случае, а именно: всей жизни крестьянина в определенном, сложившемся сообществе сравнительно узкого круга соседей. Определение ментальности Л.В. Даниловой и В.П. Даниловым, приведенное выше, охватывает мировоззрение и комплекс представлений крестьян.

Б.Н. Миронов, ссылаясь на названный мной выше доклад Д. Филда, правильно отметил, что понятие “менталитет” еще “не приобрело в исторической науке строгих очертаний, не имеет общепринятого четкого определения”¹⁶³. Сам он, ссылаясь еще на ряд работ, относит к ментальностям “социально-психологические стереотипы, автоматизмы и привычки сознания, заложенные воспитанием и культурными традициями, ценностные ориентации, значимые представления и взгляды, принадлежащие не отдельным личностям, а той или иной социально-культурной общности, в нашем случае – тому или иному сословию или социальной группе. ...Взятые в совокупности ментальности образуют менталитет – некую систему, нередко противоречивую, которая тем не менее обеспечивает отдельного человека моделью видения мира, способами постановки и решения проблем, с которыми ему приходится сталкиваться”¹⁶⁴.

В этом определении содержится почти все, что я отношу к образу жизни крестьянина в деревне (не обязательно в общинной деревне; главное – в совместном проживании в одном селении). В разделе о ментальности крестьянства Б.Н. Миронов рассматривает систему ценностей крестьянина (достаток, счастье или жизненный успех, богатство), понятия о справедливости, о собственности, о Боге, о труде, о праздниках. Затем он описывает представления крестьян о времени, движущемся по кругу, в котором все повторяется, отсюда – недоверчивость к переменам (“дело рук нечистой силы”) или традиционализм (его крайняя форма – у старообрядцев). В половицах, которые он приводит, содержится восхваление старины, в том числе и общины, осуждение образования и личной инициативы, восприятие своей деревни как лучшего места на земле: “родимая сторона – мать, а чужая – мачеха”.

Для пореформенного периода Миронов отмечает ряд изменений менталитета русского крестьянства: появление интереса к торговле своими продуктами, к получению прибыли. Данные комиссии Валуева (1872 г.) содержали сведения о росте чувства личности, независимости, что приводило к неуважению родителей, росту семейных разделов в результате изменения семейных отношений. В материалах Особого совещания Витте он выделил изменения поведения крестьян и их мировоззрения, за которыми стояли “новые ментальности”¹⁶⁵.

¹⁶³ *Миронов Б.Н.* Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 327, 352.

¹⁶⁴ Там же. С. 327, 352.

¹⁶⁵ Там же. С. 327–335.

Разложенная по социологическим “полочкам” жизнь крестьян представляется очень обедненной, схематичной и главное – скучной. В мою задачу не входит давать еще одно определение менталитета, но на всех “полочках” надо представить живых людей с их чувствами любви, ненависти, дружбы, братства, уважения, их скупость, жадность, доброту, радость и горе, симпатии и антипатии, необходимость постоянного общения с людьми, радость общения и др. Соединив многие понятия, рассмотренные Б.Н. Мироновым, со сложным миром чувств крестьян, получим представление об образе жизни определенной группы людей, в данном конкретном случае – жителей деревни или села. По моему мнению, мнению ученого, много лет занимающегося историей жизни крестьян, понятие *образ жизни* шире, чем термин *менталитет*.

В нашей историографии и раньше неоднократно выдвигались предложения об исследовании наряду с производственными отношениями, экономикой, классами и классовой борьбой, политикой и другими сюжетами, которыми занимались советские историки, также вопросов реальной жизни крестьян. Вспомним давнишнее предложение Л.В. Черепнина, поддержанное многими историками, заняться исследованием социальной психологии людей и разных общественных групп в разные периоды. Кое-что в этом направлении было сделано, но больше в плане постановки задач и изучения некоторых отдельных проблем. И постановка проблемы о менталитете, о ментальностях отдельных групп людей была очень полезной, хотя у нас интерес к этому проявился тогда, когда на западе уже задался вопросом (Ж. Ле Гофф): “Должны ли мы возобновить историю менталитета или похоронить ее?”¹⁶⁶. Для нас “мода” на менталитет стала толчком к исследованию “мировосприятия, умонастроений” (определение менталитета в словаре С.И. Ожегова), а также “устойчивого склада ума” (Д. Филд), совокупности “образов и представлений, которой руководствуются в своем поведении члены той или иной социальной группы и в которой выражено их понимание мира в целом и их собственного места в нем (Ю.Л. Бессмертный)¹⁶⁷, хотя таких исследований пока еще очень мало.

“Город – царство, а деревня – рай”. Для понимания вопроса о причинах сопротивления крестьян выходам из общины как раз очень важна та совокупность понятий, настроений, чувств, о которой сказано выше, назовем ли это менталитетом, или образом жизни, или социальной психологией, или придем к другому названию. Сложившийся веками образ жизни русского крестьянства крепкими духовными корнями связывал его не столько с общиной (с ней, конечно, тоже), сколько с деревней, с деревенской жизнью, с деревенским укладом всей жизни, а не только с землей и хозяйством. Выходцам из деревни это доказывать не надо, хотя, к великому сожалению, деревня советского периода уже была менее притягательна, а о перестроенной деревне просто и говорить не приходится.

¹⁶⁶ См.: Филд Д. Указ. соч. С. 7.

¹⁶⁷ Определение Ю.Л. Бессмертного из его работы “Кризис “Анналов” и определение С.И. Ожегова приводится по: Филд Д. Указ. соч. С. 7–8.

Но даже о советской деревне поэт, переехавший в город, где у него и работа, и друзья, написал: “Только каждой ночью снится мне деревня, отпустить меня не хочет родина моя!” (Антонов). Один из крупнейших русских писателей современности В.Г. Распутин отметил, что “деревня издавна была хранительницей моральных устоев народа”, а сейчас “вековой уклад деревни оказался полностью нарушенным”¹⁶⁸. Деревенский образ жизни складывался в России в течение многих столетий, а для каждого крестьянина он начинал проявляться с раннего детства в семье, “с той песни, что пела нам мать”, “с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе” (М. Матусовский. С чего начинается Родина). Потом – светлые дни раннего детства с играми в “бабки”, “сыщики-разбойники”. Бабушкины сказки, рассказы взрослых в длинные зимние вечера, когда свет погашен (экономили свечи и керосин или лучины), все улеглись на полу, на лавках и полотах, повествования о жите-бытье, смешные истории. Потом работа, тяжелая, наравне со взрослыми, зато после – гуляния, посиделки, песни и пляски под гармонь, переживания, прогулки, первая любовь, страдания. А сколько было коллективных игр с песнями: “А мы просо сеяли, сеяли” – “А мы просо вытопчем, вытопчем”... И “бескорыстная дружба мужская” на всю жизнь.

Тяжелые рабочие дни перемежались праздниками. Кроме воскресений были государственные (“царские” и “викториальные” – годовщины крупных побед), церковные и народные праздники. По данным комиссии Валуева в 70-х годах у православных крестьян было 120 праздничных дней в году, а по сведениям комитетов Особого совещания Витте в начале XX в. – 140 (до реформы 1861 г. – 108)¹⁶⁹. Особо отмечали Пасху, Рождество, Благовещенье, Троицу, Покров, Маслену-Масленицу и др.

Пасха – “Светлое Христово Воскресенье” – праздник всех праздников. Праздновали ее всю неделю. Даже самые бедные делали творожные пасхи, красили яйца и обязательно пекли куличи, а кто побогаче – еще и пироги, ватрушки, печенье. Всю неделю служба в церкви, пение, перезвон колоколов. Всю неделю из гостей в гости, а вечером молодежь – на вечерки. К Троице во дворах втыкали березки, в избах – ветки зеленые. Наряжали на полянах березки ленточками, веночками, цветами и водили вокруг хороводы:

В хороводе были мы, были мы,
Што нам надо видели, видели и т.д.

Праздновали весело, пели и плясали. Конечно, пили – кто в меру, кто не в меру. Последних на деревне не уважали: “пей, да дело разумей” – считало большинство¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Распутин В.Г. Избранные произведения. М., 1984. Т. 1. С. 27–28. Интервью с корреспондентом “Литературной газеты”.

¹⁶⁹ Миронов Б.Н. “Всякая душа празднику рада”. Труд и отдых в русской деревне второй половины XIX – начала XX в. // Проблемы социально-экономической и политической жизни России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 201–202.

¹⁷⁰ Балябина В.Г. Указ соч. С. 75–82.

“Не было когда-то театров, – вспоминала В. Балябина, – сама жизнь была непрерывным театральным действием: торжественное начало сева, сенокоса, помочи, девичник, свадьбы, крестины... Когда-то просто, ласково жили, да уверены были, что жизнь человеческая вечна и непоколебима”¹⁷¹. Много крестьянских обычаев, праздников описано М.М. Громько в книге “Мир русской деревни”. Написала она о взаимопомощи, милосердии, трудолюбии, вере, посиделках, повседневной жизни крестьян, обобщив огромный материал дореволюционных исследователей деревенского бытия, историков и демографов¹⁷².

Несомненно, большую роль в образе жизни крестьянства играла православная религия, вера в бога. Это сплачивало жителей деревни и особенно проявлялось во время религиозных праздников. Что же касается духовенства, то его роль была в русской деревне гораздо менее значительной, чем католического духовенства в Польше и в западных странах. Во время крестьянских волнений 1905–1907 гг. и 1917 г. полностью подтвердились слова министра земледелия А.С. Ермолова, сказанные им царю, который выражал надежду на умиротворяющую роль духовенства в деревне: “...духовенство у нас никакого влияния на население не имеет”¹⁷³. Проблема эта требует специального исследования, здесь же важно подчеркнуть большую роль православной религии в мировоззрении и миропонимании крестьянства при явно малом влиянии сельского духовенства на социальное поведение крестьян.

В целом образ жизни крестьян был тесно связан с коллективным проживанием в соседней близости в одном селении. Этому противоречил разъезд на отдельные хутора, разрушавший многовековой уклад деревни. Рассмотренный уклад жизни, в том числе и менталитет крестьянства, в то же время не был так тесно связан с земельно-передельными порядками, которые составляли сущность общины и против которых была направлена новая аграрная политика царизма. Эти причины обусловили малую эффективность создания хуторов при сравнительно широком выходе крестьян из общин и еще более широком коренном переделе установленных общиной многополосицы, мелкополосицы и дальнотемелья в ходе землеустройства. Это проявилось в период проведения реформы.

В заключение раздела о предреформенной общине вернемся к вопросу о том, хотело ли крестьянство “уничтожить” общину “по крестьянски”, о чем писал В.И. Ленин в 1908 г.¹⁷⁴. Ленин имел в виду решения I и II съездов Крестьянского союза и сочувственно процитировал брошюру Г. Громова (“заслуживает нашего внимания”), который писал о Крестьянском союзе: “Пресловутый вопрос об общине – этот краеугольный камень старо- и ново-народничества – совсем не поднимался и молча решен отрицательно:

¹⁷¹ Там же. С. 123–124.

¹⁷² Громько М.М. Указ соч. С. 13–18, 73–125, 319–382, 383–401; см. также: Миронов Б.Н. Указ. статья.

¹⁷³ Красный Архив. 1025. № 1 (8). С. 53; приводится по: Пайнс Р. Русская революция. Т. 1. С. 124.

¹⁷⁴ Ленин В.И. ПСС Т. 16. С. 264.

земля должна быть в пользовании лиц и товариществ, гласят резолюции и первого и второго съезда”. Ленин заключил это наблюдение следующими словами: “Итак, крестьяне ясно и решительно высказались против старой общины за вольные товарищества и за землепользование отдельных лиц. В том, что это действительно голос всего крестьянства, не может быть сомнения, ибо и проект Трудовой группы (104-х) тоже *не заикается об общине*”¹⁷⁵. Как в действительности отнеслось русское крестьянство к вопросу об “уничтожении” “старой общины” можно выяснить при исследовании отношения его к столыпинской аграрной реформе. По крайней мере, заявления Ленина про “голос всего крестьянства”, которое якобы “хочет уничтожить ее [общину – В.Т.], заменив свободными *товариществами* и землепользованием «отдельных лиц» на *национализированной* наделной земле” расходились с реальными желаниями многих крестьян.

Подведем итоги. Русская община к 1906 г. в значительной мере отказалась от земельно-распределительной функции: в 58% общин 40 губерний Центральной России не было переделов после отмены крепостного права. От фискальной функции община была освобождена юридически в начале XX в. Поэтому беспередельные общины центра после отмены круговой поруки были свободны от этих двух главных функций, связывавших членов общины в единое целое. Это облегчило выходы из общин, которые практиковались еще до XX в., а указом 5 октября 1906 г. были объявлены свободными для всех домохозяев. Но в указе пока еще ничего не говорилось о праве выхода с землей. Однако в беспередельных общинах крестьянин легко мог выйти из общины, сдав землю в длительную аренду, а если уезжал недалеко, то предпочитал сдавать на короткие сроки, что было выгоднее: каждый раз можно было повышать цены в зависимости от рыночного спроса. Из этого можно сделать вывод о том, что предпосылки указа 9 ноября 1906 г. были созданы гораздо раньше, особенно после отмены выкупных платежей. Наиболее “созрела”, т.е. наиболее была подготовлена к названному указу беспередельная община. В таких общинах юридически оставалась общинная собственность на землю, но фактически усадьбы и полевые наделы были не только во владении, но и в полной собственности отдельных домохозяев, что стало нормой обычного права. Именно нормами обычного права руководствовались сельские сходы при решении вопросов о земле.

Во всех общинах была не коллективная, как позднее в колхозах, а подворная форма владения, обработки и пользования земельными участками. Земля делилась между дворами, и домохозяин мог сдать участок или его часть в аренду. Каждая семья обрабатывала свои полосы отдельно, и все производство в общине было не коллективным, а индивидуальным. Некоторые элементы коллективизма все же были и в работе: вместе начинали сев, сенокос, уборку, одни семьи равнялись на других. Но это больше связывалось не с общинной собственностью, а с соседским образом жизни в деревне, в том числе и в подворной, и в беспередельной.

¹⁷⁵ Там же. С. 263–264.

Русская деревня – общинная больше, подворная несколько меньше – отличалась общественным образом жизни. Как показано выше, это было связано главным образом с жизнью в одной деревне, в одном селе, а не с общиной. Общинная собственность на землю при ее переделах нередко приводила к распрям. Широко известны споры на сходах, драки и ссоры на меже. Деревенский менталитет, деревенский образ жизни не противоречили разделу общей земли (надельной и купчей) на подворные участки и полосы, но он мало подходил к хуторскому землевладению, не соответствовал жизни в удалении друг от друга.

Именно по этой причине на заключительном заседании Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности представители меньшинства, защищавшего общину, академик П.П. Семенов и князь Щербатов, отмечали, что хутора – не идеал, и они не получают широкого распространения в “силу бытовых особенностей российского крестьянства”. Это мнение поддержал и представитель большинства, стоявшего за отмену общины, профессор В.Е. Постников¹⁷⁶.

Иное отношение было у крестьян к отрубному хозяйству (все угодья в одном участке, а усадьба в общей деревне) и особенно к отводу 2, 3, 4-х участков полевого надела с сохранением общего пользования пастбищами и сенокосами. Последних потом оказалось большинство при землеустройстве дворов.

Самое большое недовольство общины вызывали исторически сложившиеся по условиям общинной жизни многополосица, чересполосица, мелкополосица и дальнотемелье, о чем было подробно сказано выше. Хотя сторонники общины видели в этом некоторые положительные стороны, их анализ не выдерживает критики. Эти стороны были подробно перечислены А.М. Анфимовым по материалам Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, потом не раз повторялись им и П.Н. Зыряновым¹⁷⁷.

Сами крестьяне и другие противники общины на заседаниях Особого совещания привели много доводов против общинной собственности и общинного землевладения мелкими, разбросанными полосками. В дальнейшем это стало главной причиной широкой подачи заявлений о землеустройстве.

Вопрос о “разложении” общины был освещен еще В.И. Лениным и исследован в советской историографии по материалам всех регионов. Все же нужно напомнить справедливое замечание Ленина о том, что внутри общин это расслоение (особенно по надельной земле) было значительно меньше, и его вряд ли можно назвать “классовым”. Внутри общин при частых переделах существовала уравнительность. Ее нарушала покупка частной земли. Даже при покупке всей общиной или товариществами земля делилась “по паям”. Это обстоятельство сделало очень выгодным выход

¹⁷⁶ См. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Протоколы по крестьянскому делу. СПб. 1906. Протокол № 16. С. 1–11.

¹⁷⁷ См. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство... С. 103–104.

из общин или проведение землеустройства по закону 1911 г. о землеустройстве.

В общем община не разложилась, как писали ранее почти все историки, в ней лишь все более проявлялась тормозящая роль общинных земельно-передельных распоряжений.

Русская община в период проведения реформы

В нескольких Особых совещаниях и в Редакционной комиссии МВД, как указано выше, был предложен целый комплекс мероприятий, среди которых главным была замена общинной собственности на землю личной собственностью крестьян. В этом направлении юридическим препятствием было существование выкупных платежей на земельные наделы крестьян. По “Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости” 1861 г. крестьяне с момента перехода на выкуп именовались “крестьяне собственники”, но ни отдельные крестьяне, ни “сельские общества” (слово “община” в Положении не употреблялось) не получали права распоряжения землей, т.е. полной собственности, пока не уплачены выкупные платежи, срок устанавливался в 49 лет. К 1881 г. перешло на выкуп 74,9% крестьянских дворов, в том числе в великорусских губерниях в основном 80–90%. Остальные перешли на выкуп по указу Александра III об обязательном выкупе 28 декабря 1881 г. с 1 января 1883 г.¹⁷⁸ Таким образом, окончание сроков платежей для 75% дворов должно было состояться в зависимости от года подписания уставных грамот (1863–1881) в период 1912–1929 гг., а для 25% – даже в 1930–1931 гг. Поэтому все выходящие из общин по готовящемуся закону крестьяне не могли получить право собственности еще много лет, пока не выплатят все платежи за землю. Кроме того, по выкупным платежам накопились значительные недоимки. В 1902–1903 гг. за понижение или отмену выкупных платежей высказались пять губернских и 40 уездных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и еще четыре губернских и 23 уездных комитета высказались за их понижение. Николай II Манифестом 11 августа 1904 г. по случаю крещения наследника престола сложил с крестьян все недоимки в сумме 130 млн руб. (около 133% к окладу).

Царь в 1905 г. приказал представить ему “сведения о тех мерах, которые можно было немедленно принять в пользу крестьян”. Среди них было предложение отменить выкупные платежи. Витте был против его включения в Манифест 17 октября 1905 г., уже 3 ноября 1905 г. Николай II подписал Манифест об отмене выкупных платежей с бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 января 1907 г. полностью. Царь считал необходимым отменить все пла-

¹⁷⁸ ПСЗ. Собр. 3. Т. 1. № 575. См. также: *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство... С. 41–42. Табл. 9.

тежи сразу, но согласился с доводами министра финансов. По официальным данным, сумма долга крестьян составляла 1 млрд 107 млн руб.¹⁷⁹

В данном случае отмена выкупных платежей была действительно “вырвана революцией” в отличие от указа 9 ноября 1906 г. В Манифесте 3 ноября 1905 было записано: “Глубокою скорбью наполняет сердце Наше смута, перешедшая в селения некоторых уездов, где крестьяне чинят насилие в имениях частных владельцев... Нужды крестьянские близки сердцу Нашему и не могут быть оставлены без внимания. Насилия и преступления не улучшат, однако, положение крестьян, а родине могут они принести много горя и бед. Единственный путь прочного улучшения благосостояния крестьян есть путь мирный и законный...”¹⁸⁰

Манифест 3 ноября 1905 г. явился основой всего дальнейшего реформирования положения крестьянства. Без него указ о разрешении выходов из общины не дал бы серьезных результатов, ибо нельзя было юридически вводить собственность крестьян на невыкупленные наделные земли. Манифест же непосредственно устанавливал связь с Положениями 1861 г. о введении полной собственности крестьян на землю (общинной или личной). Царь считал эту меру “несравненно существеннее”, чем те “гражданские свободы, которые на днях дарованы России”¹⁸¹. Одновременно (в тот же день) был подписан указ о расширении деятельности Крестьянского банка по неограниченной покупке частновладельческих земель и выдаче кредитов крестьянам для их приобретения. Важнейшим в этом указе был пункт о кредитах, которые позволяли покупать землю средним и бедным крестьянам, так как большинство земель помещиков в 1906–1914 гг. (около 60%) было куплено без посредничества Крестьянского банка, т.е. зажиточными крестьянами.

Следующим шагом реформирования крестьянства был подготовленный правительством Столыпина указ, подписанный царем 6 октября 1906 г. В указе отмечалось, что продолжение существования ограничений для крестьянства противоречит Манифесту 17 октября 1905 г., поэтому указ отменял все ограничения и в нем содержалось обещание в ближайшее время внести в Думу законопроекты о реформе местного управления и суда. Ограничивались некоторые права общины в пользу личности – теперь не нужно было получать ее разрешение поступать на государственную службу или в высшее учебное заведение.

Указ расширял права крестьян и изменял их правовое положение: оно приближалось к положению других сословий. Указом царя от 5 октября 1906 г. был обещан “коренной пересмотр действующих узаконений, определяющих порядок устройства местного управления и суда”, путем внесения соответствующих законопроектов в Государственную Думу. Этот же указ на основе статьи 87 Свода основных государственных законов отменял некоторые ограничения прав крестьян и лиц других податных сословий. Так, указ предоставлял крестьянам “одинаковые в отношении государст-

¹⁷⁹ Великая реформа. Т. 6. СПб., 1911. С. 130–131.

¹⁸⁰ ПСЗ. Собр. 3. Т. 1. № 26871.

¹⁸¹ Цит. по: Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 249.

венной службы права”, отменял обязательность представления ими увольнительных общественных приговоров при поступлении на гражданскую службу или в учебные заведения, предоставлял сельским жителям “свободу избрания места постоянного жительства”, отменив “ограничительные правила о паспортах”.

Указ также отменял подушную подать и круговую поруку в уплате налогов в местностях, где они еще оставались. Было запрещено отдавать неисправного плательщика в заработки или определять к нему опекуна в качестве особых мер взыскания сборов, отменялись правила об отдаче крестьян на общественные работы. Упразднились “особые правила о наказуемости сельских обывателей, подведомственных волостному суду”; волостные суды должны были решать вопросы согласно общему для всех сословий Уставу о наказаниях, т.е. подтверждалась отмена телесных наказаний по решению волостных судов. Отменялись права земских и крестьянских начальников самовольно арестовывать и штрафовать крестьян за невыполнение их постановлений.

Было несколько ограничено право уездных съездов отменять решения крестьянских сходов по представлениям земских начальников. Отмене подлежали только те приговоры, которые противоречили действующим законам или нарушали “законные права членов сельских обществ” и были ими опротестованы. Этот пункт был внесен явно в интересах зажиточных крестьян, которые могли встретить противодействие сельских обществ при выходе из общин. Были отменены запрещения крестьянам и бывшим горнозаводским людям устраивать огнедействующие заводы и лесопильные мельницы, торговать лесом в заводских селениях. Зажиточные крестьяне, имевшие как наделную, так и частную землю, получили право участвовать кроме избирательного съезда от сельских обществ по выбору гласных в земства еще и во втором избирательном съезде (от землевладельцев), если у них было достаточное (в сравнении с нормами, установленными земельным съездом) количество земли¹⁸².

Указ устранял самые вопиющие ограничения гражданских прав лиц крестьянского сословия и не отменял полностью сословного деления. Сохранялись натуральные повинности, оставалась подчиненность земским и крестьянским начальникам, которые назначались преимущественно из дворян. Несмотря на это, указ в целом носил буржуазный характер, был еще одним шагом вперед после 60-х годов XIX в. в наделении крестьян такими же гражданскими правами, какие имели лица других сословий. Особое значение расширение прав имело для зажиточного крестьянства. Отмена ограничительных правил о паспортах была призвана обеспечить свободный выход из общины и переселение в другие местности, а также облегчала уход крестьян на отхожие промыслы и в города.

Всех этих уступок крестьянство добилось в результате борьбы. В период первой революции царизм готов был пойти еще дальше по пути реформ. В законопроекте, выработанном особым совещанием под председа-

¹⁸² ПСЗ. Собр. 3. Т. I. № 28392.

тельством Никольского, который был принят Советом министров, утвержден царем и внесен в Государственную Думу 16 апреля 1906 г., предусматривалось более полное уравнение крестьян в правах с другими сословиями в области суда, управления, уголовных и гражданских законов. Предлагалось упразднить должности земских и крестьянских начальников, уездные и губернские по крестьянским делам присутствия, передав управление крестьянами волостным и сельским бессословным органам. Но после спада революционного движения фракции правых в Думе и в Госсовете затянули обсуждение и исправление законопроекта до мировой войны.

Отмена выкупных платежей создала юридические предпосылки выхода крестьян из общины, а изменение их правового положения ставило целью создать из них свободных граждан, значительно расширив их права и отменив большинство ограничений. Нужно подчеркнуть, что в советской историографии недооценивалось значение Манифеста 3 ноября 1905 г., указа от этого же числа о Крестьянском банке и особенно указа 6 октября 1906 г. о подготовке реформы. Между тем в последнем крестьянам разрешалось свободно выходить из общин или входить в них. При выходе из общины крестьянин мог быть приписан не к сельскому обществу, а прямо к волости (статья IV). Это прямо было связано с дальнейшим наделением выходцев из общин земельными участками, что предусматривал указ 9 ноября 1906 г.

Указ 9 ноября 1906 г. стал новым этапом в жизни общин не потому, что разрешил выход, так как выходы были разрешены в 1861 г. и никогда не запрещались полностью, а 5 октября 1906 г. объявлялись свободными. Выход с землей тоже раньше разрешался при условии внесения в казну выкупных платежей. Указ 9 ноября стал новым этапом благодаря тому, что Манифест царя от 3 ноября 1905 г. отменил все выкупные платежи. Теперь выход из общин с землей стал впервые бесплатным.

Второе очень важное обстоятельство заключалось в том, что отвод земельных участков выходцам мог быть разрешен общиной на следующих условиях:

1. крестьянин мог получить все свои полевые участки в том виде, в каком пользовался, т.е. 5–10–20 полос и более (иногда до 100). В этом случае он пользовался пастбищами, лесом, сеновалами и водопоями вместе с общинниками;

2. он мог с согласия общины свести все эти полосы в один отруб, т.е. один участок. Иногда к отрубам добавлялись количество земли, равное его доле в сенокосных и пастбищных угодьях;

3. он мог с согласия общины получить хутор, который бы включал полный отруб с добавлением к нему усадебного участка и переноса туда дома и построек, тогда как в первых двух случаях усадьба оставалась в деревне.

В первом случае для выхода нужно было получить разрешение простого большинства сельского схода, в двух последних – согласие двух третей схода. Но на заявления о выходе из общин указ 9 ноября распространил и общее правило удовлетворения всех заявлений: если ответа не дано в те-

чение 30 дней, это приравнивалось к согласию (в данном случае – сельского схода). Это правило действовало после 1906 г. при удовлетворении большинства просьб: заявление регистрировалось в соответствующем ведомстве или посылалось заказным письмом. Если в течение 30 дней не было отказа с объяснением его причин (отказ можно было обжаловать в суде); то считалось, что просьба удовлетворена. Чиновники потеряли источник взяток, но многие сотни политических партий, десятки тысяч кооперативов, профсоюзов, различных общественных организаций получили разрешение именно таким путем. Сельский сход мог дать отказ без всякого объяснения, и этот отказ нельзя было обжаловать в суде, но очень часто сход трудно было собрать, и тогда через месяц и более землеустроительная комиссия могла решить вопрос в пользу заявителя, если она считала, что выдел не ухудшит земельное положение других общинников. Поэтому правило о 30 днях действовало почти исключительно только в первом случае.

Отвод участков выделенцам назывался укреплением земли в собственность, а сами выделившиеся крестьяне – укрепленцами. До закона о землеустройстве от 29 мая 1911 г. укрепить землю в собственность можно было только после выхода из общины на основе собственного заявления. Закон же дал право землеустроительным комиссиям отводить наделы в собственность отдельных домохозяев без предварительного выхода из общины.

Наибольшее число домохозяев переходило от общинной к личной собственности по первому из перечисленных условий, наименьшее – по третьему, т.е. на хутора. В случае выхода крестьянина из общины с получением всех многочисленных полос общинники ничего не теряли, а могли приобрести многое. Например, около миллиона домохозяев, продавших свой участок, смогли продать только полевые наделы и усадьбы, а весь остальной земельный фонд переходил в случае отъезда домохозяев в города или на окраины, как это и было в действительности, общине бесплатно: пастбища, сеновалы и пр. Поэтому и средние наделы выходцев из общин были меньше средних наделов в общине.

Многие исследователи советского периода объясняли это обстоятельство тем, что якобы выходили больше всего бедняки. На самом деле большинство выходцев укрепляли в личную собственность лишь полевые участки, а остальной землей пользовались сообща (если оставались на месте), или она переходила общине. Отъезд укрепленцев тоже был выгоден общинникам, ибо они и были покупателями “полосы” по сравнительно низкой цене. Только хуторяне и некоторая часть отрубщиков укрепляли в собственность весь надел, но их, как увидим, было меньшинство. По этой причине община редко давала разрешение на такие условия выхода, как правило за много ведер водки сельскому сходу.

Распространенное мнение о том, что в ходе реализации указа 9 ноября происходила просто замена общинной собственности на землю частной собственностью, неверно. Крестьянская личная частная собственность на землю отличалась от существовавшей в России формы частной собствен-

ности. Крестьяне-укрепленцы могли продать свои наделы лишь лицам, приписанным к сельскому обществу. Покупатели их земли могли купить не более шести полных наделов (это не означало землю шести дворов, а норму шести душ мужского пола). Поэтому при массовой распродаже земель помещиками и крестьянами участие первых ценилось выше крестьянских. Правительство ставило цель сохранить мелкое крестьянское землевладение, обеспечивавшее продуктами Россию. Такое же положение вводилось и для подворников, около 3 млн которых сразу стало личными частными собственниками земли. Лишь в 1911 г. для крестьян открылась возможность приравнять свои земли в ходе землеустройства к частнособственническим, если они имели хотя бы небольшой участок купленной земли.

Собственность крестьян после укрепления земли становилась личной собственностью главы двора, тогда как ранее надел принадлежал двору. Против этого положения выступали как левые, так и правые партии и их представители в Думе. Полный ответ им дал Столыпин в своей речи в Думе 5 декабря 1908 г. Он говорил: “Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своей землей, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков ее к одному месту; он может прикупить себе земли, может заложить ее в Крестьянском банке, может, наконец, продать ее. Весь запас его разума, его воли находится в полном его распоряжении: он в полном смысле слова кузнец своего счастья. Но вместе с тем ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности, и ни одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самостоятельность.

Государство может, оно должно делать другое: оно должно обеспечить определенное владение не тому или иному лицу, а за известной группой лиц, за теми лицами, которые прилагают свой труд к земле; за ними оно должно сохранить известную площадь земли, а в России это площадь земли наделной. Известные ограничения, известные стеснения закон должен налагать на землю, а не на ее владельца. Закон наш знает такие стеснения и ограничения, и мы, господа, в своем законопроекте ограничения эти сохраняем: наделная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; наделная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю”¹⁸³.

Это высказывание Столыпина весьма актуально и в наши дни, когда в Думе обсуждается законопроект о введении частной собственности на землю и решается коренной вопрос существования нынешнего крестьянства: дадут ли ему землю бесплатно в личную собственность или сельскохозяйственный фонд будут распродавать наравне с любой другой частной собственностью, а следовательно, земля перейдет к “денежным мешкам”.

¹⁸³ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... С. 176–177.

Данные о подаче крестьянами заявлений о выходе из общин широко известны, но комментарии по этому поводу были политизированы и поэтому однобоки. И в прессе, и затем в советской историографии подчеркивалась лишь одна сторона – далеко не все крестьяне выразили желание выйти из общины и укрепить землю в собственность, что поток заявлений после 1920 г. уменьшился, и что вышло “всего” около четверти дворов.

Между тем размеры подачи заявлений очень удивили и расстроили городских защитников общины, которые надеялись на крепость общины. Противники режима, включая и тех, кто относился к общине безразлично или враждебно, надеялись, что крестьяне не будут подавать заявлений и крах реформ позволит свалить существующий политический строй и заменить политическую элиту страны. Но вопреки их ожиданиям, сначала десятки, затем сотни тысяч хозяев подали такие заявления о желании выйти из общин. Эти ожидания сменились злобой на правительство, недовольством крестьянской уной – “массой «серых» мужиков”.

Статистика выдавала сведения о подаче все новых и новых сотен тысяч заявлений, а затем их число перевалило за миллион, два и, наконец, три миллиона. Это, безусловно, заставило Государственную Думу начать серьезное рассмотрение правительственного законопроекта об общине.

Рассмотрим сначала ход подачи заявлений крестьянами по годам (табл. 8).

Таблица 8. Выходы из общин в 1907–1915 гг., тыс.

Годы	Число заявлений об укреплении земли в собственность	Число домохозяев, вышедших из общины	Число заявлений, о выдаче удостоверительных актов на основе закона 14 июня 1910 г.	Число домохозяев, получивших удостоверительные акты
1907	211,9	48,3		
1908	840,0	508,3		
1909	649,9	579,4		
1910	341,9	342,2	53,8	8,2
1911	242,3	145,6	252,2	167,3
1912	152,4	122,3	117,5	108,7
1913	160,3	134,6	102,2	97,8
1914	120,3	97,9	68,0	65,3
1915	36,5	29,9	24,3	22,5
Итого	2755,6	2008,4	618,0	469,8

(Источник: Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 200, 203. Табл. 8, 10)

В первый же год действия указа подали заявления более 211 тыс. домохозяев. Обычная “раскачка” мужиков на этот раз длилась недолго: миллион крестьян быстро поступили весьма решительно. Но самым ошеломляющим для “общества” и революционных партий стали 1908 и 1909 гг., когда число заявлений достигло 1 млн 490 тыс., т.е. всего за 3 года около 8 млн человек собрались выйти из общин и укрепить за собой участки в личную собственность. Всего же в 1916 г. было подано в соответствии с указом

2756 тыс. заявлений. При этом до закона 14 июня 1910 г., который утвердил указ 9 ноября 1906 г., внося в него некоторые изменения и дополнения, заявления подавали домохозяева из общин с переделами и без переделов. Закон 14 июня упростил порядок выхода из беспредельных общин, где не было переделов после 1861 г. В них не нужно было получать разрешение сельского схода, а только требовалось подать заявление. С конца 1910 г. уже отдельно регистрировались заявления домохозяев таких общин. За 1910–1915 гг. их было подано 618 тыс. или почти на 200 тыс. меньше, чем из общин с переделами (811,5 тыс.) за те же годы. Вероятнее всего это объясняется тем, что в беспредельных общинах, по существу, было, как это отмечал и А.М. Анфимов, подворное, а не общинное землевладение.

Всего же от всех крестьян было подано в общей сложности 3 млн 736 тыс. заявлений, что составило 40,6% всех общинников Европейской России. К этому нужно добавить, что после 29 мая 1911 г. крестьяне могли укрепить участки в личную частную собственность без предварительных заявлений о выходе из общин, о чем подробно будет сказано далее в разделе о землеустройстве. Здесь уместно отметить бросающийся в глаза факт (см. табл. 8): резкое уменьшение заявлений о выходе из общин после 1911 г. и такой же рост заявлений о землеустройстве с 1911 г.

Рассмотрим отдельно выходы из общин великорусских крестьян. На региональном уровне большинство выходов было в районах проживания великороссов, так как в Малороссии и Белоруссии общины были лишь в восточных губерниях и их было сравнительно немного. Но доля укрепленцев была выше именно в последних регионах. Так, в Юго-Западном районе (Киевской губернии) вышло из общин 48,6% домохозяев, но их число не превышало 16 тыс. дворов. В Белоруссии в Могилевской губернии вышло 56,8% дворов (90,1 тыс.) и в Витебской – 28,8% (21,2 тыс.).

Регионы с преобладанием великорусского крестьянства делились на две группы. В районах более обеспеченных земель, которые, по заявлению П.А. Столыпина в Думе, вполне могли остаться с общинным землевладением, выходов было крайне мало. Так, в Северном регионе вышло всего 6,5% дворов, в Приуральском – 4,5%, в Приозерном – 12,9%. Более высокой доля укрепленцев была в Нижневолжском районе (33,1%) и Центрально-Черноземном (26,7%). Промежуточное положение занимали Центрально-Промышленный (16,2%) и Средневолжский (18,6%) районы. Высокий процент укрепленцев был в Новороссии, где великорусское крестьянство составляло значительную долю.

Одной из причин такого различия кроме обеспеченности землей были решения сельских сходов об отказе в выходах из общин. Если на Украине получили разрешение более 98% заявителей, в Белоруссии – 84%, в Новороссии – 86%, то в великорусских районах – в среднем только около 70%.

Весьма значительной была разница данных о доле укрепленцев между губерниями внутри регионов. В табл. 9 представлены сведения по двум центральным регионам. В Черноземном районе наибольшая доля выделенцев была в Курской и Орловской губерниях, гораздо больше, чем в среднем по Европейской России и региону. Сразу заметна и причина этого:

именно в них более высок процент дворов, получивших разрешение сельских сходов: более 85% заявителей. В остальных губерниях также видна прямая связь между процентами разрешений и выходов. В Воронежской губернии более 40% заявителей не получили разрешений.

Таблица 9. Выходы из общин центральных регионов с 1907 по 1 мая 1915 г.

Губернии	Число заявивших требование об укреплении земли в личную собственность	Число домохозяев, укрепление за которыми состоялось	Отношение числа укрепивших землю в личную собственность, %		Площадь земли, укрепленной в личную собственность, дес.	Площадь наделной земли, укрепленной в личной собств., % ко всей площади общинной наделной земли
			к числу заявивших требование	к числу владевших землей на общинном праве		
Центрально-Черноземный						
Курская	119 236	102 471	85,9	43,8	409 334	28,0
Орловская	117 164	100 418	85,7	39,0	464 180	26,4
Тульская	50 048	39 517	79,0	21,6	163 913	14,5
Рязанская	62 550	46 534	74,3	17,0	167 943	9,4
Тамбовская	137 854	94 390	68,4	24,0	385 762	14,0
Воронежская	133 941	76 919	57,4	20,1	466 171	12,7
Итого по району	620 824	460 249	73,8	26,7	2 057 303	15,6
Центрально-Промышленный						
Владимирская	35 403	23 960	67,7	10,1	115 535	5,5
Московская	84 114	65 783	78,2	31,2	331 700	21,0
Калужская	45 286	40 415	89,2	23,6	288 601	20,8
Тверская	65 099	47 053	72,3	15,7	329 794	12,8
Ярославская	30 719	19 113	62,2	9,6	125 532	8,9
Костромская	33 267	23 121	69,5	9,6	187 302	8,8
Итого по району	293 88	219 445	74,7	16,2	1 378 464	12,3

(Источник: Статистический ежегодник России 1915 года. Пг., 1916. Разд. VI. С. 1)

В Нечерноземном центре оказалась гораздо меньше доля желавших выделиться. Причина, очевидно, была в том, что здесь наделы были больше и земельный вопрос не стоял так остро. Первое место по проценту укрепленцев в районе заняла Московская губерния, где вышла из общин почти треть дворов, хотя 22% заявителей не получили разрешений и остались в общинах. Московскую губернию тогда называли “русской Данией”, так как в ней было значительно развито торговое земледелие (особенно огородничество) и животноводство. Крестьяне были заинтересованы в интенсификации сельского хозяйства, в переходе от трехполья к многополью, чему препятствовало общинное землевладение. В Калужской губернии доля выходов была такой же, как в соседних черноземных губерниях – Тульской и Тамбовской.

В целом в Черноземном центре процент выходов был в 1,5 раза выше, чем в Нечерноземном. Это объясняется тем, что в Ярославской, Тверской и Владимирской губерниях выходы практически почти не проводились (всего около 10%). Великорусский Земледельческий центр занял среднее место по проценту выходов из общин (26,7%), как и по проценту заявителей (около 40%), четверть которых из общин не вышла.

В других великорусских регионах выделялись по данному показателю губернии Самарская (49,4%), Саратовская (27,7%), Пензенская (25,2%). Среди губерний с высокой долей великороссов выделялись Таврическая (63,6% укреплённых), Екатеринославская (54,1%), и Херсонская (38,1%). Таким образом, средний процент выходов скрывает весьма заметную разницу между регионами и особенно между губерниями и подтверждает тот факт, что во многих губерниях выходов почти не было, а в других реформа шла успешнее.

При анализе табл. 9 особенно наглядно подтверждается отмеченное выше обстоятельство: у вышедших из общин доля земли значительно меньше, чем у оставшихся общинников. В Черноземном центре на 26% укреплённых пришлось всего 15,6% общинной земли. Конечно, такая большая разница не могла быть только за счет выхода одних бедняков. Известно, что выходили и многие зажиточные дворы¹⁸⁴. Укреплялись в основном лишь усадьбы и полевые участки. Поэтому экономически выходы без разверстания земли на хутора были выгодны общине, особенно если укреплённые уезжали из деревни.

При анализе общих итогов выхода домохозяев из общин большинство исследователей даже в перестроечный период продолжает считать, что реформа потерпела крах, потому что из общин вышло по указу 9 ноября 1906 г. и закону 14 июня 1910 г. в общей сложности 2478 тыс. домохозяев, или 26,9% от всех 9,2 млн общинников. Но даже без учета домохозяев, заменивших общинную собственность на частную при землеустройстве, а их не учитывать уж никак нельзя, ибо их было почти столько же, все же говорить о “крахе” реформы можно было бы только в том случае, если бы законодатели ставили целью полную ликвидацию общин. Выше уже приводились слова П.А. Столыпина, что указ не ставил такой цели. Даже ленинская трактовка указа как укреплявшего только зажиточные хозяйства (“грабь общину, но поддержи меня”) должна была бы предполагать выход только зажиточных и лишь части разорившихся домохозяев, а к зажиточным В.И. Ленин относил не более 20% хозяев.

Общий вывод о выходах из общин по заявлению (даже без учета землеустройства) определяется тем, что 3373 тыс., или 36,7%, домохозяев изъявили желание выйти из общин за очень короткий срок – 8 лет. За такой срок невозможно провести отвод участков 9 млн домохозяев. Напомним, что перевод крестьян на выкуп растянулся на 20 лет (1863–1883 гг.), при этом в 1910–1913 гг. ежегодно подавалось более 100 тыс. заявлений о выходе из общин и миллионы заявлений о землеустройстве. Всего о землеу-

¹⁸⁴ См. Дубровский С.М. Указ соч. С. 222–228.

тройстве было подано от крестьян 6,2 млн заявлений, или более двух третей домохозяев-общинников пожелали получить землю в личную частную собственность. Следовательно, только первая мировая война помешала провести реформу для большинства крестьян. Но в ряде общин сельские сходы либо не дали разрешения на выход из общин, либо оказали на заявителей такое давление, что те сами отказались от этого шага. Некоторым заявителям не успели оформить укрепление земли в собственность землемеры и землеустроительные комиссии. Можно представить, сколько у них было работы при отводе ежегодно многих сотен тысяч участков – ведь каждому домохозяину выдавался документ с приложением плана участка. По разным причинам, но в основном из-за отказа сходов, не вышло из общин около 1 млн заявителей. В основном сходы отказывали желающим выйти на хутора и отруба, так как это затрагивало интересы многих общинников.

Подводя итоги, нужно отметить незавершенность реформы. С учетом же домохозяев, перешедших к личной собственности в ходе землеустройства, что будет рассмотрено далее, следует признать очень широкие масштабы и высокие темпы реформирования. Главной причиной резкого снижения темпов реформирования была первая мировая война. Но переход от общинной к личной собственности на землю, а следовательно, и об итогах реформирования общины, производился не только путем укрепления наделов, но и в ходе землеустройства.

Землеустройство крестьянских хозяйств в 1906–1916 гг.

Вопрос о землеустройстве крестьян в ходе реформирования общинного землепользования на государственном уровне был поднят в 1905–1906 гг. А.В. Кривошеиным, когда он фактически возглавлял Особое совещание Горемыкина. Он понимал, что вышедшие из общины крестьяне получат массу мелких разбросанных полос, на которых не создать зажиточного хозяйства даже при выдаче кредитов и оказании агрономической помощи. До него В.И. Гурко поднимал лишь вопрос о создании хуторов, а К. Кофод выступал инициатором разверстания на хутора. Последний описал опыты такого разверстания, когда крестьяне либо сами, либо с помощью нанятых ими землемеров очень точно делили всю землю на равные участки, которые делились по жребию. При наличии земель разного качества крестьяне разработали своеобразную систему типа аукционов: дальние участки отводились несколько большего размера, а потом устраивался открытый дележ на сходе. Многолошадные дворы брали такие хутора, а бедные семьи соглашались взять ближнюю, меньшего размера¹⁸⁵. В отличие от них Кривошеин учел, что огромный размах работ по землеустройству потребует и больших средств, и создания специальных землеустроительных комиссий. В разработанной и написанной им докладной записке он предлагал проводить землеустройство и укрепленцев, и отдельных домохозяев внут-

¹⁸⁵ Об этом см. подробнее: *Кофод К.А.* 50 лет в России. С. 162–176.

ри общин, и даже целых общин, буде последует на это их согласие, выраженное в подаче заявлений и добровольном согласии всех заинтересованных сторон. Кроме принципа добровольных соглашений А. Кривошеин особо отметил необходимость создания местных землеустроительных комиссий с обязательным участием представителей от крестьян, которые, по его предложению, должны были составлять большинство в комиссии. Это было новым в практике создания различных учреждений.

Развивая мысль о большом значении землеустроительных комиссий, Кривошеин писал о необходимости перенесения землеустроительного дела на места, выполнения его “не бюрократическим аппаратом” (он был весьма невелик), а специальными комиссиями: “...нужно приблизиться к жизни крестьянства, никакие центральные органы достигнуть этого не в состоянии. Дело должно быть всецело возложено на действующие на местах коллегиальные учреждения”¹⁸⁶.

Землеустроительные комиссии не представляли отряды землемеров, как их иногда описывают в литературе, а были официальными коллегиальными органами в уездах и губерниях. Уездная комиссия под председательством предводителя дворянства уезда включала ряд чиновников, как представителей ведомств (ГУЗиЗ, суда, податного инспектора, земского начальника), так и шесть выборных представителей земства и волостных крестьянских сходов, заместителем председателя являлся председатель земской уездной управы. В губернской землеустроительной комиссии, действовавшей под председательством губернатора, кроме чиновников тоже было шесть выборных от губернского земского съезда, в том числе трое крестьян. Ранее в стране не было таких органов с представительством, тем более земств, большинство которых было в оппозиции правительству.

Записка А. Кривошеина была одобрена царем, которому особенно понравилось предложение заменять общинное землевладение личным частным землевладением внутри сельского общества у отдельных групп дворов или целых общин. Предложение было одобрено полностью, и 4 марта 1906 г. Николай II подписал указ о землеустройстве, на 7 месяцев раньше указа 9 ноября и за месяц до принятия Основных законов Российской империи. Указ вводил “Временные правила о землеустройстве”. Юридически указ о землеустройстве не должен был обязательно вноситься в Думу, а некоторые “Временные правила” действовали много десятилетий, но ход работ потребовал внесения изменений, и этот указ был внесен в Думу уже при П.А. Столыпине. Дума приняла закон только 29 мая 1911 г.

Главным дополнением послужило положение о том, что документы землеустроительной комиссии об отводе участка домохозяину в личную частную собственность имели силу закона и поэтому предварительно не нужно было подавать заявление о выходе из общины и об укреплении земли в собственность.

¹⁸⁶ Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 79–80.

Другое важное дополнение касалось вопроса о характере собственности на землю и у тех крестьян, которые имели одновременно участки частные купчие и личные. После долгих споров на голосовании в Думе и Госсовете прошло предложение трудовиков: каждый домохозяин мог по желанию признать свои участки личной или частной владельческой собственностью. Это давало возможность любому домохозяину, получившему в личную собственность свой надел путем укрепления или землеустройства, купив хотя бы четверть десятины частной земли, объявить и бывший надел частной собственностью, которая имела более высокую цену на рынке. После 1911 г. земельный фонд частновладельческой собственности стал увеличиваться за счет личной, т.е. бывшей наделовой земли.

Большое значение землеустройству, как неотъемлемой части аграрной реформы, придавал Николай П. В 1910 г. он писал Столыпину: “Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибири – вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать”¹⁸⁷. Как уже было кратко отмечено в историографических замечаниях, А.М. Анфимов посчитал, что землеустройство противоречило якобы столыпинской реформе и проводилось А.В. Кривошеиным в тайне от Столыпина¹⁸⁸. Его ученик П.Н. Зырянов в обзоре иностранной литературы отметил, что некоторые зарубежные авторы видят успехи столыпинской аграрной реформы лишь в ее второстепенных дополнениях, к которым относились землеустройство и переселение¹⁸⁹. Между тем при разработке реформы землеустройство считалось всеми авторами законопроекта обязательной частью реформы.

Положение Кривошеина о более качественном устройстве земельной площади крестьян предполагало проводить землеустройство в рамках общей аграрной реформы как одну из его частей, и это предложение было включено в общий комплекс мероприятий товарищем министра внутренних дел Гурко, так как введение частной собственности на землю было невозможно без отвода участков. Кривошеин считал, работая еще в комиссии Горемыкина, что если бы реформа свелась лишь к выделению из общины домохозяев путем закрепления за ними существующих наделов, то она не создала бы крепкого класса собственников, а, сохраняя “аршинную” чересполосицу, привела бы к отрицательным экономическим результатам. Куратор реформы в МВД и основной автор текста указа 9 ноября 1906 г. Гурко был такого же мнения и писал, что “укрепление оправдывалось только землеустройством”. Так что и выход из общины, и землеустройство планировались одновременно¹⁹⁰.

В годы перестройки был выдвинут тезис о противоречии между курсом реформ Столыпина и Кривошеина. Доказательство приведено одно: от-

¹⁸⁷ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. Рус. архив. М., 1924. Т. 5. С. 121–122.

¹⁸⁸ Анфимов А.В. Некоторые уроки столыпинской аграрной реформы // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. С. 50–51.

¹⁸⁹ Зырянов П.Н. Современная англо-американская историография столыпинской аграрной реформы // История СССР. 1973. № 6. С. 186–195.

¹⁹⁰ См. Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 89.

рывок из письма Столыпина Кривошеину, который опубликовал В.С. Дякин со ссылкой на архив. Затем этот отрывок был приведен А.М. Анфимовым и П.Н. Зыряновым. Вот этот отрывок: “Со слишком большою силою хулятся единоличные выделы. Хвалите и дайте должную оценку сплошному разверстанию целых селений, но не опорочивайте единоличных выделов”¹⁹¹. Дякин и Зырянов считали, что это свидетельствовало о серьезных разногласиях двух министерств и их руководителей. Зырянов это комментировал так: “Со смешанным чувством относился Столыпин к такому развитию событий”¹⁹². А.М. Анфимов оценивал эти слова как доказательство того, что землеустройство противоречило курсу Столыпина на выделение из общин.

Авторы даже не учитывают, по какому конкретному поводу были написаны эти слова. Этот отрывок приведен из письма Столыпина от 3 октября 1910 г. по поводу прочтенной им записки Кривошеина о землеустройстве в Поволжье. Письмо написано лично премьером. Вначале Столыпин пишет: “Записка меня вполне удовлетворяет: она представляет такой же интерес и написана с таким же талантом, как и предыдущая (ранее Столыпин делал замечания по проекту их записки о поездке в Сибирь. – В.Т.). Сделав несколько замечаний, он продолжает: “Далее обратите внимание на стр. 3 и 9. В них по моему глубокому убеждению, с слишком большою силою...”, и затем следует приведенный отрывок, завершающийся словами: “В заключение позвольте еще раз сердечно поблагодарить Вас за прекрасно выполненную Вашим Ведомством работу”¹⁹³.

Дело было в том, что при землеустройстве целых селений выдел каждого домохозяина совершался без особых трудностей, гораздо быстрее и в 1,5–2 раза дешевле, чем при единичных выделах. Поэтому Кривошеин справедливо указывал, что крестьянам гораздо выгоднее проводить землеустройство всего селения, и отмечал недостатки выделов отдельных дворов. В письме Столыпина этот факт не оспаривается, он отметил, что выдел всех дворов надо хвалить, а единоличные выделы не надо хулить. Столыпин еще добавил, что “землеустроительные комиссии, относят везде единоличные выделы в третью очередь и пропустили между ушей рекомендацию землеустроительного Комитета не брезговать единоличными выделами там, где они могут пробить брешь в деревенской косности, и во многих местах”¹⁹⁴.

Следовательно, Столыпин призывал к тому, чтобы комиссии не брезговали единоличными выделами там, где землеустройство велось еще слабо, где было мало заявлений. Противопоставлять же землеустройство целых общин и землеустройство единоличных выделов, как якобы имеющих разное значение для столыпинской реформы, нельзя по той причине, что и при землеустройстве целых общин (селений) выделялись нередко и хутора, и очень часто и отрубные участки, т.е. сугубо единоличные наделы.

¹⁹¹ Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12. С. 121.

¹⁹² Зырянов П.Н. Петр Столыпин... С. 59.

¹⁹³ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. 1910 г. Д. 324. Л. 20–21 и об.

¹⁹⁴ Там же. Л. 21.

Один из руководителей землеустройства, Кофод, вначале вообще был против выделов отдельных дворов, но затем он убедился, что они тоже приносят пользу. “Должен сказать, однако, – писал он, – что довольно быстро примирился с выделом отдельных дворов, так как это в большой степени способствовало распространению знаний о разверстании в целом среди крестьян. Мы ведь видели, что там, где были выделены отдельные хозяйства, вскоре и остальные домохозяева следовали этому. С годами выделы отдельных дворов охватывали все большую и большую часть деревень...” По мнению Кофода, такие дворы составили около 1/3 всех землеустроенных дворов и нередко выделы производились не только землемерами, но и самими крестьянами, которые знакомились с работой землемеров в соседних селах¹⁹⁵.

Наиболее распространенным разверстанием целых общин был отвод домохозяевам двух или трех полос в разных местах, что было требованием самих крестьян, поскольку качество полей было неодинаковым (почва, расположение в низине или повыше и т.п.). Но даже в этих случаях это были единоличные участки отдельных домохозяев. Почти везде такие крестьяне, как и отрубники, требовали сохранить общие пастбища и не включать в участки усадьбы, т.е. сохранять деревни¹⁹⁶. Причина же ошибки названных выше авторов о разногласии между Столыпиным и Кривошеиным по поводу отдельных выделов и выделов целых общин заключается в том, что Столыпин назвал единичные выделы (так правильно называл Кофод) единоличными. Он, конечно, не знал, что в 1930 г. то слово приобретет особый смысл. Одновременно Столыпин в целом похвалил большую работу ведомства, хотя названные выше авторы посчитали, что премьер был недоволен работой ГУЗиЗ¹⁹⁷.

При единоличных выделах, когда община не соглашалась на общий раздел земли, выделялись часто далеко не самые зажиточные хозяйства и они могли получить не один отруб, а несколько участков. При разверстании целых селений землеустройство шло гораздо быстрее, а это было очень важно не только ради наград, а из-за того, что поступило более 6 млн заявлений, землемеры и комиссии физически не успевали удовлетворить всех желающих. Землемеров до 1907 г. готовил Межевой институт, который выпускал в 1907 г. 50 межевых инженеров, и 5 училищ, готовивших до 150 землемеров. К 1914 г. было открыто девять новых училищ и увеличен выпуск инженеров в Межевом институте. В 1907 г. работало 600 землемеров, в 1914 г. – 6500, землемеров готовили также многочисленные курсы. Кофод считал, что качество разверстаний в России было выше, чем в Дании¹⁹⁸.

Столыпин никогда не расходился с Кривошеиным по поводу признания большого значения землеустройства. Более всего доказывает надуманность тезиса о противоречии курсу Кривошеина политика Столыпина в

¹⁹⁵ Кофод К.А. 50 лет в России. С. 206–207.

¹⁹⁶ Там же. С. 213–214.

¹⁹⁷ Зырянов П.Н. Петр Столыпин... С. 59).

¹⁹⁸ Кофод К.А. Там же. 50 лет в России. С.

области землеустройства, активное участие последнего в проведении землеустройства как до прихода Кривошеина в ГУЗиЗ, так и при нем. В речи во II Государственной Думе 6 марта 1907 г. Столыпин выделил землеустройство крестьян как одну из главных задач правительства в области аграрной политики¹⁹⁹. В январе 1908 г., еще до назначения Кривошеина, Столыпин издал циркуляр (№ 13) о том, что “землеустроительное дело, ввиду его первостепенного государственного значения, должно составлять предмет особого внимания начальников губерний”²⁰⁰.

В январе 1909 г. именно Столыпин впервые назвал землеустройство новым этапом в проведении аграрной реформы. Выступая на открытии съезда членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий, он призвал чинов МВД к тесному сотрудничеству с ведомством ГУЗиЗ и сказал, что им “надлежит проникнуться убеждением, что укрепление участков лишь половина дела, лишь начало дела, и что не для укрепления чересполосицы был создан указ 9 ноября. Вам придется теперь обеспечить успех второй стадии: отвод участков к одним местам, внутринадельное устройство крестьян. В этом деле вам придется работать рука об руку с ведомством землеустройства... Вот почему я приношу глубокую благодарность его высокопревосходительству главноуправляющему, пошедшему навстречу совместному обсуждению назревших в области землеустройства проблем”²⁰¹. В монографии С.М. Дубровского приводятся дополнительные доказательства сотрудничества двух министров и двух министерств в проведении землеустройства.

Позиции Столыпина и Кривошеина совпали и при обсуждении в ноябре 1908 г. в Совете Министров статьи 3 закона о землеустройстве. Содержание этой статьи определило, каким считать личный надел домохозяина, если у него уже есть частная земля или он собирается ее приобрести. Выше уже упоминалось об этом, но важно то, как отнеслись к разным предложениям думских фракций премьер и глава ГУЗиЗ. Только Столыпин, Кривошеин и Щегловитов предложили считать такие отруба наделными землями, а большинство министров проголосовали за то, чтобы считать их частными. Но царь поддержал и утвердил редакцию меньшинства, и в таком виде статья была внесена в Думу. После многих споров Дума приняла иную редакцию: считать эти земли частной собственностью, но по желанию владельцев они могут быть признаны наделными.

К моменту обсуждения в Государственном Совете взгляды Столыпина и Кривошеина изменилась, и Кривошеин настаивал уже на признании отрубов частным владением. Правые, наоборот, отстаивали предложение считать такие участки наделными. На общем собрании Государственного Совета при голосовании ни предложение правительства (Кривошеина), ни предложение правых не прошли, а была принята редакция Думы²⁰². Правые провели закон, и он был принят не в редакции Кривошеина, а в редак-

¹⁹⁹ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 57–58.

²⁰⁰ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. С. 237.

²⁰¹ Приводится по: Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 91.

²⁰² ПСЗ. Собрание 3. Т. XXXI. 1911. Отд. 1. Спб. С. 456–457.

ции Думы, где его отстаивали трудовики, октябристы и некоторые другие депутаты. Кроме этой статьи, другие разногласия были незначительными (между правыми и большинством Думы, не имея ввиду левые фракции)²⁰³.

Принятие закона 1911 г. совпало с проведением съезда по землеустроительным делам, который одобрил новый наказ землеустроительным комиссиям. В основу наказа был положен принцип добровольного согласия крестьян на размежевание. Выступая на съезде, Кривошеин в мае 1911 г. особо призывал соблюдать этот принцип. «Было бы совершенно ненормальным, – говорил он, – проводить те меры, которым не сочувствуют владельцы земли. Какие бы полномочия ему не давал закон, именно только то землеустройство имеет цену, польза которого признается и одобряется всем заинтересованным населением»²⁰⁴.

Еще раз нужно подчеркнуть: значение закона 29 мая 1911 г. состояло не только в улучшении земельной площади крестьян, но и в передаче земли в собственность домохозяина без дополнительных актов сразу по утверждении проекта землеустроительными комиссиями. Не нужно также было предварительно выходить из общины для укрепления земли за собой (как до принятия этого закона. Землеустроительным комиссиям были даны права арбитров в случае споров сторон, но учитывая принцип согласия и добровольности. Впоследствии (29 апреля 1915 г.) Кривошеин циркуляром вообще запретил производить работы, когда не удастся согласовать интересы выделяемых дворов²⁰⁵.

Если выходы из общины в 1910–1914 гг. значительно сократились, то количество заявлений о землеустройстве и число землеустроенных дворов резко увеличилось, о чем свидетельствуют следующие данные по 47 губерниям Европейской России (табл. 10):

Таблица 10. Землеустройство в Европейской России, тыс.

Годы	Подано заявлений о землеустройстве	Из них землеустроено		Всего землеустроено
		Единоличных хозяйств	Групповых владений	
1907	213,3	3,2	4,3	12,6
1908	380,7	42,4	17,6	60,2
1909	705,0	119,5	85,8	205,3
1910	650,2	152,1	110,9	263,0
1911	678,1	206,8	112,3	319,1
1912	1226,2	123,2	125,9	249,1
1913	1105,7	194,3	194,5	388,8
1914	828,1	209,7	269,1	478,8
1915	380,9	177,2	221,5	398,7
Итого	6174,5	1234,7	1142,3	2376,0

(Источник: Отчет о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. Пг., 1916. С. 2–3)

²⁰³ См.: Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина М., 1973. С. 123, 318–319.

²⁰⁴ Приводится по: Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 93.

²⁰⁵ Реформы в России. М., 1993. С. 145.

Среднегодовое число заявлений и устроенных дворов в 1910–1914 гг. не только не уменьшилось, но даже возросло по сравнению с 1907–1909 гг. в 2 раза (с 435 тыс. до 898 тыс.); количество землеустроенных дворов возросло в 4 раза (с 93 до 340 тыс.). Таким образом, рост числа землеустроенных дворов не только компенсировал сокращение выходов из общины, но даже превзошел его, так что если сложить количество выходов из общины с числом выделенных дворов, то по годам не будет уменьшения на втором этапе: в 1907–1909 гг. было в среднем 451 тыс. тех и других, а в 1910–1914 гг. 701 тыс. дворов вышла из общин и была землеустроена. Как видим, темпы проведения аграрной реформы по общему количеству дворов не только не замедлились, но даже увеличились после 1910 г., только выход из общин заменился землеустройством дворов по личным заявлениям прямо в землеустроительные комиссии.

К этому нужно добавить, что цифра 2376 тыс. землеустроенных дворов включала только те дворы, по которым уже была утверждена вся документация землеустроительными комиссиями, а фактически было завершено в натуре на местности, включая установку межевых знаков между участками, гораздо больше. К началу 1916 г. было ограничено и землеустроено 3,5 млн дворов или более половины из тех, кто подал заявления. Это значительно больше всех выделившихся из общины (2478 тыс.). Особенно поражает цифра подавших заявления о землеустройстве – 6 млн 174 тыс., что составляет две трети всех дворов в общине. Придавая большое значение юридическому оформлению уже подготовленных в натуре проектов, Кривошеин циркуляром от 15 апреля 1915 г. приказал сократить землеустроительные работы и всех освобождающихся землемеров посадить на камеральные работы по “законченному землеустройству”, что быстро продвинуло окончательный отвод участков. Эта мера была вынужденной, так как заканчивался период отсрочки от призыва для большинства землемеров. Странно читать в коллективной монографии “Реформы в России” утверждение о том, что Кривошеин якобы разочаровался в землеустройстве и решил свернуть работы, посадив землемеров на второстепенные камеральные работы²⁰⁶.

В великорусских селах средний процент землеустроенных дворов к их общему числу также сильно различался по отдельным регионам, как и доля выходов из общин, но не совпадал и с последними. Землеустроенные дворы (2376 тыс.) составляли 26,8% всех общинных дворов. Но делать такой общий вывод нельзя, потому что хотя землеустройство шло главным образом в общинной деревне, оно частично затронуло и подворные наделы. Точно также нельзя складывать 2376 тыс. землеустроенных и 3225,4 тыс. укрепивших землю в собственность, поскольку часть укрепленцев затем подала заявления и прошла землеустройство своих разрозненных участков. По данным С.М. Дубровского на 1916 г., было землеустроено в Центрально-Земледельческом регионе 16,5% дворов, в Центрально-Промышленном – 22,6; Приозерном – 18,2; Северном – 12,7; Средне-

²⁰⁶ Реформы в России. М.: Российская академия управления, 1993. С. 142, 144–145.

волжском – 20,6; Нижневолжском – 14,2; в Новороссии – 13,2; Приуральском – 4,7%. Здесь Черноземный центр отстал значительно и от Нечерноземного, и еще от трех регионов²⁰⁷. Но общие выводы по районам делать нельзя, так как землеустройство набирало темпы только после 1911 г. и почти три пятых заявлений не было удовлетворено. На этом направлении первая мировая война нанесла наибольший урон.

Количественные итоги землеустройства выражались не только числом дворов, но и площадью отведенной земли. Всего крестьянам было отведено в ходе землеустройства к 1916 г. 20,2 млн дес. земли, что было больше общей площади Италии и Англии. Из них 11 993 тыс. дес. (59,4%) получили единоличные хозяйства и 8257 тыс. (40,6%) групповые. Среди групповых хозяйств преобладали те, в которых были ликвидированы многопосолища, дальнотемелье, чересполосица, отграничены участки от смежных владений. У них, как и у многих отрубников, сохранялось общее пользование пастбищами и некоторыми другими угодьями.

Землеустройство сыграло решающую роль в создании единоличных участков. По данным П.П. Першина, за годы столыпинской реформы было создано 1559 тыс. хуторов и отрубов, из них 64,6% – путем разверстания²⁰⁸. Таким образом, главным путем создания единоличных участков было внутринадельное размежевание в ходе землеустройства. Иные цифры привел А.М. Анфимов, по данным которого 308 тыс. хуторов и отрубов было создано путем выдела из общины (30,6%), а “по кривошеинковскому разверстанию – 698 тыс. (69,4%)” и на землях крестьянского банка 318 тыс., всего же 1324 единоличных хозяйства, из них 329 тыс. хуторов и 995 тыс. отрубов²⁰⁹.

По данным Отчета ГУЗиЗ, итоги которого приведены выше, только в ходе землеустройства к 1916 г. было создано 1234 хуторов и отрубных участков, т.е. почти в два раза больше, чем насчитал А.М. Анфимов.

Несмотря на расхождение в цифрах, и Першин, и Анфимов признают, что около 2/3 хуторов и отрубов было создано в результате землеустройства, а ранее во всей учебной литературе приводились только данные об участковом землевладении и только в результате выходов из общин и на землях крестьянского банка, что занижало итоги более чем на 64–69%. Этой путанице способствовал и С.М. Дубровский, который отметил, что хутора и отруба составили лишь 10,2% всех крестьянских хозяйств²¹⁰ (приводились и гораздо меньшие цифры). По данным П.Н. Першина, хуторские и отрубные участки составляли 16,9% общинных хозяйств.

Если выходы из общин в ходе укрепительного процесса дали 10% хуторян и отрубников к числу всех укрепленцев, то в ходе землеустройства хуторяне и отрубники составили 52,9% всех землеустроенных дворов, а в остальных хозяйствах крестьяне получили по 2–3 участка вместо десятков полос. Крестьяне предпочитали раздел на отруба, при котором сохраня-

²⁰⁷ Дубровский С.М. Указ соч. С. 247. Таблица.

²⁰⁸ Першин П.Н. Участковое землепользование в России. М., 1922. С. 46–47.

²⁰⁹ Анфимов А.М. Некоторые уроки... С. 51–52.

²¹⁰ Дубровский С.М. Указ соч. С. 251.

лись полностью деревенский образ жизни и сельское общество, хотя общинная собственность в основном была заменена личной. Что касается хуторян, то их крестьяне старались не допускать на свои сходы. Видимо, требовалось создавать у хуторян свои отдельные сельские общества, как это было, например, в Прибалтике и в некоторых западных губерниях. Но правительство (этим ведало, в частности, МВД) считало, очевидно, что хуторяне остаются приписанными к сельскому обществу, хотя и полностью перешли от общинной к личной собственности на свои участки.

При выделе из общин (данные по 40 губерниям) доля выделившихся хозяйств (22,1%) была значительно выше доли выделенной им земли (14,0%). Это означало, что выделялись хозяйства, в среднем имевшие меньше земли, чем у оставшихся в общине²¹¹, а при землеустройстве картина была прямо противоположной. По данным о 47 губерниях, доля выделенных дворов (50%) была меньше доли доставшейся им земли (61,3%)²¹², следовательно, выделялись в среднем более зажиточные дворы. Об этом же свидетельствуют и данные о средних наделах: у выделившихся он был равен 7 дес., а у землеустроенных – 10 дес.²¹³.

П.Н. Зырянов сделал противоположный вывод, приведя данные только по одной Полтавской губернии: он отметил, что при разверстании целых селений “умножалось число мелких хуторян и отрубников”²¹⁴. Но данные отчета о землеустройстве говорят о другом – именно на первом этапе реформы из общины вышло гораздо больше бедняков, чем при землеустройстве на втором этапе.

Нужно отметить, что размер надела личной земли был все же меньше, чем средние наделы в Европейской России. Это доказывает, что землеустройство шло главным образом в малоземельных общинах, где уже нельзя было прокормиться с полос, разбросанных в десятках мест, и где нельзя было применять передовые методы агрономии.

Что же дало землеустройство крестьянам? Основной целью землеустройства было уничтожение многополосицы, чересполосицы, дальнотемелья. Вследствие этого ликвидировались многие, а иногда все сопутствующие недостатки. Вся землеустроенная земля становилась личной собственностью домохозяина: до закона 1911 г. уже перед землеустройством земля укреплялась за ним, а после закона само землеустройство означало переход к личной собственности. В обоих случаях часть угодий могла остаться в общинной или групповой собственности (в основном пастбища).

Какая выгода была от ликвидации дальнотемелья, показывают расчеты А.А. Мануйлова, приведенные в табл. 11.

²¹¹ Дубровский С.М. Указ соч. С. 201. Таблица.

²¹² Кривошеин А.А. Указ. соч. С. 96.

²¹³ Отчет о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. ГУЗиЗ. Пг., 1916. С. 2–3. (Подсчитано мной. –В.Т.)

²¹⁴ Зырянов П.Н. Петр Столыпин... С. 58–59.

Таблица 11. Затраты времени на переход от усадьбы до места работы к времени полезной работы в зависимости от расстояния от усадьбы до места работы

Расстояние от места работы до усадьбы, саж.(м)	Затраты времени на переход к времени полезной работы, %	Расстояние от места работы до усадьбы, саж.(м)	Затраты времени на переход к времени полезной работы, %
100 (213)	1,8	1000 (2133)	20,0
700 (1493)	13,1	2000 (4266)	50,0
500 (1066,6)	9,0	3000 (6399)	100,0

(Источник: Мануйлов А.А. Конспект курса организации сельскохозяйственного предприятия. М., 1920. С. 8. Таблица сокращена и дан пересчет саженей в метры. – В.Т.)

При дальнотемелье в 5 км и более, что было нередким явлением, на переход тратилось от 50 до 100% того времени, какое крестьянин тратил на работу. Даже при расстоянии 1,5–2 км затраты были весьма велики, а на хуторах все переходы занимали времени во много раз меньше. Один из корреспондентов Вольно-экономического общества из Карачаевского уезда Орловской губернии писал, что у хуторян вся работа под руками. Хозяин, “можно сказать. один раз мажет колеса дегтем в лето, а урожай свозит в скирды почти за один погожий день”²¹⁵.

Конкретные качественные итоги землеустройства выявило специальное обследование 12 уездов Европейской России, проведенное по инициативе ГУЗиЗ в 1913 г. Эти итоги были поставлены под сомнение некоторыми исследователями²¹⁶. С.М. Дубровский отметил, что к этим материалам нужно “относится с большой осторожностью”, так как, по его мнению, “царские чиновники”, как писал “про другое” (!) обследование В.И. Ленин, не изучали дела, а извращали его. Однако, никаких неточностей он не отметил, лишь выразил сомнения по поводу отбора уездов для обследования. По этому вопросу ряд возражений привел Э.М. Шагин²¹⁷. Можно добавить по поводу “царских чиновников”: в связи с большой перегрузкой всех этих чиновников землеустройством, А.В. Кривошеин распорядился как можно шире привлечь в состав обследователей студентов Межевого института и училищ. Студенты тогда были в своей массе настроены антиправительственно, но конкретная работа с крестьянами их привлекала, и они убедились на практике, как много было сделано за короткий срок. Поэтому обвинения в адрес “царских чиновников” нужно снять, тем более что они бездоказательны.

С.М. Дубровский, несмотря на скептический отзыв относительно обследования итогов землеустройства в 12 уездах, затем привел данные это-

²¹⁵ Приводится по: Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г... Ч. 1. 1917. С. 132.

²¹⁶ См.: Дубровский С.М. Указ соч. С. 270–272; Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной реформы. Саратов, 1985. С. 311.

²¹⁷ Шагин Э.М. Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1995. С. 133–135.

го обследования очень подробно, и этот фактический материал служит опровержением его выводов.

Обследование охватило 22 399 вновь созданных в ходе землеустройства хозяйств, в том числе 17 567 из них были созданы на наделной земле, остальные на банковской и на казенной. Распределение соответствовало существовавшему положению – 78,4% их, или абсолютное большинство, было на наделной земле. Наиболее показательны данные по ликвидации многополосности (табл. 12).

Таблица 12. Распределение хозяйств по количеству полос у них, %

	Число полос в хозяйстве									
	1	2	3	4–5	6–10	11–20	21–40	41–60	66–100	>100
До землеустройства	3,9	2,1	3,8	14,5	26,9	20,2	16,1	6,6	4,4	1,5
После землеустройства	26,4	48,9	24,7	–	–	–	–	–	–	–

(Источник: Дубровский С.М. Указ соч. С. 279)

По данным таблицы видно, что очень много хозяйств страдали от многополосицы. Трудно даже представить, как можно было хозяйствовать на 100 полосах или даже на 60–100 полосах, а таких дворов насчитывалось по результатам обследования 5,9%. При расчете на всех общинников Европейской России это составляло почти 500 тыс. домохозяев, а группа с 41–60 полосами давала еще более 600 тыс. дворов. В целом к многополосным относились дворы с 21 и более полосами, составлявшие в общей сложности 28,6%. Дворов с 1–3 полосами было всего 9,8%. После землеустройства положение коренным образом изменилось: 26,4% получили по одной полосе, но главное заключалось в том, что все остальные хозяйства получили по 2–3 полосы и это создало условие для улучшения агротехники (введение многополья, травополья, применения машин, удобрений и пр.).

При разбивке полей учитывалось не только уменьшение числа полей, но и приближение их к месту жительства. До землеустройства только 22,1% дворов имели поля на расстоянии до 1 версты, а после землеустройства – 49,9%. Дальноземельных (свыше 5 верст) было 36,4%, а стало 17%, или в 2,1 раза меньше. Это имело большое значение для повышения производительности, облегчения условий хозяйствования. Резко сократилось и число межей между полосами: вместо 200 межей стополосные дворы стали иметь не более 6–10, 50-полосные вместо 100 межей – не более 10 и т.д. Это увеличило площади пашни и посевов.

Эти три фактора: ликвидация многополосицы и мелкополосицы, сокращение дальноземелья и резкое уменьшение межей были бесспорными достижениями большой армии высококлассных русских межевых инженеров и техников, многих тысяч их помощников из числа крестьян, результатом кропотливой и трудоемкой работы землеустроительных комиссий. Конечно, и среди чиновников встречались взяточничество и другие зло-

употребления, но большинство их работало добросовестно. Их вдохновляло то обстоятельство, что они приносили конкретную и видимую пользу крестьянам, народу.

В ходе землеустройства не удалось решить во многих случаях проблему размежевания крестьянских и помещичьих земель, так как требовалось соблюдать согласие всех заинтересованных лиц. Но немало помещиков, напуганных крестьянскими бунтами 1905 г., согласилось устранить такую чересполосицу.

Итоги обследования опубликованы с большой полнотой. Они позволяют установить, что в обследованных хозяйствах после землеустройства увеличились средние размеры землевладения на одно хозяйство. С.М. Дубровский составил таблицу по данным этих итогов, где одновременно привел размеры наделов по уездам на наделных землях и на землях Крестьянского банка и казны. После землеустройства произошло увеличение наделов на всех землях, но более всего на землях Крестьянского банка. Из этого он сделал вывод, что везде сельская буржуазия значительно усилилась в результате землеустройства²¹⁸. Правильнее отметить не рост буржуазии, а рост зажиточных крестьянских хозяйств, так как средние размеры землевладения не давали от возможности ведения крупного буржуазного земледелия (в Центральном регионе от 3 до 20), а группа, владеющая личными участками свыше 25 дес., составляла 10,4%, колеблясь по уездам от 5 до 16%²¹⁹. В землеустроенных хозяйствах увеличилось применение наемного труда и среднее число сельскохозяйственных орудий на 100 хозяйств. Особенно заметно вырос процент дворов с железными плугами, веялками и молотилками. У хуторян увеличилась доля домохозяев с многопольными севооборотами. После землеустройства увеличились урожаи хлебов, площади посевов интенсивных культур²²⁰. Э.М. Шагин привел данные об участии домохозяев в кооперациях: до землеустройства только 18% из них были членами различных кооперативов, а после – 42%²²¹.

В деятельности землемеров и землеустроительных комиссий были и недостатки, которые неизбежны при работе таких огромных масштабов. Эти недостатки освещались в антиправительственной прессе, критиковались рядом авторов оппозиционного направления, что было главным образом вызвано накаленной политической атмосферой. Крайне политизированную позицию занимали кадетствующие руководители земств на I сельскохозяйственном съезде в 1913 г. в Киеве. «Направление землеустройства в том виде, в каком оно ведется теперь, – отмечалось в резолюции съезда, – в высшей степени несовершенно...»²²² В решении съезда содержался призыв не принимать участие в землеустройстве, хотя А.В. Кривошеин выступал за тесное сотрудничество для блага отечества.

²¹⁸ Дубровский С.М. Указ соч. С. 274–275.

²¹⁹ Там же. С. 276. Таблица. Исключены южные уезды.

²²⁰ См.: Там же; Шагин Э.М. Указ соч. С. 135–146.

²²¹ Шагин Э.М. Указ. соч. С. 137.

²²² Цит. по: Ефременко А.В. Агрномический аспект столыпинской земельной реформы // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 6.

Подъем сельскохозяйственного производства в России в 1906–1914 гг. подтверждается работами И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селушко, С.М. Сидельникова, В.С. Дякина и многих других авторов. Думаю, что вопрос этот в целом не нуждается в доказательствах, и я здесь имею возможность не раскрывать его подробно, тем более, что обобщенные данные о крестьянском хозяйстве этого периода недавно мною опубликованы²²³.

Но отдельные авторы (А.М. Анфимов, П.Н. Зырянов, А.В. Островский и другие), не оспаривая сам факт быстрого роста всего сельского хозяйства в этот период, объясняют его не проведением столыпинской реформы, а другими факторами: ростом мировых и внутренних цен на сельскохозяйственные продукты, хорошими урожайными годами в 1908–1913 гг. и т.п.²²⁴ Несомненно, что на подъем крестьянского хозяйства оказывали влияние общие факторы социально-экономического развития России конца XIX – начала XX века. Это доказывается и тем, что подъем сельскохозяйственного производства начался в конце XIX в. Совершенно неверны утверждения ряда крупных политиков начала перестройки о том, что до 1906 г. сельское хозяйство было в упадке, а пришел Столыпин, насадил фермерские хозяйства и начался подъем деревни.

Но столыпинская аграрная реформа дала мощный толчок развитию крестьянских хозяйств. Выделить факторы, оказавшие большее воздействие, довольно трудно. Материала по этой проблеме так много, что он должен быть проанализирован в отдельной монографии о крестьянском хозяйстве в начале XX века. Однако никак нельзя отрицать глубокого воздействия реформы на крестьянское хозяйство и центральной России, и окраин. В частности, даже укрепительный процесс дал много положительного: 1 млн крестьян продали свои наделы, получив немалую сумму, а оставшиеся 8 млн дворов купили эти наделы по ценам значительно ниже рыночных. В ходе укрепления земли у многих крестьянских хозяйств были ликвидированы многополосность, мелкополосность, дальнотемелье. Особенно ярко это проявилось во время землеустройства, итоги которого четко зафиксировало обследование, в котором приняли участие студенты разных сельскохозяйственных вузов и училищ.

Всего, по данным министра земледелия А.Н. Наумова, содержащимся в его “Записке” о 10-летию ведомства земледелия и землеустройства, доложенной им царю 29 февраля 1916 г., в Европейской России было создано около 2 млн хуторских и отрубных хозяйств в ходе укрепительного процесса и землеустройства. Министр отметил, что в годы войны, несмотря на мобилизацию в армию более 40% штатного аппарата ведомства, землеустройство крестьян продолжалось²²⁵.

Немалую роль сыграли расширение крестьянского землепользования за счет помещичьих и казенных земель, агрономическая помощь, расши-

²²³ См.: Тюкавкин В.Г. Крестьянство России. 1861–1917 гг. // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. С. 140–150.

²²⁴ Анфимов А.М. Неоконченные споры...; Зырянов П.Н. Петр Столыпин...; Островский И.В. Петр Столыпин и его время. Новосибирск, 1992.

²²⁵ РГИА. Ф. 1571. 1916. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–1об.

рение кредитов, широкое школьное строительство в деревне, рост сети сельскохозяйственных учебных заведений, на чем остановлюсь далее.

Оказание государственной помощи крестьянам в период реформы

В перечне предложений 1902–1905 гг. о проведении реформирования деревни было высказано твердое убеждение в том, что без государственной помощи в России нельзя поднять крестьянское хозяйство, даже предоставив последнему условия свободного предпринимательства на рынке и освободив его личную землю от жестких ограничений общины. Правительство и император отказались от многих радикальных предложений Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и фракций I и II Государственных Дум.

Главным был вопрос о земле: за счет чего увеличить земельный фонд крестьянства? Известно, что предложений было очень много. Самые радикальные (революционных партий) сводились к конфискации всех земель и передаче их в руки государства (В.И. Ленин), местных органов власти (меньшевики), общины (эсеры) или “черному переделу” – разделению земли между всеми, кто ее обрабатывает по “трудовой” норме, кто сколько сможет обработать своими силами, без найма.

Почти весь XX век велись споры по вопросу о том, решила бы проблеме передача крестьянам земли крупных частных владельцев (на 2/3 из помещиков). Советским историкам с 1960-х годов пришлось отстаивать правоту ленинской программы о том, что только передача этих земель крестьянам могла помочь крестьянскому хозяйству подняться на ноги, в споре с зарубежными историками, большинство которых возражало против этого. Последние отмечали, что итак абсолютное большинство сельскохозяйственного земельного фонда было у крестьян: из обрабатываемых, по их данным, 240 млн дес., у крестьян было 138 млн дес. наделных и 34 млн дес. частных, т.е. 172 млн дес., или 71,6%. Они также обратили внимание на то, что у крупных помещиков значительная часть земли была под лесом, ликвидация которого привела бы к пересыханию речек, увеличению оврагов и т.п. Но главный аргумент сводился к тому, что этой земли – около 70 млн дес. было недостаточно, так как в деревнях Европейской России имелось не 12,5 млн дворов, а 17,5 млн. Когда же после 1917 г. стали делить все земли, то очень многие большие семьи разделились и стало 25 млн дворов. В районах наибольшего крестьянского малоземелья помещичьих имений было меньше, чем в Нечерноземной зоне и т.п. Проведенные западными историками подсчеты показывают, что насильственная конфискация помещичьих земель и передача их крестьянам была бы лишь кратковременным выходом. К тому же это лишь допущение и реального значения не имеет.

Программа правительства была построена на более реальных основах. Правда, Столыпин поначалу не отказывался от мысли передать законода-

тельным путем часть земли крупнейших латифундистов крестьянам, т.е. частично осуществить проект Ж. Кутлера. Об этом свидетельствует его заявление графу А.А. Бобринскому, сделанное в присутствии многих свидетелей: “Вам придется расстаться с частью вашей земли, граф”²²⁶. Но затем по его заданию аппаратом МВД и Центрального статистического Комитета были проведены подсчеты, на сколько увеличились бы наделы крестьянских дворов при передаче им частновладельческих и казенных земель. Оказалось, что на Севере и на Урале эта прибавка была бы очень большой, а в Черноземном центре – мизерной. Все это Столыпин изложил в речи на заседании Государственной Думы 10 мая 1907 г. По данным о всей земле (включили частновладельческие, казенные, удельные, даже землю городов), большая прирезка была бы в северных губерниях – от 147 в Вологодской до 1309 дес. в Архангельской; в 14 губерниях Центра она составила бы менее 15 дес. Но в Европейской России в 50 губерниях ежегодно прибавляется 1,6 млн человек или 341 тыс. семей. Только для них нужно ежегодно прибавлять по 500 тыс. дес. Расчеты показали также, что лишь седьмая часть частновладельческих земель была расположена в тех 10 губерниях, где наделы составляли менее 7 дес. на двор. Столыпин сделал вывод, что передача части или даже всей частновладельческой земли решит вопрос на очень короткий период²²⁷.

С другой стороны, интенсификация сельского хозяйства, улучшение агротехники дали бы результат не скоро, и нужно было искать пути увеличения крестьянского землепользования в центре. В период реформы главными из них были увеличение переселения на окраины, передача крестьянам частных земель через Крестьянский банк, продажа по льготным ценам части казенных и удельных земель.

О большой роли Крестьянского банка в предстоящих преобразованиях деревни говорилось еще с 1902 г., в том числе и В.К. Плеве. Но события 1905 г. усилили роль банка. Только с 1906 по 1909 гг. помещики предложили банку 14,5 млн дес. земли, или более четверти дворянских земель. В 1907 г. банк купил 1191 имение площадью 1520 тыс. дес., тогда как за 1895–1905 гг. было куплено 522 имение (961 тыс. дес.). Но банк не смог купить всю предложенную ему землю по причине недостатка средств. Кроме того, банк поддерживал сравнительно высокие цены, чтобы не дезорганизовать рынок, а также по политическим целям поддержки класса помещиков, хотя последние готовы были избавляться от имений чуть не за полцены. Тем не менее многие крупные помещики в районах повышенного спроса на землю довольно выгодно продали банку или при содействии его свои имения²²⁸.

Поддержка сравнительно высоких цен на землю проходила в течение всего периода 1906–1914 гг., на чем настаивал министр финансов Коковцов, хотя ведомство ГУЗиЗ указывало, что такая политика продажи крес-

²²⁶ Цит. по: *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С. 84.

²²⁷ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991. С. 88–90.

²²⁸ См. *Анфимов А.М.* Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 41–45.

тяням этих земель “с барышом”, т.е. дороже заплаченного помещикам, не соответствует целям передачи крестьянам как можно большего количества земли²²⁹. Но это лишь незначительно повлияло на политику Министерства финансов. В течение ряда лет Столыпин и Кривошеин добивались передачи банка в ведомство земледелия, но Коковцов категорически возражал. Указами царя в 1906–1907 гг. Крестьянскому банку была передана часть (1,3 млн дес.) удельных земель для продажи крестьянам. Всего за 1906–1915 гг. банк продал 4,1 млн дес. земли крестьянам, причем с 1910 г. более 90% – хуторами и отрубам. При посредничестве банка крестьянами было куплено еще 5,7 млн дес. Ссуды на покупку банковской земли составили 421 млн руб., и на посреднические операции – 606 млн руб. При посредничестве банка половину земель также купили единоличники, остальное – товарищества и общины. У покупателей банка наделы увеличились с 5,6 до 14, 6 дес., т.е. главным контингентом покупателей были бедняки, они пополнили ряды середняков. В общей сложности с помощью банка крестьяне купили около 10 млн дес. частновладельческих земель²³⁰.

Из проданных банком земель 23,8% было под хуторами и 54,9% – под отрубам (3,2 млн дес.), а из земель, купленных с ссудами банка, 90% составляли единоличные участки. Землю банка покупали в основном бедные, малоземельные крестьяне. Так, хозяйства с наделом до 1,5 дес. составили 17% покупателей, с наделом от 1,5 до 3 дес. – 19%, а безземельные – даже 20% и всего они составили 56% покупателей. Доля покупателей с наделами от 3 до 6 дес., представлявших как бы верхний слой бедняков, составила 21,8%. Средние слои (надел 6–15 дес.) дали 19% покупателей, а более зажиточные (свыше 15) – всего 3,2%. Во всех группах покупателей 85,3% имели лошадей²³¹.

Безземельные купили в 1910 г. 27,9% всей проданной банком земли, малоземельные (до 6 дес.) – 52,7%, т.е. основную часть фонда (80,6%) купили бедняцкие хозяйства. В случае покупки земель при содействии банка безземельные крестьяне составляли 13,4%, а бедняки (до 6 дес.) – 55,7%, или всего 69,1%. Безземельные купили на полученные ссуды 25,5%, а малоземельные – 46,8, или всего 72,3%²³².

Таким образом, почти весь земельный фонд в 10 млн дес. перешел в руки бедняцкой части деревни. К бедняцким относились, несомненно, и дворы с наделами в 6–7 дес., которые не выделены. Это увеличило бы общую долю купленной бедняками земли в целом до 80% и более, что противоречит Ленинскому положению о том, что земли покупали зажиточные дворы. “Пусть богатые крестьяне втридорога платят “крестьянскому” (читай “помещичьему”) банку, – писал он, – мы за то дадим им свободу грабить

²²⁹ Положение о землеустройстве в Государственной Думе и Государственном Совете. СПб., 1911. С. 8.

²³⁰ Отчеты Крестьянская поземельного банка за 1906–1915 гг. СПб. Погодные издания 1907–1916; *Селунская Н.Б.* Крестьянский банк // Отечественная история... Энциклопедия. Т. 3. С. 124; *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С. 99; *Дубровский С.М.* Указ соч. С. 323.

²³¹ *Дубровский С.М.* Указ соч. С. 323, 324, 334, 339; Таблицы 96, 97, 102, 107.

²³² Там же. С. 339, 344. Таблицы 107, 111.

общину, насильственно экспроприировать массу, округлять свои участки, выселять крестьянскую бедноту”. Правда, В.И. Ленин перед этим говорит, что столыпинская “чистка” земель, несомненно, “лежит по линии прогрессивного исторического развития России”, но только в интересах помещиков²³³.

Но фактический материал свидетельствует о том, что богатые крестьяне с наделами свыше 15 дес. купили лишь небольшую часть земель банка. Средние цены на земли банка колебались от 113 руб. за 1 дес. в 1906 до 121 руб. в 1912 г. и снизились до 112 руб в 1913–1914 г., а при покупке у частных владельцев при содействии банка цены были соответственно 127, 145 и 152 руб. за 1 дес. Вследствие этого нужно признать, что Крестьянский банк продавал земли дешевле средних цен на рынке и тем самым влиял на эти цены²³⁴.

В политике Крестьянского банка просматриваются две линии. Одна из них – стремление не опускать слишком низко цены на землю, поскольку предложение со стороны помещиков после 1905 г. было большим, а увеличение спроса росло гораздо медленнее, так как крупные покупатели (купцы, мещане, разбогатевшие крестьяне) боялись оказаться на месте тех четырех тысяч землевладельцев, чьи усадьбы были сожжены и разграблены. Эта линия банка, несомненно, объективно была направлена на помощь помещикам. Вторая линия заключалась в том, чтобы сохранять цены ниже тех, которые предлагали частные и акционерные банки-перекупщики, гнавшиеся за максимальной прибылью. Эта линия оказала помощь крестьянам, как и резкое увеличение кредитов крестьянским хозяйствам. Так что правительство, руководившее деятельностью банка и сам банк, как все же в известной мере полусамостоятельное коммерческое учреждение, не становились на сторону одного класса, а проводили экономически обоснованную политику.

Вопрос о финансовом обеспечении столыпинской аграрной реформы и о денежной помощи крестьянам я могу не рассматривать специально после выхода ценной монографии В.С. Дякина²³⁵.

Значительная часть предложений А.В. Кривошеина (о создании Сельскохозяйственного и Хлебного банков и др.), которые могли увеличить денежную помощь крестьянству, были провалены Коковцовым “по бюджетным соображениям”, хотя именно высокие урожаи предвоенных лет привели к резкому росту поступлений денег в государственный бюджет. Проектируемый ГУЗиЗ Земельный банк путем закупок хлеба помог бы справиться с таким поистине бедствием для крестьян, как резкое падение

²³³ Ленин В.И. ПСС. Т 16. С. 254–255.

²³⁴ Вопросы деятельности Крестьянского банка и, в частности, вопрос о влиянии банка на положение земельных цен подробно рассмотрен В.С. Дякиным в монографии “Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. СПб., 1997. С. 171–190. Название книги не случайно: дело в том, что сельское хозяйство давало более половины национального дохода, приносило в казну миллиарды золотых рублей. За счет крестьян и помещиков происходила индустриализация страны, содержалась армия и пр. Возвращалось же в сельское хозяйство малая толика его чистой прибыли.

²³⁵ Дякин В.С. Указ. соч. С. 206–232.

цен на хлеб в урожайные годы (на снижении оптовых цен перекупщики наживали огромные капиталы).

Значительная помощь крестьянству со стороны государства была оказана по агрономическому обеспечению земельных преобразований и росту земледелия. До 1906 г. агрономическая помощь крестьянским и помещичьим хозяйствам оказывалась в основном земствами, а также различными общественными организациями типа Вольного экономического общества, его местных отделов, общества русских агрономов и др. Земская агрономия в начале XX в. делала заметные шаги; наряду с губернской и уездной агрономией развивалась участковая, учитывающая лучше местные природные условия.

По мнению А.В. Кривошеина, земская агрономическая помощь не могла обеспечить развитие аграрной реформы по двум причинам: из-за недостатка средств и в связи с явно выраженной оппозицией аграрной политике правительства. Свои предложения он изложил в специальной “Записке”, которую представил царю и Столыпину после ознакомления с данным вопросом на местах.

Еще в указе 4 марта 1906 г., подготовленном Кривошеиным, кроме главных вопросов о землеустройстве предусматривалась необходимость разработки более усовершенствованных способов “ведения хозяйства на наделных землях”²³⁶. Недостаток денежных средств не позволил сразу обеспечить в 1907 г. оплату землеустроительных работ и создание специальной государственной агрономической службы. В штаты землеустроительных комиссий были введены агрономы, но этого было недостаточно. Васильчиков разослал циркуляр от 25 апреля 1908 г. об отпуске средств на ссуды для устройства показательных хозяйств, которые стали бы примером для крестьян. Землеустроительным агрономам было поручено обратить главное внимание на средние дворы; рекомендовалось устраивать показательные хутора простого организационного плана и не ставить целью переход к высокоинтенсивным формам хозяйства²³⁷.

Менее чем через месяц, 21 мая 1908 г., Васильчиков был заменен на посту Главноуправляющего ГУЗиЗ Кривошеиным. При нем были созданы особые агрономические совещания при губернских землеустроительных комиссиях, в которые входили представители земств, инспектора сельского хозяйства, весь местный агрономический персонал. 9 июля 1908 г. за его подписью был разослан циркуляр “О мерах к повышению полеводства в крестьянских хозяйствах единоличного владения”. Предписывалось в 26 губерниях, где получили наибольшее распространение хутора и отруба, собрать подробные сведения о таких хозяйствах, изучить условия их развития, обсудить на агрономических совещаниях конкретные меры для оказания им помощи и предложения по созданию образцовых хуторских хозяйств²³⁸.

²³⁶ ПСЗ. Собр. 3. Т. 26. С. 24478.

²³⁷ Известия ГУЗиЗ. 1908. № 19. С. 373. См. подробнее: *Ефременко А.В.* Агрономический аспект столыпинской земельной реформы // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 6–7.

²³⁸ Там же.

Кривошеин предпринял меры по созданию постоянных агрономических совещаний по однотипным сельскохозяйственным зонам. Он считал, что такие периодические совещания по районам с одинаковыми природными условиями смогут объединить местных агрономов, экономистов, специалистов сельского хозяйства и всех заинтересованных лиц. После поездки по губерниям он составил “всеподданнейшую справку” для царя и одновременно 10 июля 1908 г. писал П. Столыпину: “В общем наблюдения ободряющие и поучительные, много стало ясно, многое пришлось объяснять. Заключительной мысли справки – о периодических совещаниях – я придаю весьма существенное значение и в этой организации я вижу единственный способ сдвинуть наконец Главное Управление с мертвой точки и поставить его деятельность на практическую почву. Кроме сего, в этой организации я усматриваю лучший способ привлечь к нашему делу внимание и сочувствие местных сил, без которых в деле агрономической помощи крестьянам обойтись нельзя... Его величество отнесся к моим предложениям весьма сочувственно”²³⁹. Столыпин ответил краткой запиской: “Многоуважаемый Александр Васильевич! ...Предлагаемая Вами мысль – живая и жизненная, и по существу я не могу ей не сочувствовать. По отношению к областным совещаниям у меня нет сомнений и уверен, что они будут полезны... Вы знаете, что я вообще за делегирование прав на места и за передвижку Петербурга к провинции...”²⁴⁰

В ноябре 1908 г. Совет Министров утвердил положение о таких совещаниях, но они были созданы лишь в Саратове и Харькове. Существенной роли они не сыграли, так как требовали согласования действий местных руководителей и председателя (Главноуполномоченного), назначаемого царем. Кроме него в совещания должны были входить губернаторы, руководители дворянства, председатели губернских земских управ, по одному представителю от МВД и от Министерства финансов, по три выборных члена от каждого губернского земства, по два члена от агрономических совещаний, управляющие местными отделениями Крестьянского банка, правительственные губернские инспектора сельского хозяйства, непременные члены губернских землеустроительных комиссий и сведущие лица, приглашенные председателем²⁴¹. Столыпин был прав, когда в 1908 г. предупреждал Кривошеина, что “необходимо точно определить отношения Главноуполномоченных к губнаторам”.

Гораздо эффективнее работали агрономические совещания при губернских землеустроительных комиссиях. Они выполнили требования циркуляра ГУЗиЗ от 9 июня 1908 г. обследовать единоличные крестьянские хозяйства и представить предложения об оказании им агрономической помощи и создании образцовых единоличных хозяйств. Например, Саратовское губернское агрономическое совещание в журнале от 22 января 1902 г. представило описание 69 хозяйств в 9 уездах, составив подробные предло-

²³⁹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 12.

²⁴⁰ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 27–27об.

²⁴¹ См. *Ефременко А.В.* Указ. соч. С. 7, 15; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907–1908 гг. СПб., 1909. С. 59–67; Известия ГУЗиЗ. 1911. № 43, 44.

жения по всем уездам о необходимых денежных ссудах для создания образцовых хозяйств на основе исследования уже имеющихся зажиточных единоличных дворов²⁴².

В 1907–1913 гг. денежные ассигнования государства на агрономическую помощь населению увеличились с 12 тыс. до 5,9 млн руб. Кроме того, резко увеличилось финансирование всех мероприятий, направленных к развитию сельского промысла и улучшению его общих условий с 5702 тыс. руб. в 1908 г. до 29 055 тыс. в 1913 г. Главное место среди них заняли меры по агрономической помощи в районах землеустройства, распространению сельскохозяйственного образования. В объяснительной записке к отчету государственного контроля за 1913 г. приведена следующая таблица размеров ассигнования главнейших из этих мер (табл. 13).

Таблица 13. Размеры государственных ассигнований на агрономическую помощь населению в 1912–1913 гг., тыс. руб.

Статьи расходов	Произведено расходов		
	1912 г.	1913 г.	рост по сравнению с 1912 г.
Сельскохозяйственное образование	3 803	4 953	+1150
Опытные и показательные сельскохозяйственные учреждения	2 266	3 725	+1459
Техника по сельскохозяйственной части	2 124	3 008	+884
Общие меры по развитию и улучшению различных отраслей сельского хозяйства	3 475	4 699	+1224
Меры непосредственно агрономической помощи в заселяемых районах	980	1 533	+553
Агрономическая помощь в районах землеустройства	5 112	5 886	+774
Итого	17 760	23 084	+6044

(Источник: Россия. 1913. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 59. Общий подсчет мой. Исправлены по тексту “Отчетов...” две опечатки: в последней строке – 5112 вместо 512, в предпоследней – 553 вместо – 557. – В.Т.).

Данные таблицы показывают, что наибольшее увеличение ассигнований было произведено на самые перспективные меры, обещавшие весьма выгодную отдачу в будущем, а именно: на опытные и показательные учреждения, на развитие различных отраслей (льноводство, мелиорация, садоводство, семеноводство и др.) и, что особенно важно, на сельскохозяйственное образование. Общий рост составил более 6 млн руб., или 34%. Предполагалось еще больше увеличить кредиты на 1914 г. и особенно резко на 1915 г. (после снятия с постов премьера и министра финансов Коковцова, возражавшего против роста ассигнований), но война сорвала

²⁴² РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1422. Л. 60–62, 91–113, 155–187.

эти планы. Все же удалось сделать немало, особенно по сравнению с предыдущим периодом.

Земства ассигновали в 1912 г. на сельскохозяйственную и экономическую помощь сельскому населению по 34 губерниям из бюджета в 220 млн руб. всего 13 млн, или 5,9%. При этом Саратовское земство выделило 9,5%, а самую меньшую долю (1,8%) – Рязанское земство. Но по сравнению с 1906 г., когда эти расходы всех земств составляли всего 4,1 млн руб., это был значительный рост²⁴³.

Выросло и число сельскохозяйственных учебных заведений всех типов, общедоступных курсов, увеличились наборы во все типы школ. В селах проводились чтения для крестьян, распространялись миллионными тиражами различные справочники, рекомендательные указания, публиковались итоги проведения опытов на опытных полях. В 1912 г. работниками ГУЗиЗ было проведено в 10 тыс. сел около 17 тыс. чтений, на которых присутствовало более 900 тыс. крестьян. В том же году на 820 сельскохозяйственных курсах обучалось 54 тыс. крестьян, вдвое больше, чем в 1911 г. На них преподавало 2380 специалистов-агрономов, из них 29% правительственных, 48% земских, остальные – из различных обществ и специальных учебных заведений²⁴⁴.

В 1908 г. было положено начало новому направлению в организации государственного сельскохозяйственного опытного дела – размещению сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений в соответствии с природными зонами. Были созданы государственные сельскохозяйственные опытные станции: Запольская (в Петербургской губернии), Костычская (в Самарской губернии), Энгельгардтовская (в Смоленской губернии), Шатиловская (в Тульской губернии). На этих станциях велись работы по улучшению приемов повышения урожайности, семеноводству и др. Например, на Шатиловской станции в селе Моховое (в 1998 г. было широко отмечено ее 90-летие) проводили улучшение семян знаменитой шатиловской пшеницы. Станция была названа в честь И.Н. Шатилова (1824–1889 гг.), который 9 раз в течение 25 лет избирался президентом Императорского Московского общества сельского хозяйства, был крупным ученым агрономом и лесоведом.

В дальнейшем создавались новые опытные поля, случайные пункты, семеноводческие учреждения, пункты проката сельскохозяйственных машин, оказывавшие большую помощь крестьянам. К 300-летию Дома Романовых был проведен по инициативе А.В. Кривошеина и с согласия царя своеобразный смотр-конкурс передовых крестьянских хозяйств. Было отпущено 75 тыс. руб. на премирование крестьян, которые завели образцовые хозяйства без значительного применения наемного труда, главным

²⁴³ Обзор деятельности Главного Управления землеустройства и земледелия за 1913 год. Пг. 1915. Приводится по: А.М. Анфимов. “Неоконченные споры” // Вопросы истории. 1917. №. С 97.

²⁴⁴ См. Анфимов А.М. Там же.

образом семейными силами. Особо оговаривалось, что премия должна выделяться и единоличным, и общинным хозяйствам²⁴⁵.

При проведении конкурса обследовались очень многие хозяйства общинников и единоличников, но в числе лучших оказались в основном единоличные дворы (общинных всего 3%). Отчасти это было потому, что высшие премии (300 руб.) давались за ведение нескольких отраслей хозяйства, а у общин для этого почти не было условий. Но главной причиной было более свободное развитие единоличных хозяйств. Результаты обследований очень впечатляющи, частично они опубликованы, а основной материал я собираюсь проанализировать в следующей монографии. Главные выводы комиссий, в которые были включены представители земства, крупных сельскохозяйственных обществ, агрономических совещаний и др., были сформулированы так: “Таким образом, местными учреждениями было засвидетельствовано, что самостоятельное распоряжение землей, сведенной в удобную для сельскохозяйственного пользования форму, способствует улучшению не только основных сельскохозяйственных отраслей, но открывает простор для развития приусадебного хозяйства, особенно садоводства и огородничества”²⁴⁶.

К работе по оказанию агрономической помощи крестьянам Кривошеин стремился привлечь земства и с этой целью произвел государственное финансирование агрономических отделов земств, хотя государственные налоги с населения заметно сократились, а земские постоянно росли. Это уменьшило противоречия с земствами, которые также оказывали агрономическую помощь выделившимся из общин хозяйствам. В 1910 г. размер пособий земствам на эту работу составил 44% к общей сумме ассигнований на агрономическую помощь в районах землеустройства, в 1911 – 50%, в 1912 – 52%²⁴⁷.

А.В. Ефременко, специально исследовавший проблему агрономической деятельности земств, сделал вывод о том, что “землеустроительное ведомство и земские учреждения довольно неохотно шли навстречу друг другу и трудно было рассчитывать на согласованность и единство их действий в вопросах агрономической помощи сельскому населению”²⁴⁸. Но истина на мой взгляд, заключалась в том, что земства, руководимые кадетствующими политиками, были настроены крайне отрицательно к любым, даже бесспорно полезным стране и народу делам правительства в духе тех высказываний в виттевском совещании, что “пока у нас такое правительство, ничего полезного оно не сделает”. Призыв Кривошеина не делить общество на “мы и они” не был услышан кадетами²⁴⁹.

Земства, имея свои средства, продолжали настаивать на передаче им всех денег, какие Кривошеину удавалось “выбить” из Министерства фи-

²⁴⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. 1913 г. Д. 196. Л. 39–39об. Доклад А.В. Кривошеина на Департаменте Земледелия ГУЗиЗ. (Доложен Николаю II 4 апреля 1913 г.)

²⁴⁶ Там же. Л. 40–40 об.

²⁴⁷ Ефременко А.В. Указ. соч. С. 12.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ См. Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 136–142.

нансов и только с помощью царя, который ему благоволил, по принципу: “мое – мое и твое – мое”. Опыт деятельности органов землеустройства в данном направлении показал положительную роль участия государства в делах общенационального значения в отличие от земств, имеющих многочисленные региональные интересы. Как было отмечено выше, и Столыпин, и Кривошеин постоянно подчеркивали в циркулярах и, что еще более показательнее, в приводимых выше личных письмах необходимость как можно более широкого привлечения всех местных сил к проведению реформы. В советской историографии правительство, наряду со всеми другими грехами, обвинялось и в том, что оно не хотело опираться на широкие круги общественности. К сожалению, эта оценка частично присутствует и в названной статье А.В. Ефременко, содержащей ценный материал, где он обвиняет Кривошеина в “нерешительности”²⁵⁰.

По сравнению с предыдущими годами рост правительственной помощи развитию агрономического дела на селе, сельскохозяйственному образованию был в 1906–1914 гг. весьма значительным. Особо ценным было массовое обучение крестьян и снабжение их необходимой специальной литературой и справочниками, а также семенами улучшенных сортов растений. Землеустроительное ведомство приняло самое активное и действенное участие, в том числе финансовое, в проведении многочисленных сельскохозяйственных выставок, развитию на селе кустарных промыслов и во многих других начинаниях²⁵¹.

²⁵⁰ Ефременко А.В. Указ. соч. С. 13.

²⁵¹ См. Лачаева М.Ю. Приглашается вся Россия. Всероссийские промышленные выставки. (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 42–51, 89–96 и др.

Глава IV

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЗА УРАЛ (историографические заметки)

Переселение крестьян в Азиатскую Россию в период столыпинской аграрной реформы привлекало внимание исследователей еще в дореволюционный период (А.А. Кауфман, Г.К. Гинс, В.П. Вощинин, И.Л. Ямзин, Н.П. Огановский и другие)¹. Все эти работы были основаны на опубликованных источниках и представляют интерес только с точки зрения анализа фактического материала, а не его полноты, поскольку этот материал постоянно пополнялся.

После 1917 г. переселение освещалось очень кратко в работах С.М. Дубровского, Н.И. Карнова и П.П. Ефремова о столыпинской реформе и в замечательной книге эконом-географа В.В. Покшишевского “Заселение Сибири” (Иркутск, 1951), в которых даны общие обзоры переселения. Первые три работы повторяют ленинские, крайне отрицательные оценки переселенческой политики. Статьи В.И. Ленина, специально посвященные переселенческому делу, основаны на выступлениях левых депутатов Думы и на тенденциозной работе красноярского чиновника лесного ведомства А.И. Комарова “Правда о переселенческом деле (СПб., 1913), который после выхода на пенсию решил “свести счеты” с чиновниками переселенческих органов. Его работа была подвергнута детальному разбору еще в 1913 г.², но использовалась и в советский период, ее цитировали в основном по статьям В.И. Ленина.

Глубокое исследование темы началось в 1950-е годы, когда стали более доступными архивные материалы начала XX в. По основным регионам Азиатской России были написаны кандидатские диссертации, которые по фактическому материалу остаются наиболее полными в отечественной историографии. Их авторы (П.Д. Верещагин, Е.И. Соловьева, В.Г. Тюкавкин, Л.М. Белявская, А.Б. Геллер) впервые использовали богатейшие архивные фонды органов Сибири, Дальнего Востока³. Лишь часть этого ма-

¹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация СПб., 1905; *Он же*. Община. Переселение. Статистика. М. 1915; Гинс Г.К. Переселение и колонизация. Вып. I–II. СПб., 1913; Вощинин В.П. Переселенческий вопрос в Государственной думе 3 созыва. СПб., 1912; Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912; Огановский Н.П. Очерки по переселенческому вопросу // Вестник Европы. СПб., 1913. № 11; *Он же*. Закономерность аграрной эволюции Т. 3. Вып.1. Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914.

² Кавригин И.К. По поводу книги А.И. Комарова “Правда о переселенческом деле”. Красноярск, 1913.

³ Тюкавкин В.Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской реформы. Иркутск, 1958; Белявская Л. Крах переселенческой политики царизма в период столыпинской аграрной реформы на Дальнем Востоке. Томск, 1959; Верещагин П.Д. Пе-

териала авторы опубликовали в серии статей. В.А. Степынин написал монографию о колонизации Енисейской губернии, часть которой посвящена и периоду столыпинской реформы⁴. Он более полно остановился на устройстве новоселов в этой губернии. Обобщающую работу по переселению в Сибирь в период столыпинской реформы опубликовал в 1962 г. Л.Ф. Скляр⁵. Его оценка значения переселения исходила из того, что в Сибири до 1917 г. господствовал “государственный феодализм” и никакого капитализма не было. “В Сибири правительство сохранило устаревшую систему государственного феодализма, – писал он, – не ввело частной земельной собственности”⁶. Этому тезису подчинены и другие выводы. Так, он считал, что “переселенческая политика царизма привела к дальнейшему ухудшению положения крестьянства и в Европейской России, и в Сибири”. В данном случае он ссылается лишь на работу В.И. Ленина (проект речи большевика Н.Р. Шагова в IV Думе), хотя фактический материал его монографии противоречит такому выводу⁷. Монография Л.Ф. Склярова остается единственной обобщающей работой по этой теме, но его основной вывод о провале “столыпинского переселения и землеустройства в Сибири”⁸ не соответствует фактическому материалу, содержащемуся в работе других авторов. Можно согласиться с мнением молодого исследователя В.Е. Смирновой, которая написала, что в монографии Склярова “крайняя тенденциозность автора выражена как в подборе фактов, так и в абсолютно негативной оценке всей постановки переселенческого дела”⁹.

Обоснованная оценка переселения требует решения на профессиональном исследовательском уровне с отходом от какой-либо политизации целого ряда проблем: какую роль сыграла переселенческая политика царизма и вольнонародное переселение в движении крестьян за Урал; что дало переселение крестьянству России; как оценить организацию переселения; какое влияние оказало переселение на социально-экономическое развитие страны в целом и азиатской ее части в особенности; какой опыт организации переселения может быть использован в настоящее время, когда население Сибири стало сокращаться и возник поток мигрантов из Китая и Кореи?

реселенческая политика царизма в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в годы столыпинской реакции. М., 1951; *Геллер А.Б.* Переселенческая политика царизма и колонизация Казахстана (1800–1916) (По материалам Семиреченской обл.) Л., 1954.

⁴ *Степынин В.А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

⁵ *Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.

⁶ Там же. С. 557.

⁷ Там же. С. 98. Об этом см. подробнее: *Тюкавкин В.Г.* Рецензия на книгу... // *История СССР.* 1963. № 5.

⁸ Там же. С. 558.

⁹ *Смирнова В.С.* Организация перевозки переселенцев в России (1881–1914 гг.). Автореф. канд. дис. Челябинск, 1998. С. 8.

Переселенческая политика царизма

Рассмотрим сначала вопросы переселенческой политики самодержавия и ее влияние на рост переселений. Государственное законодательное регулирование миграций началось с Временных правил 1881 г. и закона о переселении 1889 г. Но они допускали лишь весьма ограниченное движение на окраины. Закон о переселении 6 июня 1904 г., хотя и сохранил сложную процедуру получения разрешений, но впервые объявил свободным переселение без льгот: каждый желающий мог ехать за свой счет (продолжал действовать закон 1896 г. о предварительной посылке ходока, но проверить это было невозможно и принудительного возвращения, как ранее, не существовало). Таким образом легализировалось самовольное переселение. Какое это имело значение, можно судить по его роли в прошлом. За триста с лишним лет владения Сибирью из трех основных видов колонизации: правительственного заселения, ссылки на поселение и “вольнонародного” переселения (так историки и писатели называли самовольные миграции) – значительно преобладало последнее. Наиболее показательны были данные местных обследований землепользования и хозяйственного быта сельского населения четырех сибирских губерний и забайкальской области в 1880 – начале 1890-х годов. В Енисейской губернии из 707 обследованных поселений 675 было образовано в результате вольнонародной колонизации, без участия правительства. По официальным данным, после издания закона 1889 г. самовольное переселение составляло от 60 до 85% общего переселенческого потока¹⁰. После принятия “Временных правил” 1893 г., вызванных необходимостью заселения полосы вдоль строящейся Великой сибирской магистрали, было увеличено число разрешений и самовольное переселение по данным, челябинской регистрации, снизилось до 30–44%, а большинство самовольных предпочитало нигде не регистрироваться, так как никаких льгот им не полагалось и с 1897 г. запрещалось переселение без предварительной посылки ходока¹¹. Поэтому закон 1904 г. впервые узаконил это значительное движение крестьян, ехавших на свой страх и риск устраивать свою судьбу и осваивать земли на новом месте. Этот закон одновременно оставлял очень сложные условия получения разрешений от губернаторов и от МВД на переезд со льготами, которые были увеличены.

Такой закон не удовлетворял в первую очередь крестьян, а также новых законодателей, для которых переселение означало возможность реального и значительного увеличения крестьянского землевладения. Предложения расширить переселение поступали и от Особого совещания Витте, и от комиссии Стишинского – Гурко, и от Особого совещания Горемыкина – Кривошеина. Еще до созыва I Государственной Думы 10 марта 1906 г. было издано Положение Совета министров “О порядке приме-

¹⁰ *Ставровский Н.Ф., Алексеев В.В.* Переселение в Сибирь. СПб., 1906. С. 9; Азиатская Россия. Изд. Переселенческого Управления. СПб., 1914. Т. 1. С. 456.

¹¹ *Ставровский Я.Ф., Алексеев В.В.* Указ. соч. С. 10; Отчет статс-секретаря А.А. Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. С. 29–30.

нения закона 1904 г. о переселении”. Из всех условий оставалось обязательным одно – предварительная посылка ходока для зачисления участия в Азиатской России. Ходаческое свидетельство выдавалось свободно всем желающим. Ходок мог зачислить участки на целую группу желающих переселиться, дать телеграмму, заверенную местными переселенческими органами, по которой все они получали переселенческие свидетельства. Значение такого порядка для крестьян состояло и в том, что он давал возможность получить ходаческие свидетельства на всю семью, а чаще – на группу семей, и это позволяло получить все льготы – ссуды на дорогу, дешевый тариф на проезд и провоз багажа, зачисление участка и водворение на нем, и ссуду на домообзаведение. Поэтому при определении числа переселенцев нужно учитывать регистрацию не только их, но и ходочков, что не делают многие историки. Это приводит к значительной разнице в определении числа переселенцев.

Положение 10 марта 1906 г. многие исследователи не без основания называли новым переселенческим законом. По нему увеличивались льготы на проезд, на домообзаведение переселенцам, возросло финансирование всех работ по организации переселения и устройству переселенцев. По мнению С.М. Сидельникова, законы 1904 и 1906 г. свидетельствовали о переходе от административных методов регулирования переселенческого движения к экономическим методам¹². С этим, на наш взгляд, можно согласиться лишь частично: в начале XX в. все большее значение в переселенческом деле придается экономическим методам, наряду с государственным вмешательством в его организационную сторону. Возьмем, например, регулирование размеров переселенческого потока за Урал. Разрешив формально полностью свободное переселение со льготами в 1906 г., правительство обнаружило, что желающих переселяться оказалось гораздо больше, чем мог справиться значительно увеличенный переселенческий аппарат: не успевали отводить нужное количество участков, годных для немедленного заселения. По просьбе сибирских губернаторов в 1907 г. сократить переселение на 1908 г. правительство отменило на лето этого года свободу ходачества, установив определенные нормы¹³. Столыпин в июле 1907 г. в телеграмме сибирским губернаторам указывал: “Предложенная согласно Вашему заключению приостановка свободного ходачества в губернию... допускается лишь в виде временной меры и не терпима в будущем”¹⁴. В сложившихся условиях без такого административного регулирования нельзя было обойтись. Губернаторы докладывали об истощении заготовленного колонизационного фонда, об отводе под переселение запасных участков, которые предназначались как резерв на будущее с учетом роста населения в старожильческих селах и на переселенческих участках, что приходится отводить переселенческие участки в “упрощенном порядке” и пр. Свободу ходачества восстановили сначала для Дальнего Востока, потом в Восточную Сибирь (1910 г.) и в марте 1911 г. – в Западную. Правительство настаивало на полной сво-

¹² Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980.

¹³ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 317. Л. 154, 160.

¹⁴ Там же. Л. 89.

боде ходачества, как явствует из приведенного выше циркуляра Столыпина, но когда возникла острая необходимость, шло на государственное вмешательство. Надо сказать, что это имело положительный результат, но не полностью себя оправдало: в 1908 г. переселение все же увеличилось в 1,5 раза по сравнению с 1907 г., зато число ходоков уменьшилось со 150 тыс. до 94 тыс.¹⁵ Это несколько (всего на 7%) сократило переселение в 1909 г. и более значительно – в 1910 г. Далее сокращение продолжилось и в 1911 г. (по сравнению с 1908 г. – в 3,5 раза), а с восстановлением свободы ходачества в Западную Сибирь в 1911 г. стало возрастать (до 242 тыс. в 1914 г.). Следовательно, административное вмешательство играло определенную роль в сокращении переселения.

Большое число самовольных переселенцев свидетельствует о том,¹⁶ что крестьяне ехали без всякого принуждения. Это противоречит тезису “усиленное выкачивание слабых в Сибирь” правительством¹⁶, ибо переселение возрастало и в те годы (1908–1910), когда ограничивалось число разрешений. Особенно это видно по количеству самовольных переселенцев по годам (их регистрация велась с 1896 г.). Обычно регистрировали только тех, кто ехал в специальных переселенческих поездах и покупал не льготный билет. Считать в 1906–1910 гг. приходилось “на глазок”, по головам, по числу отпущенных обозов на переселенческом пункте, так как летом ежедневно приходило по 2–10 тыс. человек. Тем не менее количество зарегистрированных самовольных переселенцев было очень большим (табл. 14).

Таблица 14. Движение самовольных переселенцев в Сибирь

Годы	Число переселенцев			
	Всего	По проходным свидетельствам	Самовольных	Процент самовольных
1896–1905	1 076 476	634 000	442 476	41,1
1906	136 064	68 816	70 248	50,5
1907	427 339	342 783	84 556	19,5
1908	664 777	350 411	314 366	47,2
1909	679 313	387 670	291 643	42,9
1910	316 165	217 379	98 786	31,2
1911	189 791	124 033	65 758	34,6
1912	200 977	114 137	86 840	43,2
1913	240 978	158 137	82 841	34,4
1914	241 874	167 296	74 578	30,8
1906–1914	3 100 278	1 930 661	1 169 617	37,7
1896–1914	4 176 754	2 564 661	1 612 093	38,6

(Источник: *Скляр Л.Ф.* Указ соч. С.166–167. Таблица.)

¹⁵ Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. / Сост. Н. Турчанинов. СПб., 1910. С. 2–45.

¹⁶ *Ленин В.И.* ПСС. Т 21. С. 327–328.

Анализ данных таблицы показывает, что самовольное переселение было и до столыпинской аграрной реформы, и в период ее проведения. Его наличие говорит о том, что количество желающих переселиться в Сибирь было огромным. Колебания доли вольной миграции совпадают с политикой в области переселения. В 1896–1905 гг. разрешений давалось мало, и вопреки постановлениям правительства, запрещавшим самовольное переселение, оно составляло 41%. В том числе в 1905 г. в связи с русско-японской войной была совсем приостановлена выдача разрешений, но все же прошло 39 тыс. человек, из которых по прошлогодним разрешениям было 8%, остальные 36 тыс. ехали самовольно. Даже в 1907 г. при полной свободе хождения и переселения около пятой части прошло без разрешений. Это объяснялось одним: не везде давали ходячие свидетельства на всю семью и многие не желая ждать, торопились переселиться сразу после выхода из общины и продажи участка.

В 1908 г. разрешение получили 350,4 тыс. переселенцев, но желающих было так много, что еще почти столько же (314,4 тыс.) проехали самовольно. Обращает на себя внимание постоянное с 1900 до 1913 г. сокращение разрешений, что не сопровождалось сокращением самовольных переселений (исключение составил 1911 г.). Всего за два десятилетия перед первой мировой войной, включая и период реформы, более трети переселенцев ехали самовольно. Это заставляет пересмотреть вывод о том, что переселение форсировалось правительством. Последнее оказалось не в состоянии организовать устройство всех желающих переселенцев и пыталось сдерживать миграции, за исключением 1907 г. и 1912–1914 гг. В.И. Ленин, уже сделавший вывод о крахе переселенческой политики по причине спада переселения в 1910 и 1911 гг., объяснил рост переселения в 1912–1913 г. только одной причиной – голодом: “В чем дело? – писал он. – В «неурожае», в голоде 1911 года!”¹⁷ Но в 1913 г. было собрано самое большое количество хлеба за последние 15 лет, тем не менее в 1914 г. за полгода до начала войны прошло переселенцев больше, чем в 1912 г. за год. Следовательно, существовали глубинные объективные причины постоянного (с 1870-х годов) роста переселения крестьян за Урал. Широкое вольнонародное переселение, которое шло одновременно с разрешенным правительством, является главным доказательством этого.

Политика правительства в переселенческом деле в 1906–1910 гг. была направлена на увеличение переселения во все возрастающих размерах – в этом нет сомнения. Но проводимые меры по регулированию переселенческой волны в то же время доказывают, что в первую очередь местные власти, а за ними и центральная власть понимали необходимость прочного устройства новоселов в Сибири и сдерживали рост переселений. Приходится отвергнуть положение о переселенческой политике как главной и единственной причине огромного всплеска переселения и выявить все причины и предпосылки такого мощного передвижения, насчитывающего

¹⁷ Ленин В.И. ПСС. Т 23. С. 153–154.

за 1871–1916 гг. 9043 тыс. человек, в том числе – за Урал – 5529 тыс., из них – в 1897–1916 гг. – 3979 тыс.¹⁸

В исторической литературе существует много мнений о **причинах переселения**. А.А. Кауфман называл главной его причиной относительное малоземелье. Один из руководителей Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин писал: земли выпаживаются, урожай понижается, поэтому не хватает земли, и крестьяне переселяются. Н.П. Огановский сделал такой вывод по данному вопросу: “...движение во все периоды и во всех местностях порождается одной глубокой причиной – несоответствием плотности земледельческого населения, господствующей в данном районе системе хозяйства”¹⁹. Наиболее точно главную причину переселения сформулировал исследователь начала XX в. Я.Ф. Ставровский. “Основным, начальным толчком для переселения, – писал он, – служит обыкновенно сокращение относительных размеров земельной площади под влиянием прироста населения... Отсюда возникает соперничество из-за земли, приводящее к мобилизации ее и выделению группы, теряющей связи с землей. Эта группа населения и дает главный контингент переселенцев”²⁰. Автор кроме малоземелья выдвигает и социальное расслоение.

Кроме общих причин многие авторы исследовали и частные факторы, которые влияли на увеличение или снижение переселения. Наиболее часто назывались урожаи. Неурожайные годы нередко вызывали некоторый подъем переселенческой волны, но строгой зависимости не было, как уже отмечено выше. Л.Ф. Скляров привел также несколько примеров такого несоответствия²¹. И.Л. Ямзин и В.П. Вошинин в советский период систематизировали материалы о причинах временных спадов и подъемов переселенческого движения в 1885–1922 гг. и разделили их на три вида:

- а) экономические – урожаи;
- б) политические – войны и революции;
- в) административные – переселенческая политика²².

Эти факторы влияли на колебания переселенческой волны. К экономическим причинам нужно прибавить строительство железных дорог: Транссибирской, Красноводск – Ташкент и Оренбург – Ташкент. Ранее переселенцы ехали на лошадях целыми месяцами по плохим дорогам, а железнодорожные магистрали облегчили переезд и удешевили его.

Главной причиной и главным условием роста переселения после 1906 г. был, несомненно, указ 9 ноября. Вышедшие из общины крестьяне имели теперь возможность продать свой участок земли. Это имело двойное стимулирующее значение. Во-первых, крестьянин получал средства на переселение. Во-вторых, крестьянская психология ранее не могла примириться

¹⁸ См.: Кабузан В.М. Русские в мире С. 320. Табл. 31.

¹⁹ Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика. С. 175; Чиркин Г.Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Пг., 1922. С. 84; Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Вып. 1. С. 72–75.

²⁰ Ставровский Я.Ф., Алексеев В.В. Переселение в Сибирь... С. 19.

²¹ Скляров Л.Ф. Указ соч. С. 161.

²² Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 31–32.

с тем, что землю надо было отдавать общине. Конечно, крестьяне шли на разные ухищрения. Сдача земли в длительную аренду могла быть пресечена миром, который получил такое право в конце XIX в. По данным обследования переселенцев в Сибири комиссией В.К. Кузнецова, из переселенцев 1893–1903 гг. смогли продать землю только 39% хозяйств, сдали в аренду 29% и отдали в общину 32%, а у переселенцев 1904–1910 гг. продали землю 70%, сдали в аренду 18% и отдали в общину 12%, т.е. доля продавцов земли возросла в 2 раза, а сдавших землю общине уменьшилась почти в 3 раза. Обследование производилось в 1911–1912 гг., более поздние переселенцы почти все продавали свои наделы²³. В табл. 15 приведены сведения Харьковского губернского земства о распределении крестьян-переселенцев по способу ликвидации ими наделов на родине:

Таблица 15. Распределение хозяйств переселенцев Харьковской губернии по способу ликвидации земли на родине, %

Годы	Хозяйства, сдавшие земли общине	Хозяйства, продавшие земли	Хозяйства, сдавшие земли в аренду, оставившие ее родным и пр.
1904	71,8	3,9	24,3
1905	62,8	3,5	33,7
1906	63,4	3,9	32,7
1907	26,5	22,9	50,6
1908	8,0	41,7	50,3
1909	4,8	68,9	26,3
1910	1,3	83,1	15,6

(Источник: *Огановский Н.П.* Указ соч. С. 105.)

Таким образом, процент крестьян, сдававших землю общине, уменьшился в 55 раз, а продавших землю – увеличился в 21 раз. Это было прямым следствием проведения столыпинской аграрной реформы.

В.И. Ленин подошел к вопросу о причинах переселения с классово-политических позиций. Он отметил, что колонизационный вопрос зависел от решения аграрного вопроса в центре страны, от ликвидации крепостничества, крепостнических латифундий – без этого переселенческая политика обречена на провал. Затем в 1912–1913 гг., исходя из данных об уменьшении переселения, он сделал вывод о ее крахе²⁴. Ленин указывал, что переселение могло бы сыграть известную положительную роль в хозяйственном развитии России и Сибири, если бы оно было “организовано целесообразно”. По мнению Ленина, царское правительство было неспособно “сделать хоть что-нибудь для хозяйственного прогресса страны”, о чем свидетельствует и “негодная постановка переселения...”²⁵ Политическая установка, что самодержавие неспособно провести положительное мероприятие (“импотентно” – писал Ленин), определила отрицательную оценку

²³ Материалы комиссии В.К. Кузнецова. Вып. 3. СПб., 1912. Таблица 3. С. 127–135, 139–145. (Подсчитано мной. – В.Т.)

²⁴ Ленин В.И. ПСС Т. 17. С. 70–71; Т. 21. С. 336; Т. 23. С. 264–265.

²⁵ Там же. Т. 21. С. 326–327.

переселения. Между тем если выходы из общин крестьянство оценило по-разному, то положительное значение переселений при объективном взгляде сразу бросается в глаза. Тем не менее ленинские оценки довели в советской историографии много десятилетий.

В частности, по вопросу о малоземелье – главной причине переселения писали не иначе, как с упоминанием ленинского положения, что крестьянское малоземелье – это только обратная сторона многоземелья помещиков. В соответствии с ленинскими работами трактовалась и цель столыпинского переселения – сбить побольше беспокойных крестьян на окраины. “Помещики усматривали в этих переселениях, – писал Ленин, – приоткрытие клапана и “притупление” аграрных противоречий в центре России”²⁶. Несомненно, эта цель ставилась и в решениях съездов объединенного дворянства, и в некоторых правительственных документах, но она не являлась единственной, а по отношению ко всему периоду 1896–1916 гг. эта цель не была главной. Временно в 1905–1907 гг. в период неожиданно не только для помещиков, но и для правительства широкого крестьянского движения, идея открыть все шлюзы и дать крестьянам возможность и денежные ссуды всем желающим уехать за Урал сразу возникла в правящих сферах.

Это нашло отражение в ряде документов и циркуляров. Главноуправляющий ГУЗиЗ князь Васильчиков в циркуляре от 23 декабря 1906 г., который не был опубликован, писал иркутскому генерал-губернатору: “...придавая первостепенную важность переселенческому делу в особенности в настоящее время, когда аграрное движение среди сельского населения Европейской России может в значительной степени ослабеть от выселения излишков населения в Азиатские окраины Империи... предлагаю всеми силами способствовать успешному ходу переселенческого дела”²⁷. Для этой же цели принимались меры для увеличения переселенческого движения. Были даны указания губернаторам, земским начальникам Европейской России разъяснять крестьянам выгоды переселения на окраины²⁸. Было издано массовыми тиражами много брошюр, плакатов с заголовками: “Что надо знать переселенцу в Сибирь”, “Что дает переселение крестьян в Томскую губернию” и т.п. Только в 1907 г. их общий тираж был более 500 тыс. экземпляров²⁹.

Вместе с тем правительство Столыпина не пошло на крайние административные меры для увеличения выселения в Сибирь участников крестьянских выступлений и насильственного переселения из районов крестьянских восстаний, чего добивались многие помещики, чьи усадьбы были разгромлены, ряд губернаторов и крупных сановников. Губернатор Полтавской губернии в секретном донесении в МВД еще ранее писал: “...безусловно необходимо безотлагательно принять меры к оздоровлению

²⁶ Ленин В.И. ПСС. Т 23. С. 103–104.

²⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 975. Л. 1.

²⁸ Временные правила о переселении: Сборник законов и распоряжений. Изд. ГУЗиЗ. СПб., 1909. С. 621–624.

²⁹ Смета доходов и расходов ГУЗиЗ на 1908 г. СПб., 1907. С. 18.

губернии. Таковыми мерами я считаю принудительное, в некоторых даже случаях, выселение отдельных семей, дабы, с одной стороны, удалить неблагонадежный элемент, менее вредный на новом месте и в новой обстановке, а с другой стороны, по возможности помочь чрезвычайному в губернии малоземелью»³⁰.

Такие предложения были отвергнуты правительством, и оно сделало ставку на добровольное переселение, подкрепив его экономическими мерами.

Переселенческая политика царизма руководствовалась и другими целями, особенно в периоды 1890–1904 гг. и 1910–1916 гг. Об этом свидетельствуют мероприятия конца 80-х – начала 90-х годов XIX в. Строительство на государственные средства Транссибирской и двух Туркестанских железных дорог преследовало прежде всего стратегические и экономические цели. Витте в записке Александру III писал, что Сибирская железная дорога отвлечет значительную часть грузов от морских перевозок через Суэцкий канал и принесет огромные средства за счет транзита, но, кроме этого, нужно усилить сельскохозяйственное производство в Сибири путем заселения ее переселенцами из Центра. Сибирская магистраль окупила себя гораздо раньше намеченных сроков, благодаря в значительной степени переселению. Проект строительства железной дороги от Урала до Владивостока обсуждался много лет, и царь оттягивал его утверждения из-за дороговизны мероприятия. Толчок к ускорению строительства дало сообщение о получении Англией концессии на проведение железной дороги от Пекина к российской границе. Царь сразу приказал форсировать подготовку проекта и подписал указ, что свидетельствует о преследовании в первую очередь стратегических целей, которые заключались не только в доставке войск на Дальний Восток, но и в его более плотном заселении. Стратегическое значение магистрали и дальнейшего заселения огромного края подтвердила русско-японская война, где главную роль в первые месяцы сыграли сибирские дивизии и корпуса. Всем стало ясно, что, будь там многочисленнее население, не пришлось бы везти 1 млн солдат за 10 тыс. верст. Названные цели: стратегическая и экономическая – были долговременными. Эти задачи обострила широкая миграция переселенцев из Китая и Кореи на Дальний Восток и в Забайкалье (по официальным данным, более 200 тыс. человек). Конечно, эти цели в 1906–1909 гг. как бы отступили на второй план, но правительству было ясно, что цели заселения Азиатской России и ее экономического развития должны также решаться одновременно. Об этом свидетельствуют два важных обстоятельства: стремление лучше организовать переезд и устройство переселенцев на местах и временная отмена свободы хождения в 1908–1910 гг. Ведь последняя мера несколько прикрывала тот клапан, о котором писал Ленин, противоречила цели “сбыть побольше беспокойных крестьян в Сибирь”. Эта мера (сокращение переселения административным вмешательством) была для правительства нежелательной и, как указывал П. Столы-

³⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1088. Л. 4.

пин, “нетерпимой в будущем”, но на нее пошли ради того, чтобы лучше организовать переселение.

Более решительно эта задача была поставлена Столыпиным и Кривошеиным после их поездки в Сибирь осенью 1910 г. К этому времени поток переселенцев уменьшился, аппарат всех переселенческих районов стал лучше справляться с организацией всего переселенческого дела. Николай II в письме Столыпину 22 сентября 1910 г. поставил перед ним следующие задачи: “Буду ожидать письменного доклада вашего и Кривошеина по поводу сего увиденного вами и с предложениями относительно дальнейших мер по переселению. *Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибири – вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать* (выделено мной. – В.Т.)”³¹.

Царь ставил главной задачей не форсирование переселения, совсем не сетовал по поводу его сокращения в 2 раза, а писал о прочном землеустройстве переселенцев в Сибири. Этой цели были подчинены задачи выдвинутые во “Всеподданнейшей Записке Председателя Совета министров П.А. Столыпина и Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина”³². Авторы предлагали “встать и в Сибири на путь создания и укрепления частной собственности на землю” и в первую очередь передавать хутора и отруба переселенцам. Провести внутринадельное размежевание на хутора и отруба переселенческих участков. Дать возможность устраивать крупные частновладельческие хозяйства и отменить Челябинский тарифный перелом, который удваивал железнодорожный тариф на сибирский хлеб. В “Записке” отмечалось, что нужно главное внимание уделять прочному устройству переселенцев. В этот период (1911–1916 гг.) на первое место выходит цель экономического освоения Сибири и устройства переселенцев. В упоминавшейся диссертации В.Е. Смирновой эта цель названа долгосрочной геополитической стратегией, которая требует отказаться от “однозначной оценки” столыпинской переселенческой политики “как способа решения аграрного вопроса”³³. Это правильный подход к определению цели, но нужно учитывать не только “долгосрочную геополитическую стратегию”, но и цель подъема экономики Сибири для повышения уровня социально-экономического развития всей страны, т.е. решения помимо стратегических еще и внутренних экономических и социальных задач. Много лет назад автор этих строк согласился с оценкой дореволюционных ученых о проведении поворота переселенческой политики как “нового курса” правительства³⁴.

Предложение отказаться от прежней оценки переселения и переселенческой политики как однозначно негативной встретило возражение ряда

³¹ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. М., 1924. Т. 5. С. 121–122.

³² “Записка...” опубликована: СПб., 1910; см. также: Вопросы колонизации. СПб., 1911. № 8.

³³ Смирнова В.Е. Указ соч. С. 10.

³⁴ Об этом см. подробнее: Тюкавкин В.Г. Проведение “нового курса” переселенческой политики в Восточной Сибири // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1958. № 4.

историков и в последние годы³⁵. Довод П.Н. Зырянова против положительной оценки переселения сводится к тому, что “кризис переселения продолжался”, так как снижалась численность переселяющихся³⁶. Снижение действительно наблюдалось: в 1906–1909 гг. в среднем в год в Сибирь приезжало 564,8 тыс. переселенцев и ходоков, а в 1910–1914 гг. всего 302,4 тыс. Но нужно учитывать, что большинство крестьян, желающих переселиться, сделали это в первые годы, как только им разрешили продавать свои участки и ввели переселение со льготами. Кроме того, после отмены ограничений на свободу хождения (а значит, и переселений) количество ходоков и переселенцев стало расти: в 1912 г. – 260 тыс. против 190 тыс. в 1911 г., в 1913 г. – 337, в 1914 г. – за полгода 337 тыс. Значит, сокращение переселений было временным. Перед войной, как уже указывалось, после отставки Коковцова было намечено значительное повышение кредитов на переселение, что привело бы к еще большему его росту. Опять приходится отметить отрицательное влияние войны, которое превало намечившееся улучшение всего переселенческого дела.

Конечно, на снижение переселения после 1911 г. повлияли и недостатки в организации переселения, которые отметим далее. Но организовать хорошо переселение до 564 тыс. человек в год, а в летние месяцы до нескольких тысяч человек в день очень трудно было сравнительно немногочисленному аппарату Переселенческого управления. А. Кривошеин, отвечая на замечания депутатов III Думы в адрес его ведомства, говорил: “...для такого решения судьбы отдельных лиц, для выполнения такой системы никакое правительство в мире, никакая общественная организация не может иметь достаточно ни знаний, ни средств, ни сил”³⁷. Но если сравнивать объем работы, который был проделан, с тем, что не удалось сделать, то совершенно бесспорно должен быть сделан вывод о большом прогрессивном значении организации всего переселенческого дела. Кроме того после 1910 г. организация переезда и устройства переселенцев на местах вселения значительно улучшилась.

Специального рассмотрения заслуживает **“Новый курс” переселенческой политики в 1910–1916 гг.**

Принципы колонизации азиатских окраин разрабатывались задолго до 1906 г. Рассматривались варианты использования зарубежного опыта, в том числе методы освоения США, Канады, Австралии. В начале XX в. в США и Канаду командировывались чиновники Переселенческого управления. За четверть века до этого опыт зарубежных стран подробно описал в двухтомном труде князь А.И. Васильчиков (отец будущего Главноуправляющего ГУЗиЗ в 1906–1908 гг. князя Б.А. Васильчикова). А. Васильчиков предлагал отказаться от бесплатной раздачи участков земли переселенцам в бессрочное наследственное владение и продавать их по дешевым ценам в частную собственность. Защитником этого выступали в начале XX в. А.М. Беркенгейм и некоторые чиновники ГУЗиЗ. Они отмечали,

³⁵ См.: Зырянов П.Н. Указ соч. С. 81.

³⁶ Там же. С. 93.

³⁷ Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв III. Заседание 23. С. 814.

что крестьяне не ценят то, что дается бесплатно, и не будут заботиться о земле, если она им не принадлежит³⁸. Мнение князя А. Васильчикова разделял французский автор Клавдий Оланьон, который критиковал общину с ее пределами земли. К. Оланьон окончил Высшую торговую школу в Париже и совершил путешествие по Сибири. Он отметил большие возможности развития сибирского земледелия, наличие крупных ферм или заимок (до 300–1000 дес. и более) у сибиряков. Оланьон правильно определил слабую роль общинного землевладения в Сибири, считал необходимым введение частной собственности крестьян на землю, так как ее отсутствие представляло, по его мнению, “одну из самых серьезных помех для экономического развития этой страны”. При этих условиях, писал он, Сибирь станет “великим центром земледельческой и промышленной культуры”³⁹. Необходимость отвода участков земли в собственность переселенцев отмечали многие зарубежные авторы. Англичанин Д. Фразер, посетивший Сибирь почти одновременно с Оланьоном, отмечал, что при использовании американского опыта она “будет продовольственной базой мира”⁴⁰.

Американская система бесплатной передачи в частную собственность участка земли (гомстеда) не более 160 акров (около 60 дес. или 65 га) тем поселенцам, которые обрабатывали его и возвели на нем строения в течение 5 лет, была отвергнута Переселенческим управлением в 1898 г.⁴¹ Впервые, тогда еще власти и большинство сановников стояли на позиции защиты общины. Активным противником американской системы выступал профессор Петербургского университета А.А. Исаев. Он считал передачу казенных земель в бессрочное пользование с общинным землевладением наиболее соответствующим российским условиям⁴². Во-вторых, сибирские крестьяне имели земли на условиях бессрочного наследственного пользования, и правительство не решилось в тот период вводить разные формы землевладения. Вопрос о передаче земель в Сибири в частную собственность государственных крестьян поднимался неоднократно. Впервые это было декларировано в утвержденном царем 24 ноября 1866 г. мнении Государственного Совета при издании Положения о государственных крестьянах. Отнеся государственных крестьян Европейской России к разряду “крестьян-собственников” (статья 16 “Положения”), Госсовет одновременно “предположил”: “правила об административном и поземельном устройстве государственных крестьян в губерниях, по общему положению управляемых, применить к губерниям и областям, состоящим на особых положениях”. К последним относились губернии азиатской части страны. Но затем этот вопрос был отложен, так как границы крестьянских земель

³⁸ См.: *Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 2. СПб., 1876. С. 906, 911, 924–926, 1000–1001; *Беркенгейм А.М.* Указ. соч. С. 1–2.

³⁹ *Aulagnon C.* La Sibirie économique. Paris, 1901. Русский перевод: *Оланьон К.* Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1903. С. 4–6, 79–84, 251–252.

⁴⁰ *Fraser J.F.* The real Siberia. London; New-York, 1902. P. 277.

⁴¹ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 358. 1898 г. Л. 123–136.

⁴² *Исаев А.А.* Переселения в русском народном хозяйстве СПб., 1891. С. 96–105.

не были определены⁴³. В 1894 г. вопрос о введении частной собственности крестьян на землю обсуждался на заседании Комитета Сибирской железной дороги. Предложение было поддержано министром финансов Витте и министром внутренних дел Горемыкиным. Министр земледелия также высказался за введение частной собственности крестьян на землю в Сибири, но считал, что сначала надо срочно завершить землеустройство крестьян “хотя бы в рамках волостей и сел, которое там уже велось. Поэтому вопрос был отложен”⁴⁴.

В 1898 г. по заданию Комитета статс-секретарь А.Н. Куломзин написал докладную записку: “Основы насаждения частного землевладения в Сибири”. В записке подробно рассмотрены земельное законодательство и практика землепользования в США и Канаде. Куломзин предлагал продать землю крестьянам Сибири по низким номинальным ценам, так как “земля ценна только тогда, когда к ней приложены труд и капитал, а не сама по себе”. Он привел в доказательство пример Канады, где продажа земли пошла успешно только с 1850 г., когда цена на землю была понижена в 2–4 раза до 4–4,5 руб. за 1 дес.⁴⁵ Но вопрос вновь был отложен. Это повлияло и на решение принципа колонизации. Вместо свободной продажи земли переселенцам решено было отводить им землю в бессрочное пользование.

Введение частной личной собственности крестьян на землю в Европейской России по столыпинской реформе поставило на очередь распространение ее и на Азиатскую Россию. Этот вопрос был поднят П. Столыпиным еще до поездки его в Сибирь. В мае 1908 г. он написал записку Главноуправляющему ГУЗиЗ князю Васильчикову, в которой отметил, что отвод земель в собственность крестьян в Сибири рассматривался еще в 1896 г., но был отложен, так как не было возможности предвидеть тех изменений, которые вызовет проведение Сибирской железной дороги. Он указывал, что теперь эти препятствия отпали, кроме того, за последние годы правительство во внутренних губерниях проводит новую аграрную политику, в основу которой положено упрочение понятия собственности среди крестьян, и нужно установить и для Сибири отвод земель не в пользование, а в собственность крестьян. “Вопросу этому, – писал далее П. Столыпин, – я придаю первостепенное государственное значение”⁴⁶.

Васильчиков в принципе согласился с этим предложением, но выразил опасение, что земли крестьян-старожилов не отграничены от казенных, а провести размежевание не хватит средств и межевых сил. Он предлагал начать переводить в частную собственность хутора и отруба переселенцев, отметив положительный опыт создания хуторов на Алтае⁴⁷. Сменивший Васильчикова А. Кривошеин в феврале 1909 г. разослал циркуляр, в котором предписывалось заведующим переселенческими районами “обратить

⁴³ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 741. Л. 86–87.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 357. Л. 3.

⁴⁵ Там же. Л. 23–35, 26, 33.

⁴⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 741. Л. 78–81. Записка П.А. Столыпина.

⁴⁷ Там же. Л. 86–92. Записка ГУЗиЗ.

особое внимание на образование возможно большего количества хуторских участков” и “во всех случаях, когда переселившиеся выразят желание завести хуторской и отрубной порядок, оказывать им помощь путем командирования межевых сил или выдачи ссуд⁴⁸. Столыпин считал нужным разослать циркуляр МВД, в котором отметил как положительный факт случаи выделения на хутора крестьян Акмолинской области, подчеркнув, что “столь желательное явление, сближающее между собою крестьянское землеустроительное дело Европейской России и Сибири, ведет лишь к установлению единой земельной политики правительства на пространстве всей империи”. Отметив, что в этом деле он встретил “полное понимание” у Кривошеина, Столыпин потребовал от крестьянских начальников Азиатской России неукоснительного выполнения мер по “насаждению единоличного крестьянского землевладения на началах отрубного или хуторского хозяйства”⁴⁹.

Во время поездки в Сибирь в 1910 г. оба министра пришли к убеждению, что такой порядок необходимо ввести в этом крае законодательно. Поездка в Сибирь была достаточно длительной, министры смогли объехать довольно много районов интенсивного заселения в Акмолинской области (центр г. Омск), в засушливой полосе Степного края, в Кулундинской степи, на Алтае, в Маринской тайге и других местностях. По железной дороге они доехали до станции Боготол (250 км от Красноярска), а на лошадях отъезжали от железной дороги на 300 км. Они побывали во многих переселенческих селах и деревнях. В переселенческом поселке Славгород министры увидели несколько улиц добротных домов и обширных усадеб, в то время как в 1908 г. здесь поселялись в землянках (одну из них оставили как памятник). В городах Челябинске, Омске, Боготоле они беседовали с работниками переселенческих пунктов, столовых, больниц. В Томске встречались с преподавателями и студентами, везде принимали посетителей, новоселов, чиновников и др.⁵⁰ Эта рабочая поездка, посвященная осмотру переселенческих районов и сибирских сел и городов, в либерально-радикальной прессе была названа “буффонадной”, парадной и т.п. Это предвидел П. Столыпин, когда писал после приезда Кривошеину: “Записка меня вполне удовлетворяет... Но Ваше внутреннее чувство Вас не обмануло: тон ее и печатью, и обществом будет признан бравурным. Между тем тон ее изменить нельзя. Нельзя в этом деле с бодрой ноты переходить на минорную”. Он предложил внести дополнение о том, что “это не самообман”, что “в России все перевернуто и еще много надо сделать, что мы сознаем, что во многих окраинах дело почти еще не начато или идет плохо и медленно... что мы разумеем не совершившийся уже переворот, а совершившийся сдвиг”⁵¹. Но огонь критики обрушился на записку и в газетах, и в брошюрах.

⁴⁸ ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 47. 1909 г. Л. 173. Циркуляр ГУЗиЗ.

⁴⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1468. 1909 г. Л. 6–7.

⁵⁰ О поездке см. подробнее: *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. С. 79–93.

⁵¹ РГИА. Ф. 1571 (Кривошеина). Оп. 1. Д. 324. Л. 20.

По итогам поездки были составлены Всеподданнейший доклад и приложенная к нему обширная записка. На основе совместных обсуждений и сделанных заметок их писал А.В. Кривошеин и знакомил П.А. Столыпина с предварительным текстом. Столыпин делал дополнения о необходимости вставить предложения о строительстве церквей и школ, как “о кричащих нуждах переселения”, о ветеринарном институте в Омске и сельскохозяйственном институте в Томске, напоминал о включении “злободневного вопроса о сибирском земстве” и др. Одно письмо было написано Столыпиным лично 30 сентября 1910 г., и этой же датой помечено второе письмо, где Столыпин пишет, что читал “поздно ночью”. В целом он хвалил “записку”: “Она представляет такой же интерес и написана с таким же талантом, как и предыдущая (речь идет о записке по поездке в Поволжье. – В.Т.)”. Далее он напоминает еще о многих предложениях: обеспечении безопасности и охране прав, усилении суда и полиции и др.⁵² Любопытно, что все письма, записки и даже черновики циркуляров Столыпин писал собственноручно. В одной из записок (от 16 октября 1910 г.) Кривошеину он сделал приписку: “Извините за почерк – рука еще болит”⁵³.

Основные предложения Столыпина и Кривошеина сводились к следующему:

1. Следует “встать и в Сибири, на путь создания и укрепления частной собственности, покончить с титулом государственной собственности для всех земель, отводимых в наделы старожилам и переселенцам”. В частную собственность отводить прежде всего хуторские и отрубные участки.

2. Необходимо распространить и на Сибирь указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 г. о выходе из общины. Нужно “устранить общинно-земельные порядки в Сибири”, разверстать общественные земли на подворные участки и содействовать “процессу выделения и обособления от общины наиболее крепких хозяйственных единиц”. Прежде всего изменить порядок землеотводных работ Переселенческого управления, отводить в первую очередь хуторские и отрубные участки. Затем провести внутринадельное размежевание переселенческих поселков, уже заселенных новоселами, поскольку последние не имели еще прочно сложившегося землепользования.

3. Сибири нужна не только мелкая крестьянская собственность. Необходимо также насадить здесь помещиков.

4. Нужно оказать помощь сибирскому зажиточному крестьянину в сбыте хлеба, для чего отменить Челябинский тарифный перелом и увеличить дорожное строительство в Сибири⁵⁴.

Таким образом, речь шла о заселении Сибири “крепкими” крестьянами и о создании “крепких” хозяйств из переселенческих дворов. В то же время министры не отказывались и от постановки более отдаленной задачи –

⁵² РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 17–17об., 18, 19, 20.

⁵³ Там же. Л. 22.

⁵⁴ Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и в Поволжье в 1910 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1910. С. 127–130.

перевода всех крестьянских земель в разряд частнособственнических. Еще раз они подчеркивали и стремление насадить в Сибири помещиков – задача создания крупных хозяйств не снималась царизмом, и это в записке нашло отражение.

Итак, были намечены два этапа на пути введения частной собственности крестьян: сначала переселенцы, потом старожилы. В развитие этих задач были подготовлены соответствующие законопроекты. Издаются ряд циркуляров, предписывающих перейти от отвода поселковых участков к единоличным. 10 марта 1911 г. Совет министров утвердил положение “Об отводе переселенцам отрубных и хуторских участков в частную собственность”. Для проведения его в жизнь требовалось утверждение Государственной Думы.

Но до утверждения его Думой можно было отводить участки переселенцам не в собственность, а в единоличное пользование. Переселенческое управление в феврале 1911 г. телеграммой потребовало от заведующих переселенческими районами изменить порядок образования переселенческих участков “в направлении подготовки хуторов и отрубов для единоличного пользования”⁵⁵. Переселенческим организациям на местах было даже разрешено сократить на одну треть общий фонд заготовки участков с тем, чтобы из оставшейся части не менее трети отвести в виде хуторов и отрубов.

Правительство надеялось создать на единоличных участках образцовые хозяйства зажиточных крестьян. Поэтому было дано специальное указание отводить под такие участки лучшие земли. Разработанные Переселенческим управлением “Руководящие указания о порядке применения правил об образовании переселенческих участков” от 25 марта 1911 г. рекомендовали соблюдать следующий порядок при землеотводных работах: “...прежде всего, в связи с существующими и вновь намеченными магистральными дорогами, а также результатами гидротехнических исследований проектируются хуторские участки, а затем из площадей, не вошедших в хутора, – массивы для поселковых участков”⁵⁶. Инструкция обязывала отводить хуторские участки на самых лучших местах, расположенных вблизи дорог и обеспеченных водой. Поскольку хутора проектировались вначале, то и границы их проводились более удобно в смысле включения мест, пригодных под распашку, обеспеченных сенокосами, пастбищами и водой. Это была политика покровительства зажиточным хозяевам, которые преимущественно селились на хуторах.

Одновременно с изменением землеотводных работ правительство принимает постановление, облегчающее проведение внутринадельного размежевания переселенческих поселков. В Сибири раздел общинных земель считался добровольным делом и проводился на средства самих крестьян. Поскольку это обходилось очень дорого, крестьяне почти не прибегали к размежеванию. Оно началось в Сибири с 1908 г. Для его развития прави-

⁵⁵ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 221. Л. 189.

⁵⁶ Руководящие указания о порядке применения правил об образовании переселенческих участков. СПб., 1911. С. 1–2.

тельство 19 апреля 1909 г. приняло новые правила о выдаче ссуд на общепользные надобности. Раньше такие ссуды выдавались, как правило, лишь на строительство церквей или школ и выражались небольшими суммами. Обратить ссуду на межевые работы можно было лишь в исключительных случаях с особого разрешения Главноуправляющего ГУЗиЗ. Новые правила разрешали выдавать ссуды на общепользные надобности в размере до 2000 руб. губернским органам и обращать их на межевание. Специальный циркуляр ГУЗиЗ устанавливал, что ссуды могут обращаться только на внутринадельное межевание. Резко было увеличено ассигнование по этой статье. Данные о выдаче вссуд в 1908–1910 гг. приведены ниже:⁵⁷

Год	Количество селений	Сумма, тыс. руб.
1908	28	32,5
1909	67	109,3
1910	120	176,9

В последующие годы сумма выданных ссуд еще более увеличилась и достигла в 1914 г. 473,4 тыс. руб. Если в 1908 г. размежевание велось на площади 119 тыс. дес., то в 1914 г. – 5 млн дес.⁵⁸ Эти цифры показывают, что правительство шло на крупные затраты ради достижения своей цели. Конечно, размежевание общинных земель и расселение новоселов на хутора и отруба еще не означало, что эти участки отводились переселенцам в частную собственность, так как положение Совета министров находилось на рассмотрении Думы, а до тех пор они считались в пользовании переселенцев. Но главная трудность установления частной собственности заключалась именно в разверстании общинных наделов на единоличные, а эти работы велись полным ходом. Был сделан крупный шаг в подготовке введения частной собственности на землю. Для крестьян-хуторян и отрубников последний акт представлял бы просто юридическое оформление уже совершившегося факта. Не дожидаясь прохождения закона через Думу, правительственные органы поспешили зафиксировать изменившийся порядок владения землей переселенцами, водворенными на хуторах и отрубках. В циркуляре МВД и ГУЗиЗ от 21 апреля 1911 г. указывалось: “...каждый домохозяин должен почитаться единоличным владельцем доставшихся ему участков на правах постоянного наследственного пользования и может переуступать их другим лицам, имеющим право на наделение казенной землей, не иначе, как на условиях того же наследственного пользования”⁵⁹. Новым здесь было не только указание о единоличном владении, чего раньше в юридических актах о сибирских крестьянах не встречалось, но и признание права крестьян “переуступать” земли, т.е. фактичес-

⁵⁷ Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. и Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб., 1911. С. 32–33, 299.

⁵⁸ Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг., 1915. С. 171. (Значительная часть этих ссуд в 1913 г. по случаю 300-летия Дома Романовых была обращена в безвозвратные пособия. – В.Т.)

⁵⁹ Приводится по: *Скляров Л.Ф.* Указ соч. С. 309.

ки речь идет о праве продажи, так как не указано, что они должны “переуступать” бесплатно. Существовавшие до этого законоположения довольно четко указывали, что крестьяне не имеют права продажи или переуступки своей земли, ее следовало отдавать в общину бесплатно. Циркуляр 21 апреля 1911 г. изменял этот порядок.

Следовательно, переселенческая политика царского правительства преследовала не одну цель выселения малоземельных крестьян из центральных губерний, но и широкое освоение новых земель в Азиатской России, а последнее усиливало экономическую мощь всего российского государства, укрепляло его стратегическое положение на востоке страны.

Причинами переселения, как указывалось выше и как я отмечал ранее, были многие “социально-экономические и политические факторы”⁶⁰. Основными предпосылками переселения в конце XIX – начале XX в. было наличие в российской деревне широкого слоя крестьян, которые не могли при существовавшей системе хозяйства прожить со своих наделов и не имели средств ни для покупки земли, ни для ее аренды, ни для интенсификации сельскохозяйственного производства. Рост населения и развитие рыночных отношений ускоряли процесс разорения многих хозяйств, уменьшения наделов и расширения указанного слоя крестьян. Это была общая причина, которая заставляла крестьян или уходить на временные заработки в другие районы, или переезжать в города и промышленные поселки, или переселяться на окраины. И эта причина была долговременной. Непосредственных причин миграций на окраины было также несколько: недостаточный рынок рабочей силы в сельском хозяйстве и в промышленности центра страны, привычки и привязанности крестьян именно к сельскохозяйственному труду, нежелание или боязнь расстаться с прежним образом сельской жизни, т.е. особым менталитетом русского крестьянина. Своеобразной предпосылкой сельскохозяйственного переселения было наличие в России свободных годных к земледелию земель на многих окраинах.

На размеры и ход крестьянского переселения влияли такие причины, как строительство железных дорог и вообще развитие транспорта (пароходного сообщения, проведение новых грунтовых дорог), что не только облегчало, но и удешевляло переезд.

Роль переселенческой политики менялась от запретительной к разрешительной и затем (с 90-х годов XIX в.) к поощрительной. В начале XX в. в переселенческой политике стали преобладать не юридические и административные меры, а экономические – особенно это проявилось в годы проведения столыпинской реформы. Это изменение переселенческой политики приняло постоянное направление с конца XIX в. под влиянием не только указанных социально-экономических причин, но и стратегических или геополитических целей закрепления за Россией дальневосточных окраин, куда в большом количестве шло не разрешенное переселение китай-

⁶⁰ Тюкавкин В.Г. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX века // Ученые записки Иркутского госпединститута. Иркутск, 1961. Вып. XVIII (6). С. 3–27.

ских, корейских и японских граждан. С 1906 г. аграрная политика и переселенческая политика как бы слились в единое целое: продажа участков давала крестьянам деньги, а расширение переселения предоставило возможность бывшим общинникам уехать на свободные земли. Хотя переселенческая реформа назревала давно именно как обеспечение широкого вольнонародного переселения, но несомненно, что крестьянское движение дало толчок проведению реформы в жизнь. Одновременно правительство с 1906 г. старалось насколько возможно лучше устроить переселенцев на окраинах, имея в виду тоже сразу несколько целей. Таким образом, переселенческая политика не создавала искусственно бум миграции и использовала коренные и временные причины для решения необходимых для государства задач: улучшение положения крестьян Центра за счет уменьшения перенаселения, освоение новых земель в Азиатской России и повышение ее экономического потенциала, укрепление стратегического положения этой окраины. С 1910 г. создались условия для более прочного устройства новоселов в Азиатской России, что обеспечивалось разработкой “нового курса” переселенческой политики, который лишь усиливал одну из сторон прежней политики.

Столыпин и Кривошеин после поездки в Сибирь еще раз подчеркнули, что нужно менять принцип переселенческой политики и теперь необходимо “основывать переселение на идее прочного заселения Сибири, а не на разрешении населения Европейской России”. Высказываемый нередко тезис о том, что причиной поездки Столыпина в Сибирь был кризис переселения⁶¹, неверна. Правильную оценку дал сын А.В. Кривошеина, отметивший, что Главноуправляющий ГУЗиЗ придумал идею поездки, как способ привлечь внимание правящих кругов, Думы и общественности к проблемам заселения Сибири. Заранее были намечены главные цели поездки и самые насущные задачи улучшения переселенческой политики⁶².

Организация переезда переселенцев

В 1906–1916 гг. была перестроена система организации переезда переселенцев.

В первую очередь был реорганизован и увеличен аппарат Переселенческого управления в азиатской части страны. Было создано 12 специальных переселенческих районов, которые совпадали с административными границами губерний и областей Азиатской России. Во главе районов был поставлен заведующий, который руководил землеотводными, межевыми, гидротехническими, строительными и дорожными работами, водворением переселенцев и оказанием им культурной хозяйственной и иной помощи. Чиновников в районах было немного: заведующий назначал себе помощников (от 1 до 3), при которых была небольшая канцелярия. Остальной

⁶¹ См.: Зырянов П.Н. Петр Столыпин. С. 80.

⁶² Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 123.

аппарат составляли землеотводные и поземельно-устроительные партии, гидротехнические и дорожные отряды, агрономические организации, в которых под руководством производителей работ трудились межевые специалисты, землемеры, агрономы, гидротехники, почвоведы, чертежники, дорожные техники и другие специалисты. В районах в местах заселения выделялись подрайоны во главе с заведующим водворением. На них лежали обязанности выдачи ссуд, строительства церквей и школ, врачебных и фельдшерских пунктов и больниц. Там, где переселенческих участков было мало, подрайоны не выделялись, а водворением новоселов заведовали крестьянские начальники. Были еще сельскохозяйственные и лесные склады в ведении особых заведующих, управление которых было в г. Омске и в крупных восточных городах⁶³.

Кроме того, были созданы два района на Транссибирской магистрали специально для организации передвижения переселенцев: Западный – от Челябинска до Новониколаевска (ныне – Новосибирск) и Восточный – от Новониколаевска на восток (в 1906–1908 гг. существовал самостоятельный Забайкальско-Маньчжурский район по организации переезда переселенцев, позднее он вошел в Восточный район). В обязанности заведующего Западным районом железных дорог входил также контроль за территорией европейской части страны, а в Восточный включалась и Уссурийская дорога до станции Пограничная⁶⁴. По всей линии железной дороги были организованы переселенческие пункты на крупных станциях. Особое значение имели Челябинский, Омский, Новониколаевский, Иркутский, Сретенский, Хабаровский и Владивостокский пункты. В них имелись бараки, столовые, санпропускники, медицинские пункты. В Челябинске и Сызрани была служба регистрации переселенцев. В 1910 г. П. Столыпин и А. Кривошеин увидели в Челябинске целый городок для переселенцев, занимавший около 10 дес. Здесь были построены много бараков, столовые, кухни, баня с санпропускником, больница, амбулатория, лавки для продажи продуктов и предметов первой необходимости. Летом дополнительно устанавливались на перроне лотки и длинные деревянные столы со скамейками для кормления переселенцев горячей пищей. Этот пункт был рассчитан на прием до 10 тыс. переселенцев в сутки.

В 1950-х годах бывшие переселенцы в беседах со мной вспоминали, что в иркутском переселенческом пункте их хорошо кормили горячей пищей, была большая замечательная баня, а в санпропускнике всю одежду и белье подвергали обработке горячим паром. Они просили написать, какой был большой хороший пункт и какие внимательные люди там работали, заботились о переселенцах.

Таким образом, была создана специальная разветвленная организация для обслуживания переселенцев. Эта тщательно продуманная система учитывала прошлый опыт переселения. Количество специалистов в районах было весьма значительным. Например, в Иркутском районе работало

⁶³ Азиатская Россия. Т. I. С. 490–492.

⁶⁴ Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. СПб., 1911. С. 28.

317 человек, в Енисейском – 372, в Томском – более 500, и их число увеличивалось, а аппарат превышал почти в 1,5 раза губернские правления.

В деятельности переселенческих организаций главное место занимали следующие мероприятия: 1) организация проезда переселенцев до места назначения; 2) отвод специальных переселенческих участков; 3) ссудная помощь новоселам; 4) мероприятия по удовлетворению наиболее насущных нужд переселенцев (строительство колодцев, проведение дорог, строительство школ, церквей, больниц и пр.).

Организация переезда и транспортировки переселенцев была тоже тщательно продумана с учетом недостатков предыдущего периода. В 1906 г. стали вводиться специальные переселенческие поезда из вагонов IV класса. Был учтен опыт перевозки сотен тысяч солдат в Манчжурию во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Тогда солдаты ехали в теплушках, оборудованных нарами в два этажа в передней и задней частях вагона и с железной печкой посредине. Либеральная пресса называла их “8 лошадей – 40 человек”, потому что в них раньше перевозили по 8 лошадей в специальных стойлах, а после переоборудования – до 40 человек. Эти теплушки из товарных вагонов использовали довольно широко и в 1906–1914 гг. В 1907 г. для переселения выделили 8,5 тыс. теплушек. Но вскоре их стало не хватать, и тогда с других дорог перебросили еще 2 тыс. вагонов. Одновременно шла разработка новых специальных вагонов. С 1908 г. началось массовое строительство вагонов новой конструкции, довольно удобных, с водяным отоплением, с туалетами, с титанами с кипятком для переселенцев. Из них стали формировать переселенческие поезда. В 1913 г. их курсировало 3,4 тыс. Учитывая, что такие вагоны могут понадобиться и для перевозки солдат на случай войны, Министерство путей сообщения с помощью военного ведомства добилось согласия Государственной Думы на выделение огромной суммы в 48 млн руб. на их производство. А. Кривошеин, постоянно добивавшийся увеличения ассигнований по своему министерству, отнесся неодобрительно и ревниво к такому, на его взгляд, расточительству. Во время поездки А. Столыпина и А. Кривошеина в Сибирь последний возмущался, что внимание Думы и общества всегда сосредоточено на том, что на виду, в частности на этих вагонах, и на все другие нужды переселенческого дела было отпущено только 25 млн руб., т.е. почти в 2 раза меньше. Переселенец, по словам Кривошеина, никогда не имел дома таких удобств, как в этих вагонах, и не будет иметь их в Сибири, едет он всего две – четыре недели, а потом будет жить на новом месте много лет, и лучше уж там потратить больше средств. Переселенцы получали льготные билеты, которые были в три раза дешевле билетов IV класса (а именно этот класс был присвоен вагонам), и могли провозить багаж и скот по льготной оплате. Руководство Министерства путей сообщения считало убытки от льготного тарифа в 7,5 млн руб., но не учитывало, что без переселенцев железные дороги не имели бы такого наплыва пассажиров и таких доходов⁶⁵.

⁶⁵См.: Зырянов П.Н. Указ соч. С. 80–81.

Новый материал по организации перевозки переселения привела в своей кандидатской диссертации В.Е. Смирнова, которая впервые широко использовала челябинский архив – фонд заведующего передвижением переселенцев по Западному району. Железные дороги по соглашению с Переселенческим управлением создали специально оборудованные санитарные вагоны. Медперсонал их проводил медицинские осмотры, дезинфекцию подвижного состава, следил за санитарным состоянием вагонов. Расходы железных дорог на врачебно-санитарную помощь и надзор были весьма значительны. Лечение переселенцев, включая самовольных, проводилось за счет Переселенческого управления. Кроме железнодорожной существовала и переселенческая медицинская служба. Из 54 переселенческих пунктов на станциях в 14 имелись больничные помещения для стационарного лечения, а в 45 были пункты для оказания амбулаторной помощи. В 1906–1916 гг. амбулаторно было принято 1 693 447 переселенцев, а стационарно лечились 565 615 человек. В России в 1908–1910 гг. были заболевания холерой, но среди переселенцев, как отмечали Столыпин и Кривошеин, этого удалось избежать благодаря действенной системе медицинской помощи⁶⁶.

Известно, что В.И. Ленин приводил факты массовых заболеваний среди переселенцев во время их переезда в Сибирь, взяв их из брошюры А.И. Комарова “Правда о переселенческом деле”⁶⁷. С.М. Дубровский не привел каких-либо новых материалов, но, ссылаясь на ту же работу Комарова и на Ленина, написал о безобразной организации переезда переселенцев, о большой заболеваемости, о том, что людей везли как скот⁶⁸. Л.Ф. Скляров отметил недостаточное финансирование, что ограничило размеры путевых ссуд, привело к невыполнению планов строительства вагонов нового типа (вместо 12 тыс. к 1913 г. их построили 3,3 тыс.), об отмене в 1909–1910 гг. бесплатного провоза нуждающихся переселенцев⁶⁹. Он также отметил, что постепенно сокращалась доля бесплатных обедов и увеличивалась доля платных: в 1908 и 1909 гг. бесплатных выдач пищи было в 2 раза больше, чем платных (950 тыс. против 475 тыс.), а с 1910 г. соотношение стало обратным: 1,4 млн бесплатных выдач против 2,6 млн платных⁷⁰. Но Скляров не приводит фактов о массовых заболеваниях, эпидемиях и тем более о массовой смертности переселенцев в пути следования. И тем не менее в разделе “Организация перевозки” он сделал вывод о “порочной” организации переезда и о том, что она “в годы столыпинской аграрной реформы не улучшилась по сравнению с дореволюционным десятилетием”⁷¹. Весь изложенный выше материал противоречит такому выводу.

⁶⁶ Смирнова В.Е. Организация перевозки переселенцев в России: Автореф. канд. дис. С. 14–15.

⁶⁷ Ленин В.И. ПСС Т. 21. С. 332–333.

⁶⁸ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. С. 399–400.

⁶⁹ Скляров Л.Ф. Указ соч. С. 173, 179–188.

⁷⁰ Там же. С. 190; Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. С. 25.

⁷¹ Скляров Л.Ф. Указ соч. С. 191.

Однако в советской историографии оценка организации переезда переселенцев сложилась задолго до монографии Склярова под влиянием ленинских высказываний, а В.И. Ленин приводил материал книги А.И. Комарова и еще речь в III Государственной Думе моего земляка, казака, крупного деятеля забайкальской кооперации, неистового борца против царского правительства Авива Войлошникова, близкого к большевикам. На третьей сессии Думы он говорил: “В течение трех лет, 1906, 1907, 1908 гг. за Урал было переброшено 1 552 439 душ обоого пола, наполовину нищих, завлеченных правительственной рекламой в неведомые края, обреченных на произвол судьбы. Из них устроились, как пишет Переселенческое управление, 564 041 человек, вернулось обратно 284 984 душ обоого пола. Таким образом, известно по сведениям Переселенческого управления о 849 025 человеках, куда же девались остальные? Где же те 703 414 человек? Правительство отлично знает об их горькой участи, но оно об них ничего не скажет; часть из них приписалась к старожильческим деревням, часть пополнила ряды сибирского пролетариата и ходит с протянутой рукой. Но громадной части правительство устроило дорогие похороны, и вот почему правительство умалчивает о них”⁷².

Подсчеты А.А. Войлошникова весьма и весьма приблизительны, как он, собственно, и сам признает. Цифры о водворении переселенцев рассмотрены ниже. В данном случае нужно отметить следующее расхождение: проезд переселенцев туда и обратно фиксировался сразу, а водворение их определялось после зачисления за ними определенного земельного участка, т.е. через полгода-год. Многие переселенцы приписывались к старожильческим селам, где можно было легко заработать у богатых крестьян: их не пересчитывали и сообщали о них очень приблизительные данные. Значительная же часть переселенцев жила в переселенческих селах, ожидая землеустройства старожилов, после чего на части их земель отводились переселенческие участки. Особенно много таких было на Алтае. Там ускоренными темпами шел отвод земель старожилам для того, чтобы определить, сколько земли отвести под переселенческие участки. На Алтае были самые лучшие земли в Сибири и жили самые зажиточные крестьяне. На землях Кабинета у крестьян никогда не было недоимок, в отличие от всех других районов. К 1910 г. там сложилось более 700 тыс. не устроенных переселенцев. Они выгадали, как будет изложено ниже, по сравнению с остальными, ибо со временем получили земли в этом более благодатном краю. Это отмечено в отчетах Переселенческого управления за последующие (1911–1914) годы.

Ленинское указание без всякой проверки было принято на веру в советской историографии. Историографические выводы нашли отражение почти во всех учебниках. Так, Е.Д. Черменский, автор разделов о столыпинской реформе во многих учебниках писал: “Переселенцев отправляли в переполненных товарных вагонах, тысячи их гибли в пути от голода и

⁷² Приводится по: Ленин В.И. Переселенческий вопрос // Ленин В.И. ПССТ. 21. С. 335–336.

эпидемий”⁷³. То же самое он писал в пособии для учителей: “Переселенческое ведомство совершенно не подготовилось к перевозке и устройству на новых местах такой массы крестьян... тысячи переселенцев погибали в дороге от голода и эпидемий”⁷⁴.

На самом деле никаких данных о якобы тысячах погибших от голода и эпидемий нет. Такое заключение я делаю на основе многолетней работы в РГИА и архивах всех сибирских областей и краевых центров, ознакомления с фондами Переселенческого управления, переселенческих местных органов, Земского отдела МВД и других, где такие данные обязательно были бы представлены. Конечно, там немало сообщений о смертных случаях, в том числе от болезней, но не от массовых эпидемий. Особенно же странно утверждение о смерти от голода при наличии бесплатных обедов, при возможности обратиться в медпункт, при поездке со многими соседями, уж не оставившими бы без помощи голодающего. Бесплатные обеды и небольшие путевые ссуды выдавались и самовольным нуждающимся переселенцам, им оказывалась и бесплатная медицинская помощь.

В Иркутской губернии по заданию заведующего переселенческим районом в 1910 г. были собраны все сведения с переселенческих пунктов о случаях смерти пассажиров переселенческих поездов, умерших в пути или в медицинских пунктах и больницах. Таких за год оказалось 88 человек из 18 тыс. приехавших в губернию или проехавших транзитом далее. Это составило 0,5% переселенцев⁷⁵.

Вопрос о количестве умерших в пути нуждается в специальном исследовании. Очевидно, смертность в 1907–1909 гг. была выше, так как ехало ежегодно в Азиатскую Россию по 600–700 тыс. человек, была большая скученность в вагонах, хуже организовано медицинское обслуживание и пр. В этот период, по приблизительным данным, общая естественная смертность среди переселенцев была 40 человек на 1 тыс. (в Европейской России она составляла 34 человека на 1 тыс.). Но в сельской местности и на местах выезда переселенцев смертность была выше средней.

Недостатков разного рода в организации переезда переселенцев было много, да и не могло не быть при таком массовом движении. Это отмечено в докладах и отчетах самого “въедливого” ревизора – П.П. Оленич-Гнененко. Неоднократно на его отчеты ссылался Л.Ф. Скляр. Например, в отчете по ревизии Западного района движения переселенцев за 1909 г. Оленич-Гнененко отметил неудовлетворительный контроль за движением переселенческих поездов по европейской части страны, на линиях Минск–Пенза, Киев – Пенза и Полтава – Пенза. По поводу же более близких к Челябинску дорог он записал, что от Пензы до Челябинска передвижение организовано “сравнительно сносно, то есть имеется все необходимое, так как надзор за этой линией усиленный”. Недостатки он отметил в работе пунктов в городах Вязьме, Козлове, Харькове, так как заведующие этими

⁷³ См.: История СССР. XIX – начало XX в. / Под ред. И.А. Федосова. М., 1981. С. 334.

⁷⁴ Черменский Е.Д. История СССР период империализма. М., 1974. С. 235.

⁷⁵ Госархив Иркутской области. Ф. 171. Оп. 1. Д. 201. Л. 84, 85, 89, 90, 92, 95, 96, 103, 104, 107, 109–112, 118, 119, 120, 135, 137, 140, 142, 143, 145, 154, 157, 162, 164, 166, 168, 174.

пунктами – врачи, “прикованные к месту по роду службы”. Но насчет массовых болезней и тем более массовой смертности в пути в этом отчете ничего нет⁷⁶.

В своих отчетах за 1907 и 1908 гг. Оленич-Гнененко отмечал много случаев плохой организации питания и медицинского обслуживания, резко критиковал работу заведующих передвиганием переселенцев. В 1911–1913 гг. этот же ревизор докладывал о значительном улучшении в работе по организации движения переселенческих поездов⁷⁷. Отдельные случаи смерти от болезней отмечались неоднократно. Так, в 1906 г. в Канске было снято с переселенческого поезда 15 детей, больных корью. Родственники скрывали болезнь, видимо, в надежде, что болезнь пройдет, и только после смертельного исхода у троих человек сообщили на медпункт. Из заболевших умерли еще два человека уже в Канске, остальных медики спасли⁷⁸. Отмечались заболевания скарлатиной и другими болезнями.

Кроме Оленич-Гнененко о недостатках организации переезда переселенцев сообщали и другие ревизоры – сенатор Иваницкий (товарищ Главноуправляющего ГУЗиЗ) в 1908 г., исполняющий должность ревизора Г.Ф. Чиркин (будущий заместитель начальника Переселенческого управления)⁷⁹, а также сами заведующие районами. Но никто из них не писал о массовых эпидемиях или смерти от голода. В архивах немало жалоб самих переселенцев, в которых они с обидой писали о том, что поезда опаздывали против расписания на сутки и более, багажные поезда еще больше, на многих пунктах не было горячей пищи или ее не хватало на всех, иногда не было переселенческих больниц, а городские врачи требовали 30 коп. за осмотр больного и пр.

Особенно часто опаздывали поезда, составленные из теплушек. Они в отличие от пассажирских поездов не были обеспечены паровозами в достаточном количестве. От одной крупной станции, где менялись паровоз и поездная бригада, до следующей такой же станции эти поезда мчались с курьерской скоростью, делая лишь одну остановку, во время которой набирали воду и уголь в паровоз. С конечного пункта паровоз уезжал обратно, очень часто порожняком, поезд же загоняли в тупик, пока не подвернется свободный паровоз. В 1906–1909 гг. такие остановки могли длиться и сутки, а позднее – несколько часов⁸⁰.

Для самых бедных переселенцев такие поезда из теплушек имели большое преимущество: в них можно было проехать без билета. Автор этих строк в студенческие годы в конце 1940-х годов это проверил на собственном опыте. Тогда еще ходили поезда, составленные из таких же теплушек. Они имели номера 501, 502 и более, поэтому получили в народе название “пятьсот веселые”. Иногда пассажиры не пускали безбилетни-

⁷⁶ Там же. С. 172–174. Об этом см. подробнее: РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д.1589. (1909 г.) Л. 105–109.

⁷⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 322.

⁷⁸ Госархив Красноярского края (ГАКК). Ф. 639. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

⁷⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1116, 1229.

⁸⁰ ГАКК. Ф. 262. Оп. 3. Д. 2. Л. 77; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 584. Л. 26–27.

ков, но чаще всего, а на конечном пункте – всегда, сесть можно было. Безбилетные обнаруживались на крупных станциях – там мог в вагон зайти ревизор. В пассажирских вагонах ревизор проверял билеты во время движения поезда, и там безбилетникам было труднее. А в теплушках ревизоры появлялись на большой станции и старались быстро их пройти, так как во время движения поезда надо было часа три ехать в одном вагоне. Задача безбилетников состояла в том, чтобы как можно быстрее на крупной станции выскочить из вагона. Это было нетрудно, никаких проводников в таких вагонах не было. Все равно пассажиры посылали безбилетников за кипятком (кипяток был всегда, на всех станциях были вывески: “Кипяток”), а зимой еще за углем и за дровами. Приходилось следить издалека, не появился ли ревизор и где он в данный момент проверяет билеты.

Поскольку этих теплушек давно уже нет, опишу их вид. Это были товарные деревянные вагоны, дверь отодвигалась в сторону, внизу – железные ступеньки. В середине вагона была довольно большая свободная площадка, посреди нее стояла железная печь, труба выходила вверх через потолок. Вокруг печки стояли скамьи или ящики, на которых можно было сидеть. В начале и в конце вагона на всю его ширину тянулись нары в два этажа, длиной в 2,5 м. Багаж можно было держать под нарами и в изголовье или в багажных вагонах. Ехали дружно, бузотеров быстро одергивали. Шли разговоры о житье-бытье. Даже в страшно голодные 1946 и 1947 гг., заметив пассажиров без продуктов, приглашали попить чаю или кипятку, отделив немного картошки, иногда даже огурцов, хлеба, сухарей. Пассажиры безбилетников не выдавали. Ехать было не так трудно, как описывали в газетах. Переселенцы в основном ехали весной и летом (до 80% в марте – июне), когда не было холодов, можно было чаще проветривать, меньше топить печь.

Общая оценка организации переезда переселенцев в Азиатскую Россию должна учитывать и положительную сторону дела, и недостатки. За годы советской власти под влиянием учебной и публицистической литературы сложилась та оценка, которую дал Ленин. К сожалению, и в научных трудах упор делался на недостатки. Так, в монографии Л.Ф. Складорова в разделе “Организация перевозки” этот стереотип проявился в том, что ни одного положительного слова в адрес аппарата переселенческих пунктов, а тем более в адрес правительства, он не написал. Проявился любопытный подход к описанию всех мероприятий. Автор привел оценку организации перевозки переселенцев со стороны “Особого совещания по обсуждению мер к упорядочению перевозки переселенцев в 1909 г.” Совещание оценило положительно усилия и работу переселенческого аппарата, железнодорожных служб и работу управления по планированию. Кривошеин в докладе Николаю II за 1909 г. также сообщал, что организация перевозки 700 тыс. переселенцев и ходоков прошла “без всяких осложнений”. Он подчеркнул, что “удалось значительно улучшить общие условия передвижения переселенцев некоторым сокращением времени нахождения их в пути. В его докладе приведены данные, подтверждающие этот вывод об улучшении организации перевозки в 1909 г. по сравнению с 1908 г., как

отмечало и Особое совещание⁸¹. Л.Ф. Скляров, приведя цитату Кривошеина, не стал анализировать материал об организации переселения, на основе чего только и можно было бы опровергнуть вывод последнего. Вместо этого он сразу же сделал такое заключение: “Министерская оценка далеко не соответствовала действительности”. После этих слов он остановился на том, что размеры переселения были гораздо больше планируемых Переселенческим управлением, ставя это в вину правительству. Здесь налицо подмена понятий⁸².

В разделе ничего не сказано о работах по организации переезда переселенцев, о развертывании переселенческих пунктов, строительстве больниц, столовых, бань и пр. О существовании путевых ссуд, бесплатного проезда и бесплатных обедов для нуждающихся можно узнать только из отдельных упоминаний о их недостаточности. Работа многих сотен специалистов, рабочих и работниц по обслуживанию огромных масс переселенцев, работа тяжелая, с утра до вечера и по ночам, не заслужила со стороны Л.Ф. Склярова и многих других исследователей ни одного доброго слова. Название “царские чиновники” звучало синонимом ругательства. А эти чиновники, по крайней мере абсолютное большинство из них, честно и добросовестно несли тяжелую службу, стараясь помочь русским крестьянам, ехавшим на новые места.

Конечно, огромная работа переселенческого аппарата, железнодорожных служащих, врачей, санитаров, фельдшеров – всей армии обслуживающего персонала составляла главную положительную сторону организации переезда переселенцев. Была создана действенная система продовольственного, санитарно-медицинского обслуживания. На врачебно-продовольственную помощь в 1906–1915 гг. было истрачено 33,4 млн руб., или 15% использованных кредитов Переселенческого управления. При значительном сокращении переселенцев количество отпускаемых порций пищи увеличилось с 324 тыс. в 1906 г. до двух с лишним миллионов в последние годы перед войной⁸³. В 1911–1914 гг. улучшилось все обслуживание переселенцев в пути и в переселенческих пунктах.

В политике правительства в данной области нужно отметить такие положительные стороны, как увеличение ассигнований на путевые ссуды (по 250 тыс. руб. в год в 1909–1912 гг.), замена значительного количества теплушек вагонами новой конструкции, строительство новых и значительное переоборудование имеющихся переселенческих пунктов. Так, осенью 1912 г. в Челябинске были построены новые утепленные бараки и помещения летнего типа, регистрационный зал, больница на 140 коек, столовая, санпропускник с дезинфекционной камерой, церковь, приют на 40 сирот переселенцев⁸⁴.

⁸¹ См.: РГИА. Ф. 391. Оп. 4. (1910 г.). Д. 370. Л. 3–8.

⁸² Скляров Л.Ф. Указ соч. С. 178–179.

⁸³ Смирнова В.Е. Указ соч. С. 15.

⁸⁴ Трегубов А.Л. По новым местам (Переселение в Сибирь в 1913 году. Впечатления и заметки по поездке в заселенные районы Сибири члена Государственной думы). СПб. 1913. С. 16–17.

Конечно, нельзя закрывать глаза на недостатки в деле перевозки переселенцев, в том числе и в 1911–1914 гг., когда заметно улучшилось обслуживание. Много было задержек поездов в пути, что тяжело отражалось на моральном состоянии переселенцев. Особенно много недостатков было в организации перевозок по водным путям и по проселочным дорогам от железнодорожных станций до переселенческих участков. Переселенцы в основном стойчески переносили тяготы пути, считая их явлением временным. Как ни долго тянулось время в дороге, через несколько недель переселенцы приезжали на место.

Чиновники переселенческого ведомства и исследователи отмечали больше недостатков в перевозке переселенцев в 1906–1908 гг., чем в 1910–1911 гг. А.М. Беркенгейм, посетивший Сибирь в 1901 г., писал о том, что переселенцы ехали в вагонах в ужасной тесноте, духоте, без медицинской помощи⁸⁵. После 1910 г. И.Л. Ямзин отмечал, что условия переезда крестьян за Урал изменились коренным образом⁸⁶. Свидетельств такого рода можно привести довольно много.

Количество переселенцев

Основным источником по этому вопросу являются данные регистрации переселенцев в Челябинске и Сызрани, опубликованные известным статистиком и ученым Н. Турчаниновым⁸⁷. Точность этих сведений относительна, они, как правило, преуменьшены за счет тех, кто не регистрировался. Но они имеют и много преимуществ и достоинств: регистрация учитывала движение по месяцам, отмечала места выхода и вселения, наличие или отсутствие проходных свидетельств. Переселенцам задавались вопросы о количестве наличных денег, о причинах переселения или возвращения назад и много других. Наиболее точными можно считать сведения о переселенцах и ходоках, едущих по разрешению (по проходным или ходаческим свидетельствам). Близки к истине данные о местах выхода, так как поезда формировались на крупных станциях, чаще всего в губернских городах: Туле, Воронеже, Тамбове, Москве и т.п. Не учтены были многие переселенцы 1908–1910 гг., когда ограничивалась свобода ходачества и выдача проходных свидетельств, многие не регистрировались. Наименее точны места вселения. Переселенцы и ходоки брали проходные свидетельства в 1909–1911 гг. в те районы, которые были предназначены Переселенческим управлением. В эти годы регулирования размеров ходачества правительство устанавливало и особые квоты по регионам. Но и ходоки, и переселенцы ехали часто не туда, куда им было назначено, а старались осесть

⁸⁵ Беркенгейм А.М. Переселенческое дело в Сибири (По личным наблюдениям и официальным данным). М., 1902. С. 20–24.

⁸⁶ Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. С. 91–103.

⁸⁷ Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. / Сост. Н. Турчанинов. СПб., 1910; Итоги переселенческого движения с 1910 по 1914 гг. / Сост. Н. Турчанинов и А. Домрачев. Пг., 1916.

либо в Западной Сибири, либо в Степном краю. В этих регионах климат мягче, много степных и лесостепных мест, где легче вести хозяйство и т.д. Особо привлекали Алтай, Минусинский край, Кулундинская степь. Поэтому предположенные районы вселения далеко не совпали с действительным расселением. После 1910 г., когда Западная Сибирь и Степной край были переполнены новоселами, стали лучше заселяться лесостепь Восточной Сибири и Дальний Восток. На Дальний Восток было организовано дополнительно переселение на морских пароходах из Одессы во Владивосток. В этом переселении принимали участие великороссы и малороссы Новороссии, оно не учтено челябинской регистрацией.

Вторым по значению источником о количестве приехавших в Сибирь переселенцев являются официальные опубликованные отчеты Переселенческого управления о зачислении и водворении переселенцев, где учтены и те, кто не регистрировался в Челябинске.

В основе этих отчетов лежат данные заведующих переселенческими районами и подрайонами, крестьянских начальников, которые сохранились в архивах и содержат целый ряд дополнительных сведений. Второй тип источников позволяет более точно учесть число оставшихся в Азиатской России новоселов.

Третьим источником являются многочисленные документы о населении губерний и областей, о размерах естественного прироста, о наличных жителях сел, деревень, городов и поселков. Такие сведения собирали и публиковали статистические органы. Они содержатся и в годичных отчетах губернаторов. В губернаторских отчетах кроме сведений о переселении, полученных от заведующих переселенческими районами, включены названные выше данные статистических органов и донесений крестьянских начальников. В них есть сведения о числе жителей по годам, об уровне рождаемости и смертности. Это дает возможность высчитать естественный рост населения и выделить механический прирост за счет миграции, что используют в своих исследованиях демографы и географы⁸⁸. Данные демографов включают и тех переселенцев, которые осели в города, рабочих и железнодорожных поселках и которых не учитывала переселенческая статистика, хотя источники подтверждают существование такого оттока переселенцев.

За основу подсчета общего движения переселенцев и ходоков взяты данные челябинской регистрации с учетом подсчетов демографов и сведений о водворении новоселов по регионам.

Данные табл. 16 дают возможность более детально проанализировать движение переселенцев за Урал и обратно по годам. Прежде всего замечен общий подъем движения с 1906 г.: за период 1885–1905 гг. прошло 1530,3 тыс. человек, или по 68,1 тыс. в год, а за 1906–1914 гг. прошло 3537,1 тыс. человек, или по 419,1 тыс. в год. Это дало увеличение в сред-

⁸⁸ См.: Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3; Кабузан В.М. Русские в мире. СПб., 1996. С. 183–187; Воробьева В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 146–178.

нем на 450%, т.е. в 5,5 раз. Такое положение не могло быть случайным, а имело веские причины и было убедительным доказательством серьезного воздействия мероприятий столыпинской аграрной политики.

Таблица 16. Переселение крестьян в Азиатскую Россию

Годы	Проехало прямо, тыс.			Проехало обратно						Оста- лось I и II	
	I*	II*	III*	тыс.			%				
				I	II	III	I	II	III		
1885– 1905	–	–	1530,3	–	–	–	–	–	–	–	–
1906	139,1	77,6	216,7	13,7	32,6	46,3	9,8	42,0	21,2	170,4	
1907	427,3	149,6	576,0	27,2	90,3	117,5	6,4	60,0	20,5	459,5	
1908	664,8	94,0	758,8	45,1	76,1	121,2	6,8	81,0	15,9	637,6	
1909	619,3	88,1	707,5	82,3	57,6	139,9	13,3	65,0	19,8	567,6	
1910	316,2	36,8	352,0	114,9	32,1	146,9	36,3	87,0	41,6	206,0	
1911	189,8	36,3	226,1	116,3	26,6	142,9	61,3	74,0	63,2	83,1	
1912	201,0	58,6	259,6	57,3	41,1	98,4	28,5	70,0	33,3	161,2	
1913	241,0	96,3	337,3	45,5	71,1	116,5	18,9	74,0	34,6	220,7	
1914	241,9	94,5	336,4	27,6	69,3	96,9	11,4	73,0	28,8	239,5	
1906– 1914	3040,1	731,8	3772,2	529,9	496,8	1026,6	17,4	67,8	29,0	2745,5	

* I – переселенцев, II – ходоков, III – всего.

(Источники: Итоги переселенческого движения с 1896 по 1909 гг. / Сост. Н. Турчанинов. Спб., 1910; Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. / Сост. Н. Турчанинов, А. Домрачев. Пг., 1916.; *Скляров Л.Ф.* Указ. соч. С. 152–159 (в итоговой таблице П.Ф. Склярова не учтено движение ходоков). Сведения за 1885–1905 гг. приводятся по: *Ставровский Я.Ф., Алексеев В.В.* Переселение в Сибирь. Спб., 1906.)

Колебания переселенческой волны отразили влияние разных факторов. В 1907–1900 гг. резкий подъем движения был результатом самых массовых выходов крестьян из общин. Многие выходцы – около 1 млн домохозяев – продали свои наделы. Это составило (вместе с семьями) более 6 млн человек, а за Урал из них проехало за три года 2 млн. Далее последовал спад переселения, причиной которого стали правительственные ограничения. Это видно по движению ходоков: их число в 1909 г. стало сокращаться. С другой стороны, произошло и уменьшение выходов из общин. Первенствующее влияние изменений переселенческой политики на размеры переселения проявилось четко в 1911–1914 гг. – восстановление свободы хождения в 1911–1912 гг. вызвало рост переселений, хотя число выходов из общин продолжало сокращаться.

Обратное движение имело тенденцию роста до 1912 г. При этом абсолютный рост обратного движения не соответствовал его относительному увеличению. В 1910 г. число обратных переселенцев увеличилось с 82,2 до 114,9 тыс., или в 1,4 раза, а процент обратных переселенцев вырос с 13,3 до 36,3%, т.е. в 2,7 раза. Еще большее несоответствие было между 1911 и 1912 гг. Число обратных переселенцев увеличилось всего на

1,4 тыс., или на 1,2%, а доля обратных переселенцев возросла чуть не в два раза: с 36,3 до 61,3%. Это вызвало бурное возмущение Ленина, всех революционных и оппозиционных партий, не скрывавших своей радости по поводу “краха” переселения и переселенческой политики. Казалось, что переселенческая политика работает вхолостую – 61% процент переселенцев вернулся – большинство газет выразило ликование и обрушилось на “гнилое самодержавие” за плохую организацию переселения. Но, если взглянуть на итоговую цифру в графе процента обратных переселенцев, то увидим цифру 17,4% – это общий итог всего возврата. Как же это получилось? Цифры 36 и 61% обратных переселенцев в 1910 и 1911 гг. отразили своеобразную перестановку: в эти годы прямое движение было сравнительно небольшим, а обратно шли переселенцы 1908–1909 гг., которых было в 3 раза больше, чем в 1910 и 1911 гг. Естественно, что процент подскочил: ведь в 1907 и 1908 гг. обратное движение переселенцев было всего 6,4 и 6,8%. Поэтому в среднем для 1906–1914 гг. получилось обратных переселенцев 17%.

По этому поводу не могу не привести следующие свои воспоминания. В 1954–1958 гг. я работал в сибирских архивах и везде встречался с заведующими переселенческими отделами облисполкомов и крайисполкомов местных советов. В те годы процент обратных переселенцев был довольно большим – от 30 до 50%. Когда я в беседах говорил, что в период столыпинской реформы обратное переселение составляло 12%, на меня обрушивались с обвинениями в незнании и даже подтасовке фактов. Аргумент был всегда один: Ленин же писал, что 60% переселенцев вернулись. А возвращаюсь я к этому эпизоду потому, что совсем недавно такой же аргумент встретил в прессе.

Еще один вопрос требует пояснения – движение ходоков. Как указывалось выше, не считать их нельзя, потому что под видом ходоков, по ходаческим свидетельствам в 1906–1908 и 1912–1914 гг. (когда они выдавались свободно) часто ехали переселенцы. С другой стороны, настоящие ходоки, как правило, зачислив участки, возвращались назад, чтобы забрать свою семью или группу семей, и уже с ними и во главе их опять приезжали на место поселения. Это объясняет тот факт, который нашел отражение в табл. 16, что процент обратных ходоков был в 2–3 раза выше, чем обратных переселенцев (70–80%), и это повышало общий процент обратного движения. Фактически же значительная часть обратных ходоков снова возвращалась.

Общие результаты переселения, по данным челябинской регистрации, выразались весьма внушительными цифрами: всего в 1906–1914 гг. пришло за Урал 3 млн 772 тыс. человек, из них осталось 2 млн 745 тыс. Большое значение имело постоянное увеличение темпов переселения с 1911 г. Увеличивалось и число переселенцев, и число ходоков. Особенно показателен тот факт, что число ходоков в 1913 г. достигло уровня 1908 г., а в 1914 г. всего за первые полгода прошло столько же, сколько за весь 1913 г. В августе 1914 г. уже развернулась всеобщая мобилизация и движе-

ние резко упало, а обычно в августе – октябре проходило до трети всего годовичного потока.

Оценивая столыпинскую реформу, важно особо остановиться на вопросе о том, какое влияние оказало переселение на все стороны жизни великорусского населения. В советской историографии всегда подчеркивалось, что переселение совсем не уменьшило малоземелье в центральных губерниях, так как его общие размеры были меньше естественного прироста сельского населения европейской части страны. В общем, дело действительно так и обстояло: за Уралом осталось около 3 млн человек, а естественный прирост в сельской местности одних центральных губерний Европейской России был более 10 млн человек. Но совсем отрицать влияние переселения на уменьшение относительного малоземелья в центральной части страны, безусловно, нельзя. Без такого массового оттока населения из сельской местности, естественно, малоземелье возросло бы гораздо больше: потребовалось бы дополнительно наделить землей не менее 12 млн мужчин. Официальные источники указывали, что переселенцы оставили “около двух миллионов десятин лучших земель в лучших губерниях России... и немедленно поступивших в хозяйственное пользование местной крестьянской силы”⁸⁹.

Кроме того, правительство рассматривало переселение на окраины в комплексе с другими мероприятиями, прекрасно понимая, что одна эта мера не решит проблему. Постоянные указания в советской историографии на то, что переселения не привели к уменьшению малоземелья, не учитывают их влияние на замедление катастрофических темпов роста малоземелья в результате увеличения сельского населения. Нужно также учитывать, что это влияние было во много раз больше в Черноземном центре, а во многих губерниях острота земельного кризиса была меньше и там рост населения не грозил серьезными последствиями, поэтому распределение переселенцев по районам выхода было весьма неравномерным. В некоторых губерниях избыток сельского населения шел в растущие отрасли промышленности, и из них тоже переселение на окраины было весьма небольшим.

Рассмотренные выше меры правительства (передача крестьянам части казенных и удельных земель, облегчение покупки частной земли через Крестьянский банк, землеустройство, повышение агротехники и др.) показывают, что переселение было действительно частью общей аграрной политики, направленной на улучшение крестьянского хозяйства в центре страны. К этим мерам правительство относилось и отток части крестьян в результате переселения, включая помощь новоселам в местах поселения на окраинах.

Остановимся подробнее на анализе движения переселенцев-великороссов за Урал на основе данных челябинской регистрации (табл. 17.)

⁸⁹ Азиатская Россия. Т. I. С. 493

**Таблица 17. Движение переселенцев за Урал
из губерний наибольшего выхода великороссов**

№ п/п	Губерния	Выход в 1906–1914 гг., чел.	Общинные дворы, %	Выход из общины, %	Выход в 1885–1905 гг., чел.
Губернии с преобладанием великороссов					
1	Воронежская	166 524	98,6	20,0	11 264
2	курская	164 778	69,7	43,8	152 173
3	Тамбовская	105 972	97,0	24,0	100 523
4	Самарская	104 510	99,1	49,4	58 836
5	Орловская	103 511	89,7	39,0	65 362
6	Вятская	75 282	90,2	4,9	57 771
7	Саратовская	69 386	99,9	27,7	35 200
8	Пензенская	62 595	96,5	25,2	54 104
9	Смоленская	47 323	99,4	15,8	15 356
10	Область Войска Донского	46 889	100,0	–	9 684
11	Уфимская	42 532	97,8	14,6	7 648
12	Казанская	38 604	100,0	8,6	16 704
13	Рязанская	33 521	97,4	17,0	32 991
14	Пермская	27 957	100,0	4,0	43 409
15	Симбирская	27 622	98,5	23,9	20 022
16	Оренбургская	24 503	100,0	10,5	2 510
17	Калужская	20 489	99,7	23,6	5 155
18	Тульская	18 814	85,3	21,6	24 433
19	Псковская	17 796	100,0	18,8	7 176
20	Вологодская	11 249	96,7	6,5	4 699
Итого по 20 губерниям		1 209 857	–	–	725 020
Губернии с большим удельным весом великороссов					
21	Екатеринославская	184 350	99,2	54,1	33 081
22	Херсонская	133 662	93,3	38,1	33 336
23	Таврическая	110 697	92,1	63,6	18 820
24	Ставропольская	34 175	нет свед.	–	1 588
25	Кубанская	12 427	–	–	365
26	Черниговская	177 565	51,5	8,5	123 520
27	Могилевская	165 369	80,5	56,8	57 346
28	Витебская	88 956	53,0	28,8	55 670
Итого по 21–28 губерниям		907 201	–	–	323 726
Итого по 28 губерниям		2 117 058	–	–	1 048 746

(Источники: Итоги переселенческого движения с 1896 по 1909 гг. / Сост. Н. Турчанинов. Спб., 1910; Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. / Сост. Н. Турчанинов, А. Домрачев. Пг., 1916.; *Скляр Л.Ф.* Указ. соч. С. 152–159; *Ставропольский Я.Ф., Алексеев В.В.* Переселение в Сибирь. Спб., 1906.)

К сожалению, сведения демографов о переселении 0,5 млн человек на другие окраины в 1906–1916 гг. не указывают места выхода. Прежде всего статистика показывает большую неравномерность движения переселен-

цев-великороссов из разных губерний. Например, из пяти губерний Центра уехало за 8 лет более 100 тыс. человек из каждой, а из 12 великорусских губерний Центрально-Промышленного и Северного районов переселилось всего 30,7 тыс. Половину последних дали Костромская (9,2 тыс.) и Нижегородская (7,3 тыс.) губернии. Очень мало переселялось из промышленных губерний: Московской – 378 человек, Петербургской – 2915 человек, Владимирской – 877, Тверской 3355, Уральской – 508 человек. Почти совсем не было переселения из Ярославской, Олонецкой и Архангельской губерний. А выходы из общин в этих губерниях были немалые: в Московской вышло 143 тыс. дворов, или около 700 тыс. человек, в Нижегородской – 76,6 тыс. дворов, в Тверской – 94,5 тыс. и т.д., т.е. число переселенцев зависело в первую очередь не от количества управленцев, а от общих условий региона (величины наделов, возможности устроиться на работу в городах, близости рынка и др.). В названных губерниях выходцы из общин устраивались на работу в промышленных центрах – в Москве, Петербурге и других, которые ежегодно принимали тысячи новых рабочих.

В табл. 17 выделены губернии наибольшего выхода переселенцев (более 10 тыс.) с преобладающим великорусским населением (20 губерний) и с высокой долей такого населения (8 губерний). Одновременно это и районы господства общинного землевладения, за исключением Черниговской и Витебской губерний, где общинные дворы составляли 51–53%. Таблица показывает, что наибольшее число выходцев дали исконные земледельческие черноземные губернии. Пять из них (Воронежская, Курская, Тамбовская, Орловская и Пензенская) отправили за Урал 603 тыс. переселенцев или 19,8 всех переселенцев из 59 губерний Европейской России (исключены польские и закавказские губернии, давшие менее 1% миграции). Затем шли губернии Поволжья – Самарская и Саратовская, где было высокое развитие капитализма и большой процент выходцев из общин. Из последних 8 губерний, где высок был процент великорусского населения, особо выделялись новороссийские. В них и уровень развития крестьянских хозяйств, и доля выходцев из общин были самыми высокими в России. Здесь обострялось расслоение крестьянства, было много недавних поселенцев, еще не устроивших прочное хозяйство. Поэтому отсюда переселение резко возросло по сравнению с предыдущим периодом – в 5 раз, с 85 до 429 тыс. Новороссия дала 14% всего переселенческого потока за Урал. Только начиналась миграция из Предкавказья.

Всего 28 губерний со значительным великорусским населением дали 2117 тыс., или 70% переселенцев. В том числе из 10 губерний переселилось более 100 тыс. человек из каждой, а в среднем – по 141 тыс. Этот факт позволяет скорректировать вывод о влиянии переселения на земельное положение крестьянства в этих и в ряде других губерний по сравнению со средними цифрами. Табл. 17 показывает также, что из чисто земледельческих великорусских губерний переселение было более широким, чем из аграрно-промышленных.

По подсчетам Н.П. Огановского, в 1905–1910 гг. отношение числа переселенцев к приросту населения составляло в Могилевской губернии 52,8%, в

Витебской – 58,2%, в Курской – 49,4%, а в большинстве центральных губерний в среднем около 30–32%⁹⁰. Общий вывод о количественной стороне миграций 1906–1914 гг. состоит в том, что она зависела от условий мест выхода. Переселение не было столь хаотичным, как представляется на первый взгляд. Три миллиона крестьян не просто поддались агитации и общему ажиотажу. Определенная закономерность видна в количестве переселенцев по хронологическим периодам: первая большая волна 1907–1909 гг. была вызвана возможностью выйти из общины тем, кто это давно хотел сделать. Многие из укрепленцев, как их называли, получили возможность продать землю и за эти деньги переселиться либо на окраины, либо в города, поселки и т.п. Крестьяне понимали, что лучшие земли в Сибири захватят первые засельщики, и это тоже увеличило переселенческий поток 1907–1909 гг., который не уменьшили ограничительные меры правительства. Начало второго подъема переселения в 1913–1914 гг. показало, что далеко не все желающие переселились. Когда народный устный телеграф и письма уехавших принесли вести о том, что увеличились ссуды, отводятся новые участки и т.д., стало нарастать переселение новых крестьян.

Не менее интересные закономерности выявляет анализ мест выхода переселенцев. Оказывается, далеко не из всех губерний крестьяне ринулись переселяться. Из 12 чисто великорусских губерний переселения практически не было. Что такое 378 человек для Московской губернии? Или 877 человек для Владимирской? Это жалкие доли процента, а из общин в 12 губерниях вышли миллионы крестьян (сотни тыс. дворов). Значит, давнее утверждение советской историографии и ленинских работ о том, что обманутые и ослепленные правительственной пропагандой крестьяне слепо ринулись на далекие окраины, неверно. По настоящему значительным было переселение только из тех губерний, в которых имелись для этого предпосылки и не было достаточно условий для устройства на месте. В этих 10–15 губерниях переселение оказало более значительное влияние на изменение земельных отношений.

Подготовка колонизационного фонда за Уралом

В начале XX в. в России была разработана одна из лучших в мире систем освоения новых территорий в азиатской части страны. К этому времени значительная часть земель в этом краю уже была заселена – полоса вдоль Московского тракта и по долинам больших рек. Для дальнейшей колонизации требовалось провести предварительную большую работу.

После проведения государственных железных дорог в Сибирь и Среднюю Азию царское правительство неуклонно разрабатывало с конца XIX в. план мероприятий по устройству новоселов за Уралом, постепенно дополняемых новыми мерами и в начале XX в. К числу их относились мероприятия по изучению свободных территорий и выявлению колонизаци-

⁹⁰ *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции Т. 3. Вып. 1. С. 87.

онного фонда; отводу специальных переселенческих участков, т.е. территорий для новых сел и деревень. Затем последовали указы и циркуляры об обустройстве этих участков: выявление источников воды, включая устройство колодцев, водокачек, артезианских скважин; строительство школ, церквей, больниц, церковных причтов и фельдшерских пунктов; прокладка дорог через участки и особо к ближайшим населенным пунктам. Многие предусматривалось для мелиорации земель: осушение болот, обводнение и орошение пустынь и степей, строительство мощных каналов. В комплексе с еще рядом мер, о которых уже сказано или будет упомянуто далее, эта система превосходит рассмотренную нами стройную систему организации переезда переселенцев и по масштабам, и по размаху работ, и по количеству специалистов и рабочих, занятых в ней, и по объему финансирования. Все это вполне понятно: переезд занимал у переселенцев очень краткий период, просто момент по сравнению с его жизнью на новом месте, где в большинстве случаев продолжилась жизнь его потомков.

Для исследования этой системы имеется широкая источниковая база. Прежде всего это официальные документы. Несмотря на довольно обширные публикации их, большинство документов хранится в архивах, так как в советский период публиковались документальные сборники о революционном движении, в том числе и крестьянском, о партийных организациях и т.д., а теме переселения издательства внимания не уделяли. Значительная часть архивных документов введена в научный оборот в работах исследователей переселения после 1954 г.

Официальные данные были опубликованы в отчетах Переселенческого управления под названием “Переселение и землеустройство за Уралом”. Первая публикация была за 1906–1910 гг., а затем отчеты издавались по годам (1911–1915 гг.). Это роскошные издания на отличной бумаге, на высоком полиграфическом уровне, в цветных кожаных переплетах, снабженные фотографиями, картами, схемами, диаграммами и т.д. Упоминаю об этом не только потому, что рядовой читатель не может их увидеть (они сохранились далеко не во всех библиотеках), а еще потому, что это издание было выполнено по желанию П.А. Столыпина. В одном из писем А.В. Кривошеину незадолго до своей смерти он написал, что за границей издадут много разных книг: “желтых”, “зеленых” и т.п., и предложил “для нашего Правительства выработать свои обычаи и традиции”, издавать не бесцветные записки и отчеты, а такие же книги⁹¹. Издание этих отчетов было произведено по настоянию Кривошеина. Но нужно отметить, что они содержат обширные достоверные сведения по всей деятельности Управления и переселенческих районов, позволяют дать объективную картину устройства и жизни переселенцев, не скрывают недостатки и многие трудности. Отдельно публиковались отчеты о ботанических и почвенных обследованиях, дорожных, гидротехнических работах, об образовании переселенческих участков. Большинство отчетов заведующих переселен-

⁹¹ РГИА. Ф. 1571. Оп.1. Д. 324. Л. 21об.

ческими районами и других местных органов хранятся в местных архивах и в фонде Переселенческого управления (ф. 391) в РГИА.

Особое значение имеют материалы специальных массовых обследований переселенцев, проведенные по заданию Государственной Думы в 1911–1913 гг. двумя комиссиями с весьма квалифицированными статистиками во главе с известными и уважаемыми в либеральном обществе специалистами – профессором В.Я. Нагнибедой и В.К. Кузнецовым. Материалы этих комиссий опубликованы. Они содержат достаточно полные, репрезентативные сведения об экономическом положении переселенцев в Сибири, различающихся по почвенно-климатическим районам, по количеству лет проживания, по экономическому положению на родине и т.п. Параллельно комиссии изучали положение старожилов, живущих в селах рядом с переселенческими участками, а также положение переселенцев, приселившихся к старожильческим селам⁹². На материалы этих комиссий ссылаются многие историки, но комплексного анализа их пока не проведено, хотя они этого заслуживают и их ценность для исследования многих сторон переселения трудно переоценить. Подобные обследования меньшего масштаба проводились и в Туркестане, и на Дальнем Востоке.

Вопросы образования переселенческих участков достаточно подробно освещены в ряде работ⁹³. За 1908–1914 гг. было проведено в Азиатской России 98 различных экспедиций, они обследовали в Сибири 1400 тыс. кв. верст и в Туркестане 1490 тыс. кв. верст будущего колонизационного фонда, т.е. огромную территорию, в 5 раз превышающую площадь Франции. Значительная часть ее (около 50 млн дес.) была признана пригодной для сельскохозяйственного освоения.

Заготовка переселенческих участков шла параллельно с обследованием местностей во всех губерниях за Уралом. Объем работ был колоссальным. В 1907–1910 гг. землеотводные партии буквально выбивались из сил, стараясь отвести как можно больше участков, а петербургское начальство постоянно требовало увеличить объемы работ. Ассигнования постоянно увеличивались, но их все равно не хватало, как не хватало подготовленных землемеров, агрономов, гидротехников.

В 1896–1905 гг. было заготовлено за Уралом 2800 участков, в которых насчитывалось 618 958 душевых долей, т.е. могло поселиться 1230 тыс. человек. Кроме переселенческих в это число входили еще и запасные участки, образованные вперемешку с переселенческими или вблизи старожильчес-

⁹² Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Западная Сибирь. Восточная Сибирь. Материалы по обследованию типичных переселенческих поселков, собранные и разработанные под руководством и редакцией Вас. Конст. Кузнецова. Вып. 1–5. СПб., 1912 (далее: Материалы комиссии В.К. Кузнецова); Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии / Под ред. В.Я. Нагнибеды. Т. 1–2, Томск, 1913 (далее: Материалы комиссии В.Я. Нагнибеды); Переселенцы, приселившиеся к старожилам и старожилы Алтайско-Томской части Сибири / Под ред. В.Я. Нагнибеды (далее: Переселенцы, приселившиеся к старожилам...); Экономическое положение переселенцев, водворившихся в Забайкальской области до 1912 года. Чита, 1913.

⁹³ См.: Ямзин И.Л., Воицинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 30; Скляр Л.Ф. Указ соч. Гл. 5.

ких сел. Их предполагалось не заселять, а сохранять для будущего роста населения и у старожилов, и у переселенцев. Это было мудрое решение, которое предусматривало предотвращение аграрного кризиса по крайней мере на несколько поколений вперед, но выполнить его не удалось. Из заготовленного фонда более 70% приходилось на четыре сибирские губернии: Тобольскую (716 участков), Енисейскую (571), Томскую (557) и Иркутскую (113). Заметное место заняла Акмолинская область, часть которой (Омский уезд) относилась к Западной Сибири и часть – к Степному краю.

С 1906 г. отвод участков резко увеличился. За 1906–1913 гг. было отведено 18 180 участков, т.е. в 5 с лишним раз больше. На первое место вышла Томская губерния – в ней отвод участков увеличился почти в 10 раз. Во всех сибирских губерниях произошло значительное увеличение землеотводных работ, особенно в Иркутской (в 19 раз, до 2,2 тыс. участков) и Енисейской (до 2,3 тыс. участков), но роль их снизилась с 70 до 58%, так как еще шире развернулись работы в Степном крае и на Дальнем Востоке. В 1893–1912 гг. было отведено под переселение 43 млн 121 тыс. дес. земли. Из них в Западной Сибири – 11553 тыс. дес., в Восточной Сибири – 9631, на Дальнем Востоке (Амурская и Приморская области) – 7056, в Степном крае (Акмолинская, Тургайская, Семипалатинская и Семиреченская области) – 16 641 и в Туркестане – 541 тыс. дес. Общее количество переселенцев, которое можно было поселить в Сибири и на Дальнем Востоке – 3100 тыс. переселенцев (по 18 дес. на душу мужского пола), а в Степном крае и Средней Азии – 2290 тыс. (по 15 дес. на душу м.п.). Этого количества должно было хватить для всех переселенцев (2714 тыс. душевых долей на 5428 тыс. человек)⁹⁴.

Но в 1907–1910 гг. еще не весь этот фонд был отведен и участков не хватало. Кроме того, основная масса переселенцев шла в Западную Сибирь и в Степной край, где даже в 1910–1914 гг. проявлялась в различных уездах нехватка участков, а в Забайкалье и на Дальнем Востоке много участков стояло свободными. Немалое число участков или оказались непригодными для заселения, или не удовлетворяли переселенцев по разным причинам. В архивах сохранилось много жалоб новоселов на качество участков. Анализ их и ответы переселенческих чиновников показывают, что чаще всего речь шла не об объективных недостатках (нехватка воды, заболоченность, каменистость), хотя их тоже было много, а о субъективных причинах. Так, большинство жалоб было на лесистость участков. При этом обычно в жалобах указано, что первые засельщики захватили большие поляны (елани), а остальным осталась земля под лесом. Если такой участок заселялся одновременно, то сначала всем миром делили елани по 2–5 дес. на семью, а потом осваивали лесистые участки и жалоб в этих случаях не было. Но было и много примеров захвата еланей первыми засельщиками, так как в Сибири на свободных землях издавна господствовал захватный способ землепользования.

⁹⁴ Азиатская Россия. Т. 1. С. 488–490. Карта: Заготовка земель для переселенцев

Однако залесенные участки в конце концов почти все осваивались. Иногда даже проводилась предварительная расчистка участков из-под леса землеотводными партиями. С 1907 г. стали привозить специальные корчевальные машины. Нередко переселенцы находили покупателей на свой лес. Один такой случай описал А.И. Комаров, и его переписал в свою статью В.И. Ленин. Переселенцы получили участок с сосновым бором, что было довольно часто, так как им полагалось по 3 дес. леса на душу м.п. Они нашли подрядчика и продали ему лес на корню по бросовым ценам с условием раскорчевки. Подрядчик живо привел артель рабочих, сосны спилили, корни выкорчевали, а лес сплавили. Комаров с возмущением привел расчеты всех операций, в результате которых подрядчик получил чистую прибыль под триста процентов. Он, как представитель лесного ведомства, видел в этом прежде всего не грабеж переселенцев, а расхищение государственных богатств. Описал десятки жалоб по начальству, требуя прекратить отвод лесных участков в переселенческие участки, ругался с землемерами и с переселенческими органами, чтобы сохранить, как он писал, лесные богатства. Ленин поддержал его, добавив, что это типичное проявление октябристского капитала. Между тем все было сделано по закону. Если бы выполняли требования лесничих не трогать строевой лес, то в Восточной Сибири не отвели бы и трети участков⁹⁵.

На жалобы лесничих обратил внимание Столыпин во время осмотра таежных участков Сибири. Он отмечал, что опасаться некоторого сокращения площади лесов нет оснований, так как в Сибири на одну душу населения приходится 16 дес. леса, а нормальным признается соотношение примерно 1 дес. на человека. В то же время в “Записке” Столыпина и Кривошеина отмечалось, что нерасчетливое и беспорядочное истребление леса во многих местностях надо пресекать и увеличить лесную стражу в Степном крае и на Алтае. В этих местностях в 1905–1906 гг. наблюдались массовые хищнические порубки редких лесов и даже считавшихся неприкосновенными “ленточных боров” вдоль рек, задерживавших снег и влагу, спасавших реки от высыхания и обмеления. Об этих варварских массовых лесных порубках с восторгом писали в советский период историки революционного движения. В “Записке” отмечалось, что проникновение человека в лесные районы не только вовлечет в сельскохозяйственный оборот высокоплодородные земли, но и даст толчок развитию лесной промышленности. Министры считали, что Переселенческое управление должно до прихода переселенцев расчищать хотя бы по 1–2 дес. земли из-под леса за счет казны⁹⁶. Крестьяне осваивали лесистый участок не только путем найма, часто они сами проводили расчистку. Земля, освоенная из-под леса, давала чрезвычайно высокие урожаи много лет подряд. Заведующий Тулунским опытным полем В.Е. Писарев, впоследствии выдающийся уче-

⁹⁵ См.: *Комаров А.И.* Правда о переселенческом деле. С. 87; Л.Ф. Складов ошибочно назвал Комарова чиновником переселенческого управления. (*Складов Л.Ф.* Указ. соч. С. 230.)

⁹⁶ См.: *Записки Столыпина и Кривошеина.* С. 33–38.

ный-агроном и академик, писал, что на такой земле в первые годы средние урожаи были сам-20, а нередко доходили до сам-40⁹⁷.

От лесистых участков отказывались самые бедные переселенцы и чаще всего из степных губерний. Случалось, что обратные переселенцы в Челябинске называли причиной возвращения обилие комаров и мошки, от которых страдали и люди, и скот.

Более распространенной причиной оставления участка были жалобы на качество воды. Например, такую жалобу написал в 1909 г. переселенец участка Шастинского, названного в честь землеустроителя Шастина. Ныне это довольно большое село Шастино Иркутской области, Аларского района. Я там был со студентами на сельхозработах в 1953 г. Вода и в этом селе, и в округе, включая станцию Кутулик, где большой поселок, мне тоже не понравилась. Она жесткая. Люди ее пьют, и скот пьет, на болезни не жалуются, только в бане в воду добавляют золу, иначе волосы не расчешешь. Но бывший переселенец 1910 года Ю.О. Кучинский ответил, что такая же вода была у него на родине в Черниговской губернии и их группа сразу осталась на участке, так как местность лесостепная, земли хорошие. Таким образом, в данном случае тоже причина была субъективная.

Но были и объективные недостатки. Хотя инструкция категорически воспрещала принимать участок недостаточно обновленный, все равно это случалось и отмечено ревизорами. Иногда были жалобы на качество земли. Такие участки оставались незаселенными. Правда, в 1950-х годах, когда мои студенты, в том числе учителя сельских школ, учившиеся заочно, проводили опросы жителей сел, созданных на бывших переселенческих участках в Иркутской области, все 100% опрошенных отметили, что качество земель, их урожайность были гораздо выше, чем у них на родине. Например, житель села Гланинск Баяндаевского района Иркутской области И.С. Труфанов, переселившийся в 1908 г., рассказал, что “земледелием в Сибири легче было заниматься, чем в Орловской губернии. Там земля без удобрения совсем не родила, здесь же земля была заново разработана, сильная и она не требовала уваживания”⁹⁸. Несомненно, спешка в отводе переселенческих участков приводила нередко к слишком беглой глазомерной съемке, и во многие участки замежовывались малопригодные земли. Это отмечали специальные комиссии Переселенческого управления, осматривавшие в 1909 г. незаселенные участки⁹⁹. То же отмечали представители земств, которые часто приезжали в Сибирь, и многие либеральные газеты¹⁰⁰.

Существенным недостатком землеотводных работ было то, что землеустройство русского старожилого населения не было закончено, как отмечалось выше, а отвод земель местным народностям был проведен за

⁹⁷ Писарев В.Е. Тулунское опытное поле. Иркутск, 1916. С. 102–104.

⁹⁸ Названные воспоминания были записаны учителями В.И. Локтионовым, В.П. Пак, Г.В. Беломестных, И.И. Жеребцовым. Об этом см. подробнее: Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня... С. 20–21.

⁹⁹ См.: ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 163. Л. 156.

¹⁰⁰ Об этом см. подробнее: Скляров Л.Ф. Указ соч. С. 228–231.

60–80 лет до столыпинской реформы. И тем, и другим наделы отводились весьма приблизительно и превышали намного норму у старожилов 15–18 дес. на душу м.п. (такие нормы по примеру переселенцев были приняты при землеустройстве конца XIX – начала XX в., а ранее вообще норм не было) или по 150 дес. на душу м.п. по Уставу об инородцах 1822 г. Для измерения таких наделов, а они отводились чаще всего на целую волость у старожилов или на все ведомство у инородцев, насчитывавших десятки и сотни тысяч десятин земли, потребовалась бы целая армия землемеров.

В 1906 г. циркуляром от 23 декабря князь Васильчиков распорядился приостановить землеустройство старожилого крестьянства и землеустроительным отрядам перейти на образование переселенческих участков. Одновременно в циркуляре содержалось указание отводить под переселенческие участки “предвидимые с достаточной вероятностью излишки в землепользовании населения в тех районах, где к землеустройству еще не приступлено”, а также разрешалось под переселение отводить частично запасные участки и казенно-оброчные статьи¹⁰¹. Хотя на циркуляре стоял гриф “Секретно”, его быстро опубликовали частные газеты, а Думой 18 апреля 1907 г. был сделан спешный запрос. Газеты и депутаты подвергли циркуляр резкой критике и в дальнейшем приводили массу критических статей и запросов о нарушении прав старожилов и инородцев при отводе участков под переселение. Перед сельскими сходами старожильческих сел чаще всего ставилось такое требование: ввиду имеющихся излишков земли принять в общество дополнительно определенное количество переселенцев (приписать и дать землю) или излишки будут отведены под переселенческий участок. Между тем в западной части Сибири, особенно в Тобольской губернии из-за быстрого роста населения излишки земли были только на бумаге, а в действительности все земли использовались, в том числе многие старожилы имели сотни десятин на двор одной пашни.

С местными народностями практиковался другой подход – под предлогом, что они уже давно прекратили постоянные кочевья, их решениями местных органов по представлению землеустроительных чинов переводили из разряда кочевых в земледельческие. У последних же норма земли была почти в 10 раз меньше. На этом основании у них отрезали значительную часть земель. Так поступили с бурятами Иркутской губернии, хакасами Енисейской губернии и киргизами (так официально называли казахов) Степного края. Фактически и чаще всего отрезали земли пустыющие, не освоенные, но и это было юридическим нарушением, а нередко под переселенческие участки замежовывали используемые пастбища и сенокосы, иногда отрезали даже часть пашни. Об этом свидетельствуют жалобы уполномоченных от имени бурят, хакасов, казахов.

Нельзя согласиться с выводами Л.Ф. Склярова о том, что опыт образования переселенческих участков был лишь “опыт крепостнического государства, которое игнорировало важнейшие хозяйственные интересы переселенцев и старожилов”, и что “правительство не справилось и с этой важ-

¹⁰¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 975. Л. 1.

нейшей задачей сельскохозяйственной колонизации Сибири¹⁰². Эти выводы опровергаются, во-первых, устройством миллионов переселенцев на отведенных участках и, во-вторых, резким ростом всего сельскохозяйственного производства старожилов, иногородцев и новоселов в Сибири в 1906–1916 гг. Вопрос о водворении новоселов Л.Ф. Скляров не рассматривал, но его глава о роли крестьянской колонизации в развитии сельского хозяйства Сибири противоречит им же сделанным выводам¹⁰³.

Водворение переселенцев по районам

Реальное расселение переселенцев за Уралом и их официальное *водворение* не полностью соответствовало распределению заготовленного колонизационного фонда. В Западной Сибири за 1893–1912 гг. было водворено 1427,8 тыс. человек; в Восточной – 390,9; на Дальнем Востоке – 264,3; в Степном крае – 1302,4 и в Туркестане – 9,9 тыс. человек, всего – 3 млн 395,3 тыс. переселенцев¹⁰⁴. За 1913 г. было водворено еще 283,3 тыс. переселенцев и в 1914 г. – 244,9 тыс., и общее количество водворенных достигло за 1893–1912 гг. – 3 млн 924 тыс., т.е. округленно 4 млн человек. Формально было отведено участков, как уже указывалось, на 5,4 млн человек. Прежде чем выделить переселенцев 1906–1914 гг., сравним районы отвода переселенческих участков и водворения переселенцев (табл. 18).

Таблица 18. Распределение колонизационного фонда и водворение переселенцев в 1893–1912 гг. в Азиатской России

Губернии, области и регионы	Заготовленный фонд		Водворение переселенцев	
	тыс. дес.	%	тыс.чел.	%
1	2	3	4	5
Тобольская губ.	4 130	9,1	318 600,0	9,4
Томская губ.	7 423	16,3	1 109 200,0	32,7
Итого по Западной Сибири	11 553	25,4	1 427,8	42,1
Енисейская губ.	4 676	10,3	372,8	11,0
Иркутская губ.	3 920	8,6	117,0	3,4
Забайкальская обл.	1 041	2,3	6,4	0,2
Итого по Восточной Сибири	9 637	21,2	490,9	14,6
Амурская обл.	3 550	7,8	86,1	2,5
Приморская обл.	3 506	7,7	178,2	5,3
Итого по Дальнему Востоку	7 056	15,5	264,3	7,8
Итого по Сибири и Дальнему Востоку	28 246	62,2	2 083,0	61,4

¹⁰² Скляров Л.Ф. Указ соч. С. 221, 233.

¹⁰³ Там же. С. 463–515.

¹⁰⁴ Азиатская Россия. Т. 1. С. 492–493. Карта и диаграмма водворения переселенцев.

1	2	3	4	5
Акмолинская обл.	6 514	14,4	640,8	18,9
Турганская обл.	5 280	11,6	464,6	13,6
Семипалатинская обл.	2 307	5,0	109,4	3,2
Семиреченская обл.	2 540	5,6	87,6	2,6
Туркестан	541	1,2	9,9	0,3
Итого по Степному краю и Средней Азии	17 182	37,7	1 312,3	38,6
Всего	45 428	100,0	3 395,3	100,0

(Источник: Азиатская Россия. Издание Переселенческого управления. СПб., 1914. Т. I: Люди и порядки за Уралом. С. 492–493)

Табл. 18 показывает, что по крупным регионам было сравнительное соответствие между отведенным фондом и долей водворенных новоселов. Так, по Сибири и Дальнему Востоку площадь отведенных участков составляла 62,2% всего фонда, и на ней было водворено 61,4% переселенцев. Точно так же в Степном крае и Средней Азии колонизационный фонд составлял 37,7%, и на нем поселилось 38,6% новоселов. Между ними даже было некоторое преимущество последнего.

Большие отличия были внутри регионов, и это позволяет определить какие местности и губернии предпочитали переселенцы. Превышение доли переселенцев над долей колонизационного фонда наблюдалось только в пяти переселенческих районах из 12. Самое большое превышение (в 2 раза) было в Томской губернии. Это явилось прямым следствием передачи под переселение кабинетских земель Алтайского округа. На втором и третьем местах стояли соответственно Акмолинская и Тургайская области (превышение на 4,5 и 2%). Здесь привлекали степные участки и соседство богатых казачьих станиц, где переселенцы могли наняться на заработки. Небольшое превышение (всего 0,7%) отмечено в Енисейской губернии. В ней уже после заселения Западной Сибири привлекали Канская и Ачинская лесостепные зоны и благодатный Минусинский край – “сибирская Италия”. В Минусинском уезде отбывал ссылку В.И. Ленин, и благодаря этому зажиточное старожильческое село Шушенское сохранено в том точно виде, каким оно было в конце XIX – начале XX в. Если сохранят его консервацию (дома реставрированы, сохранена мебель, утварь, сельхозинвентарь, огорожены дворы, дома отапливались зимой), это будет один из уникальнейших сельских музеев в мире.

Заселение Восточной Сибири и Дальнего Востока усилилось после 1912 г., когда там были увеличены ссуды в большей пропорции, чем в остальных переселенческих районах. Тобольская губерния была самой близкой к Центральной России и с самой большой плотностью населения. Она, конечно, привлекала переселенцев больше остальных, но хороших свободных земель в ней оставалось немного, поэтому здесь была очень небольшая разница в пользу доли переселенцев.

Самый большой разрыв в сторону превышения доли участков над долей водворения переселенцев наблюдался на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Дальний Восток страшил своей отдаленностью. Амурская дорога еще не вступила в строй и достраивалась в годы первой мировой войны. Приморская область была даже в более выгодном отношении – в нее проезжали по КВЖД или морем, и число новоселов вдвое превысило их количество в Амурской области. В последней долгое время отводили на семью надел в 100 дес. с правом выкупа его постепенно в частную собственность по номинальной цене (3 руб. за 1 дес.). Однако даже эти льготы не вызвали в ней заселения всего фонда, несмотря на хорошие условия для земледелия.

В 1906–1915 гг. данные о водворении по годам несколько отличаются от сведений о переезде переселенцев. Это отражено в табл. 18. За 1906–1909 и 1913–1914 гг. переселение превышало водворение всех переселенцев. При этом в 1906–1909 гг., за Уралом скопилось 712,5 тыс. не водворенных или не приписанных переселенцев. Эта цифра была названа в “Записке” Столыпина и Кривошеина о поездке в Сибирь. Положение стало бы просто угрожающим, если бы не было проведено регулирование переселения за счет временной приостановки свободы хождения. Число водворенных после 1908 г. постоянно уменьшалось. В 1910 г. удалось уменьшить отрицательное сальдо между переселением и водворением только до 600 тыс. человек. Но обстановку разряжало обратное переселение. Общее сальдо между числом оставшихся переселенцев и числом водворенных составило 28,7 тыс. Однако надо учитывать, что эта общая средняя цифра скрывает факт наличия большой массы неустроенных переселенцев в одних районах и полного их устройства в других. Поэтому в итоговых данных за 1906–1914 гг. число водворенных меньше всех переселенцев, прошедших за Урал на 498 тыс. человек.

Это показывает, что при отсутствии обратничества еще полмиллиона человек было к 1915 г. не устроено. Но обратничество перекрыло эту цифру, и уже в 1911 г. водворение стало превышать число переселенцев и оставшиеся неустроенные переселенцы стали постепенно проходить стадию водворения (табл. 19).

Любопытные данные получаются при сравнении числа оставшихся переселенцев за 1906–1914 гг. с числом водворенных – последних оказалось на 578,4 тыс. человек больше! Самое простое объяснение напрашивается такое: все эти 578 тыс. водворенных ушли обратно, так как всего обратно ушли около 1 млн человек. Мною проводилось специальное изучение этого вопроса, выявившее несколько причин такого несоответствия. Действительно, часть водворенных ушла. Их не устраивали какие-то обстоятельства, они прошли стадию водворения, чтобы осмотреться, а главное – получить домообзаводственную ссуду, которую не выдавали без удостоверения о зачислении участка и о водворении. Как правило, выданную ссуду они не возвращали. Второй причиной было вторичное переселение: пройдя водворение, переселенцы уходили либо на соседние участки, либо даже в другую губернию. Они дважды водворялись и сведения по участкам не

успевали исправить. Третья причина уже указывалась: далеко не все переселенцы и ходоки регистрировались в Челябинске и поэтому число водворенных, как более точное и удостоверяемое документами, было больше данных регистрации. Все же часть выбывших водворенных переселенцев исключалась впоследствии из списков¹⁰⁵.

Таблица 19. Водворение переселенцев за Уралом

Год	Всего переселенцев, тыс. чел.	Осталось за Уралом, тыс. чел.	Водворено		Число водворенных Больше (+) или меньше (-)	
			абс. д.м.п., тыс.	примерно, тыс.чел.	к числу всех переселенцев	к числу оставшихся, тыс.чел.
1906	216,6	170,4	44,8	89,6	-127,0	-80,8
1907	577,0	459,5	207,9	415,8	-161,2	-43,7
1908	758,8	637,6	275,2	550,4	-208,4	-87,2
1909	707,5	567,6	245,8	491,6	-215,9	-76,0
1910	352,9	206,0	232,5	465,0	+112,1	+259,0
Итого за 1906–1910	2612,8	2041,1	1006,2	2012,4	-600,4	-28,7
1911	226,1	83,1	227,0	454,0	+227,9	+370,9
1912	259,6	161,2	159,6	319,2	+59,6	+158,0
1913	387,3	220,7	146,7	293,4	-93,9	+72,7
1914	336,4	239,5	122,5	245,0	-91,4	+5,5
Итого за 1911–1914	1209,4	704,5	655,8	1311,6	+102,2	+607,1
Всего за 1906–1914	3822,2	2745,6	1662,0	3324,0	-498,2	+578,4

(Источники: Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. То же: ...с 1910 по 1914 гг.; Переселение и землеустройство за Уралом (погодные изд.)

Таким образом, число водворенных за Уралом значительно меньше прошедших переселенцев, но несколько превосходит количество высчитанных на основе челябинской регистрации оставшихся за вычетом обратников. Последнее заключение подтверждают и расчеты демографов с применением методики этой науки.

Исследования демографов содержат дополнительные данные о переселенцах на основе сведений ЦСК и переписей об естественном движении населения. В юбилейном сборнике ЦСК 1913 г. отмечалось, что регистрация естественного движения населения была поставлена во всех губерниях довольно хорошо, в то время как регистрация механического движения почти не велась¹⁰⁶.

В.М. Кабузан подсчитал долю переселенцев в регионах за 1871–1916 гг., используя дополнительно очень ценную работу крупного русского

¹⁰⁵ См. подробные расчеты в ст.: Тюкавкин В.Г. Из истории заселения Иркутской губернии в 1906–1914 гг. // Труды Иркутского ГУ. 1958. Т. XXV. Вып. 1. С. 123–127.

¹⁰⁶ Центральный статистический Комитет. Юбилейный сборник. СПб., 1913. С. 79.

ученого и статистика В.К. Яцунского¹⁰⁷. По подсчетам Кабузана, в 1871–1896 гг. в Сибирь переселилось только 30% переселенцев (1149 тыс. человек), а в Степной край и Среднюю Азию – 10,5% (401 тыс.). Главными же районами миграции служили Новороссия – 23,2%, Северный Кавказ – 22,8% и Южное Приуралье – 6,6%. Это в основном была миграция великорусского, а частично малорусского и белорусского крестьянства. Всего же переселилось 3815 тыс. человек. В 1897–1916 гг. положение изменилось коренным образом: Сибирь приняла 48,8% всех переселенцев (2550 тыс. человек), а доля Степного края и Средней Азии выросла до 27,3% (1429 тыс.). Следовательно, в Азиатскую Россию переселилось уже не 40%, а 76,1%. Но и в последний период довольно активно продолжалось заселение Северного Кавказа (0,5 млн человек или 9,7% мигрантов) и Новороссии (319 тыс., или 6,1%). Поскольку из Новороссии немало переселенцев прибывало за Урал, то, очевидно, там шло перераспределение населения¹⁰⁸.

За 1897–1916 гг., по данным Кабузана, за Уралом осталось 4 млн человек (сальдо миграций), а, по сведениям челябинской регистрации, прошло прямо 5051,6 тыс. и осталось около 3850 тыс.¹⁰⁹ Таким образом, расхождение очень небольшое. Хотя Кабузан специально не выделил период 1906–1916 гг., но приведенная выше, по данным челябинской регистрации, цифра оставшихся за Уралом округленно 2 млн 750 тыс. человек не вызывает сомнений и скорее всего преуменьшена, что подтверждают статистика водворения и данные В.М. Кабузана. Увеличение водворения ликвидировало ту армию неустроенных, которая скопилась в 1910 г.

Несколько иные данные приведены по этому вопросу в статистическом справочнике “Россия. 1913 год” (СПб., 1995). На с. 24 в табл. 5, указано, что в 1909–1914 гг. якобы остались не водворенными и, следовательно, “не устроенными” 344,6 тыс. переселенцев. К сожалению, в таблицу, как ранее говорили, “вкралась ошибка”. В графе “Водворено” вместо “душ м.п.” указано: “чел.” Между тем все точные сведения в отчетах о водворении приводили о количестве семей и душ мужского пола, так как в документах указывался владелец участка и число душевых долей, зачисленных за ним, т.е. душ м.п. Количество женщин не указывалось, и поэтому в официальных отчетах Переселенческого управления фигурируют души м.п. Их число по годам точно совпадает с числом, которое в табл. 5 указанного справочника названо в графе “чел.”¹¹⁰

В неофициальных материалах иногда указывали число водворенных лиц, но оговаривали, что цифра неточная, так как получена удвоением

¹⁰⁷ Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1; Он же. Социально-экономическая история России. XVIII–XIX вв. М., 1973.

¹⁰⁸ Кабузан В.М. Русские в мире. С. 320. Табл. 31.

¹⁰⁹ См.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 177; Итоги переселенческого движения... (1896–1905 гг.) С. 62–63; Азиатская Россия. Т. 1. С. 493. Диаграмма.

¹¹⁰ См.: Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. СПб., 1911. С. 31; то же в 1911 г. СПб., 1912. С. 18–19; то же в 1912 г. СПб., 1913. С. 28–29; то же в 1913 г. Пг., 1914. С. 22–23; то же в 1914 г. Пг., 1915. С. 24–25; Россия. 1913 год. С. 24. Табл. 5.

душ м.п. Так, чиновник Переселенческого управления А.С. Орлов в статье о водворении в 1909 г. привел число водворенных душ м.п. в том году – 245 319, что точно совпадает с числом, указанным в табл. 5 сборника “Россия. 1913 год”, как водворенных человек¹¹¹. А. Орлов пояснил, что общее число водворенных переселенцев с женщинами составило примерно 500 тыс человек, т.е. вдвое больше, и что в число водворенных вошли самовольные переселенцы – 37 387 душ м.п., и те, кто водворился в старожильческих селах – 40 630 душ м.п. Он отметил, что цифра 245 319 душ м.п. была не полной, так как не включила тех, кто самостоятельно устроился в старожильческих деревнях¹¹². Точно так же данные о водворении в 1910–1914 гг. в сборнике “Россия. 1913 год” включают только число душ м.п., а не человек, как указано в таблице, и поэтому надо их удвоить, поскольку сравнение проведено с числом всех переселенцев. В этом случае количество водворенных за 1909–1914 гг. составит 2 266 884 человек, а переселенцев – 2 219 721, т.е. водворено было больше на 47 тыс., что объясняется водворением переселенцев прежних (1906–1908) лет. Выделение “неустроенных” в таблице проведено на основе неверных данных.

Но на переселенческих участках и в старожильческих селах в 1910–1917 гг. жили так называемые не приписанные переселенцы. Эта категория образовалась в результате того, что переселенцы селились на уже занятый участок, в котором формально отведено максимальное число душевых долей, но много земли пустовало, поскольку освоить 15–18 дес. на душу м.п., или по 45 дес. и более на двор, для большинства семей было не под силу. Как показали приведенные выше данные, некоторые “водворенные” уехали, но земля числилась за ними, и новых пришельцев “приписать” было нельзя. По данным обследования переселенческих поселков 1911–1912 гг. таких неприписных переселенцев числилось в них около 2,3%¹¹³. По данным того же обследования, переселенцы освоили под пашни и сенокос только 10% своих участков и столько же использовали под пастбища и как лесные угодья. Следовательно, на занятых участках были свободные земли¹¹⁴. На занятые участки переселенцы продолжали приезжать и в следующие годы, особенно в Западной Сибири. В архивах сохранились докладные заведующих подрайонами и крестьянских начальников о том, что в заселенных участках многие водворенные переселенцы сдают землю в аренду вновь прибывшим.

Создалась парадоксальная ситуация: число водворенных превышало число оставшихся за Уралом переселенцев и тем не менее еще жили неприписные переселенцы на многих участках. Это произошло в большинстве случаев потому, что земли водворенных переселенцев числились за ними еще в течение ряда лет, если они уехал без заявления. Если же они

¹¹¹ Россия. 1913 год. С. 24.

¹¹² Орлов А. Ходяческое движение, водворение переселенцев и связанные с ним мероприятия в Азиатской России в 1909 г. // Вопросы колонизации. № 7. СПб., 1910. С. 10, 13–16.

¹¹³ Материалы комиссии В.К. Кузнецова. Вып. 1. Приложение 1. С. 184. (Высчитано мной. – В.Т.)

¹¹⁴ Там же. Приложение IV.

заявляли, что уезжают, то они обязаны были сдать полученную на обзаведение ссуду, которую они либо проели, либо потратили на обратный билет. Наличие неприписных переселенцев показала и сельскохозяйственная перепись 1917 г. Но зачислять их в число тех, кому “правительство устроило дорогие похороны”, как говорил в Думе А. Войлошников (его слова повторили отдельные авторы в период споров в начале перестройки), нет оснований. Об экономическом положении этой категории переселенцев будет сказано ниже на материале обследования 1911–1912 гг.

Устройство переселенцев на местах поселения

Подробные сведения об устройстве переселенцев содержат названные выше отчеты: “Переселение и землеустройство за Уралом”. Приведу лишь итоговые данные и наиболее характерные примеры, чтобы опровергнуть расхожие мнения, что переселенцев бросили на произвол судьбы. Переселенческому управлению пришлось организовывать мелиоративные работы, строительство дорог, школ, церквей, больниц. Недаром Столыпин называл это Управление Сибирским приказом, а кадетские депутаты в Думе говорили, что оно заменяет земство в Азиатской России.

Прежде всего была определена стратегия строительства новых дорог. В 1903 г. была создана дорожная партия Переселенческого управления. В 1906 г. в Иркутске под председательством генерал-губернатора было проведено по указанию Столыпина межведомственное совещание по вопросу выработки планов дорожного строительства. Совещание наметило проект строительства грунтовых дорог, расширение пароходного движения по рекам и ускорение проведения новых железнодорожных линий. Из железных дорог была построена вторая колея Сибирской магистрали от Омска до станции Карымская (в Забайкалье) с 1907 до 1915 г. В 1908 г. стали строить Амурскую железную дорогу от Забайкалья до Хабаровска (закончили в 1916 г.). Несколько затянулось строительство Бухарской, Алтайской, Кольчужинской, Кулундинской, Минусинской дорог, работы на которых заканчивались уже во время первой мировой войны. В 1913 г. вступила в строй ветка Тюмень – Омск. В 1915 г. началось строительство Южносибирской железной дороги. На строительство Южносибирской магистрали была выдана лицензия частной группе Вл.Ф. Трепова. Линия Троицк – Кустанай была закончена 1 декабря 1913 г., а линия Новониколаевск – Барнаул – Семипалатинск – в 1916 г. С мая 1913 г. было разрешено строительство линии от Кольчугино (будущий Ленинск-Кузнецкий) до Барнаула с веткой до Кемерово. К 1917 г. Кольчугино и Кемерово были соединены рельсовым путем с Великой Сибирской магистралью. Дорога Орск – Троицк была в связи с войной отложена и достроена в 1930 г. (до Магнитогорска)¹¹⁵.

¹¹⁵ См.: *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин. С. 127–128; *Паталеев А.В.* История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути. Хабаровск, 1951; *Восточно-Сибирская электрическая.* Иркутск, 1972; *История Сибири.* Т. 3. С. 437–438.

Большую роль в деле колонизации Сибири сыграло также строительство грунтовых дорог. В 1906–1915 гг. в четырех сибирских губерниях было построено 13 тыс. верст дорог, в том числе в Томской губернии – 4,2 тыс., в Енисейской – 4 тыс., в Тобольской – 2 тыс., в Иркутской – 2,7 тыс. верст. Значительное дорожное строительство велось в Забайкальской и Акмолинской областях. На Дальнем Востоке строились дороги от Амура на север и от Уссури на восток. В стадии проектирования были дороги от Благовещенска к Якутску и от Хабаровска к Николаевску. Было сдано в эксплуатацию много протяженных дорог. От Читы до Витима (150 верст) проложили знаменитый витимский тракт, вдоль которого образовали много переселенческих участков. Данные тракты были построены и в Восточной Сибири: Зима-Георгиевский (100 верст) и Тайшет-Дворец (106 верст) в Иркутской губернии. В Западной Сибири строили более короткие дороги от участков до ближайших крупных сел, станций или пристаней. Конечно, вопрос о дорогах к отдаленным участкам не был решен полностью. До многих участков можно было проехать лишь в сухое или зимнее время года по проселочным дорогам, а в периоды дождей и весенней распутицы они были отрезаны от больших поселений. Но без построенных во всей Азиатской России около 15 тыс. верст грунтовых дорог ее активное заселение было бы невозможным. Во время своего посещения Сибири Столыпин и Кривошеин наметили дальнюю поездку в таежные поселки переселенцев. Это было осенью, шли постоянные дожди. Но дорога, построенная в Мариинской тайге, оказалась проезжей, в хорошем состоянии. Министры проехали около 100 верст от железной дороги и посетили ряд переселенческих поселков¹¹⁶. Были проведены крупные мелиоративные работы по осушению и обводнению степных пространств и множество мелких мероприятий в различных районах азиатской части страны. Особенно нужно отметить ввод в сельскохозяйственный оборот громадной территории Кулундинской и Барабинской степей и строительство оросительной системы в Средней Азии.

Еще в 1897 г. В.И. Ленин, проезжая в ссылку, писал матери, что в Западной Сибири поезд три дня ехал по голой степи. «Ни жилья, ни городов, – писал он, – очень редки деревни, а то все степь. Снег и небо – и так в течение всех трех дней»¹¹⁷.

Через 13 лет, когда Сибирь посетил П.А. Столыпин, картина резко изменилась – в степях возникли многие сотни новых деревень, благодаря проведенным Переселенческим управлением работам и труду тысяч переселенцев. В Барабинской степи было проложено за 1896–1914 гг. 2,4 тыс. верст водоотводных каналов. Были построены ирригационные сооружения. В 1906–1914 гг. гидротехнические отряды построили 13,8 тыс. колодцев и 161 водохранилище, что в 10 раз больше, чем в 1896–1905 гг., много колодцев построили сами новоселы. Проехав по Кулундинской степи от Павлодара на лошадях, Столыпин и Кривошеин в своей «Записке» писали:

¹¹⁶ Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина... С. 32–36.

¹¹⁷ Ленин В.И. ПСС Т.55. С. 23.

“В мертвой прежде пустыне начинает биться пульс русской жизни. И мы проехали по 14 поселкам Кулундинской степи, и всюду чувствовалось хозяйственное пробуждение. Иные поселки совершенно уже окрепли: в пос. Архангельском (187 дворов) переселенцы имели около тысячи голов своего скота, преимущественно крупного; в пос. Крестах – свыше 600 голов и т.д. Степь покрылась колодцами: около сотни их в посещенных нами поселках было вырыто самими переселенцами. Эта зарождающаяся жизнь производила глубокое впечатление: воочию можно было убедиться, какое увеличение народного богатства дает удачное переселение”. Министры на месте решили ряд вопросов: об организации общественных работ по устройству скважин и водоемов, об увеличении ссуд новоселам и др.¹¹⁸

В Средней Азии еще с 1884 г. русские текстильные короли во главе с Т.С. Морозовым пытались развить посевы хлопка местным населением, но результаты были мизерными. Дело сдвинулось лишь после того, как было принято решение об орошении Голодной степи в Туркестане (ныне Узбекистан) и переселении туда русских крестьян. С 1903 г. началось строительство Романовского канала длиной в 140 верст, которое закончилось в 1913 г. Тогда же были построены главные сооружения и основная часть всей оросительной системы с сетью малых каналов общим протяжением в 1,6 тыс. верст. Земельные участки переселенцам отводились по 8–10 дес. для разведения хлопка. К 1915 г. предполагалось оросить 65 тыс. дес., а в 1913 г. переселенцами было заселено 20 тыс. дес. Началось сооружение мелких хлопкоочистительных заводов.

Второй орошаемый район для переселенцев был создан в Закавказье. К 1915 г. в северной части Мучанской степи (части Куро-Араксинской низменности) было орошено 25 тыс. дес., а также создано 16 русских поселений и орошено 70 тыс. дес. в центральной Мучани, где в 49 поселках было водворено 20 тыс. переселенцев. Здесь был открыт первый в России крестьянский хлопчаточистительный завод.

По планам Переселенческого управления были проведены новые изыскания и спроектированы большие гидротехнические сооружения в бассейне р. Чу (в нынешней Киргизии). Работы были начаты в 1914 г., и к 1916 г. должна была вступить в строй первая очередь с орошением 32 тыс. дес. Государственная Дума одобрила в 1913 г. по случаю 300-летия Дома Романовых создание 150-миллионного фонда с привлечением частных средств для проведения мелиоративных работ в Европейской и Азиатской России в пятилетний срок. План этих работ был одобрен 8 марта 1914 г. Советом министров, после того как Коковцов, тормозивший его, был уволен в отставку. Эти планы были сорваны войной, но часть спроектированных работ выполнялась в советский период.

В целом проделанная в 1906–1916 гг. работа землеотводных, землеустроительных, дорожных, гидромелиоративных отрядов позволила вовлечь в сельскохозяйственный оборот десятки миллионов новых земель в Азиатской России, устроить и заселить только в Сибири к 1916 г. более

¹¹⁸ Привожу по: *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. С. 85, 86.

10 тыс. новых сел и деревень, обеспечить землей 4 млн крестьян. Во многих селах были построены школы, больницы, церкви, склады сельскохозяйственных машин.

Денежные ссуды переселенцам

Положение переселенцев за Уралом определялось на первых порах количеством привезенных денег и скота, размером полученных ссуд, качеством участков и трудом семейных работников. В дальнейшем немалое значение имели агрономическая помощь органов Переселенческого управления, деятельность складов сельскохозяйственных машин и предоставляемые ими кредиты, помощь мощных кооперативных организаций регионов.

Абсолютное большинство переселенцев приезжало с небольшими суммами денег. Об этом говорит прежде всего социальный состав переселенцев. Многочисленные споры по этой проблеме велись очень долго. Утверждения экономистов 1890-х годов, и прежде всего И.А. Гурвича, которого поддержал В.И. Ленин, о том, что на переселение шли в основном крестьяне среднего достатка, долго господствовало в советской историографии. Сторонники этой точки зрения (С.М. Дубровский, В.А. Степынин) выдвигали старый постулат: “Бедным было не на что переселяться, а богатым – незачем”. Исследование этого вопроса доказало, что этот постулат верен в той части, из которой следует вывод о необходимости некоторой суммы на переезд – без нее, действительно, нельзя было даже доехать до Сибири или Степного края, не говоря о Дальнем Востоке. Но облегчение переезда по железной дороге и введенные льготы значительно уменьшили размер этой суммы по сравнению с 80-ми – началом 90-х годов XIX в. (работа И.А. Гурвича “Переселение крестьян в Сибирь” была издана в 1888 г.). По подсчетам Прийма, на поездку в Сибирь и обратно в начале XX в. ходок тратил 3,5 месяца и деньгами 23 руб. 50 коп., в том числе на проезд туда и обратно – 10 руб.¹¹⁹ Так что размер суммы на одного члена семьи укладывался в эти 23 руб., а если не считать обратный билет, то примерно в 18 руб., или около 100–120 руб. на семью. Такой минимум могли набрать и бедняки с наделом 1,5–2 дес. на двор, продав ее после выхода из общины. Массовые сведения обследования 1911–1912 гг. показали, что из 7980 хозяйств переселенцев имели землю на родине – 6644, или 83,3% и у них в среднем на один двор приходилось 4,9 дес. наделной и 0,5 дес. купчей земли¹²⁰. Такой размер среднего надела показывает, что большинство переселенцев относилось к беднякам. Но это были как бы средний и верхний слои бедняков. На наличие среди переселенцев более или менее зажиточных слоев указывает тот факт, что на 6644 хозяйства

¹¹⁹ Приводится по: *Кирьяков В.В.* Очерки переселенческого движения. М., 1902. С. 144–145; см. также: [Л. Ч.] Невыгодность хождения // Сибирские вопросы. СПб., 1908. № 2. С. 16–18.

¹²⁰ Материалы комиссии В.К. Кузнецова. Вып. 1. Приложение V. (Подсчет мой. – В.Т.)

приходилось 3,3 тыс. дес. купчей земли, которую крайне редко покупали бедняки.

По данным того же обследования, переселенцы Восточной Сибири от продажи земли и имущества на родине получили в среднем по 238,9 руб. на двор, а Западной Сибири – по 199 руб.¹²¹ Это можно было получить при средних ценах на землю в Европейской России по 80 руб. за дес. от продажи не менее трех дес.¹²² При обследовании 1911–1912 гг. переселенцы показали, что они привезли с собой в среднем по 72 руб. деньгами, на 64 руб. скота и на 18 руб. инвентаря на одно хозяйство¹²³, т.е. всего – 154 руб. Примерно такие же сведения дали опросы переселенцев в Челябинске и другие местные обследования: большинство приехавших переселенцев были бедняками со средним капиталом в 100–200 руб., которых было явно недостаточно для обзаведения хозяйством. Среди новоселов были единичные зажиточные хозяйства, которые нанимали батраков на подъем целины и расчистку леса, покупали сразу по 2–6 рабочих лошадей и т.п. Были случаи, когда переселенцы покупали сложные машины по 400–600 руб., паровые мельницы за 6,5 тыс. руб., некоторые построили кирпичные, дегтярные заводы, маслозаводы¹²⁴. Но таких было не более 1–2%.

По официальным данным, средняя стоимость устройства одной переселенческой семьи за Уралом составляла 310 руб.¹²⁵ По подсчетам местных переселенческих органов, в Восточной Сибири нужно было затратить на устройство семьи на 100–150 руб. больше, чем в Западной – из-за дороговизны скота, лошадей, продуктов. Расчетов приводилось много и по максимуму (на питание семьи – 200 руб. в год, на постройку избы – 200 руб.), и по минимуму (на то и другое – 200 руб.), но для прочного устройства (изба, две лошади, инвентарь, питание, корова и др.) нужно было от 400 руб. в Западной Сибири и Степном крае, до 500 руб. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Следовательно, без ссуды в 300–400 руб. тот состав новоселов не мог сразу строиться.

Вопрос о ссудах широко освещался в дореволюционной печати, в правительстве, в Думе. ГУЗиЗ постоянно вносило предложения об увеличении ассигнований на ссудную помощь переселенцам и с такой же настойчивостью встречало сопротивление министра финансов Коковцова, который доказывал, что “денег нет” и что надо разрешать переселение только зажиточным крестьянам. В то же время финансирование переселения, как и землеустройства, в сравнении с другими статьями бюджета было недостаточным. Так, в 1910 г. на переселение было отпущено 25,2 млн руб., а на тюрьмы – 31,1 млн, на полицию – 68,8 млн. В 1913 г. смета на переселение была утверждена по представлению Коковцова в 27,2 млн, а по тю-

¹²¹ Там же. Приложение XVI. С. 206–207. (Подсчет на 1 двор мной. – В.Т.)

¹²² Чупров А.И. К вопросу об аграрной реформе // Речи и статьи. Т. II. М. 1909. С. 491.

¹²³ Материалы комиссии В.К. Кузнецова. Вып. 1. Приложение XVI. С. 206–207. (Подсчет мой. – В.Т.)

¹²⁴ ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 455. Л. 10–11, 57.

¹²⁵ Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справки для членов Государственной Думы. СПб., 1907. С. 37.

ремному ведомству – на 38 млн руб., хотя арестантов было гораздо меньше, чем переселенцев¹²⁶.

Такое неравномерное ассигнование приводило порой к совершенно невообразимой ситуации, когда переселенцы питались и жили хуже заключенных, когда политический ссыльный В.И. Ленин получал, как и многие другие политссыльные, от государства пособие, позволявшее ему платить крестьянину Зырянову и за комнату, и за весьма хорошее питание, а бедный переселенец мог получить только возвратную посуду, да и то в гораздо меньшем размере. Изменить сложившееся финансирование было довольно сложно, хотя вложенные в устройство переселенцев деньги скоро вернулись бы сторицей, что пытался доказать в Думе А.В. Кривошеин.

Средние размеры ссуд в первый период были в пределах 50–100 руб. и своей роли не выполняли, так как новоселы их тратили на питание. Почти все обратные переселенцы заявляли, что посуду вернуть не могут, так как ее проели. Из-за нехватки денег выдавали ссуды частями.

Нормы выдачи ссуд постепенно повышались. Максимальные ее размеры с 1903 г. были 100 руб. (на Дальнем Востоке – 150 руб.), с 1908 г. – 165 руб., с 1912 г. – 400 руб. По закону 1912 г. было введено 7 разрядов ссуд: по 1-му разряду вблизи городов и железной дороги, в Западной Сибири ссуд не давали, несколько далее (2-й разряд) давали до 100 руб., в Восточной Сибири и в Степном крае размер ссуд устанавливался в 250 руб. и на Дальнем Востоке – до 400. Менялся порядок выдачи ссуд: первую половину давали сразу, а вторую после получения справки о том, что деньги истрачены не на питание, а на домообзаводство¹²⁷. Эти новые принципы распределения размеров ссуд сыграли положительную роль в увеличении переселения в восточные регионы Сибири. В 1907–1909 гг. доля Восточной Сибири в общем переселенческом движении в Сибирь составляла 18–20%, а в 1911–1914 гг. – 28–30%¹²⁸.

Новые ссуды в 150–250 руб. тоже были недостаточны для устройства переселенцев, но они помогали дожить до первого своего урожая, и далее положение уже улучшалось с каждым новым урожаем. Обследование 1911–1912 гг. неопровержимо доказало, что от длительности пребывания на месте водворения прямо зависела степень благосостояния новоселов. Кроме труда на своем участке переселенцы могли заработать у зажиточных старожилов или казаков, продать часть леса с участка, сдать часть земли в аренду, заняться промыслами. Среди переселенцев было много ремесленников. В азиатской части страны гораздо большую роль играли охота, рыболовство, сбор грибов и ягод.

Кроме участков переселенцы нередко приписывались к старожильческим селам. Приписка обычно стоила денег: в обжитых лучших местах – дороже, в отдаленных селах – дешевле. В южных обустроенных районах цена приписки колебалась от 50 до 200 руб. за душу м.п. В северных и та-

¹²⁶ Государственная Дума в России: Сборник документов и материалов. / Сост. Ф.И. Калинин. М., 1957. С. 482; Вопросы колонизации. № 14. СПб., 1914. С. 15–16.

¹²⁷ Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 году. Пг., 1914. С. 32–34.

¹²⁸ Вычислено на основе итогов челябинской регистрации. С. 58, 60.

ежных местах могли приписать бесплатно или за ведро-другое самогона. Абсолютное большинство переселенцев селилось на участках. По данным за 1909 г., на участках было поселено 70 тыс. семей с 204 689 д.м.п.; а в старожильческих селах 13,5 тыс. семей с 40 630 д.м.п., т.е. на участках водворилось 83,4%, а в обществах старожилов – всего 16,6%. Наибольшее количество новоселов приписалось к старожилам в Томской губернии – 28 390 д.м.п., затем следовали Енисейская (5631 д.м.п.) и Тобольская (1983 д.м.п.) губернии и Акмолинская область (1549 д.м.п.). В остальных районах почти 95% селилось на переселенческих участках¹²⁹. (В среднем в Западной Сибири, по данным отчетов Переселенческого управления, на участках было водворено около 80–85% переселенцев, в Восточной Сибири – 90–100% (по разным районам). Общее число приписанных к старожилам составляло за 1906–1914 гг. не менее 400 тыс. человек.)

Приписка к обществам старожилов и наделение переселенцев земельными участками были в действительности скрытой формой продажи земли. В официальном издании “Азиатская Россия” было записано: “Продажа земель, т.е. уступка за деньги права пользования землей, совершается за Уралом почти уже повсеместно, причем продажная цена оказывается столь же высокой, как и в бесспорных случаях продажи земли частными владельцами”. Приведены такие конкретные примеры: ходоки 1909 г. в пределах Томской губернии устроили по приемным договорам за деньги четвертую часть переселенцев (около 8 тыс. д.м.п.). В 1910 г. более 25% ходоков “купили” земли у старожилов, а 14% приписались к старожильческим обществам за деньги по приемным договорам¹³⁰. Эти и другие случаи приводятся для доказательства того, что за Уралом фактически, по нормам обычного права, существовала частная собственность крестьян на землю, хотя юридически это не признавалось.

Переселенцы, приписавшиеся к старожилам, получали денежные ссуды на домообзаводство на общих основаниях. Выданных денег было недостаточно для полного устройства, но они помогали новоселам, прибавлявшим привезенные средства, “дотянуть” до первого своего урожая. Совершенно нелепо отрицать пользу денежных ссуд.

Деятельность складов сельскохозяйственных орудий

Освоение новых, целинных земель переселенцами было невозможно без применения сельскохозяйственных орудий и машин. Особым спросом у новоселов пользовались железные плуги и бороны, сеялки, веялки и косилки; меньшим – дорогие жатки и молотилки, но и их покупали переселенческие кооперации. Одновременно еще больше машин покупали крестьяне-старожилы. Поэтому в городах и крупных селах в начале XX в. быс-

¹²⁹ Орлов А. Указ. соч. // Вопросы колонизации. № 7. СПб., 1910. С. 10–11. Таблица. С. 13.

¹³⁰ Азиатская Россия. Т. 1. С. 575–576.

тро открывались все новые и новые склады сельскохозяйственных машин, преимущественно частных иностранных компаний.

Переселенческое управление также приняло решение создавать свои склады для продажи машин переселенцам, учитывая их большие потребности в предоставлении длительного кредита и создании сети складов в районах массового заселения. При этом Переселенческое управление делало крупные оптовые закупки со значительной скидкой от поставщиков за казенные деньги, а надбавку устанавливало самую минимальную лишь на содержание складов, на отчисление в страховой и запасной капиталы и на погашение безнадежных ссуд. В результате склады Переселенческого управления смогли снизить цены на сельхозтехнику и регулировать в значительной мере цены на частном рынке. К 1913 г. за Уралом было 767 складов сельскохозяйственных машин и орудий, в том числе около четверти (214) принадлежало Переселенческому управлению и они продавали более трети всех орудий. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что оборот складов Переселенческого управления был в среднем выше, чем у частных. В каждом губернском и уездном городе было по несколько складов сельскохозяйственных орудий Переселенческого управления¹³¹. Пользуясь государственным кредитом, казенные склады имели еще возможность получать машины в кредит у крупных фирм-производителей. В первую очередь это были американские заводы компаний “Мак-Кормик”, “Диринг”, “Осборн” и других. Большинство их объединилось в крупный трест “Международная компания жатвенных машин” при участии мощной финансовой монополии Моргана. Почти половину всех машин, продаваемых складами Переселенческого управления, составляли машины этой компании¹³².

Между тем в конце XIX – начале XX в. русское правительство защищало интересы отечественной промышленности, и в 1906–1907 гг. Министерство торговли и промышленности попыталось воспрепятствовать размещению казенных заказов Переселенческого управления за границей. В сентябре 1906 г. министр торговли и промышленности Д.А. Философов потребовал отменить эти заказы на том основании, что склады Переселенческого управления, пользуясь кредитами Госбанка и льготным железнодорожным тарифом создали конкуренцию российским частным фирмам и нарушают законодательство о поддержке отечественного машиностроения. Князь Васильчиков отвечал, что все это делается для оказания помощи переселенцам, так как отечественные машины дороже и хуже качеством. В ходе этого конфликта выяснились другие важные детали операций переселенческих складов. Российские фирмы (некоторые из них сотрудничали с иностранными, такими, как “Дж. Гривез”, “Эльворти” и др.) не могли предоставить долгосрочный кредит, а американские компании это делали. Казенные склады Переселенческого управления расплачивались с иностранными компаниями через полтора года, поэтому они могли прода-

¹³¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 595 л. 8–9.

¹³² Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина... С. 46.

вать переселенцам орудия не только дешевле, но и в рассрочку: две трети суммы через полгода и остальную – через полтора года после покупки¹³³.

Политику Переселенческого управления поддержали сибирские генерал-губернаторы и губернаторы, которые использовали свое право личного обращения к царю. Последний обычно поддерживал закон, который в данном случае не разрешал казенные заказы. Но учитывая интересы многомиллионной массы переселенцев, Николай II сделал исключение. Поэтому деятельность сельскохозяйственных складов Переселенческого управления оказала существенную помощь переселенцам и крестьянам-старожилам в приобретении машин. За 1898–1905 гг. склады Переселенческого управления продали товаров на 11,8 млн руб., а в 1906–1916 гг. – на 68,6 млн руб. – почти в 6 раз больше. В том числе на 21,5 млн руб. машин было куплено за наличные деньги¹³⁴. Кроме того, машины и орудия продавали многие частные русские и иностранные фирмы, но переселенцы покупали почти исключительно в складах Переселенческого управления по причине льготного кредита и более низких цен.

Кроме складов сельскохозяйственных орудий в степных районах было создано около 20 лесных складов Переселенческого управления. Они также получали кредиты от государства и первое время снабжали переселенцев лесом бесплатно, но недостаток финансирования привел к тому, что кредиты тратились в основном на оплату заготовки лесных материалов (бревна, тес, горбыль и др.) частными лесопромышленниками. Склады стали заниматься коммерческой деятельностью и смогли продавать материалы переселенцам со скидкой и в рассрочку; создавали мелкие заводы и кустарные предприятия, которые выпускали деготь, скипидар, древесный спирт, смолу, древесный уголь; открывали кирпичные, мыловаренные и другие заводы. Склады отпускали лес бесплатно только переселенцам отдаленных поселков, а остальные новоселы покупали его по установленным ценам. За наличный расчет и без льгот лесные материалы продавались старожилам и городским жителям. Часть отчислений от прибыли шла на содержание аппарата складов¹³⁵.

Для снабжения новоселов необходимыми товарами и продуктами в малонаселенных восточных районах Переселенческое управление открыло 38 товаро-продовольственных лавок. Переселенческое управление неоднократно просило увеличить средства для расширения деятельности этих лавок и открытия новых, так как отпущенных средств явно не хватало. Лавки были открыты на Дальнем Востоке (26 лавок), в Забайкалье (4 лавки) и в Енисейской губернии (8 лавок). От переселенческих органов поступали просьбы открыть новые лавки и в Западной, и в Восточной Сибири, но ассигнования не увеличивали. Вместе с тем частный капитал прони-

¹³³ Об этом см. подробнее: *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня... С. 326–335.

¹³⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 595. Л. 112. Приложение 1 к отчету складов Переселенческого управления.

¹³⁵ См.: *Гульевский А.* Десять лет деятельности лесных складов Переселенческого управления // Вопросы колонизации. 1914. № 15.

кал во все уголки губерний по мере их заселения и создавал конкуренцию казенным лавкам¹³⁶.

Деятельность складов сельскохозяйственных орудий и лесных материалов принесла большую пользу новоселам в устройстве на местах, в обзаведении хозяйством, в подъеме целинных земель, в развитии сельскохозяйственного производства. В меньшей степени это относилось к торговым лавкам, обороты которых несравнимы с деятельностью складов, но тоже, по мнению переселенцев, свидетельствовали о проявлении заботы о них и были полезными. Совершенно не обоснован вывод Л.Ф. Склярова о том, что “и сельскохозяйственные, и лесные склады не оказали новоселам... содействия”, а “товаро-продовольственные лавки не принесли никакой пользы новоселам”¹³⁷. Такой вывод он сделал только на основе того, что в деятельности складов и лавок были недостатки, на которых он сосредоточил свое внимание¹³⁸. Некоторые недостатки указаны правильно. Например, бедняки не могли покупать товары, росла задолженность складам. На сессии Государственного Совета А.Н. Куломзин призывал увеличить асигнования складов, для снижения цен на их товары, мотивируя это тем, что цены на сложные машины недоступны крестьянам “несостоятельным”. В то же время Скляров считал недостатком продажу складами со значительной скидкой сельхозмашин крестьянским кооперативам, потому что это были, по его мнению, “кулачные кооперативы”. На этом же основании он считал, что склады приносили пользу только кулакам. Так, он писал: “В годы столыпинской аграрной реформы между различными кулацкими кооперативами в Сибири и складами установились самые оживленные связи... В 1914 г. в числе контрагентов складов состояло у нее 330 кулацких кооперативных обществ”¹³⁹.

Но к сибирским кооперативным обществам не подходит название “кулацкие”. В составе потребкоопераций, которые в основном и покупали товары у сельскохозяйственных складов, наряду с зажиточными хозяйствами было много середняков и бедняков. Они являлись массовыми организациями: в 1917 г. потребительские кооперативы, входящие в “Закупсбыт”, объединяли 83,5% крестьянских хозяйств, или 65% всего сельского населения Сибири, в том числе в их составе было и много переселенцев¹⁴⁰.

Не привел Л.Ф. Скляров и общих данных об оборотах переселенческих сельскохозяйственных складов, в которых отмечено, что в числе покупателей были сотни тысяч переселенцев. Такого числа зажиточных хозяйств среди новоселов просто не могло быть. Нужно отметить, что как раз создание переселенцами коопераций помогло покупать довольно дорогие машины для более широкого круга новоселов: машины приобретались кооперативом (широко этим пользовались потребительские общества, но

¹³⁶ Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Пг., 1916. С. 386–388.

¹³⁷ Скляров Л.Ф. Указ соч. С. 365–367.

¹³⁸ Там же. С. 359–367.

¹³⁹ Там же. С. 362.

¹⁴⁰ Госархив Новосибирской области. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1218. Л. 12–14. Материалы о деятельности Закупсбыта в 1918 г.

создавались и специальные товарищества для покупки машин), а затем нанятые рабочие обслуживали членов кооператива этими машинами.

Но главное заключается в том, что положительная сторона деятельности сельскохозяйственных и лесных складов, торговых лавок многократно перевешивала недостатки в их работе.

Большое значение имело также строительство для переселенцев школ, больниц, церквей, фельдшерских пунктов, храмов, часовен. Без этого положение переселенцев было бы гораздо тяжелее. Многие больницы, фотографии которых помещены в отчетах Переселенческого управления, представляли большие добротные здания и обслуживали не только переселенцев, но и все население окружающих поселений, в том числе местных национальностей. Врачебную и фельдшерскую помощь и лекарства получили сотни тысяч человек, что отражено в опубликованных отчетах. Без строительства школ и церквей, безусловно, сильно увеличилось бы обратное переселение.

Все названные мероприятия Переселенческого управления и денежная помощь переселенцам в комплексе составили значительную часть столыпинской аграрной реформы.

Экономическое положение переселенцев за Уралом

Наиболее важная проблема по данному вопросу состоит в определении экономического положения переселенцев за Уралом в сравнении с их положением на родине и с уровнем хозяйства новоселов разных по времени поселений. Иными словами, привело ли переселение к улучшению жизни переселенцев и повышалось ли их благосостояние после нескольких лет проживания в местах водворения, или верен ленинский вывод, который пытался доказать Л.Ф. Скляр, что “переселенческая политика царизма” якобы “привела к дальнейшему ухудшению положения крестьянства и в Европейской России и в Сибири”¹⁴¹? Наиболее точные и доказательные сведения об экономическом положении переселенцев содержат указанные выше материалы обследования 1911–1912 гг. и 1912–1913 гг. комиссиями В.К. Кузнецова и В.Я. Нагнибеды. Обследование охватывало разные по времени поселения группы новоселов, начиная с 1893 по 1911 г., а переселившиеся до 1893 г. считались старожилами.

Одним из основных факторов, определяющих обеспеченность переселенцев, руководители обследования считали продолжительность пребывания на участке. При этом В.К. Кузнецов и В.Я. Нагнибеда отметили, что с течением времени хозяйственное положение всех переселенцев повышается. Вопреки этому А.А. Кауфман утверждал, что новоселы достигали высшего успеха через 7–8 лет, а затем все хозяйства переселенцев, исчерпав возможности залежно-паровой системы, приходили в упадок¹⁴².

¹⁴¹ Скляр Л.Ф. Указ соч. С. 98.

¹⁴² Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 282–285.

Рассмотрим зависимость экономического благосостояния переселенческих хозяйств от времени проживания на участке. В табл. 20 дана группировка переселенческих дворов по возрастным группам. Данные такой группировки показывают действительное неуклонное повышение хозяйственной состоятельности дворов при увеличении возраста переселенческих хозяйств.

Таблица 20. Экономическое положение возрастных групп переселенческих дворов

Возрастные группы хозяйств, существующих	Число хозяйств	Приходилось в среднем на один двор		
		посева, дес.	сенокоса, дес.	итого посева и сенокоса, дес.
Менее 3 лет	5 440	2,7	4,5	7,2
3 года	4 072	4,4	6,2	10,6
От 4 до 8 лет	8 175	5,3	6,2	11,5
От 8 до 18 лет	8 461	7,6	6,7	14,3
Более 18 лет	1 044	7,4	9,0	16,4
Итого	27 192	5,5	6,0	11,5

(Источник: Кузнецов В.К. Указ. сб. Вып. 1. С. 20 и 27. Подсчет на один двор произведен мною. – В.Т.)

Статистика не подтверждает мнение А. Кауфмана, неизвестно на чем основанное, о “кризисе” хозяйств после 7–8 лет жизни в Сибири, потому что наиболее зажиточными были как раз переселенцы, прожившие в Сибири от 8 до 18 лет и более. Из 27 тыс. обследованных хозяйств ровно 20% составляли самые “молодые” переселенцы 1910–1912 гг. (возраст хозяйств – менее трех лет к моменту переписи) и 15% переселенцы 1908–1909 гг., что соответствовало требованию Государственной Думы, пожелавшей особо выяснить сравнительное положение новоселов последних трех лет. Положение последних по всем средним показателям улучшилось – не слишком разительно, но вполне достаточно: площадь посева увеличилась в 1,6 раза, сенокоса – в 1,4 раза. У переселенцев 1904–1908 гг. увеличился только посев, а сенокос остался в размере 6,2 дес. Наивысшие показатели у группы с возрастом от 8 до 18 лет (1893–1903 гг.).

Обследование дало материалы о количестве скота, лошадей, стоимости инвентаря. Оно также показывает зависимость от времени проживания в Сибири. Если у переселенцев, проживших 2–3 года, на один двор приходилось 1,7 телег и саней; 0,2 плугов; 0,008 косилок и жнеек, то у проживших более 8 лет было по 6,7; 1,3; 0,6 соответственно¹⁴³.

Сравнительные данные по экономическому положению переселенцев на родине и в Сибири показывают, что оно значительно улучшилось в среднем. Так, В.К. Кузнецов писал, обобщая материал по 14 тыс. дворов, что средний размер посева в сибирском хозяйстве переселенцев был равен

¹⁴³ Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 196. (Пересчет на один двор проведен мной. – В.Т.)

5,4 дес., а на родине – всего 2,4 дес.¹⁴⁴, сенокоса – соответственно 25,5 и 0,6 дес. То же писали и В.Я. Нагнибеда, И.Л. Ямзин, В.П. Вошинин, и ряд других авторов, приводя конкретные фактические данные¹⁴⁵.

Выделение групп хозяйств по величине посева в Сибири несколько уточняет общий вывод о значительном улучшении всех показателей после переселения. Оказалось, что те крестьяне, которые были самыми бедными на родине, в Сибири жили заработками, а собственное хозяйство почти не заводили: у них несколько уменьшился посев (тот, кто сеял до 1 дес. в Сибири имел в среднем на родине 1,4 дес., а в Сибири – 0,9), но увеличилась площадь сенокосов (в 6 раз) и количество голов скота (в 1,5 раза). Вместе с теми, кто попал в Сибири в число неприписных (у последних посев сократился на 20%), доля таких дворов в Сибири составляла около 23%. Зато группы, которые имели в Сибири для посева от 3 до 9 и свыше 9 дес., увеличили посев в 2,2 и 4 раза, сенокос – в 6,8 и 10 раз, голов скота в 2,2 и 2,8 раза¹⁴⁶. Этот вывод подтверждается и данными опроса самих переселенцев. В Томской губернии переселенцы 63% хозяйств ответили, что стали жить в Сибири лучше; 14% считали, что их положение не улучшилось, но и не ухудшилось; а 23% признали свое положение хуже¹⁴⁷.

Значительное различие по всем показателям было также между переселенческими хозяйствами разных регионов и разных территориальных поясов (степь, лесостепь, тайга). Рассмотрим влияние и этих факторов.

При обследовании переселенческие поселки были разбиты на большие группы, в зависимости от места их расположения, по четырем поясам: 1) западносибирская лесостепь, 2) степь, 3) восточносибирская лесостепь и 4) тайга. Положение крестьянских переселенческих хозяйств в разных поясах представлено в табл. 21. При переходе от одной полосы к другой наблюдается изменение средних показателей хозяйственной состоятельности дворов.

Главную роль в хозяйстве новоселов почти по всем поясам играл посев. По этому показателю на первом месте оказались хозяйства западносибирской лесостепи, хотя можно было предполагать преимущество новоселов степной зоны. Это обстоятельство руководитель обследования В.К. Кузнецов объяснил тем, что лесостепные участки Омского и Тюкалинского уездов были очень близко от железной дороги, а степные участки и Западной (Акмолинского уезда) и Восточной Сибири (Ачинского уезда) были удаленными от магистрали в среднем на 400 км. Значит, возможности сбыта хлеба оказали наибольшее влияние на рост посевных площадей. В восточносибирской лесостепи общие условия оказались хуже, чем в западносибирской: средние размеры посевов оказались вдвое меньше. Наи-

¹⁴⁴ Материалы комиссии В.К. Кузнецова... Вып. 1. С. 26.

¹⁴⁵ Материалы комиссии В.Я. Нагнибеды... Вып. 1. С. 132–133, 154–158; Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. С. 116–117, 119–121; Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1924. С. 58.

¹⁴⁶ См.: Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня... С. 161. Таблица.

¹⁴⁷ Материалы комиссии В.Я. Нагнибеды... Вып. 1. С. 238–239.

меньшие посевы были в северном Балаганском уезде Иркутской губернии, а наибольшие в Канском и Нижнеудинском уездах, расположенных вдоль железной дороги.

Таблица 21. Экономическое положение переселенческих хозяйств разных территориальных поясов

	Пояса и уезды	Приходилось в среднем на один двор					
		посева, дес.	сенокоса, дес.	голов рабочего скота	коров	голов мелкого скота	дохода от промыслов, руб.
I	Западносибирская лесостепь						
	Омский уезд	7,8	8,8	3,0	1,6	6,8	47,2
	Тюкалинский уезд	7,5	7,5	2,5	3,0	13,0	55,3
	В среднем	7,6	8,4	2,8	2,4	10,5	52,0
II	Степь						
	Акмолинский уезд	5,8	4,3	3,1	1,5	6,4	40,7
	Ачинский уезд	5,7	6,7	2,7	1,9	11,9	34,1
	В среднем	5,8	5,1	3,0	2,6	8,2	38,2
III	Восточносибирская лесостепь						
	Ачинский уезд	2,7	4,1	1,8	1,6	7,9	–
	Красноярский уезд	2,4	7,6	1,9	1,3	5,3	22,0
	Канский уезд	4,6	6,3	2,1	1,7	13,4	32,1
	Нижнеудинский уезд	4,1	4,4	2,9	1,5	8,1	52,0
	Балаганский"	2,0	6,2	1,3	1,3	3,5	111,4
	В среднем	3,7	5,2	1,9	1,5	8,8	49,5
IV	Тайга и урман						
	Тарский уезд	2,2	4,7	1,6	1,8	9,1	56,9
	Туринский уезд	2,4	2,9	1,1	1,5	4,2	45,4
	Верхотенский уезд	1,7	4,7	1,0	1,0	3,6	106,4
	В среднем	2,3	3,9	1,3	1,7	7,0	53,7

(Источник: Кузнецов В.К. Указ. сб. Вып. 1. С. 20 и 27. Подсчет на один двор произведен мною. – В.Т.)

Размеры сенокоса также зависели от близости железной дороги – самые высокие нормы их на один двор были в Западной Сибири. По всем показателям в совокупности на первом месте стояли хозяйства I пояса, а на последнем – IV (таежного), в котором были самые тяжелые условия жизни. Лишь по размеру дохода от промыслов выделялся северный Верхотенский уезд Иркутской губернии – вблизи от ленских золотых приисков, как и Балаганский лесостепной. Зависимость экономического положения переселенческих хозяйств от почвенно-климатических зон была весьма заметной.

Наиболее полные данные об имущественном, хозяйственном и денежном положении переселенцев в Сибири дали бюджетные обследования, проведенные по названным выше четырем поясам.

Комиссия В.К. Кузнецова составила 90 бюджетных описаний дворов “среднего достатка”. Комиссия стремилась, чтобы выделенные дворы были типичными для той или другой местности, для определенной группы дворов. В обследованных хозяйствах количество десятин посева, голов скота, построек инвентаря и стоимость всего имущества почти не отличались от средних массовых данных в пределах того или иного территориального пояса¹⁴⁸. В описанных хозяйствах было в среднем 6,4 дес. посева, по 5 голов крупного скота, что близко к средним данным по хозяйствам переселенцев, проживших в Сибири не менее трех лет¹⁴⁹. Но показатели обследованных хозяйств по отдельным полосам далеко не одинаковы. По ним можно судить, что комиссия провела бюджетные описания различных по хозяйственной состоятельности дворов переселенцев, хотя большинство из них и принадлежало к середняцкому типу. Произошло это потому, что комиссия считала средним для разных местностей, по существу, различные типы хозяйства. В результате комиссия брала не середняцкие типы хозяйства, в марксистском понимании его, а именно “средние” для данного села, данной местности: там, где прослойка зажиточных была более мощной и многочисленной “средние” показатели деревни приближались к зажиточным хозяйствам, а там, где расслоение было меньше, зажиточная группа незначительна, в число “средних” по своим показателям включались хозяйства, близкие к бедняцким, но, разумеется, в обоих случаях брались не самые полярные группы.

Конкретно в I поясе (лесостепь Западной Сибири) были обследованы более зажиточные хозяйства, чем во II (степь) и III (лесостепь Восточной Сибири) поясах, так как “средние” показатели по ним довольно заметно отличались (см. табл. 21). Средние основные показатели обследованных хозяйств по первым трем поясам соответственно равнялись: посева – 9,7; 7,1; 5,6 дес. на двор, голов скота – 21,8; 16,4; 16,9 (в том числе крупного – 7,1; 5,6; 4,3). Все эти хозяйства можно отнести к середняцким, но хозяйства I пояса были близки к зажиточным. Это касается не только размеров посева и скота, но и других показателей, рассматриваемых далее (количество инвентаря, суммы доходов и расходов и т.д.). Хозяйства II и III поясов уже типично середняцкие, недалеко ушедшие от бедняцких дворов. Особняком стоят хозяйства IV пояса (таежной полосы), в большинстве своем бедняцкие: посев – 3 дес., крупного скота – 3,8 головы на двор. Комиссия выбрала в этом поясе далеко не самые бедные хозяйства, но и они оказались по своему социально-экономическому типу бедняцкими.

Данные бюджетных обследований 90 переселенческих хозяйств по I–IV поясам в пересчете в среднем на один двор представлены в табл. 22, где мною высчитаны все доходы и расходы. Комиссия не включала расходы

¹⁴⁸ Там же. С. 160. Таблица.

¹⁴⁹ Там же. С. 157. Таблица.

на свадьбы, на водку и пиво (5–10 руб.), на табак (2–3 руб.), всего по 14–23 руб. на двор. Эти расходы могли повлиять на общий вывод только по IV поясу, но они касались не всех дворов и мною тоже не включены.

Таблица 22. Доходы и расходы переселенческих дворов по поясам на одно хозяйство, руб.

Источники доходов и статьи расходов	Полосы											
	I			II			III			IV		
	день-гами	нату-рой	итого	день-гами	нату-рой	итого	день-гами	нату-рой	итого	день-гами	нату-рой	итого
ДОХОДЫ												
Земледелие												
хлеб	62,2	188,7	250,9	82,3	144,0	226,3	60,0	165,0	225,0	3,2	88,9	92,1
огородные	24,6	26,4	51,0	2,9	29,3	32,1	5,1	45,4	50,5	2,4	36,9	39,4
сено и солома	7,4	139,3	146,7	4,5	91,1	95,6	2,8	80,2	83,0	0,6	52,2	52,8
Итого от земледелия	94,2	354,4	448,6	89,7	264,4	354,1	67,9	290,6	358,8	6,2	178,1	184,3
Скотоводство												
продажа скота	50,8	–	50,8	82,6	–	82,6	20,5	–	20,5	6,9	–	6,9
мясо и сало	3,0	33,0	36,0	2,0	19,9	21,9	5,2	47,1	52,3	0,9	19,9	20,8
молочные продукты	59,2	25,0	84,2	3,0	24,0	27,0	2,7	26,9	29,6	9,3	26,3	35,6
шкуры и шерсть	0,2	9,5	9,7	0,4	3,4	3,8	0,9	4,4	5,3	0,3	3,4	3,7
Итого от скотоводства	113,2	75,0	188,2	89,6	56,0	145,6	29,3	78,4	107,7	17,4	49,6	67,0
Птицеводство	2,4	9,5	11,9	2,3	4,1	6,4	0,9	2,8	3,7	0,2	1,9	2,1
Лесозаготовки (бревна, тес, шпалы, дрова)	4,0	32,7	36,7	1,1	2,3	3,4	16,2	37,8	54,0	1,3	20,0	21,3
Промыслы	33,3	3,1	36,4	22,2	3,0	25,2	44,9	2,3	47,2	72,6	14,7	80,4
Разное	3,3	–	3,3	3,6	–	3,6	15,2	–	15,2	7,3	–	7,3
Всего доходов	250,1	474,7	724,8	208,5	329,8	538,5	174,4	411,8	586,2	98,1	264,3	362,4
РАСХОДЫ												
Продовольствие	49,5	160,7	210,2	49,9	133,3	183,2	35,7	160,0	195,7	45,9	118,6	164,1
Хозяйственные надобности	95,0	258,3	353,3	105,3	174,5	279,8	62,6	212,0	274,6	38,6	119,6	158,2
Подати	9,7	–	9,7	10,6	–	10,6	9,5	–	9,5	5,8	–	5,8
Всего расходов	154,2	419,0	573,2	165,8	307,8	473,6	107,8	372,0	479,5	90,3	238,2	328,5
Остаток от хозяйства	95,9	55,7	151,6	42,7	22,0	64,7	66,6	39,8	106,4	7,8	26,1	33,9
То же в процентах ко всему доходу	38,4	11,8	20,8	20,4	6,7	11,8	38,3	9,6	18,1	8,0	10,0	9,1

(Источник: Материалы комиссии В.К. Кузнецова... Вып. 1. С. 162–164.)

Главным источником доходов во всех поясах, как видно из таблицы, являлось земледелие (от 50 до 66% всех доходов), на втором месте в I–III поясах шло скотоводство (от 18 до 27% доходов), а в IV поясе на втором месте – промыслы (27% доходов).

В земледелии преобладало производство хлеба. Большая часть хлеба, как показывают данные бюджетного обследования, шла на удовлетворение собственных потребностей, но в первых трех поясах имелся значительный избыток, который шел на продажу. Продавалось за деньги (денежный доход от хлеба) в первом и третьем поясах в среднем около четверти, а в степном поясе – треть производимого хлеба. Но и тот хлеб, который оставался в хозяйстве, потреблялся не полностью.

Например, в I поясе хлеба оставалось на 188,7 руб. в среднем на хозяйство (доход натурой). Расход же хлеба в этом поясе на продовольствие оценивался в 70,9 руб. Часть хлеба скармливалась скоту (весь корм скота оценивался в 163 руб., сена и соломы в хозяйстве было на 139 руб., недостающая часть корма в 24 руб. покрывалась хлебом и картофелем), часть шла на семена (на 54,5 руб.) и на оплату размола хлеба (на 2 руб.), но все-таки оставалось еще хлеба в среднем на 42 руб., или шестая часть его производства. Очевидно, что в хозяйствах, близких к зажиточным, часть хлеба оставалась, по крайней мере в урожайные годы, в качестве запаса на неурожайный год или в надежде на повышение цен. По хозяйствам II пояса излишка хлеба почти не было, в III поясе излишек был небольшой – всего на 20 руб., а в IV поясе после всех расходов хлеба, необходимых в хозяйстве, даже возникал недостаток его. Но надо отметить, что хлеб неравномерно распределялся между хозяйствами внутри каждого пояса, в результате чего в некоторых хозяйствах оставались значительные излишки хлеба, а в других хлеб был дефицитом. Об этом говорят факты по покупке хлеба отдельными хозяйствами. Так, в графе расходов показано, что за деньги покупали хлеб на питание хозяйства всех групп, в среднем на 16–33 руб.¹⁵⁰, что составляло от 30 до 50% продовольственного потребления хлеба.

Анализ купли-продажи хлеба показывает, что товарно-денежные отношения уже глубоко проникли в хозяйства переселенцев. Обследованные дворы и продавали, и покупали хлеб. Вполне закономерно предположить, что более зажиточные хозяйства (со средним посевом 15 дес. на двор) в еще более широких размерах продавали хлеб. Бедняцкие хозяйства IV пояса почти не продавали производимого хлеба (на продажу шло всего 3,5%), но зато они больше, чем хозяйства других поясов, покупали хлеб, что втягивало их в рыночные отношения – необходимость покупать хлеб заставляла их продавать свою рабочую силу.

Из огородных культур картофель и овощи производились главным образом для собственного потребления, лишь в хозяйствах I пояса значительная часть овощей (более трети) продавалась. Этими хозяйствами, в отличие от других, выращивались почти исключительно для продажи различные культуры (продажа их давала 17 руб. на двор).

В целом земледелие обследованных переселенческих хозяйств имело главной целью удовлетворение собственных потребностей, но чем зажи-

¹⁵⁰ Вычислено на основе данных В.К. Кузнецова. См.: Материалы комиссии В.К. Кузнецова... Вып. 1. С. 162–164.

точнее были хозяйства, тем большее значение имело в них товарное производство. Если в хозяйствах IV пояса продавалось всех продуктов земледелия в среднем на 6,2 руб. на двор (или 4% производства их), то в I, II, III поясах уже на 68, 90, 94 руб. соответственно (или 20–25% производимых продуктов). Зажиточные хозяйства продавали продуктов земледелия в 15 раз больше, чем бедняцкие. Вместе с тем часть последних хозяйств покупала не только хлеб, но и овощи и картофель. В покупке продуктов питания бедняцкие дворы не уступали по сумме самым зажиточным дворам I пояса и значительно превышали группу середняцких хозяйств III пояса, так что бедняцкие хозяйства втягивались в товарно-денежные отношения даже больше, чем середняцкие.

Скотоводство носило в переселенческих хозяйствах, подвергшихся бюджетному обследованию, более товарный характер, чем земледелие, так как оно приносило больше денежного дохода. В хозяйствах I пояса основную часть дохода (52%) давала продажа молока и молочных продуктов, затем – продажа скота. Такое же соотношение отмечалось в хозяйствах IV пояса, хотя размеры дохода были здесь в 7 раз меньше, чем в хозяйствах I пояса. В хозяйствах остальных поясов основной доход давала продажа скота, а не молочных продуктов. Очень мало продавалось мяса из-за трудностей сбыта. Например, в Восточной Сибири (III пояс) мяса и сала приходилось на двор в два с лишним раза больше, чем в степном поясе, а на продажу шло очень мало. Шкуры и шерсть в обследованных хозяйствах шли в основном на личное потребление. В хозяйствах III и IV пояса продавалось около четвертой части продуктов скотоводства, а I и II поясов – две трети. Но мясное торговое скотоводство у обследованных переселенцев в целом было развито слабо, а молочное развивалось лишь в I поясе.

Следующим по значению источником дохода были промыслы (в табл. 22 в эту графу включены и доходы от рыболовства, но они практического значения не имели, так как ни в одной полосе не превышали 1 руб. на двор). Самое большое место и по сумме дохода на хозяйство и в процентном отношении они занимали в бедняцких хозяйствах. Значит, эта группа более других существовала за счет продажи своей рабочей силы. В остальных поясах промыслы были развиты слабее, но везде носили денежный характер: доход от промыслов на 89% был денежным.

В целом доходы хозяйств разных поясов существенно отличались. В I поясе доходы были в 2 раза, а денежные – даже в 2,5 раза выше, чем в IV. Доля денежного дохода ко всему доходу равнялась: в I поясе – 35%, во II – 39%, в III – 30,9% и в IV – 27%. При оценке товарно-денежных отношений в этих хозяйствах нельзя забывать, что более всего были связаны с рынком хозяйства I и IV поясов. В число же обследованных дворов комиссия стремилась включать хозяйства со средними для данной местности показателями, поэтому эти хозяйства как раз не были включены. Но даже в таких хозяйствах, как показывает анализ бюджета, уже довольно значительно развились денежные отношения. Этот же процесс проходил и в Европейской России. Но данные, например по Воронежской губернии, показывают, что там денежные отношения были развиты больше. Денеж-

ный доход в середняцких хозяйствах Воронежской губернии составлял от 41 до 44%, а у переселенцев Сибири лишь 30–39% (II и III пояса).

Интересные данные содержит и расходная часть бюджета. Она показывает, что в хозяйствах всех поясов после удовлетворения продовольственных и хозяйственных потребностей и уплаты налогов оставался излишек (от 9 до 21% дохода), что особенно подчеркивал В.К. Кузнецов¹⁵¹.

Таков был бюджет переселенческого хозяйства. При сравнении его с бюджетами крестьянских дворов Европейской России выявляется, что новоселы в Сибири имели скота, инвентаря и построек на душу населения (по количеству и по стоимости) несколько больше, чем в таких губерниях, как Воронежская, Калужская, Олонецкая. Размеры годового бюджета переселенцев были больше, чем в Воронежской и Калужской. Такое же соотношение было и по потреблению пищи; особенно значительное превышение в хозяйствах переселенцев над крестьянскими дворами центра страны (Воронежская и Калужская губернии) замечалось по животной пище.

В.К. Кузнецов делает из этих сравнений вывод о том, что даже переселенцы по своему “среднему” благосостоянию стояли выше крестьян центральных губерний. Этот вывод правилен, поскольку он основан на статистических данных, но он нуждается в дополнении: нельзя говорить о “среднем” хозяйстве, надо рассматривать конкретные группы дворов. Тогда сразу выясняется, что благосостояние дворов новоселов в Сибири было далеко не одинаковым. Бедняцкие хозяйства здесь жили почти так же плохо, как и в центре страны, а по своему социально-экономическому положению ничем не отличались от последних.

Комиссия В.Я. Нагнибеды провела бюджетное обследование 21 старожильческого хозяйства из 21 села Томской губернии. По сравнению с переселенцами старожилы получали в среднем в 1,5–3 раза больше дохода, и их расход также был значительно больше. Особенно отличались расходы на хозяйственные нужды. Были включены расходы на наем батраков: 89 руб. на хозяйских харчах на весенне-летне-осенний период полевых работ¹⁵².

Довольно значительным было различие в экономическом положении разных социальных групп переселенцев, выделенных по размерам посева. Исследование социального расслоения внутри групп переселенцев разных лет (переселившихся до 1907 г. и отдельно по годам в 1907–1911 гг.) было проведено в 1930 г. Ф. Сластухиным и Г. Чешихиным путем собственной разработки первичных карточек переписи 1911–1912 гг. по Славгородскому “гнезду” Томской губернии. Их исследование показало, что в 1912 г. слой бедняков (средний посев 4 га) в группе переселенцев до 1907 г. составлял 23,6%, в группе 1907 г. – 57%, в группе 1911 г. – 69%, т.е. в более “молодых” группах доля бедняков была выше. Доля середняков (8 га), наоборот, уменьшалась: 60% – 43% – 27% (соответственно), а доля зажи-

¹⁵¹ Там же. С. 161.

¹⁵² Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. 480–499. Подсчеты проведены мной. – В.Т.

точных была самой высокой также у “старых” (до 1907 г.) переселенцев – 16%, а у новоселов 1911 г. составляла всего 4%. Исследователи сделали правильный вывод о том, что расслоение было присуще переселенческим группам всех возрастов и по мере жизни в Сибири среди них доля бедняков уменьшалась в 3 раза, доли середняков и зажиточных крестьян повышались соответственно в 2 и в 4 раза¹⁵³.

По материалам переписи 1911–1912 гг. и 1912–1913 гг. можно выделить посевные группы переселенцев по различным губерниям, произведя соответствующие подсчеты по приложениям (табл. 23).

Можно заметить, что более высокий процент зажиточных хозяйств переселенцев был в Западной Сибири и он понижался от Акмолинской области на восток до Иркутской губернии. Малопосевных хозяйств новоселов, наоборот, больше всего было в Восточной Сибири – в Енисейской и Иркутской губерниях. Здесь сыграли роль не только трудности освоения более лесистых участков, но и тот факт, что сюда основная масса новоселов пришла позже, чем в западные районы.

Таблица 23. Соотношение посевных групп переселенцев по губерниям

Губернии и области	Число обследованных дворов	Доля, %, дворов, имевших посев		
		до 3 дес.	от 3 до 9 дес.	свыше 9 дес.
Томская губерния				
в 1911–1912 гг.	18 488	34,2	47,1	18,7
в 1912–1913 гг.	2 568	28,6	48,8	22,7
Тобольская губерния	4 500	23,4	47,5	29,1
Акмолинская область	2 451	24,8	38,4	35,8
Енисейская губерния	6 242	44,1	44,0	10,9
Иркутская губерния	3 913	53,7	40,2	6,1

(Источники: Материалы комиссии В.К. Кузнецова. Вып.1. С. 192–193. Приложения. VII и VIII; Материалы комиссии В.Я. Нагнибеды... Вып. 1. С. XIX; Переселенцы, приселившиеся к старожилам... С. VI. Проценты высчитаны мной. – В.Т.)

В Восточной Сибири цены на рабочие руки были несколько выше и переселенцы могли свободнее найти работу, чем в более заселенной западной части (табл. 24), а в Сибири заработки были выше, чем в Центрально-Земледельческом районе, но несколько ниже, чем в Предкавказье и Новороссии. Наиболее высокой была поденная плата за уборку хлебов и на сенокосе. Следует отметить, что наплыв переселенцев в 1904–1913 гг. не привел к уменьшению цен (это отмечали наблюдатели лишь по отдельным уездам), а, наоборот, цены поднялись. Это можно объяснить общим высоким ростом сельскохозяйственного производства в Сибири в 1906–

¹⁵³ Сластухин Ф., Чешихин Г. Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири // Северная Азия. 1930. № 1–2. С. 62–69.

1916 г.¹⁵⁴ По сравнению с Центрально-Земледельческим районом в Сибири цены были выше в среднем на 15–20%, что объясняется более высоким спросом на рабочую силу в Сибири. В Новороссийском районе цены были на весенних работах ниже, а на сенокосе и на уборке выше, чем в Сибири. Предкавказье по ценам на рабочие руки стояло на первом месте, здесь развитие капитализма шло более быстро и спрос на рабочие руки превышал его предложение, хотя на эти окраины устремлялись сотни тысяч крестьян-отходников.

Таблица 24. Средние цены на рабочие руки (подневная плата) пешему работнику на хозяйских харчах, коп.

Районы	1901–1910 гг.			1909–1913 гг.		
	весенние работы	сенокос	уборка хлебов	весенние работы	сенокос	уборка хлебов
Тобольская губ.	52	65	68	62	64	69
Томская губ.	51	62	71	56	74	75
Акмолинская обл.	42	62	64	50	63	84
Енисейская губ.	54	58	76	55	68	71
Иркутская губ.	61	–	87	63	66	82
Итого по Сибири	54	62	73	57	67	76
Центрально-Земледельческий район	38	54	59	44	61	71
Новороссия	48	69	93	57	82	105
Предкавказье	61	91	117	64	93	114

(Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 530, 532)

Заработная плата батраков колебалась не только по губерниям, но и по категориям работников: у старожилов-батраков она была выше, чем у переселенцев. Рассмотрим данные по Томской губернии за 1914 г. (табл. 25).

Таблица 25. Средняя заработная плата по категориям наемных работников

Наемные работники	Средняя годовая плата, руб.	Средняя подневная плата, коп.	Средняя сдельная плата за 1 дес., руб.	
			жать	косить
Переселенцы на переселенческих участках	59,42	61	6,91	3,29
Переселенцы в старожильческих селах	64,59	62	8,91	3,60
Старожилы	77,21	68	9,25	4,15

(Источник: Обзор Томской губернии за 1914 г. в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915. С. 97.)

¹⁵⁴ См. указанные выше работы Л.М. Горюшкина, И.А. Асалканьва; см. также: История Сибири. Т. 3.

Самая низкая плата по всем видам найма была у переселенцев на переселенческих участках, что вполне понятно: предложение рабочей силы здесь было больше, а нанимателей – меньше, ибо прослойка кулачества среди новоселов не была такой мощной, как у старожилов. В старожильческих селах плата была выше из-за повышенного спроса, но любопытно, что переселенцы в среднем получали и здесь меньше, чем батраки-старожилы. Можно предположить, что переселенцы, находившиеся в более тяжелых материальных условиях, были вынуждены соглашаться на любую оплату и это снижало их заработок. Более низкие цены на рабочие руки переселенцев доказывают также, что переселение “сбивало цены” по Сибири в целом, заставляя и старожилов наниматься дешевле. Но как уже указывалось, переселение не успевало за ростом спроса на рабочую силу в зажиточных фермерских хозяйствах, и поэтому, несмотря на переселение, цены на рабочие руки с 1901 по 1913 г. все же поднялись, хотя и ненамного.

Годовая плата батраков также претерпевала большие изменения в зависимости от условий найма. В 1913 г. она, по данным текущей переселенческой статистики, составляла (табл. 26):

Таблица 26. Годовая заработная плата наемным работникам

Губернии и области	Зарботная плата		
	Мужчине	Женщине	Подростку
Акмолинская область	86 р. 44 к.	56 руб.	33 руб.
Тобольская губерния	88 р. 26 к.	40 р. 82 к.	31 р. 59 к.
Томская губерния	93 руб.	49 руб.	40 руб.
Енисейская губерния	88 р. 74 к.	45 р. 53 к.	34 р. 04 к.
Иркутская губерния	96 руб.	36 руб.	33 руб.

(Источники: Обзор Томской губернии за 1914 г. в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915. С. 140–148; ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 237. 1905 г. Л. 63; Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год. СПб., 1914. С. 60)

Переселенцы при таких ценах (на хозяйском питании) могли скопить денег для покупки самого необходимого в хозяйстве (лошади, плуг и т.п.) и “выбиться” в середняки, как это отметило обследование.

Сторонник и защитник трудовых крестьянских хозяйств В.К. Кузнецов с сожалением отмечал, что и сами переселенцы нередко прибегали к найму батраков. Он был вынужден признать, что средние размеры переселенческого двора во всех обследованных его комиссией районах превосходили “среднюю трудовую норму”. Он подсчитал, что “трудовое” переселенческое хозяйство должно иметь в различных полосах 12–22 дес. посева и сенокоса, а в действительности средние размеры угодий были равны: в I поясе (лесостепь Западной Сибири) – 39,6 дес., или на 80% больше нормы; во II (степь) – 28,5 дес. (на 50% больше); в III (лесостепь Восточной Сибири) – 21,2 (на 25% больше); в IV (тайга) – 22,3 (на 86% больше нормы).

Этот факт В.К. Кузнецов правильно объясняет наличием среди переселенцев крупных хозяйств, основанных на применении наемной силы и

имеющих большие площади угодий, в то время как большинство дворов еще не достигло и трудовой нормы. Он показал, что в группе многопосевных дворов (сеющих более 9 дес.) “трудовые нормы” превышались в 3 раза. Под “трудовыми нормами” В.К. Кузнецов имел в виду такие размеры угодий, которые давали бы возможность крестьянину прокормить и одеть семью, заплатить налоги и произвести необходимые расходы на хозяйство.

По данным комиссии Кузнецова, переселенцы применяли наем батраков на переселенческих участках, но размеры этого найма не были значительными (табл. 27).

Таблица 27. Наем рабочих в переселенческих хозяйствах Сибири

Типы хозяйств	Число всех дворов	Нанято рабочих		Уплачено этим рабo-чим, а также за сдельные работы (руб.)	Приходится в среднем на двор		
		годовых и срoковых	пoден-ных (дней)		годовых и срoковых	пoден-щин	уплачен-ных денег (руб.)
Мелкие (посев до 9 дес.)	15 033	650	45 236	68 033	0,04	3,0	4,5
Крупные (посев свыше 9 дес.)	3 455	1 264	28 856	73 330	0,37	8,4	21,2
Итого	18 488	1 914	74 092	141 363	0,10	4,0	7,7

(Источник: Материалы комиссии В.К. Кузнецова... Вып. 5. С. 46.)

Все хозяйства новоселов с посевом до 9 дес. комиссия выделила под названием “мелкие”. Они составили 81,3%, а зажиточные (“крупные”) – только 18,7%. Эти сравнительно массовые (18 488 дворов или примерно около 100 тыс. человек) данные показывают, что довольно значительная часть новоселов стала зажиточной. На них приходилось две трети всех наемных и фоновых работников. Объем всего нанятого труда (сумма затрат на наем) у зажиточных был больше, чем у всех остальных хозяйств вместе взятых, хотя последних было в 4 раза больше. В расчете на один двор у зажиточных поденщин было больше почти в 3 раза, а годовых и срoковых рабочих – в 9 раз, по сравнению с бедняками и середняками. Объем нанятой рабочей силы (оплаты) у них на каждый двор был в 5 раз больше. Это доказывает, что зажиточные дворы использовали наемную рабочую силу во много раз больше, чем остальные. Среди обследованных хозяйств переселенцев в зажиточной группе прибегало к найму 55% дворов, а в остальных группах – 35%¹⁵⁵.

Но размеры найма в переселенческих хозяйствах все же были и по объему, и по раскладке на одно хозяйство сравнительно со старожильческими дворами незначительно. Они лишь показывают, что переселенцы довольно успешно развивали свои хозяйства.

Приведенные выше материалы об экономическом положении переселенцев за Уралом свидетельствуют об успешном ходе колонизации этой окраины. Деятельность переселенческой организации во многом способст-

¹⁵⁵ Там же. Вып. 1. С. 42 и 56. (Подсчитано мной. – В.Т.)

вовала этому процессу: сюда относятся не только работы по подготовке и распределению участков и выдача ссуд, но и агрономическая, медицинская помощь, снабжение новоселов сельскохозяйственными машинами через специальные склады и др. Однако главная и решающая роль принадлежала миллионам самих переселенцев, которые своим трудом освоили огромные пространства новых земель и смогли на новом месте устроить свою судьбу. Вывод о том, что переселенческая политика привела к разорению крестьян в Сибири, опровергается достоверными материалами обследований высококвалифицированными комиссиями и данными текущей статистики. Даже крикливые голоса “либеральных” (а на деле радикальных) депутатов стали звучать в Думе значительно тише, когда “сам” Василий Константинович Кузнецов, а за ним и профессор В.Я. Нагнибеда подтвердили и доказали улучшение экономического положения переселенцев в Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Положение крестьянства России в конце XIX – начала XX вв. стало значительно улучшаться. Повысилась роль крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве страны, превысив в 1900–1905 гг. 90% всей продукции, в том числе в зерновом производстве – 88% (в 60-х годах XIX – 68%, в 1890 – 85%). Увеличивались валовые сборы хлебов и технических культур. Постоянно с 70-х годов в крестьянских хозяйствах росла урожайность хлебов, хотя она отставала от урожайности на частнособственнических землях. С 90-х годов впервые рост населения происходил не за счет увеличения рождаемости (она в этот период несколько понизилась), а за счет значительного снижения смертности, особенно детской.

Но отмеченные и многие другие положительные сдвиги происходили только за счет одной части крестьянства, прежде всего многоземельных общин и зажиточных дворов в деревне, а также в результате более свободного развития земледелия на окраинах, расширения фонда частных земель у крестьян. Другая, и немалая, часть крестьянских хозяйств разорялась. Это особенно было заметно в центральных губерниях, где были самые малые наделы уже по реформе 1861 г. Но дело было не только в наделах. На великорусские губернии приходилось наибольшее количество платежей (табл. 28).

Таблица 28. Распределение казенных, земских и мирских платежей в 1900 г., руб.

	В девяти центрально-земледельческих губ.	В Северо-Западном крае
На 1 двор	20,10	16,43
На 1 работника м.п.	12,94	7,98
На 1 дес. земли	2,39	1,34

(Источник: РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 953. 1901–1902 г. Л. 192.)

Как видно из табл. 28, в центральных губерниях все платежи были значительно выше: каждый работник платил в 1,6 раза больше. По утверждению товарища министра финансов И.Х. Шванебега, “Количество денег, поступающее в местные казначейства и возвращающееся из казны в местное население, больше всего в Северо-Западном крае и это понятно: вдоль нашей западной границы сосредоточено огромное количество войска, содержание которого требует чрезвычайных трат”¹. На каждый рубль из уплаченных налогов население получало обратно: в северо-западных гу-

¹ Там же. Л. 192об.

берниях 1 руб. 31 коп., в прибалтийских – 1 руб. 29 коп., в привисленских (Польша) – 1 руб. 14 коп., в северных – 81 коп., в восточных – 80 коп., в средне-промышленных – 72 коп. и в средне-земледельческих – только 47 коп. “Казна больше берет с населения [Центра], чем дает ему”, – заключил Шванбах².

В наиболее выигрышном положении по этим критериям оказалось население Польши, Прибалтики и северо-западных губерний, а в самом тяжелом – земледельческий центр, да и другие великорусские губернии были значительно обделены. Именно поэтому население этих регионов не могло полностью выплачивать налоги, и за ним накопились недоимки. Кроме того, экономическая политика правительства строилась на перекачке доходов из земледелия в промышленность. С.Ю. Витте понимал это, и сформулировал эту политику так: “Великие цели требуют великих жертв!” Но жертвовать собой приходилось опять же крестьянам. Крестьянство было главным источником доходов государства, а рост обездоленной его части вел к дальнейшему увеличению недоимок, которые приходилось списывать.

Именно это заставило правительственные круги приступить к разработке аграрной реформы. Что касается крестьянских выступлений, которые раньше считались главной причиной столыпинской аграрной реформы, то в правительственных документах (записке Витте 1898 г., предложениях министра земледелия Ермолова, выступлениях министров Воронцова-Дашкова и Бунге в Государственном Совете, и др.) о крестьянских выступлениях вообще не упоминалось. За 1890–1899 гг. произошло 594 выступления крестьян³, или по 59 выступлений в год, что, конечно, очень мало на 500 тыс. селений Европейской России. Первым массовым выступлением крестьян были восстания весной и осенью 1902 г. в ряде губерний Юга, но в это время решение о разработке реформы уже не только было принято царем, но и юридически закреплено в его рескриптах 14 января 1902 г. на имя министра МВД Сипягина (об изменении законодательства о крестьянах) и 22 января 1902 г. на имя Витте (о нуждах сельскохозяйственной промышленности).

Таким образом, главной причиной аграрной реформы было увеличение бедняцкой части сельского населения и рост недоимок. В период разработки предложений о реформировании деревни большую роль сыграли массовые крестьянские выступления осенью 1905 г. Они, безусловно, ускорили проведение реформы, все основные положения которой уже были разработаны.

Столыпину приписывают слова: “Сначала успокоение, потом реформы”, их повторил К.Ф. Шаццлло в предисловии к сборнику речей премьера в Государственной Думе и Государственном Совете⁴. На самом же деле, как отмечено выше, Столыпин говорил совершенно противоположное: нужно принимать меры к успокоению, но начать обновление России немедленно. Он подчеркивал, что реформы окажут влияние на социальную неустойчивость и недовольство в деревне, устранят их причины.

² Там же. Л. 192об.–193.

³ Афанасов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. С. 201–202, 219.

⁴ См.: Шаццлло К.Ф. Предисловие. // Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. С. 12.

Основные цели реформирования деревни неоднократно высказывались министрами Витте, Плеве, Ермоловым, крупными сановниками и губернаторами. Главную цель понял и сформулировал Столыпин: проведение реформ должно решить проблему укрепления тысячелетней российской государственности. Он предлагал целый комплекс реформ, но прежде всего нужно было срочно решить крестьянский вопрос; промедление было чревато массовыми социальными потрясениями. Эта цель Столыпина была правильно понята В.И. Лениным и эсерами. Ленин сформулировал это как “подведение более прочного фундамента под российское самодержавие”, которое он отождествлял с государством, что было неверно, поскольку Россия перешла от самодержавия к Думской (конституционной) монархии, но даже прочный фундамент под самодержавие укреплял все государство. Эсеры на своем съезде отметили в резолюции, что всякий успех столыпинского реформирования “наносит серьезный ущерб делу революции”. Эти слова Столыпин процитировал в III Думе под бурные рукоплескания центра⁵. Эсеры и большевики считали, что аграрная реформа в случае успеха будет означать конец надеждам на демократическую революцию. На это же рассчитывал и Столыпин.

Его план состоял в том, чтобы отменить все сословные ограничения и поднять благосостояние всего крестьянства России. Понимая, что последнего невозможно достичь в короткий срок, он ставил задачу создать достаточно широкий слой зажиточных крестьянских хозяйств. Реальной для почвой решения этой задачи было наличие в деревне, внутри общин, сравнительно зажиточных дворов. Столыпин рассчитывал, что опорой реформ станет более половины крестьянства, т.е. по привычной в советской историографии классификации, не только кулачество, но и крепкие середняки. Эта задача не была окончательной целью реформаторов. Они были уверены, что слой зажиточных крестьянских хозяйств будет образцом для остальных дворов, станет рассадником передовых методов агротехники. С другой стороны, этот слой внесет некоторое социальное успокоение, будет опорой правового порядка, так как эти хозяйства скупают значительную часть помещичьих земель, и уже не будут выступать за раздел частной земли. Поэтому предотвращение социального взрыва было не единственной целью.

В экономической сфере реформаторы ставили задачу подъема всего сельского хозяйства России. На это было указано в ряде документов и в докладах в Думе и Государственном Совете. А.В. Кривошеин, выступая в Думе, говорил: “Нам не устоять в великом трудовом состязании народов, если мы будем по-прежнему вырабатывать по 32 1/2 пуда, и из этого должны будем, как теперь, кормиться, оплачивать всю нашу внутреннюю промышленность, покупать иномезные товары, платить наши долги”. Он отметил, что ход землеустройства в Европейской России дает твердое основание надеяться на быстрый подъем сельского хозяйства⁶.

Проведение аграрной реформы Столыпин считал основой решения многих политических преобразований в России, изложенных в его опубликованной программе. В дальнейшем он также планировал реформирование правительства (образовать восемь новых министерств – труда, соци-

⁵ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 179.

⁶ Государственная Дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия II. Ч. I. Стлб. 1028.

ального обеспечения, местного самоуправления, национальностей, исследования и эксплуатации природных богатств, здравоохранения, переселения), понижение ценза при выборах в земства и ряд других мер⁷. “Лишь в сочетании с социальной аграрной реформой, – писал он, – политические реформы могли получить жизнь, силу и значение. Поэтому, господа, на закон 9 ноября надо смотреть с угла зрения социального, а не политического, и тогда станет понятно, что ...он явился плодом не растерянного решения, а что именно этим законом заложен фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя”⁸.

Средства и меры для улучшения крестьянского хозяйства предлагались учеными и политиками еще с 70–80-х годов XIX в., но основной их комплекс был разработан в 1901–1905 гг. редакционной комиссией МВД и двумя Особыми совещаниями (под руководством Витте и Горемыкина). Из этих средств на первом месте стояла замена общинной собственности на землю личной. Правительство выбрало “мягкий” вариант этой меры из числа предложенных виттевским совещанием: разрешить выход из общины с землей всем желающим, но обязательно с разрешения большинства ее членов.

Кроме того, предлагалось юридически отменить общинную собственность или разрешить законом выход хозяев с землей из общины без ее согласия. Последнее предложение напоминает ельцинский указ начала перестройки о том, что для выхода из колхоза никакого разрешения не требуется. Реформаторы 1906 г. пошли по пути добровольного заявления хозяев и получения согласия большинства. Поэтому формулировка Ленина и советской историографии о “разгроме” общины неверна, тем более не ставилась цель “разгромить” все общины. Наоборот, выше приведены слова Столыпина о том, что закон 9 ноября 1906 г. не “ломает” общину в тех местностях, где не проявились еще условия для выхода из нее. Напомним, что почти треть крестьян, подавших заявления, не получили разрешения и не вышли из общин.

Как отметил В.И. Ленин, Столыпин правильно понял экономические предпосылки и возможность проведения реформы и поэтому отказался вносить в указ 9 ноября 1906 г. какие-либо насильственные меры. Правительство, – говорил Столыпин, – веря в жизненность законов 9 ноября 1906 г., не стремилось и не стремится вводить в закон каких-либо признаков принуждения и, особенно, считало невозможным производить какую-либо насильственную ломку”⁹. (Выше приводился циркуляр Столыпина, прямо запрещающий насильственные меры.)

В настоящее время при разработке аграрной реформы следует учесть необходимость проведения только жизненно назревших изменений и не применять насилие в этой сфере, которое оказало в начале перестройки отрицательное воздействие на сельское хозяйство страны.

Нужно отказаться также от оценки столыпинской реформы по проценту дворов, вышедших из общины: во-первых потому, что для создания слоя зажиточных хозяйств не нужно было, чтобы вышли все, а во-вторых, переход от общинной собственности к личной совершался не только путем

⁷ См.: *Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956. С. 73–87; *Шаццлло К.Ф.* Указ. предисловие. С. 15–17.

⁸ *Столыпин П.А.* Указ. соч. С. 246.

⁹ *Столыпин П.А.* Указ. соч. С. 248.

выхода из общин, но и в ходе проведения землеустройства по закону 29 мая 1911 г. без выхода из общин. Землеустройство с 1911 г. становится главным направлением столыпинской аграрной реформы. При землеустройстве целых общин часть крестьян выходила на хутора, часть на отруба, а часть – по желанию получала групповые полевые наделы, но с ликвидацией многополосицы и сокращением дальнотелья. Поэтому землеустройство приобретало все большую популярность среди крестьян и число заявлений о землеустройстве перевалило за 6 млн (а это – две трети общинников!). Это был несомненный успех реформы, хотя мировая война помешала полностью развить его. Нужно оценивать итоги реформы с учетом и общины, и землеустройства, тогда эти итоги выглядят совсем иначе, чем при оценке только одного укрепительного процесса. Землеустройство охватило территорию, равную Италии или Великобритании, а землеустроивали только сельскохозяйственные угодья.

Крестьянское сопротивление выделам и землеустройству объяснялось боязнью многих домохозяев не удержать землю при разверстании. Было немало случаев выступлений против выделенцев, но их размах и распространение были сильно преувеличены оппозиционной прессой, а также во многих работах советского периода. По данным документов сборника “Крестьянское движение”, в 1907–1914 гг. зафиксировано всего 1583 волнения в деревне или по 226 в год, но только часть из них была направлена против реформы¹⁰. Поскольку реформа охватила десятки тысяч сел, то такое количество выступлений можно назвать незначительным.

При оценке столыпинской аграрной реформы главным вопросом остается отношение к общинной собственности на землю и к общине в целом. Община вызывала и сейчас вызывает симпатии очень многих историков, этнологов и экономистов.

Защитники общины до 1917 г. и после 1991 г. отмечали такие ее начала, как коллективизм, равенство членов, народоправство или демократию. Но уже представители конца XIX – начала XX в. отмечали существенное перерождение многих названных начал и их относительный характер.

Коллективизм связывается с групповой собственностью на землю в рамках общины и с систематическими переделами земли по числу душ мужского пола, т.е. с правом распоряжения землей. Это явление в передельных общинах было налицо до самого их конца. Но землепользование от передела до передела являлось уже в основном не коллективным, а семейным: коллективных запасок почти не было; пользование сенокосами было также семейным и лишь пользование пастбищами было коллективным. Право землевладения (передача по наследству, сдача в аренду) тоже было семейным. Еще нагляднее это проявилось в беспередельных общинах. Выполнение натуральных повинностей почти везде заменялось денежными сборами и наймом рабочих (ремонт дорог, устройство колодцев, засыпка оврагов и пр.). О незначительном распространении “помочей” в начале XX в. уже говорилось.

Коллективизм, начала народовластия и демократии после 1861 г. стали проявляться гораздо заметнее с введением для всех категорий крестьян сельского общества. Эпоха крепостничества сильно подорвала эти начала и в государственной деревне (самоуправство чиновников до реформ

¹⁰ Крестьянское движение в России. Июнь 1907 – июль 1914. М.-Л. 1966.

П.Д. Киселева), и особенно в помещицъей. О каких правах “мира” можно было говорить, если помещик мог перевести многих крестьян в дворовые или на “месячину”, или сослать в Сибирь и отнять у них землю. Не сход решал все основные вопросы, а помещик и управляющий. Даже старосту назначал и сменял помещик. Введение единых начал крестьянского самоуправления после 1861 г. установило положение о “сельском обществе”. Соотношение последнего с общиной оказалось весьма неясным. Общество имело четко зафиксированные в законе права, органы самоуправления – сельский сход, старосту, писаря, сотских и десятских. В общинной деревне сельское общество совпадало с общиной, но сельские общества объединялись в волостные общества, а волостных общин не было. Поэтому при выходе крестьян из общин или при землеустройстве всей общины оставалось сельское общество и все права сельского схода, оставалось все, кроме общинной формы собственности. Оставалось коллективное решение всех вопросов, а главное, оставался тот же образ жизни, который был связан не только с групповой земельной собственностью, но более всего с коллективной, деревенской жизнью. Оставалась деревня – оставались соседские взаимоотношения, коллективные праздники, гулянья, посиделки, молебны и пр. Это обусловило слабое распространение хуторского расселения.

Переход от общинной собственности к личной не повлиял на изменение образа жизни великорусского крестьянства еще и потому, что пользование землей всегда было индивидуальным, а не коллективным, кроме лугов и пастбищ, которые остались в общественном пользовании большинства выделенцев и землеустроенных крестьянских дворов. Таким образом, если общинная собственность на землю была значительно подорвана, то деревня почти полностью устояла. Этот опыт свидетельствует о том, что вряд ли и сейчас удастся заменить деревенский образ жизни крестьянства так называемым фермерским. “Если вечерки шумят на полянке, значит моя деревенька живет. Если на улице свадьбы играют, значит моя деревенька живет” (поэт-композитор Г. Заволокин, 2000 г.).

В Европейской России из всех единоличных хозяйств были устроены хуторами 22,4%; в Центрально-Земледельческом районе – всего 8,5%; в Центрально-Промышленном – 1,2%; в Средневолжском – 4,5%, т.е. в великорусских губерниях хутора занимали третьестепенное место (после групповых и отрубных хозяйств). Единственной из чисто великорусских губерний, где хутора преобладали (82% единоличников), была Псковская¹¹.

* * *

Что же получило великорусское крестьянство от столыпинской аграрной реформы?

Конечно, задачи ее за 8 лет были реализованы лишь частично, примерно на одну треть. На первом месте стояли земельные отношения. Увеличение земельной площади главным образом произошло за счет покупки 10 млн дес. (11 млн га) частновладельческой земли. Эта площадь почти целиком была продана в общинной деревне. Условия продаж, как было отмечено, стали более льготными для крестьян. При продаже земель ранее Крестьянский банк получал первый взнос в размере 20% цены, после

¹¹ См.: Дубровский С.М. Указ соч. Приложения 6 и 7. С. 585–591.

1906 г. хуторяне освобождались от этого взноса, а отрубники вносили только 5%. Банк сдерживал не только понижение, но и повышение цен.

Произошло значительное перераспределение наделных земель. Из укрепленцев более 30% продали свои наделы, в т.ч. в общинной деревне 914 тыс. дворов продали 3,4 млн дес., или в среднем по 3,3 дес. на одного продавца. Прокормиться с такого полевого надела было невозможно. Если же учесть наличие среди продавцов зажиточных владельцев, то становится совершенно ясно, что община “держала” многих обездоленных нищих крестьян, которые владели полуголодное существование и при первой же возможности распродавались с сельским хозяйством, получив за наделы 445 млн руб. или в среднем по 450 руб. за один надел¹². Остальные общинники же кроме 3,4 млн дес. полевых наделов получали бесплатно не менее 1 млн дес. земель общественного пользования. Переселенцы получили за Уралом бесплатно более 30 млн дес. Многие из них на родине сдали землю в аренду, что понизило в Центральной России арендные цены на наделные земли.

Наибольшую выгоду крестьянство получило от изменения землепользования. Более половины укрепленцев и землеустроенных дворов не только стали личными собственниками, но у них появились преобразованные участки: ликвидированы многополосица, мелкополосица, чересполосица, множество межей, значительно уменьшено дальноземелье. Около 2 млн домохозяев получили единоличные участки: 91% в отрубках и остальные – в хуторах. Но и у групповых, общинных собственников при землеустройстве вместо десятков полос были образованы 2–3 полосы, ликвидированы принудительные севообороты, выпас скота по раннему пару и т.п. В результате поднялся уровень агротехники, возросло применение улучшенных машин и орудий, удобрений, что показало массовое обследование 1913 г. У всех землеустроенных крестьян, несмотря на короткий срок в 5–6 лет, оказались выше показатели по развитию земледелия, животноводства, огородничества, садоводства. Число железных плугов, жаток, молотилок, сенокосилок, веялок, сортировок на 100 хозяйств увеличилось в 1,5 раза, железных борон – в 2,4 раза. Многие перешли к многополью, посеву интенсивных культур. Это было отмечено и дореволюционными исследователями, в том числе либеральными¹³.

Государственная финансовая и агрономическая помощь крестьянству и сельскому хозяйству, которой ранее почти не было, стала постоянно увеличиваться. С 1906 г. повысились темпы создания кооперативов на селе (кредитных, потребительских, производственных и др.). Были созданы мощные кооперативные союзы во главе с Московским Народным банком, Московским союзом потребительских обществ и другими общероссийскими и региональными союзами. Кооперативное движение охватило миллионы крестьянских дворов, было исключительно добровольным и демократическим, без всякого насилия.

Кооперативы в ряде местностей освободили крестьян от перекупщиков, создали мощную конкуренцию частным торговцам на рынке. Особенно большую роль сыграли кооперативы в расширении кредитования крестьянского хозяйства, вытесняя ростовщический капитал. При государствен-

¹² См.: Там же. С. 361–363. Табл. 118, 119, 121.

¹³ См.: Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 170–191.

ной помощи кооперативы создали разветвленную сеть сберегательных касс, вклады крестьянства в которые в указанный период удвоились. К началу первой мировой войны по темпам роста кредитной кооперации Россия вышла на первое место в Европе, почти сравнявшись с Германией по числу кооперативов. В ней насчитывалось около 20 тыс. учреждений мелкого кредита, в т.ч. 10,5 тыс. кредитных и 3,7 тыс. ссудо-сберегательных товариществ. Эти учреждения располагали средствами на сумму в 1 млрд руб. В них кредитовалось до 45% самостоятельного сельскохозяйственного населения страны. Это было результатом буржуазного переустройства деревни¹⁴.

Наряду с потребительской и кредитной кооперацией значительное распространение получила производственная, особенно маслодельческая, мукомольная и другие, а льноводческая заняла ведущее место в своей отрасли. Различные типы кооперативов, в том числе самые многочисленные – кредитные и потребительские, создавали склады проката сельскохозяйственных машин, случные пункты для улучшения пород скота, семеноводческие лаборатории, строили мельницы, сахарные, кирпичные и другие заводы. Возникли товарищества по машинной обработке земли. С 1906 г. создание кооперативов резко увеличилось: в начале XX в. в год появлялось по 240 кооперативов, в 1906–1914 гг. – по 3 тыс. и более. Обследования тех лет показали, что вышедшие из общины и землеустроенные хозяйства более активно создавали кооперативы и участвовали в них¹⁵.

Кооперативное строительство на селе в 1900–1917 гг. накопило огромный положительный опыт, который может быть использован в настоящее время. Различные типы кооперативов в деревне могут объединить производство, переработку и сбыт продукции, концентрировать машинную обработку земли и т.п. Дореволюционные демократические кооперативы по уставу тратили часть средств на культурно-просветительскую работу, обязывались выпускать продукцию высокого качества, торговать по среднерыночным ценам, без спекуляции, все вопросы решать на общих собраниях. Подобные кооперативы имеются в ФРГ, Италии, Канаде, США и других странах. Международные кредитные банки предоставляют кредиты кооперациям на более льготных условиях, чем частные банки.

Бурное развитие сельской кооперации в 1906–1917 гг. было свидетельством подъема крестьянского хозяйства на более высокий производственный, организационный и культурный уровень. В годы реформы увеличились темпы роста сельскохозяйственного производства. Зажиточные крестьяне стали широко покупать улучшенные машины и орудия. Их суммарное производство и ввоз увеличились с 38,6 млн руб. в 1906 г., до 131,1 млн руб. в 1912 г., или в 3,4 раза всего за 6 лет. Среднегодовые сборы хлебов на душу населения выросли с 400 кг в 1901–1905 гг. до 450 кг – в 1906–1910 гг. Чистая урожайность (за вычетом семян) с 1890–1900 по 1901–1910 гг. на крестьянских наделных землях поднялась с 49 до 53 пудов с десятины (валовой урожай 8,5 ц с 1 га)¹⁶.

¹⁴ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988. С. 155–156.

¹⁵ См.: Шагин Э.М. Указ соч. С. 137–138.

¹⁶ Кауфман А.А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1918. С. 265.

По данным Н.Д. Кондратьева, среднегодовые валовые сборы хлебов и картофеля составляли в России в 1901–1905 гг. 5461 тыс. пудов, а в 1909–1913 гг. – 6770 тыс. пудов (рост 19%), в том числе в Европейской России за последний период было собрано 6066 тыс. пудов, или 89,5% от общеимперского¹⁷.

Рост производства в общинных губерниях был несколько медленнее. В 1909–1913 гг. избытки хлебов были в 14 губерниях с большим (Самарская, Саратовская, Тамбовская, Тульская, Воронежская, Пензенская, Симбирская, Курская) или меньшим (Рязанская, Орловская, Вятская) преобладанием великорусского населения и в 9 губерниях со значительным русским населением (Таврическая, Кубанская, Донская, Казанская, Уфимская и другие). Недостатки хлебов ощущались в 11 губерниях (Петербургской, Московской, Архангельской, Владимирской, Олонецкой, Тверской, Костромской, Астраханской, Новгородской, Нижегородской, Ярославской, Вологодской, Смоленской). К числу последних относились промышленные и северные губернии¹⁸. В них выходы из общин были незначительны. В целом Н.Д. Кондратьев считал, что перед войной в Европейской России был значительный избыток хлебов: товарный крестьянский хлеб в районах его избытков он определил в 1300 млн пудов¹⁹.

Роль отдельных социальных групп в сельскохозяйственном производстве пока исследована недостаточно. Примерный расчет академика В.С. Немчинова остается наиболее близким к действительности. По его данным из всего крестьянского хлеба (4,4 млн пуд.) кулаки в 1909–1913 гг. производили 1,9 млн пуд., или 43,2%, бедняки и середняки – 2,5 млн пуд., или 56,8%, а в общем хлебном балансе Европейской России помещики производили 12%, кулаки – 38% и бедняки с середняками – 50% хлеба. Товарный же хлеб распределялся так: помещики – 21, 6%, кулаки – 50%, остальные крестьяне – всего 28,4%²⁰.

Данные Немчинова показывают, что развитие зажиточных крестьянских хозяйств сделало значительный шаг вперед, что было одной из целей столыпинской аграрной реформы.

По исчислению комиссии С.Н. Прокоповича, с 1900 по 1913 гг. доход от зерновых и технических культур возрос с 1,7 до 3,4 млрд руб., т.е. вдвое. Доход на душу сельского населения увеличился за эти годы с 30 до 43 руб., а чистый доход (за вычетом налогов и платежей) с 22 до 33 руб. При общем росте национального дохода в 1900–1913 гг. на 79,4%, в сельском хозяйстве прирост составил 88,5%, а в промышленности – 83%²¹.

Таким образом, материалы монографии и приведенные в заключении общие данные свидетельствуют, что начавшееся *обновление крестьянского социально-экономического строя* (термин П.А. Столыпина) дало существенный положительный сдвиг в развитии сельского хозяйства и улучшении положения крестьянства. Наиболее ярким доказательством стремления крестьян избавиться от мелкополосицы, многополосицы, чересполо-

¹⁷ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 91–92.

¹⁸ Там же. С. 95–96.

¹⁹ Там же. С. 99.

²⁰ Немчинов В.С. Сельскохозяйственная статистика с основами теории. М., 1945. С. 34.

²¹ Прокопович С.Н. Опыт исчисления народного дохода по 50 губерниям Европейской России в 1900–1913 гг. М., 1918. С. 65–67.

сицы, дальнеземелья и многочисленных межей служит подача заявлений от 6,2 млн дворов (еще раз подчеркнем: от 2/3 общинников!) с просьбой провести землеустройство. За 8 лет было утверждено 2286 тыс. землеустроительных проектов, т.е. 37% всего числа заявителей и еще около 17% были отграничены на местности, но не получили соответствующих планов и документов. Такой ход землеустроительных работ позволяет сделать вывод, что за следующие 20–25 лет все подавшие заявления были бы землеустроены, хотя количество заявлений увеличилось с каждым годом.

В великорусских губерниях Европейской России было землеустроено с утверждением проектов 1528 тыс. дворов (66,8% всех проектов) и более 100 тыс. домохозяев-великороссов было землеустроено в Новороссии (вместе с малороссийскими крестьянами там было утверждено 277 тыс. проектов или 12% от общего числа). В Центральной России на первом месте шли Средневолжский (462 тыс. домохозяев), Центрально-Земледельческий (372 тыс.) и Центрально-Промышленный (363 тыс.) районы. По проценту землеустроенных дворов на первом месте был Центрально-промышленный – 22,6%, затем Средневолжский – 20,3%, а в Центрально-Земледельческом было охвачено 16,5% дворов. Высоким был процент землеустроенных дворов в Приозерном регионе – 18,2%. В среднем же по Европейской России землеустройство было завершено в 15,6% дворов²².

Несмотря на некоторые успехи в развитии крестьянского хозяйства Центра, отставание в экономическом положении деревни этого региона, где было сосредоточено основное великорусское население, оставалось, о чем свидетельствуют вышеприведенные данные. Поэтому решение VIII съезда ВКП(б) о признании великороссов “бывшей угнетающей нацией” было совершенно несправедливым и неоправданным. Между тем на основе этих решений многие тысячи сел с великорусским населением, целые волости и уезды были включены в состав национальных и автономных республик, краев и областей. Во всех автономных образованиях (и даже в союзной Казахской ССР) русские составили большинство. Поэтому было принято решение о проведении в них политики “коренизации”, на основе которой на все руководящие посты в партийных, советских органах и учреждениях должны были назначаться представители коренной национальности.

Одним из возражений против положительной оценки столыпинской аграрной реформы часто приводят утверждение о том, что это был не самый лучший путь решения аграрного вопроса в России, что лучше было бы передать всю землю крестьянам или провести предложение Кутлера – Витте о передаче за выкуп части помещичьих земель (сверх установленной нормы) бедным хозяевам. Рассуждений по этому поводу приводилось очень много. В обстановке осени 1905 г. проект Кутлера мог быть временной отсрочкой, но затем в более спокойное время от него отказались, так как не было денег на выкуп этих “излишков”. Программа передачи всех земель была проведена после 1917 г. Прибавка земли оказалось много меньше, чем рассчитал В.И. Ленин в работе “Аграрный вопрос в России к концу XIX в.” Он насчитал 12,5 млн крестьянских дворов, которые имели землю, а в деревне было 17,5 млн семей. После 1917 г. многие семьи разделились, и их стало 25 млн. Ликвидация помещичьих и крупных част-

²² Дубровский С.М. Указ соч. С. 247. Табл. 32.

новладельческих хозяйств привела к снижению средней урожайности, разгрому многих передовых экономий и т.п. Временный эффект, несомненно, был получен, но затем пришлось проводить коллективизацию, последствия которой известны.

Столыпинская аграрная реформа в условиях некоторого покоя – внутреннего и внешнего, как показал опыт ее проведения в течение очень короткого исторического периода (всего 8 лет), могла решить проблему перестройки крестьянского хозяйства. Сейчас модно называть эти хозяйства фермерскими, но развитие российской деревни шло несколько иным путем, имело свои особенности. В их числе – совершенно четко проявившееся в 1906–1914 гг. стремление крестьян сохранить деревню, деревенский образ жизни, продолжить развивать хозяйства вокруг деревни с разными формами собственности – личной и групповой (общинной). Правительство же проводило очень четко и настойчиво политику сохранения всех бывших наделных земель в руках крестьянства, в руках тех, кто их обрабатывает. Поэтому личная собственность русских крестьян отличалась от частной собственности крестьян в других передовых странах, хотя в России сохранялась частнособственническая земля и крестьяне покупали ее очень активно. В Сибири же старожилы и переселенцы получали землю в вечно-арендное пользование с уплатой налогов, а после 1910 г. готовилось введение частной собственности. Так что формы собственности были в России самыми разнообразными, что отнюдь не мешало развитию крестьянских хозяйств.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	7
Глава I. ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ ВЕЛИКОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА.....	32
Изменение численности крестьянства в 1897–1917 гг.	33
Основные особенности размещения сельского населения и его изменение в 1897–1917 гг.	36
Великорусское население Европейской России.....	43
Проблема аграрного перенаселения в Центре России.....	50
Русское население Сибири, Степного края и Туркестана.....	56
Глава II. КРЕСТЬЯНЕ И ЗЕМЛЯ.....	61
Постановка проблемы.....	61
Малоземелье крестьян: относительное и абсолютное	63
Сколько нужно было земли для прожиточного минимума?.....	65
“У нас родит не земля, а небо”: влияние природно-климатических условий на земледелие.....	70
Распределение земельного фонда Европейской России	74
Земельная частная собственность великорусских крестьян	80
Земельная аренда	83
О роли отработок в России.....	93
Земельный фонд окраин.....	113
Глава III. СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА	124
К постановке проблемы.....	124
Историографические замечания.....	126
Проект реформы Мигулина–Кутлера: что бы он мог дать?.....	148
Почему “стольпинская”?	158
Русская община накануне реформы.....	169
Образ жизни крестьянства в общинной деревне.....	177
Русская община в период проведения реформы.....	187
Землеустройство крестьянских хозяйств в 1906–1916 гг.	197
Оказание государственной помощи крестьянам в период реформы.....	211
Глава IV. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЗА УРАЛ (историографические заметки).....	221
Переселенческая политика царизма	223
Организация переезда переселенцев.....	240
Количество переселенцев	249
Подготовка колонизационного фонда за Уралом	256
Водворение переселенцев по районам.....	263
Устройство переселенцев на местах поселения	269
Денежные ссуды переселенцам.....	272
Деятельность складов сельскохозяйственных орудий	275
Экономическое положение переселенцев за Уралом	279
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	293

